Айя Субботина
Черный ангел
Эльхайма

Annotation

Потерять себя — и найти снова. Бежать от прошлого — и столкнуться с ним лицом к лицу. Найти друзей — и остаться одной среди врагов. Узнать, что новый дом хранит куда более опасные секреты, чем ты сама. Быть простокровкой — и стать нильфешни, сосудом, в котором заключена сущность проклятокровных и небеснорожденных. Стать древним проклятием, рождение которого предсказано сотни лет назад. Принять свою участь — или до последнего вздоха выгрызать у пророчества право на собственный путь. Отыскать правду — и не сломаться, заглянув ей в глаза.

Черный ангел Эльхайма
Айя Субботина

Глава первая

— Марори! Марори, открой глаза!

Она медленно, ощущая почти болезненную тяжесть, разлепила веки. В голове гудело так сильно, что не сразу и поймешь, откуда взялся противный запах гари и паленой кожи.

— Ты в порядке?

Чьи-то пальцы вцепились ей в плечо, сжали достаточно сильно, чтобы она не оставила жест без внимания.

— Да, кажется.

Стило в голове немного прояснится, вонь стала настолько нестерпимой, что Марори пришлось закрыть нос рукавом. Она моргнула несколько раз, окончательно разгоняя серую пелену перед глазами. Что-то неимоверно сильно гудело. Непонятно, где — сразу всюду.

Марроу стоял перед ней на одном колене. Одной рукой держал ее за плечо, в другой лежал пистолет.

— Почему я… — «Лежу» хотела спросить она, но в этот момент громкий женский крик пронзил странный гул, а следом грянул взрыв.

Марроу громко выругался и упал на нее. Обоих буквально вышвырнуло в узкий коридор. Марори едва успела среагировать, чтобы одновременно и сгруппироваться, и выдержать вес его совсем нелегкого тела. Пальцы утонули во влажном липком пятне его рубашки где-то в районе живота. Эрэлим болезненно охнул за секунду до того, как им на голову посыпались яркие искры. Справа что-то лязгнуло, щелкнуло — и рядом с ними, всего в полуметре, упал вывороченный прямо с болтами диван спального купе.

Марори зажмурилась.

«Нужно успокоиться. Сосчитать до трех. Ну же. Раз… Два…»

Они почти подъезжали к Эльхайму, когда вагон внезапно круто развернуло, словно он был всего лишь игрушкой в руках энергичного ребенка. Марори помнила оглушающий скрежет, вслед за которым вагон покатился кубарем. Небо и земля так часто менялись местами, что в конце концов она просто перестала понимать, что происходит. Отчаянные попытки ухватиться хоть за что-то с треском провалились. Кажется, Марроу, которого приставили ее личным надзирателем, что-то кричал и протягивал руку. Она даже попыталась принять его помощь, но в тот момент, когда их пальцы соприкоснулись, что-то увесистое протаранило ее затылок и в сознании растеклась вязкая непроницаемая тьма.

Еще один взрыв заставил Марроу еще сильнее вдавить ее в пол. Он приподнялся на руках, одновременно шаря взглядом вокруг себя.

— Ты ранен, — охнула Марори, когда эрэлим отодвинулся достаточно, чтобы стало видно внушительное алое пятно на его еще совсем недавно безупречно белом свитере.

— Фигня, — отмахнулся он. — Нужно выбираться отсюда.

— Не думала, что скажу это, но я полностью с тобой согласна.

Он нашел секунду на насмешливый взгляд.

— Я все еще тебя ненавижу, — огрызнулась она, одновременно пытаясь выбраться из-под него.

— Успокойся, нильфешни, я просто забочусь о тебе. — Марроу поморщился, сел. — Идти сможешь?

— Не узнаю, пока не попробую.

Он поднялся, протянул ладонь и одним рывком поднял ее на ноги. Марори зашаталась, но устояла. Болело, казалось, все. Каждый кусочек тела требовал заботы и лечения. Даже костяшки пальцев оказались содраны, будто она поучаствовала в уличной драке.

Вид вагона, скомканного, словно пластиковый стаканчик, окатил желудок холодом. Она сглотнула, когда увидела россыпь корявых стальных фрагментов неподалеку от того места, где мгновение назад была ее собственная голова. Еще бы немного в сторону…

— Пойдем, — сказал эрелим и потянул ее за руку.

Марроу хоть и храбрился, но прижимал ладонь к раненому боку и его заметно шатало из стороны в сторону. И все же из окна он выпрыгнул легко, затем развернулся, поднял руки, приглашая то же самое проделать спутницу.

Она не без труда, но последовала за ним и не смогла сдержать вздох, когда реальность снаружи показала себя во всей красе.

Прямо по ту сторону вагона лежало раздавленное тело. Его накрыло чем-то вроде огромного радиатора, под которым скрылись ноги несчастного. На земле еще виднелись борозды от пальцев — какое-то время человек пытался выбраться, цепляясь за скудную травы и грунт, но все тщетно.

— Не смотри по сторонам, — приказал Марроу и поволок ее за собой.

Она честно старалась не смотреть, но как можно не замечать разбросанные повсюду, словно игрушечные солдатики, человеческие тела? Мужчины, женщины… Старики и совсем юные. Вагоны, как будто звенья цепочки, лежали в странном подобии полукруга и, пожалуй, это было единственным проявлением порядка в царящей вакханалии.

В сознание Марори стремительно вторгались все новые фрагменты случившегося: столбы черного дыма, крики о помощи, рык и странная невидимая возня, которую она ощущала где-то на уровне затылка. Как будто кто-то сверху уже приговорил их всех, но в своей изощренной пытке не забрал последнюю надежду на спасение.

— Мы должны помочь им. — Марори попыталась остановится, но это привело к тому, что Марроу ускорил шаг. Фактически, он волок ее следом, лавируя между телами, обломками и огромными провалами в земле. — Некоторым еще можно помочь!

Разломы… Откуда?! Марори скосила взгляд — создавалось ощущение, будто землю здесь сильно натянули и в некоторых местах та попросту не выдержала, порвалась. Над провалами поднимался едва заметный пар.

— Твоя коса в багажном вагоне, — не поворачивая головы, бросил Марроу. — Это ведь тамаката, да? А, проклятье! Если кто-то возьмет ее в руки — вся эта хрень вокруг покажется просто цветочками.

Марори уже открыла рот, чтобы от души выругать дурацкие порядки, по которым ее вынудили сдать оружие в багажный отдел «под ключ», но ее непроизнесенные слова оборвал резкий толчок в ноги. Она попыталась удержать равновесие, но земля раскололась прямо под ней. Секунда — и она уже летела в пурпурную пульсирующую пропасть.

Эрэлим удержал ее. Правда, на ногах не устоял и упал на самый край.

— Не отпускай мою руку! — орал так громко, что из головы Марори разом выветрились все мысли, кроме одной: ни за что на свете не разжимать пальцы. — Я тебя вытащу!

Жар лизнул ей ноги. Марори попыталась подтянутся, собраться с силами и попытаться упереть ноги в стену, но с ужасом поняла, что любое барахтанье приводит лишь к тому, что ее ладонь неумолимо выскальзывает их хватки Марроу. Тот, сцепив зубы, с рыком тащил свою ношу наверх.

«Сатис! Сатис, где ты?!»

Пустота отозвалась глухой безжизненной тишиной.

Темные и Светлые, что тут творится?!

— Марори, подтягивайся! Ну же!

Она пыталась изо всех сил, но чем больше барахталась, тем быстрее рука выскальзывала из хватки Марроу. Эрэлим рычал, но продолжал упираться неизбежному. Горячее пурпурное сияние беспощадно обнимало Марори, она едва сдерживалась, чтобы не закричать. Но терпение мгновенно растворилось, стоило терзающей стихии прикоснуться к ее крыльям. Боль была настолько сильной, что в голове разом помутилось. Ее будто с головой макнули в чистую агонию.

— Проклятие Светлых! — Марроу выругался и сделал последний, самый отчаянный рывок.

Марори не сразу поняла, что произошло. Ее словно подбросило в воздух и через секунду беспощадно метнуло в грязную жижу талого снега. Удар был таким сильным, что перед глазами запульсировали алые всполохи. Она повертела головой, но это лишь усугубило дело.

— Вставайте, быстро!

Голос раздался как будто отовсюду сразу. Резкий и грубый голос, как будто говорящему не было знакомо ни одно теплое чувство. Марори даже отшатнулась, когда он загородил ей свет.

— Нот, никогда не думал, что скажу это, но я рад, что ты здесь, — с облегчением выдохнул Марроу.

— Никогда не думал, что мне придется вытаскивать из пекла твою задницу, — рыкнул в ответ собеседник. — Почему там, где ты, вечно случается всякая херня?

— В этот раз я точно ни при чем.

Марори очень хотелось отмахнуться от помощи Марроу, но она знала, что самой ей ни за что не подняться. Кроме того, именно он только что не дал ей рухнуть в провал и, выходит, спас жизнь.

Эрэлим поставил ее на ноги, нахмурившись, заглянул в лицо.

Что с ним не так?

— Я в порядке, — попыталась отмахнуться Марори, краем глаза изучая третьего в их компании, того, чье имя было «Нот».

Он был высоким, даже выше Марроу. Грубое жесткое лицо с кривым шрамом поперек левой брови и до самой щеки. Просто удивительно, как после такого уцелел сам глаз. Но это было просто ерундой по сравнению с остальными «странностями» этого спектра — расу выдавали яркие, словно подсвеченные изнутри глаза, которые даже за это короткое времена успели трижды сменить цвет.

Плотная куртка спектра пришла в негодность и сейчас он остервенело срывал с себя остатки тряпья, под которым не оказалось ничего. Сквозь его кожу, словно шипы или диковинные наросты, то тут, то там торчали обломки черного и гладкого… камня? И Марори совершенно точно знала, что у спектров нет ничего подобного.

Заметив, что стал объектом ее пристального внимания, парень нахмурился и крепче сжал пальцы на рукояти клинка. Такого же необычного, как и его хозяин: длинного, темно-серого, украшенного гравировкой из беспорядочного набора засечек. Но самое главное — каким-то уж очень технологичным, будто его не выковали, а собрали из многих частей, как конструктор, который, при желании владельца, вполне может изменить свою геометрию.

Казалось, меч выудили откуда-то из научно-фантастического романа далекого будущего, из разряда тех, где живые существа запросто путешествуют от звезды к звезде.

— Откуда ты здесь? — спросил Марроу, как только убедился, что его подопечная цела.

Спектр молча кивнул за спину, продолжая изучать Марори с неприкрытым недоверием.

Послышался приближающийся гул. Марори опасливо посмотрела в небо и увидела несколько вертолетов. Создавая вокруг себя чудовищные завихрения, машины одна за другой садились на свободные от обломков крушения места. Черные, нашпигованные какими-то бесчисленными устройствами и оружием, они походили на компактные оплоты борьбы со всем на свете.

— Хвала Светлым, — пробормотал Марроу. Кажется, она впервые видела эрэлима таким… почти счастливым. — Я был уверен, что…

В чем именно он был уверен, Марроу так и не успел сказать.

Их ощутимо тряхнуло. Марори невольно взмахнула руками, пытаясь сохранить равновесие и ее тут же перехватил спектр. Его ладонь буквально обжигала.

— Да какого же хрена?!

Нот потянул ее на себя, увлекая в сторону вертолетов, куда уже начали стягиваться остальные выжившие пассажиры. Их было совсем немного, по сравнению с тем, скольких Марори видела накануне во время посадки. Но ведь наверняка остались раненые. Наверняка кто-то не смог покинуть вагон, задавленный чем-то тяжелым или сильно покалеченный.

Земля расходилась по швам. Марори буквально слышала, как глубоко в ее недрах разрываются несуществующие внутренние органы, трещат от натуги сухожилия-корни, и как бешено колотится собственное сердце, будто знает, что биться ему осталось совсем недолго. Провалы расползались в стороны, словно трещины на скорлупе. Марори беззвучно выдохнула, когда сразу несколько провалов устремилось к ним.

Краем глаза она отметила, как из вертолетов начали выпрыгивать люди в синем. Но рассматривать их времени уже не было. Пришлось бежать изо всех сил, спотыкаться и падать, вставать — и снова бежать.

«Сатис! Ты мне нужен! Где ты?!»

На долю секунды ей почудилось, будто в грохоте творящейся вокруг вакханалии раздался далекий вой, полный отчаяния и злобы.

Не расслабляться! Не отвлекаться! Прыжок в сторону, почти остановиться, прыжок вперед, через пока еще неширокую расщелину, а теперь снова бежать.

Вертолеты все ближе.

А люди в синем будто прибыли из пекла и безумия ничуть не меньших, чем разворачивались вокруг: грязные и оборванные, со следами ожогов и кровоподтеками. На рваной ткани еще виднелись нашивки в виде двойных красных крыльев.

Прибывшие действовали слаженной командой, единым механизмом, в котором каждый винтик и каждая шестеренка знает, что делать. Абсолютно спокойно, без паники и суеты, будто у них под ногами не земля, готовая вот-вот развалиться на куски, а толстенная бетонная подушка. Марори хватило беглого взгляда, чтобы понять, кого она видит перед собой. И от этого понимания захватывало дух, какими бы нелепыми и не к месту не были сейчас эти эмоции.

Клинки — мастера Светлого плетения высшего порядка. Те, кто пожертвовал собой, чтобы впитать самую разрушительную первозданную сущность и стать ее частью. Они умели прикасаться к тому, что для других было таким же невидимым, но необходимым, как воздух.

Они прикасались к тому, из чего Светлые и Темные когда-то сотворили сам мир, — и платили за это право собственной жизнью.

Клинки выстроились в каком-то странном подобии упорядоченного хаоса, раскинули руки каждый на свой манер — и в воздухе между ними появилась пульсирующая голубая нить. Сперва тонкая и мягкая, будто намокшая паутина. Но она стремительно росла и крепла, буквально на глазах превращалась в широкую упругую ленту, а затем — в воронку, которая будто вкручивалась в саму ткань Мироздания. На дальнем ее узком конце вполне четко просматривались контуры белых каменных стен огромного замка, на крыше которого нелепо раскрылись «цветы» спутниковых антенн. Марори так часто смотрела на это здание, теша себя беспочвенными надеждами, что теперь без труда узнала даже по куцему огрызку сквозь призрачную дымку.

Эльхайм.

Ох, Светлые и Темные, это же самый настоящий портал. Не карманная игрушки вроде тех, которыми владел почти каждый дра'морец, даже самый бесталанный, а настоящее высшее мастерство, недоступное никому, кроме избранных.

— Уходите! — Нот остановился возле самого входа в портал, обернулся.

Между тем, несколько десятков военных уже исследовали место крушения, вытаскивая из-под обломков тех, кого еще можно было спасти. Всех выживших сразу отправляли через портал.

— Нет! — Марори встала, как вкопанная. Нет, она не перестала бояться провалиться черт знает куда. Напротив — ощущала внутри себя неясную нарастающую тревогу, будто перед встречей с кем-то важным, от чьего решения зависит собственная судьба. Никаких сомнений — все происходящее вокруг не что иное, как прорывающийся в реальности Разрыв. Вспоминая Шаэдиса-старшего, Марори нисколько бы не удивилась, окажись катастрофа поезда делом его рук. А если заявится собственной персоной? Крэйла рядом нет.

— Она у тебя дура? — спросил спектр, обращаясь к Марроу.

Мимо, опираясь на плечо военного, прошла молодая женщина с окровавленным лицом. Один ее глаз закрылся, на его месте образовалась огромная синеватая гематома, второй глаз казался налитым кровью пузырем. Видит ли она что?

— Энигма, — сказала Марори. — Я не могу оставить ее тут. Ты сам знаешь, что не могу, — повернулась к элериму.

— Знаю! — сквозь зубы процедил тот. — Нотхильдис, у нас действительно есть проблема. В багажном вагоне лежит тамаката. Будет плохо, если она попадет в чужие руки.

Лицо спектра вытянулось, но он быстро совладал с собой.

— Ее тамаката? — кивнул на Марори.

— Моя! — с вызовом заявила та.

— Охренеть! Куда этот мир катится? — Нот сокрушенно покачал головой. — Ладно, помогу вам. Из большого одолжения.

Наверное, они смотрелись странно — бегущие прочь от спасительного портала.

— Так откуда ты здесь? — спросил Марроу спектра.

— На той стороне еще три вертолета стоит. Мы только с задания — как раз закрывали Разрыв в соседнем городке, когда узнали о вас.

— Удачно закрыли?

— Конечно! — Нотхильдис резко подпрыгнул, без видимого труда перемахнул через широкий провал. — Запечатали к хренам собачьим! — прокричал уже в воздухе. — В

последнее время слишком часто все кругом рвется. У нас спецов не хватает везде успеть. Приходится кем-то жертвовать.

Марори внутренне поморщилась от услышанного, но решила за лучшее смолчать. В конце концов, она отлично помнила собственный недавний опыт по знакомству с итогами запущенного Разрыва. Одна серьезная схватка — и отключилась. И плевать, что на то была веская причина. Людям, которым они… она не смогла помочь, вряд ли есть до этого дело.

Между тем, дрожь под ногами вроде бы стихла, а провалы в земле прекратили расширяться. К этому времени троица почти достигла нужного вагона, найти его не составило труда, дело осталось ха малым — вскрыть замок и забрать Энигму. Ерунда, казалось бы, если б не бронированная дверь с секретным замком.

Нотхильдис выругался, с силой хватанул по двери ногой. Тяжелый сапог с глухим грохотом врезался в стальную преграду.

— И что?! — спросил он зло, исподлобья зыркнув на Марори.

Но та уже смотрела в сторону — туда, где в прозрачном воздухе стремительно сгущалось нечто темное, округлое, знакомое до боли в зубах.

— Я с тобой разговариваю! — Нот дернул Марори за плечо. — Не знаю, насколько важной ты себя чувствуешь, но… — он замолк на полуслове, затем сплюнул на землю. — Дождались, поздравляю. Надо отходить к стражам. Они опечатают это место. Будет вредно для здоровья оказаться в закрытой зоне.

Портала в Эльхайм больше не было. Видимо, спасательная вылазка не предполагала долгих поисков уцелевших. Клинки сместились, встав ровным кругом, в центре которого назревало золотистое свечение. Их прикрывали вооруженные бойцы. Вертолеты ожили, вероятно, готовясь спешно покинуть место катастрофы.

А Разрывы появлялись все новые — вспухали чернильными пятнами, разглаживались, натягивались подрагивающими зеркалами.

— Мы уходим! — твердо сказал эрэлим.

— Нет! — попыталась возразить Марори, понимая, что пытается ломиться в дверь, которую ей не открыть.

— Я отвечаю за твою безопасность. Все остальное, включая тамакату, вторично. Никто не доберется до нее после опечатывания.

— О, у одного из вас осталось немного мозгов? — усмехнулся Нотхильдис. — Все, ходу!

Марори рыскала глазами по треклятому вагону, пытаясь найти в нем хоть намек на возможность проникнуть внутрь. Насмешка судьбы — весь состав разбит и раскурочен, а единственный действительно важный для нее вагон лишь немного покорежило.

Далеко отойти они не успели. Поверхность одного из Разрывов вспучилась и исторгла из себя нечто бледное и скукоженное, закутанное в прозрачную слизистую пленку. Без промедления Марроу достал пистолет и дважды выстрелил в нечто. Но не попал. Точнее, пули угодили ровно в то место, куда вывалился пришелец из Хаоса, но самой твари там уже не было. Покачиваясь на нетвердых ногах, она стояла шагах в десяти в стороне. Щуплая и дрожащая, будто на сильном морозе, с белыми слипшимися волосами, падающими на лицо… лицо, на котором нет ни рта, ни носа. Взгляд твари был устремлен куда-то вниз, себе под ноги.

Марроу выстрелил снова — и снова промахнулся. На этот раз Марори успела рассмотреть смазанный контур — так быстро сместилась тварь из Хаоса. Сместилась и подняла взгляд. Дрожащая, вся в каких-то не то нарывах, не то болячках, она больше

походила на… зародыша или заготовку. Марори почувствовала, как спина покрывается мурашками, а желудок заворачивается узлом. На заготовку ее самой!

Очередная копия. Очередная «сестра».

Несколько секунд ничего не происходило, а затем (Марори могла поклясться, что в глазах создания мелькнули самодовольные искры) разом ожили все Разрывы.

«Сатис, Сатис…»

Тишина. Нет даже намека на ответ.

Никогда прежде Марори не доводилось попадать в серьезную перестрелку. Отдельные пистолетные выстрелы не шли ни в какое сравнение с тем безумием, которое навалилось на нее, когда огонь по тварям Хаоса открыли военные, охранявшие Белых стражей. Автоматические винтовки грохотали и плевались смертью, выкашивая голодных созданий, рвавшихся к вожделенному мясу.

Марроу было попытался увести подопечную с линии огня, но слишком много вокруг было Разрывов, слишком много тварей они исторгли из себя. Место недавней катастрофы, испещренное глубокими провалами, заполнилось завывающей и рычащей массой. Зубы, клыки, когти — смертоносный арсенал Хаоса, не знающий ни страха, ни жалости. И это было уже привычнее. Привычный адреналин в крови, привычная жажда крови, привычная ярость.

Рядом в схватку вступил Нотхильдис. Только что в его руке был один меч — ловкий поворот, щелчок — и оружие распалось надвое. С презрительной ухмылкой спектр отсек тонкие руки крылатой твари, что налетела на него сверху, пригнулся и полоснул противника снизу, вскрыв от шеи до промежности. Во все стороны брызнула черная вонючая кровь.

Марроу действовал с куда большим безразличием. Прикрыв собой Марори, отстреливался с двух рук. Разрывные пули сносили противникам головы, отрывали руки и ноги. А Марори все больше накрывала ярость. Она потеряла оружие, потеряла Сатиса, но не потеряла себя.

«Жарко! Как же жарко…»

Очередной выстрел почти отсек одну конечность Танату — твари, оснащенной вместо рук парой щупалец, каждая из которых венчалась длинной зазубренной иглой. Угловатый, покрытый плотной роговой чешуей, Танат взревел, замахнулся уцелевшей конечностью. Марори была быстрее — бросилась к нему, уцепилась за иглу на раненой щупальце и рванула, что было сил. Послышался хруст мышц и сухожилий — и Марори отлетела назад, грохнулась на задницу, сжимая в руках новообретенное оружие. Танат переключился на нее. Уцелевшая игла выстрелила на резко удлинившемся щупальце, оцарапала плечо, вонзилась в землю. Марори сорвалась с места и, не дав противнику опомниться, вонзила импровизированное копье ему в глаз с такой силой, что насквозь пробила шишковатый череп. Танат пошатнулся, но так и не сумел упасть назад, удерживаемый застрявшей в земле иглой. Потом его ноги подогнулись, Марори резко выдернула «копье» — и тварь рухнула мордой вперед.

Ей что-то прокричал Марроу, но она не разобрала слов. Ей было слишком жарко, она буквально сгорала изнутри, а потому рвалась в самую гущу, к самым клыкам. Реальность сдвинулась, подернулась алым. Звуки боя слились в единообразный тоскливый гул, в котором сознание вычленяло лишь необходимое, угрожающее жизни. Марори крутилась, точно волчок — мелкая и шустрая, она превосходила в скорости большую часть порождений Хаоса и отлично этим пользовалась.

Сама не заметила, как в пылу схватки снова выбралась к багажному вагону, бросила на него быстрый взгляд и будто очнулась, вынырнула из смертоубийственного танца. У вагона стояла «сестра» и явно пыталась его вскрыть. С ее дрожащих рук текло ослепительно-яркое пламя, плавящее металл.

«Энигма!»

Она пришла за Энигмой. И почти до нее добралась.

Марори зло усмехнулась. Нет — сестричка всего лишь послужила инструментом для вскрытия вагона. А теперь, когда выполнила свою часть дела, она больше не нужна. Не желая давать гостье из Хаоса лишнего шанса, Марори побежала к ней быстро и бесшумно, как могла. Впрочем, можно ли услышать торопливые шаги в реве сражения? Оказалось — можно. «Сестра» каким-то образом успела среагировать на стремительный выпад Марори. Отмахнулась, даже не повернув головы. Ее движения девушка даже не заметила. Что-то мелькнуло перед глазами — и ее толкнуло в грудь, отбросило далеко назад. Было почти не больно, скорее — неожиданно. И обидно. Какая-то недоделка — дохлая и безротая.

Сестричка развернулась к ней, а затем впилась ногтями в собственную руку, с кровью выдрала дрянь, которую Марори приняла за крупную болячку, бросила ее перед собой. Повторила экзекуцию. Пара «болячек» мгновение лежали без движения, а затем дрогнули, зашевелились, буквально на глазах превращаясь в нечто членистоногое, а затем опрометью бросились в разные стороны. Одну из них Марори проводила взглядом. Мелкая тварь шмыгнула между металлическими обломками поезда, ловко подпрыгнула и взгромоздилась на спину мертвого человека, чье тело наполовину свисало из разбитого окна соседнего вагона. Тонкие лапы вытянулись, превратились в жгуты, обхватили несчастного за шею и даже вроде бы проникли в тело. Мертвый человек вздрогнул, точно от удара электрическим током, закричал. На вымазанном кровью бледном лице застало выражение ужаса, затем рот исказился жестоким оскалом, глаза затянуло красным. Дальнейшую трансформацию Марори почти не застала — на нее с неба спикировала летающая тварь, полоснула когтями по спине и чуть было не опрокинула. Пришлось засунуть подальше неприязнь к «сестре» и обороняться. Происходящее с мертвым человеком видела обрывочно и единственное, что могла бы сказать наверняка, — он стал гораздо больше.

С летающей тварью расправился Марроу. Стреляя на бегу, эрэлим пробился к ней сквозь рычащее месиво — взъерошенный и окровавленный, в клочья разодранном свитере. Следом за ним неспешно шел Нотхильдис. На его лице застыла печать усталости, но на скорости, с какой он орудовал парой мечей, это, судя по всему, нисколько не сказывалось. Где-то дальше, за их спинами, мелькало что-то белое, очень похожее на крылья, но Марори больше не позволила себе отвлекаться. Она было снова бросилась к «сестре», но эрэлим перехватил ее.

— Ты что делаешь?! — он не скрывал негодования. — Совсем чокнулась?

— Энигма, — только и бросила девушка.

Дыра в багажном вагоне была уже достаточного размера, чтобы в нее можно протиснуться внутрь. И как раз этим собиралось заняться порождение Хаоса с лицом Марори.

Эрэлим выстрелил в тварь, сбил ее на землю.

«Сколько у него патронов?»

Громогласный рев заглушил вопль ярости сестрички. Мертвецы, чьими телами

завладели создания с ее тела, даже отдаленно больше не походили на людей. Огромные, под три метра ростом, твари напоминали белых горилл, если бы тех сплели из множества студенистых нитей, подрагивающих и дергающихся, будто бы в отрыве от остального тела. Волны судорог проходили по впалой груди и толстым конечностям — и все же создания двигались. И весьма проворно.

Новый приступ внутреннего жара накрыл Марори. Она ощущала себя мошкой, пытающейся уколоть слона. Достать до него не проблема, но толку от этих уколов? «Гориллы» же умудрялись прямо на ходу то отращивать новые конечности, то изменять уже имеющиеся. Подобные трансформации происходили за считанные секунды, и предвидеть их оказалось крайне непросто. Того и глядя буквально из ниоткуда возникнет целый ворох щупалец или несуществующая мгновение назад лапа попытается сграбастать железной хваткой.

Как же они не вовремя!

— Не пусти ее внутрь! — заорала Марори эрелиму. От его пальбы «гориллы» особенного дискомфорта не ощущали, продолжали переть, точно живые танки. А вот сестричку из Хаоса его пули потрепали знатно. И все же она не желал отступать, не желала подохнуть.

Жар!

Он разрывает изнутри. Туманит сознание.

Что это?

Марори не смогла сдержать крика боли. Не понимала, что происходит, едва стояла на ногах. Боль приходила волнами — и вот последняя буквально захлестнула, заставила выть. Ближайшая «горилла», обрадованная легкой добычей, развернулась целым веером щупалец, обрушилась на девчонку. А та уже не нашла в себе сил увернуться. Напротив, ждала удара. Торопила его. И когда щупальца, наконец, обвились вокруг нее, ударила в ответ. Без понятия, как это сделала — просто толкнула терзающий ее жар навстречу противнику.

И тот отпрянул. Взревел тонко и протяжно. А его плоть превращалась в тлеющие угли. Алеющая чернота быстро распространялась по студенистому телу — до самого конца, пока тварь не прекратила шевелиться.

Марори сидела и тяжело дышала. Ее будто опустошили. Сил не осталось никаких. Вот только сражение вокруг вовсе не прекратилось. Напротив — стало еще ожесточеннее. Девушке показалось, что автоматные выстрелы звучат уже гораздо реже, чем раньше, а порождений Хаоса стало даже больше.

Почему бездействуют Клинки?

Он снизошел с небес — рослый, с огромными некогда белоснежными крыльями, теперь забрызганными чужой кровью. Белокожий, со странными глазами, затянутыми молочной дымкой. Серафим! Наверняка именно его Марори мельком видела за спинами Марроу и Нотхильдиса.

Признаться, его величественность поражала. От серафима буквально веяло уверенной силой. И это несмотря на то, что одна его рука покоилась на перевязи, перебинтованная, в другой он держал двуручный меч того же странно-технологичного вида, что и у спектра.

— Поднимайся… — он протянул руку. Спокойный голос звучал глубоко, почти завораживающе.

Марори встала. Ноги все еще немного подрагивали, но недавняя слабость стремительно отступало. Тело вновь наполнялось энергией. Будто он вливал ее в нее одним своим

касанием.

— Ти’аль. Я слышал о тебе… — сказал он и выпустил ее руку, а затем резко взмыл в воздух, заложил крутую дугу и рухнул к земле, точно решил покончить с жизнью, но в последний момент раскинул крылья и полетел. Совсем низко, на бреющем. Мелких тварей Хаоса он просто отбрасывал, более крупных разил, точно косой. Направлялся он к уцелевшей «горилле», которую уже порядком потрепал Нот. Не долетев до цели с десяток метров, снова взвился и снова упал, на этот раз обрушился прямо на голову белой твари. Широкий клинок вошел по самую рукоять, брызнуло что-то вязкой, серое, с кровавыми прожилками. Прежде чем порождение Хаоса повалилось замертво, Ти’аль уже стоял возле него.

А потом случилось что-то страшное.

Вопль ярости, который издал Марроу, легко мог принадлежать оголодавшему созданию из Хаоса. Эрелим завис сантиметрах в двадцати над землей с раскинутыми в стороны руками. Его лицо исказилось невероятным напряжением, на шее и лбу вспухли вены — того и гляди не выдержат напора крови.

Марори сообразила быстро. Подхватив иглу, бросилась к багажному вагону. Именно там, широко расставив ноги, стояла сестричка из Хаоса. Тварь лишилась одной руки, получила несколько серьезных огнестрельных ранений в грудь и даже одно в голову, отчего часть черепа выглядела взорвавшимся изнутри гниловатым фруктом, но все равно жила. И даже умудрялась удерживать эрелима в чем-то вроде силового поля.

До нее добрались почти одновременно: Марори, Ти’аль и Нотхильдис. И тем совершили непростительную ошибку. Порождение Хаоса взмахнуло здоровой рукой — и земля перед ней вспучилась, взметнулась огненным фонтаном, а в лица противников ударило ослепляющей волной раскаленного пара. Марори успела только понять, что ее подняло куда-то очень высоко, а потом бросило, вколотило во что-то жесткое и рваное. Что-то скрежетнуло, мир перед глазами вздрогнул и померк. Впрочем, ненадолго. Девушка оперлась на руки, приподнялась. Единственный, кто устоял перед темным плетением, был серафим. Он наклонился вперед под напором бьющего в лицо алого пара, заслонил раненой рукой глаза и медленно шел к той твари, что уже давно должна была умереть.

Взмах тонкой руки, сжатые в кулак пальцы — и пар налился еще большими красками, превратился в пламя.

Марори закричала вместо сгорающего заживо серафима. Оперлась на иглу, неведомо как не потерянную во время падения. В спине что-то резко кольнуло, ноги почти онемели. Левая ступня подозрительно болталась, но боли в ней нет.

Белые крылья Ти’аля почернели в секунды, по ним, точно голодные змеи, пролегли огненные дорожки, вгрызающиеся глубже в оперение. Еще тлеющим пеплом разлеталось оно, подхваченное потоком раскаленного воздуха.

Марори чувствовала на щеках слезы. Она рыдала и не могла остановиться. Плелась, опираясь на иглу, и рыдала. А внутри снова разрастался жар.

«Почему он не сдается?»

Левая нога все же подвела. Марори упала на одно колено, до мяса вспорола ладони о зазубрены иглы. Встать уже не получилось. Но вспыхнувшая в руках боль будто опрокинула какие-то внутренние резервы с бушующем в них пламенем.

Она кричала, не в силах сдерживаться. Кричала и пыталась направить жар на ту, которую сейчас ненавидела всем сердцем. Порождение Хаоса, так похожее на нее лицом,

вспыхнуло белым пламенем и, будто истлевший лист бумаги, обратилась в пепел. Твари, что кольцом окружили источник безумствующей стихии, развернулись и бросились бежать. Но слишком поздно — выпущенная девушкой мощь настигала их и уничтожала за секунды. Но огонь подбирался и к Нотхильдису и Марроу, которые так же едва очнулись после падения. На Ти'аля Марори даже посмотреть боялась — тот валялся на выжженной земле искалеченным дымящимся месивом.

Она пыталась унять выпущенную мощь, пыталась погасить пламя, но ничего не могла поделать. Стихия вышла из-под контроля… да и не контролировала ее Марори с самого начала. Круг пламени сходился к своему эпицентру, сжимался.

Последнее, что увидела Марори — смотрящее на нее дуло одного из пистолетов эрэлима. Когда-то он уже хотел выстрелить в нее, но почему-то передумал. Когда-то, но не теперь.

Глава вторая

Первым, что она увидела, были вовсе не Небесные чертоги и не Пекло, какими их изображают в брошюрах и книгах об истории Мироздания. Перед взглядом висел самый что ни на есть нормальный телевизор с приличной диагональю, по которому как раз шел какой-то репортаж. Корреспондентка беззвучно открывала рот и отчаянно жестикулировала, то и дело обращая внимание на происходящее за ее спиной.

Марори несколько раз моргнула, повертела головой, чтобы окончательно убедиться, что действительно жива. Ничего и нигде не болело. Если бы не жуткая слабость во всем теле, она бы непременно ущипнула себя за нос, чтобы убедиться, что способность ощущать боль никуда не делась. Но даже руку поднять оказалось невыносимо тяжело. Как будто кто-то привязал к запястьямтяжеленые гири, и любая попытка одолеть их вес была заранее обречена на провал.

— Наконец-то очнулась, — раздался совсем рядом знакомый голос Марроу.

«Если я все-таки умерла, то точно оказалась в Пекле, иначе откуда тут взяться этому …»

— Вот проклятье, я тебе второй раз чуть не пристрелил, — продолжил эрэлим с некоторой досадой то ли на то, что все-таки не попал, то ли на то, что обстоятельства вынудили действовать именно так. — Прости. Не придумал другого способа, как тебя вырубить, пока ты к такой-то матери не превратила в пепел нас всех.

Марори сглотнула, повернула голову по направлению его голоса и вдруг осознала, что находится в комнате, смутно похожей на больничную палату. Разве что пахло здесь получше: какими-то сладко-душистыми цветами, а не приторными медикаментами. Что ж, теперь все встало на свои места. Она жива, и судя по тому, что чувствует себя более, чем хорошо, ее здоровьем занимались опытные медики.

— Что там? — Марори оставила его раскаяние без ответа. Куда большее ее волновало происходящее на экране телевизора. Потому что, хоть диктор и пейзаж казались вполне реальными, общий вид разрушенных домов и бесчисленны пожарищ скорее походил на сцену из блокбастера о конце света. В свете происходящего, такой вариант развития казался… пугающе реальным.

Марроу увеличил звук, покосился на дверь, но, к ее большому разочарованию, из палаты не вышел. Понимание того, что рядом, в стенах одного помещения находится человек, который уже дважды норовил ее пристрелить, действовало на нервы и мешало сосредоточиться.

— По нашей информации, в городах Сиггиль, Дорвен и Анард зафиксированы аномалии в Материи, — взволнованно, стараясь перекричать резкие порывы ветра и снежную бурю, рассказывала диктор. — Власти делают все возможное, чтобы блокировать самые сильные всплески, но пока их причина остается неизвестной. О информации из достоверных источников нам стало известно, Лига обратилась к Императору с требованием срочно ввести чрезвычайное положение и дать, наконец, «зеленый свет» для возобновления экстренных полномочий Дознавателей высшего ранга. Архилектор Эргал настаивает, что чем скорее будет решен вопрос о передаче экстренных полномочий Дознавателям, тем быстрее Лига сможет найти корень проблемы. В свете происходящего, подобные заявления…

Марроу выключил телевизор и нарочно убрал пульт на тумбочку, вне пределов досягаемости.

— Ты теперь всегда будешь делать то, что тебе вздумается? — стараясь оставаться спокойной, спросила она.

— Ничего нового они не скажут. Это все — чистая профанация, раздувание паники и расшатывание лодки, которая и так дала течь.

— А то, что среди студентов шпионы и ищейки — это как называется?

— Прежде всего, я — студент, — спокойно отреагировал на колкость эрэлим. — То, что у меня есть некоторые таланты не означает, что я вынюхиваю каждый скандал и выискиваю повод обвинить всех и вся во всем на свете.

— Не вижу разницы.

Он безразлично пожал плечами.

— Я буду присматривать за тобой, Марори, не потому что мне это офигеть, как нравится, и точно не из-за желания тебя защитить, а только потому, что ты — одно большое ходячее стихийное бедствие, которое нельзя оставить без присмотра. Потому что тебя, — он уткнулся взглядом ей в лицо, — невозможно предсказать. И потому что мне не нравится, что между тобой и Вандриком Шаэдисом существует какая-то связь.

Она собиралась сказать что-то в ответ. Что-то достаточно агрессивное и обидное, чтобы отбить у этого небеснорожденного индюка все желание и дальше над ней измываться. Но правда заключалась в том, что каждое его слово било точно в цель. И Флоранция, и Крэйл говорили то же самое, разве что другими словами.

— Ну и что теперь? — Марори уставилась на свои руки поверх одеяла. Почему-то пальцы казались слишком тонкими и хрупкими, особенно мизинцы. — Ты не можешь ходить за мной следом везде, ты же вроде как тоже… студент?

Он как будто собирался что-то ответить, но передумал. Только ухмыльнулся, явно давая понять, что и на этот вопрос у него припасен достойный ответ, но делиться им он пока не будет. Марори не стала настаивать, тем более, что их странный, почти бессмысленный диалог перебило внезапное появление Магистрессы Флоранции.

Марори ничего не могла поделать с тем, что каждый раз при виде этой женщины, ей невыносимо хочется любоваться ее белоснежными, идеальными крыльями. Но сегодня все было иначе. Потому что воспоминание о тлеющих перьях серафима вспыхнули в памяти с новой силой. А вслед за ними пришли воспоминания о том, что было дальше. Прошлое подкинуло грохот выстрела, толчок в плечо, который она почувствовала перед тем, как упасть навзничь в полной уверенности, что на этот раз действительно конец. Опираясь на самочувствие, Марори могла бы с уверенностью сказать, что какой бы серьезной ни была рана, обитатели Эльхайма сделали все, чтобы вся боль осталась лишь в воспоминаниях. Не зря же за ними закрепилась слава настоящих гениев медицинского искусства.

— Ты очнулась, нильфешни. — Флоранция не пыталась скрыть, что придирчиво изучает ее всю. — Я думала, твое выздоровление займет больше времени.

Помня предыдущие обмороки, Марори даже не стала спрашивать, на сколько дней затянулся этот.

— Где Энигма?

— Рада, что именно о ней ты спросила в первую очередь, — мягко улыбнулась Магистресса, затем выразительно посмотрела на Марроу, а следом — на дверь.

Эрэлим пытался сопротивляться, но сломался почти сразу и с коротким недовольным «Буду снаружи», вышел вон. Марори даже захотелось в кои-то веки позлорадствовать: второй раз умника вставляют вон несмотря на его «особенный статус».

Стоило Марроу выйти — и дышать стало легче. Буквально. Как будто вместе с собой парень утащил неподъемную гранитную плиту, под весом которой Марори разве что не задыхалась. Пользуясь передышкой, она с наслаждением вздохнула, почему-то уверенная, что в Эльхайме даже воздух имеет особенный вкус. Но нет — чуда не произошло, хотя источник сладкого аромата в стенах палаты обнаружил себя в виде вазы с целым набором экзотических для Дра'Мора и привычных для Эльхайма фруктов.

— Попробуй, тебе должно понравится. — Флоранция выудила из хлипкой горки ярко-желтое яблоко. — Мой любимый сорт.

Марори охотно согласилась, но чтобы донести яблоко до рта потребовалось попотеть. Сил хватило ровно на один укус, а потом рука с яблоком беспомощно упала на одеяло. Мякоть оказалась непривычного белого цвета с редкими красными прожилками.

— В самом деле вкусно, — согласилась она после пробы и облизнула сухие губы.

Флоранция тем временем успела расположиться на стуле справа от кровати. Удивительно, но одним своим видом эта женщина умудрялась выглядеть на фабричном табурете настоящей королевой на троне. Для полноты картины не хватало разве что армии архангелов.

— Надеюсь, после произошедшего, ты понимаешь, почему так важно было забрать тебя в Эльхайм. — Голос Флоранции круто превратился в холодную, не терпящую возражений сталь. — То, что с тобой произошло — ничего, пшик по сравнению с тем, что еще может случиться. Поверь человеку, который пережил подобное на собственной шкуре. Хотя, должна признать, ты просто уникальна. Твой потенциал… — Флоранция задумчиво повертела на пальце простое кольцо с крохотным синим камешком. — Я была уверена, что понимаю, с чем придется столкнуться, но демонстрация твоего светлого дара пошатнула мою уверенность. Точнее говоря, разрушила ее до основания.

— Потому что я не человек.

— Разве? По-моему, ты очень милая девушка с добрым сердцем и невыносимо-упрямым характером. — Флоранция немного смягчилась. — Даже Крэйла перещеголяла, а уж этот мальчишка просто невыносимый осел, если дело касается чего-то, что он вбил себе в голову.

Упоминание Крэйла заставило Марори непроизвольно всхлипнуть, что не укрылось от внимания Магистрессы. Ну и пусть. Марори догадывалась, что будет скучать, но лишь разлука — пусть и всего в несколько дней — показала, какой сильной в действительности будет эта тоска. Странно, учитывая то, как в сущности мало они успели побыть «парочкой».

— Я постараюсь, чтобы твое пребывание в Эльхайме не прошло даром. Но без твоего желания ничего не получится.

— Не думайте, что мне до смерти хочется сделать что-то подобное … еще раз. Мне даже вспоминать это неприятно.

— Боюсь, Марори, одного твоего «не хочу» не достаточно.

— Я понимаю.

— Значит, вместе мы справимся.

— Что с тем парнем? — Марори сглотнула, отчаянно пытаясь вспомнить его имя. Оно почему-то напрочь выветрилось из памяти. — Он… поправится?

Выражение лица Флоранции предсказывало неприятный ответ. Но и не спросить было бы трусостью.

— Ти'аль сильно пострадал, — не стала юлить Магистресса. — Пришлось принять экстренные меры, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. Реабилитация займет какое-

то время, но он идет на поправку. Хвала Светлым, этот серафим крепкий парень.

— А его крылья?

От одного упоминания о них, собственные призматические крылья за спиной болезненно заныли где-то в районе лопаток. Она пыталась вытравить глупую надежду, что рано или поздно, ей удастся стать собой прежней и вернуть, как бы нелепо это не звучало, своему телу прежний вид. Кто бы назвал ее умной за такие абсурдные желания? От ангельских крыльев отказываются только дураки. Ну и те, у кого от их тяжести который день ломит спину и плечи.

— Раз ты поступала в Эльхайм, то имеешь некоторое представлении о небснорожденных и особенностях их анатомии. И раз ты узнала в Ти'але серафима, то знаешь, какое место в их физиологии занимают крылья.

Марори кивнула. Для серафима крылья — все равно, что душа. Там сосредоточено все данное им от крови Светлых богов: сосредоточение мощи, связь с самым тончайшим Плетением, чувствительность к тому, что не дано увидеть другим небеснорожденным.

— Серафимы видят мир совершенно иначе, чем мы, — продолжила Флоранция. — Ощущают его по-другому. Без крыльев они слепы и глухи. Не в буквальном смысле, конечно. Ти'алю еще только предстоит научиться жить в новом для себя мире. И мне бы хотелось, чтобы ты поддержала его.

— Я? После того, как одна из моих клонов превратила его в обугленную головешку? Мне даже представить страшно, как он, должно быть, меня ненавидит.

На этот раз на лице Магистрессы появилось настоящее недоумение.

— В таком случае я настаиваю, чтобы ты поговорила с ним, — сказала она чуть погодя, так и не дав внятного объяснения своему непониманию. — Ради вас обоих. И раз уж мы уладили обыденные вопросы, а ты, как я вижу, хорошо себя чувствуешь, самое время уточнить некоторые детали. Например, о твоей необходимости утолять голод. Как велика твоя потребность?

— Я не знаю, — призналась Марори. — Я только раз пила кровь и не уверена, что она мне так уж необходима. В конце концов, крылья не делают меня ангелом, значит, и клыки могут быть простым… — На языке крутилось слово «атавизм», но она так и не решилась его произнести.

— О природе своих крыльев ты знаешь куда меньше меня, но и я знаю немного. На твоем месте я бы не торопилась с выводами. Ну а что касается голода… разве сейчас ты не прикована к постели, не имея к тому совершенно никаких физических предпосылок?

Так вот значит откуда эта слабость. Кончиком языка Марори уже привычно ощупала клыки, одновременно мысленно ругая себя за то, что это превратилось в дурную привычку. Раньше она просто надеялась, что они исчезнут, врастут обратно, каким бы глупым не было это желание. Но прошло совсем немного времени, и жадная потребность постоянно ощущать во рту клыки стала почти родной.

— Я не успела узнать о голоде, — призналась Марори. Попытка поднять руку или пошевелить ногой закончилась полным фиаско.

— Не буду врать и говорить, что эта твоя потребность не доставит мне хлопот, но я знала, на что шла. Полагаю, нам нужно найти подходящего донора хотя бы на какое-то время. Дамиан дал мне кое-какие инструкции.

Марори беззвучно выдохнула.

Магистресса говорила так обыденно, будто речь шла о замене утерянного мобильного

телефона.

— Но ведь поиски займут какое-то время, — сказала Марори. — А мне до смерти надоело валяться в постели. Если мне нужно как-то покорять свою светлую кровь, то чем раньше я начну — тем лучше.

— Мне нравится твой энтузиазм. Настоящий борец. — Флоранция грациозно поднялась, неуловимым движением расправила шелковые складки платья — оно выглядело слишком легким для этого времени года. — Я нашла несколько кандидатов. Дамиан сказал, что ты сама должна решить, какая… ммм… — Она даже не скрывала, насколько ей неприятна эта тема. — Вкус какой крови тебе больше подходит. Кажется, так это работает.

— Именно так. — Марори постеснялась признаться, что даже после нескольких месяцев в Дра'Море, будучи, формально, сестрой кровопийцы, до сих пор мало что знает о голоде, жажде и прочих особенностях клыкастых проклятокровных.

Она долго боролась с желанием спросить об эрэлиме, и оно, в конце концов, пересилило.

— Марроу теперь все время будет за мной следить?

Флоранция на мгновение нахмурилась, отчего на ее безупречно-красивом лице впервые проступила тонкая паутинка морщинок, разоблачающих ее истинный возраст.

— Боюсь, даже в стенах Эльхайма есть вещи, которые мне неподвластны. И я не настолько безумна, чтобы идти против подобных процессов, не имея даже пары достойных козырей в рукаве. Но я работаю в этом направлении — и терплю, и утешаю себя тем, что рано или поздно все встанет на свои места. Предлагаю воспользоваться моим рецептом и не провоцировать новый поток неприятностей. И у меня, и у тебя предостаточно более насущных проблем.

Магистресса вышла — и ее место тут же занял эрэлим. Он аккупировал освободившийся стул, сорвал ленту с оранжевого бумажного пакета, который принес с собой, и вынул целую пачку бумаг.

Марори встрепенулась, когда вспомнила о похожем пакете, который ей передал Крэйл. В голове вспыхнула неприятная вспышка боли, приправленная злостью на себя. Как она могла забыть, что среди ее вещей были важные документы о том, что она такое и откуда взялась.

— Мои вещи, — спросила девушка, одновременно ощущая новую волну слабости. Темные и Светлые, она даже не в состоянии сесть без посторонней помощи. Марроу окинул ее беглым взглядом, но не пошевелился — понятно, от него помощи не дождаться. — Что с моими вещами?

Марроу несколько минут просто изучал какой-то белоснежный бланк, украшенный неброскими перламутровыми вензелями. Очень знакомый бланк.

— Твои вещи в твоей комнате, — не отрываясь от чтения, ответил эрэлим. — Коса там же. На двери защитный глиф, если кто-то захочет войти без твоего разрешения или попытается взломать замок — будет много шума.

Марори перевела дух.

— Это документы о моем зачислении?

— Угу. — Марроу протянул бумагу, которую Марори с трудом смогла удержать в слабых пальцах. — Теперь ты официально студента Третьего Круга со специализацией Адепт Светлого плетения.

От неожиданности ей даже икнулось. Настолько сильно и громко, что на вечно кислой

физиономии эрэлима появилось что-то похожее на улыбку.

— У тебя большой потенциал, Марори.

— Мне уже сообщили. Вот только я Потрошитель — и мне нравится быть в первом ряду, а не в тылу.

При звуке слова «Потрошитель» Марроу заметно поморщился, но на этот раз обошелся без едкого замечания и дал своей «жертве» время прочитать написанные каллиграфичным почерком строки.

— Здесь перечень учебников, расписание, список всего, что пригодится для практических и теоретических занятий. — Пакет эрэлим положил на постель, достаточно близко, чтобы Марори до него дотянулась. — После обеда тебя покормят и выпишут.

Это «покормят» прозвучало так, будто речь шла о грязном тупом животном. Марори догадывалась, о какой кормежке идет речь и в таком случае реакция эрэлима была почти закономерной. Только легче от этого не становилось.

— Мы будем пересекаться на половине лекций. Еще тебе, Потрошительница, оставят достаточно времени на физическую подготовку и поддержку уже полученных навыков. Кроме того, ты записана на факультатив четыре дня в неделю. В выходные по двенадцать часов будешь заниматься с Мастером Темного плетения.

— Не знала…

Марроу не дал ей закончить.

— Это часть работы по развитию и контролю твоего потенциала, нильфешни, и если ты думала, что здесь тебя ждет сладкая жизнь, то ты глупее, чем я о тебе думаю.

Ей до смерти хотелось сказать, какой он придурок, и как мало, в сущности, знает о ней, но в этом не было смысла. Очевидно, Марроу просто озвучивал полученные указания. В данном случае и телевизор был бы лучшим собеседником. Поэтому она просто дала понять, что его слова услышаны и приняты к сведению.

— Когда я смогу ездить домой?

— Домой? — Эрэлим скрестил руки на груди, оценивая ее лицо так, будто выискивал, за что бы зацепится. — О каком доме идет речь?

— О доме Шаэдисов. — Произнести это вслух оказалось довольно сложно.

— Ты — студентка Эльхайма. И даже если бы не твой бесконтрольный талант и не тот факт, что за тобой кто только не охотиться, тебе нельзя покидать Эльхайм без особенного чрезвычайного разрешения. Таковы правила.

— Мне нужно это разрешение.

— Ну, ты вполне можешь его получить. — В его тоне прозвучала неприкрытая издевка. — Где-то месяц уйдет на подготовку всех документов, при условии, что они у тебя есть, Марори Шаэдис йор МиолМорна. Или все же Марори Миллс? Или Тринадцатая? И потом еще около трех месяцев — на то, чтобы получить разрешение. Хотя, между нами говоря, Лига приберет тебя к рукам намного раньше, чем соответствующая инстанция скажет тебе «да» или «нет». Потому что любая твоя возня — это плевок в спину тех, кто пытается спрятать тебя от этих упырей.

Она копила силы на ядовитую реплику в ответ, но их не хватило даже на то, чтобы сжать кулак.

— Я хочу увидеть список документов, шпион.

— Шпион? — Он улыбнулся, хотя Марори надеялась, что заденет его за живое. — Хорошо, Потрошительница, пусть я буду шпионом. Рано или поздно даже ты в состоянии

будешь понять, как плохо это слово отражает сущность организации, на которую я работаю.

— Список, — упрямо повторила она. — И если уж от тебя никак не избавиться, то сделай так, чтобы я тебя не видела и не слышала.

— Слушком много требований для человека, которому я спас жизнь.

Да, спас, когда не дал провалиться в трещину. И любому другому она была бы безоговорочно благодарна за своевременное вмешательство, но только не ему. Эрэлим вызывал стойкую неприязнь где-то на уровне мозжечка, и Марори не сомневалась, что дальше будет только хуже. Радовало то, что она будет избавлена от его общества хотя бы на время занятий. Некоторой их части.

— Тебе говорили, что ты выглядишь умнее, когда хмуришься и молчишь?

«Молчи, Марори, просто молчи — и ему будет не за что ухватиться».

Марроу выждал минуту, кивнул своим мыслям и включил телевизор. Он долго листал список каналов, выбирая тот, на котором не шли горячие репортажи с места трагических событий. Наконец остановился на музыкальном канале.

— Поспи. Говорят, так кровопийцам легче переносить голод.

— Говорят, что у эрэлимов пятая точка вместо головы, — буркнула Марори, но глаза все-таки закрыла.

Вот, значит, что чувствовал Крэйл, когда его посадили на вынужденную диету. Полная потеря контроля над телом — такими были ее собственные ощущения. Даже мысли в голове ворочались с трудом. То, что Крэйлу в таком состоянии удавалось энергично размахивать мечами и даже задать трепку Аситаро, казалось просто невероятным. Но ведь он — чистокровный шанатар, чья кровь берет начало от самого Темного. И его возможности больше, чем возможности девчонки, до сих пор не знающей, кто она такая.

Крэйл. Наверняка он волнуется. Или нет?

Она отшвырнула дурные мысли. Конечно, волнуется. Он не раз словом и делом доказал, что думает о ее безопасности даже в те моменты, когда она сама о ней забывает. Марори уже почти убедила себя переступить через гордость и попросить у эрэлима телефон, но спохватилась, что не помнит номер Крэйла. Всего десять цифр, сущая ерунда. Десять цифр номера ее… парня, а она не помнит ни одной. Оставалось надеяться, что Марроу не соврал и уже вечером она вырвется на свободу.

Вопреки твердой уверенности, что уснуть она не сможет, Марори быстро провалилась в сон без сновидений. И проснулась от того, что кто-то настойчиво пытался до нее докричаться. Сначала голос был тихим, далеким, как мираж, но чем больше она выныривала из дремоты, тем громче он становился. Кончилось тем, что она едва не взвыла от боли. Казалось, еще немного — и барабанные перепонки лопнут.

— Просыпайся, нильфешни, — раздраженно требовал Марроу. — Пора есть.

— Я… с трудом…

Она едва ворочала языком. Неба стали сухими и сморщенными, гортань словно уменьшилась вдвое, а собственное дыхание с противным свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы. Десна над клыками опухли и ныли от малейшего прикосновения. В ноздрях стоял сладкий запах крови Эашу, сознание живо отзывалось на него отголосками ни с чем не сравнимого ощущения проникновения клыков под кожу и сладкий вкус крови на языке.

Она судорожно сглотнула. Непонятная бесконтрольная паника сжала внутренности в ледяных тисках.

— Тихо, все хорошо, нильфешни. — Голос эрэлима стал неожиданно успокаивающим,

но пальцы на ее запястье сжались сильнее. — Это просто голод, сейчас будет легче.

«Откуда ты знаешь?!» — почти выкрикнула она, когда услышала властный женский голос.

— Успокойся, проклятокровная, иначе я вколю тебе такую дозу успокоительного, что после нее тебе и собственная моча покажется газировкой.

Марори не сразу удалось сфокусировать зрение на расплывчатом темном пятне, от которого исходила угроза. Постепенно из серой дымки проступили тонкие черты лица пожилой женщины с пытливыми темными глазами и скомканным ртом. Образ с полным отсутствием макияжа дополняла гладкая прическа с пучком. Белый халат и бейджик дали подсказку, кто она такая.

— Рада, что хотя бы часть мозгов у тебя работает, — бесцветным голосом сказала женщина.

Она пытливо посмотрела на эрэлима, потом перевела взгляд на дверь, но тот и не пошевелился. И Марори поняла, что почти готова отблагодарить его за это — незнакомка одним своим видом вселяла непонятную тревогу и желание отгородиться от нее несокрушимыми стенами. Это не ускользнуло от внимания эрэлима, потому что он ни с того, ни с сего уселся рядом на край постели, ни на секунду не выпуская ее запястье их своих пальцев.

— Я и с места не сдвинусь, — сказал спокойно и безразлично, — я отвечаю за нильфешни головой, а не вы.

— Самое глупое их решение. — Это «их» женщина выделила интонацией.

— Вы никогда не верили в мои таланты, дерра Аралет. Даже после того, как моя, как вы выразились, «сраная идея» сработала. Я думал, только дети не в состоянии признать свою вину и извиниться, но, похоже, ошибся.

Кем бы ни приходились друг другу эти двое, между ними явно чувствовалась накаленная вражда. В других обстоятельствах Марори воспользовалась бы обстоятельствами в свою пользу, но голод сокрушил ее единственной потребностью: здесь, сейчас, сделать хотя бы один глоток теплой крови. И чем дольше эти двое будут пикироваться, тем дольше затянется ее агония.

Чтобы обратить на себя внимание, девушка пошевелила рукой. Эрэлим тут же повернул голову.

— Сделай то, зачем пришла, дерра, наши разногласия могут подождать.

— Только не говори, что тебя вдруг стала беспокоить одна из болванок Шаэдиса, Марроу, потому что я обязательно упомяну об этом в своем рапорте. Ты слишком быстро и слишком высоко взлетел. Тем сокрушительнее будет падение.

— Просто. Делай. Свою. Работу.

Женщина подвинула к кровати медицинский столик, и Марори увидела несколько узких металлических колб. К каждой была прицеплена бирка с номером. Женщина сняла крышку с первой, засунула внутрь трубочку и брезгливо протянула Марори.

Первый глоток оказался… противным и горьким. Интуитивно она понимала, что хоть кровь до сих пор теплая, она все равно уже начала мертветь. Странное знание словно всплыло из глубин ее памяти, где ждало своего часа все семнадцать лет.

Ни слова ни говоря, Марори вернула колбу, а взамен получила следующую. Эта порция оказалась еще противнее, пришлось постараться, чтобы заставить себя протолкнуть в горло единственный глоток.

— Я бы с удовольствием понаблюдала, как ты будешь голодать пару недель кряду, — заметила женщина, предавая следующую колбу.

Марори предпочла промолчать.

В предпоследней колбе, седьмой по счету, оказалась настоящая амброзия. Сладко-терпкая, с каплей горчинки, как будто это и не кровь вовсе, а изысканный сорт шоколада. Марори жадно выпила все до дна, пока трубочка не втянула воздух. Кровь прокатилась по горлу, словно живительной влагой плеснули на иссушенную землю. Марори закрыла глаза, прислушиваясь к собственным ощущениям. Конечно, в сравнении с настоящим укусом — вонзающимися в плоть клыками, едва заметным звуком поддающейся под их натиском кожи — пить кровь через трубочку было… весьма странно. Но все же ее тело охотно отозвалось на желанное угощение. Что-то внутри встрепенулось, вспыхнуло, будто фейерверк посреди полной темноты и тишины.

Ох, Темные и Светлые, так вот, значит, каково на вкус блаженство.

— Я так понимаю, выбор она сделала, — сказал Марроу и теплота снова напрочь выветрилась из его голоса.

— Кто бы сомневался, что это будет его кровь. — Женщина сделала короткую запись в планшете, поднялась и укатила столик куда-то за пределы палаты.

Марори потребовалось время, чтобы привыкнуть к новым ощущениям. Даже после укуса Эашу она сомневалась, что когда-нибудь сможет привыкнуть пить кровь. Сама мысль о том, чтобы повторить подобное с незнакомым человеком вызывала отвращение к самой себе. Но то, что она чувствовала до сих пор, на отвращение походило меньше всего.

— Чья это кровь? — зачем-то спросила она, хотя именно в эту минуту ей было все равно.

— Нотхильдиса, — бросил через плечо Марроу. — В некотором роде он ведь тоже затронутый тьмой. Не удивительно, что именно его кровь пришлась тебе по вкусу. Проблема в том, что это Флоранция заставила его дать образец. Представить не могу, что должно случиться, чтобы он позволил тебе делать с ним эту мерзость и дальше. Так что хорошенько запомни этот вкус и ощущения от него, нильфешни, так как не поручусь, что ты когда-нибудь снова их ощутишь.

Нотхильдис. Парень со странными каменными шипами на теле, злой и неразговорчивый. Не считая странных глаз, в нем не было ровным счетом ничего, что бы отличало спектра от проклятокровных. Он ей сразу не понравился, и эта неприязнь оказалась взаимной.

— Эти штуки на его теле — они как-то связаны с тем, что его тронула тьма? — рискнула спросить она.

Эрэлим выудил из-под кровати спортивную сумку, выудил из нее и бросил в Марори ворохом одежды. Она сразу узнала собственные джинсы, свитер и куртку. Девушка хорошо помнила, что пакет с документами был запечатан, и она на всякий случай спрятала его на самое дно сумки. Если Марроу рылся в ее вещах — а, возможно, не он один — найти пакет не составило бы труда.

— Одевайся, нильфешни, я покажу тебе Эльхайм.

Он вышел.

Внезапный прилив бодрости был настолько сильным, что Марори буквально вылетела из постели. Казалось, дай ей еще пару глотков того сладкого адреналина — и она бы перевернула вверх тормашками весь мир. Крылья больше не казались непосильной ношей,

она почти не ощущала их вес.

На сборы ушло меньше минуты. Взъерошенные волосы Марори просто кое-как причесала пятерней. Перед кем тут красоваться? Да и не для того она сюда прибыла.

Марроу стоял за дверью, привалившись спиной к стене, и что-то энергично набирал в телефоне. Увидев свою «подопечную», сделал короткий приглашающий жест следовать за ним.

Сначала они шли по совершенно белому коридору, в котором было не протолкнуться от пациентов. Судя по их внешнему виду, все они были студентами Эльхайма. Ожоги, рваные раны, рассечения, переломы… Перед носом Марори возникла девушка с таким же, как у нее самой, призрачными крыльями, которая со слезами на глазах просила сдать кровь для кого-то по имени Аноль. Эрэлим аккуратно, но твердо отодвинул рыдающую девушку в сторону, взял спутницу за локоть и ускорил шаг. Марори была рада, что он разделяет ее желание покинуть это место как можно скорее.

Кабинка лифта оказалась глухой стальной коробкой, в которой они поднимались так долго, что Марори захотелось побродить из угла в угол, чтобы размять ноги — тело, переполненное энергией, требовало действий. Марроу воспользовался этим временем, чтобы снова уткнуться в телефон. При этом девушка ни на минуту не сомневалась, что эрэлим следит за каждым ее движением.

Когда кабинка наконец остановилась, они вышли в широкий короткий коридор, украшенный изящной витиеватой лепниной на потолке. Марори заворожено изучала переплетения диковинных лоз и цветов и не могла отделаться от мысли, что рисунок изменяется прямо у нее на глазах.

А когда они миновали коридор и оказались на небольшой округлой террасе — ее сердце глухо стукнулось в грудь и замерло от открывшегося взгляду великолепия. Она много раз видела Эльхам на открытках и в по телевизору новостях. В конце концов, она едва ли не до дыр засмотрела брошюру для поступающих и была уверена, что знает каждую башню, каждый стеклянный купол, каждый мост и арку.

Но действительность поразила ее своим безграничным величием.

Центром Эльхайму служила сверкающая на солнце восьмигранная башня, украшенная витражами, балконами, арками и террасами. Своеобразный брильянт в оправе, которой служили многочисленные мосты и переходы, с прилегающими к ним башнями поменьше, разбегающимися в стороны на подобие вершин многолучевой звезды. Марори помнила, что с высоты птичьего полета Эльхайм похож на драгоценную брошь в филигранной оправе: одновременно и хрупкий, и массивный.

— Это ведь стекло? — Она чувствовала жуткий стыд за то, что боится ступить на прозрачный шероховатый мост. Его ширины было достаточно, чтобы разминуться без труда двум грузовикам.

— Это асидиан, — Марроу наслаждался ее замешательством. — Скорее рухнет весь Дра’Мор, чем здесь появится хоть трещина.

Она перевела дух — и сделала первый шаг. Пыталась не смотреть вниз, но в итоге не удержалась. От осознания того, что под ее ногами сквозь стекло видны пушистые белоснежные облака, закружилась голова. Марори обеими руками вцепилась в перила, прошла мимо ухмыляющегося эрэлима, все время повторяя в голове бестолковую, но задорную детскую песенку про храброго воробья. Если бы ее видели Потрошители — подняли бы на смех. Все. И Крэйл первый, уж наверняка.

— Ты боишься высоты. — Марроу быстро нагнал ее, попытался перехватить за руку. Но Марори отодвинулась. Тот безразлично передернул плечами. — Чем раньше ты примешь, что мы теперь почти одно целое — тем лучше. Избавь нас обоих от необходимости постоянно ругаться. Или тебе больше по душе общение с той ненормальной каргой? Поверь мне на слово, будь ее воля — тебя бы упекли в лабораторию, как наиценнейший экспонат, и кормили кровью из шпица в вену, не расшаркиваясь на такие бесполезные детали, как твои личные вкусовые пристрастия.

Марори охотно верила, но помощь все равно не приняла.

Через мост они шли будто целую вечность. Марори так и не набралась смелости посмотреть по сторонам: как деревянная шагала ровно, глядя на маячившую впереди светло-голубую башню, из окон которой то тут, то там торчали массивные коробки кондиционеров. Марроу больше не порывался завязать разговор, и остаток пути они, к ее огромному облегчению, прошли молча. Марори не представляла, как смогла бы разговаривать с приступами тошноты у самого горла и беспокойно ворочающимся желудком. От них не спасал даже обжигающий морозный воздух и первый в этом году снег. Все же в способности питаться кровью есть большое преимущество — можно не опасаться все кругом забрызгать продуктами собственного пищеварения.

Когда они наконец вошли в распахнутый зев башни, Марори перевела дух.

— Тебе придется научиться справляться с этим, нильфешни.

— А если не научусь — меня выгонят?

— Отдадут Лиге, — с убийственной честностью ответил он.

— Я знаю, ты нарочно меня пугаешь.

— Конечно нарочно. Чтобы перестала думать, что ты какая-то особенная и потому за тебя встанут горой и Дра'Мор, и Эльхайм. Есть в этой жизни вещи, Марори, которые не в силах сломать ни Дамиан, ни Флоранция.

— Значит, их попробую сломать я, — улыбнулась она, именно в ту минуту понимая, что только что дала обещание себе самой. — Дра'Мор научил меня ломать то, что не дает идти дальше.

Эрэлим посмотрел на нее с недоверием и попросил идти за ним.

На этот раз они оказались в просторном светлом зале с раскидистой люстрой под высоким потолком. Стрелы солнечного света касались хрустальных капель, заставляя те сверкать, словно драгоценные камни. Здесь их поджидала рослая рыжая девушка с полупрозрачным нимбом над безумной прической из сотни косичек и хвостиков.

— Я думала, она будет выше, — не скрывая разочарования и продолжая разглядывая Марори с высоты своего роста, пробормотала девушка. Но тут же спохватилась и вполне дружелюбно протянула ладонь для рукопожатия: — Элна, староста Третьего круга Адептов плетения. Ты можешь обращаться ко мне со всеми вопросами, просьбами и пожеланиями.

— Марори… Шаэдис йор МиолМорна.

Глаза девушки медленно округлились, рот беззвучно открылся — и закрылся. Эрэлим скрипнул зубами.

— Ради Светлых, Элна, хватит! Будешь пускать слюни на Шаэдиса-младшего под одеялом и с детским маслом.

Та проигнорировала его замечание.

— Ты и есть сестра Крэйла?! Я не знала, что… Козявки Светлых, это просто невероятно! — Нимб над головой Элны стал ярче, разве что не сверкал, как гирлянда. —

Слушай, я организую интервью для «Метеорита». Воображаю, на что пойдет Санд, чтобы заполучить такой эксклюзив!

— Элна, мать твою, ты забыла, о чем мы говорили в кабинете Флоранции? — не выдержал Марроу.

— Одно маленькое короткое интервью, на полчаса. Две колонки на первой странице. Какой в этом криминал?

Следующие пару минут они пикировались словами, причем пальма первенства переходила то к одному, то к другому. В глазах Марори небеснорожденная заслуживала уважения хотя бы тем, что, не опускаясь до ругани и злости, умело давала эрэлиму отпор. Настолько, что тот распалялся все больше и больше, пока, наконец, не выругался от души. Элна не преминула прочитать мораль по поводу чистоты речи.

Пока они пикировались, Марори прошла вперед, изучая разветвленный длинный коридор, из которого доносился рев музыки, громкие голоса и смех. Увидев ее заинтересованность, Элна свела на нет перепалку с Марроу, поравнялась с новой студенткой, теперь уже приглядываясь к ней с любопытством.

— У нас в полном разгаре подготовка к Балу Равноденствия, — сказала она таким голосом, как будто речь шла о сложной задаче государственного уровня. — Но после всего, что сейчас творится, все мероприятия, скорее всего, зарежут на корню.

— Наверное, это правильно? — рискнула высказаться Марори.

— В некоторой степени да, — согласилась небеснорожденная, — но когда все вокруг катится в Хаос, то отвлечься на что-то хорошее было бы неплохо. Или у проклятокровных есть какие-то другие фишки, чтобы сбросить напряжение? — Она не стала дожидаться ответа, точнее говоря, даже не дала Марори шанс открыть рот: придвинулась почти вплотную и шепнула: — А правда, что у Крэйла есть пирсинг… там?

Такого вопроса Марори ожидала меньше всего.

— Ну… эммм…

— Про штангу в языке я знаю, — уточнила небеснорожденная, — но у нас тут ходят слухи, что в прошлом году, когда Дра'Мор принимал Бал Равнодействия, одна эльфийка затащила Шаэдиса в койку и…

Эрэлим грубо вторгся в их диалог, И Маори едва не расцеловала его за это своевременное появление. Слова Элны породили в воображении целую кучу образов, от которых никак нельзя было избавиться. Марори догадывалась, о каком пирсинге и месте его расположения идет речь, но обсуждать это в контексте прошлых похождений Крэйла не хотелось от слова «совсем».

Элна прижгла Марроу взглядом, потом собралась, поправила складки юбки.

— Пойдем, я покажу тебе комнату и расскажу, как обращаться с глифами, чтобы не устраивать переполох. Хотя, — она покачала головой, и буквально каждый хвостик и косичка в ее прическе закивали в такт, — каждый новичок обязательно устраивает переполохи. Желательно, чтобы их количество ограничивалось тремя.

Втроем они вошли в коридор. Здесь было достаточно тепло, и Марори сняла куртку.

В конце коридора они вошли в лифт — на этот раз кабинка была прозрачной, и похожей на оранжерею от количества благоухающих цветов.

— Твоя комната на пятом этаже. — Элна нажала на соответствующую кнопку. Когда кабинка тронулась, небеснорожденная указала на кнопку с буквой «С». — Это столовая. Завтрак с восьми до восьми тридцати, обед с часу до двух, ужин по обстоятельствам, но не

позже девяти. Деарра Орфала очень вкусно готовит, но терпеть не может, когда студенты заваливаются за пять минут до дедлайна. Так что лучше не опаздывать. Кроме того, это еще и страховка от того, чтобы не остаться голодной. — Тут Элна снова понизила голос. — А можно посмотреть твои клыки?

— Нельзя! — рявкнул эрэлим.

И Марори, просто чтобы сделать ему назло, демонстративно оскалилась. Элна даже пискнула от неожиданности. Она старалась скрыть отвращение, но Марори слишком часто видела похожее выражение на лицах драморцев, чтобы без труда угадать его клона на лице небеснорожденной. Разница была лишь в ее собственном отношении: теперь ее это почти не волновало.

— Это, — Элна показала на кнопку с буквой «Ч», — центр нашей социальной жизни эльхов. Комната отдыха, спортзал, комната для релакса. Когда пообживешься — устрою тебе экскурсию.

— Вряд ли у нее будет время валять дурака, — опять вмешался Марроу. — Кроме того, не думаю, что нильфешни так уж безопасно находиться в обществе небеснорожденных за пределами учебных аудиторий. По крайней мере в ближайшее время.

— Ох уж эта вечная потребность всех опекать, — поддела Элна.

Марори приготовилась выслушать новую порцию взаимных укоров, но лифт остановился и назревающий спор сошел на «нет».

Они прошли по коридору, заставленному скамейками, полками со всякой дребеденью и бесчисленными горшками с цветущими экзотическими растениями. Эрэлим ускорил шаг, когда из какой-то двери им навстречу высыпалась группа что-то энергично обсуждающих студентов.

— Эй, Элна, что это за чудо ты приволокла? — бросил кто-то из них.

— Это новенькая? — подхватил другой?

— Драморская коза? — перенял эстафету следующий.

— Не обращай на них внимания, — предложила Элна, одновременно заводя за спину руку с оттопыренным средним пальцем.

— Мне все равно, — почти убедительно соврала Марори.

Они дошли почти до самого конца коридора, остановились у двери с номером «549».

— Видишь? — Небеснорожденная провела ладонью над лакированной поверхностью деревянной двери. Под ее пальцами проявился едва заметный как будто слегка выпуклый контур замысловатого орнамента. — Это — охранный глиф. Никто кроме тебя и Хранителя ключей не сможет войти. Вот, — небеснорожденная протянула ей длинный массивный ключ с ушком в виде пары крыльев, — он связан с глифом твоей кровью. Дважды влево, раз вправо, до щелчка.

Марори вставила ключ в замочную скважину, повторила комбинацию. После щелчка тонкие блики глифа растворились. Марори оглянулась на своих сопровождающий, надеясь, что ее взгляд красноречивее незаданного вопроса: «Ну теперь-то вы оставите меня в покое?»

Небеснорожденная покосилась на Марроу, как будто ожидала его решения. Ох, Темные, куда еще эти «поборники справедливости из тени» успели запустить свои щупальца?

— Я еще с тобой не закончил. — Эрэлим бесцеремонно подтолкнул девушку переступить порог, ввалился следом, и ногой закрыл дверь прямо перед носом недовольной Элны. — Не вздумай давать никаких интервью кому бы то ни было. Последнее, что тебе сейчас нужно — повышенное внимание. Флоранция сделала все, чтобы твой … ммм…

перевод, прошел как можно незаметнее, но даже среди тех немногих людей, кому пришлось рассказать о нильфешни в стенах Эльхайма, удалось растрезвонить об этом едва ли не каждому второму.

Марори быстро осмотрела комнату. Небольшая, но достаточно грамотно обставленная, чтобы каждый кусочек пространства выполнял какую-то функцию: уголок-кровать, с откидной столешницей и бесконечным количеством полок и ящиков, платяной шкаф, пара полок под книги. Прямо напротив двери — огромное, в пол, витражное окно.

— Душ — там, — Марроу кивнул на дверь.

Марори оставила слова без внимания: уж что-что, а свою комнату она вполне в состоянии освоить сама, благо, она компактна и на все про все уйдет не больше десяти минут.

Энигма стояла в углу, в чехле, рядом с дорожной сумкой. Марори на всякий случай расчехлила косу: кровавый глаз в оголовье нервно вертел зрачком, а лезвие знакомо блеснуло алым.

— Уродство какое-то, — сказал эрэлим, возникнув рядом, будто приведение. — Такое чувство, что она на меня смотрит.

Марори быстро задернула замок, принялась за сумку. Странно, но вещи лежали именно так, как она их сложила. Порядком помятые, но без следов «взлома». По крайней мере, видимых на первый взгляд. Стараясь не привлекать внимания и вести себя естественно, запустила руку под стопку с одеждой — и беззвучно выдохнула. Пакет лежал там. Вскрытый или нет — еще предстояло выяснить. Но если ее вещи по какой-то причине не перерыли вверх дном, то уж она точно сама себя не выдаст.

— Ну и где вторая кровать? — стараясь придать тону оттенок иронии, спросила Марори, нарочно выразительно рассматривая каждый угол, — или ванна на самом деле замаскированный командный центр? Или как оно правильно называется в ваших шпионских играх?

— Моя комната через стенку, — спокойно отреагировал эрэлим, — я всегда буду рядом, хочешь ты того или нет. И когда Вандрик или кто-то из его лабораторных паразитов за тобой явится — их ждет теплый прием.

«Если бы ты видел то, что видела я, то не был таким храбрым и деловым», — про себя ответила она, а вслух сказала:

— Не мог бы ты теперь оставить меня одну, раз на горизонте пока никого?

Марроу бросил взгляд на часы.

— У тебя полчаса, чтобы переодеться.

— А что потом? — Она искренне надеялась, что на сегодня ее оставят в покое. Собиралась выяснить месторасположение ближайшей станции метро — и отправиться за покупками. Хотя бы телефона и ноутбука. Заодно и проверить, что за список на ее имя оставил Крэйл.

Эрэлим снисходительно хмыкнул, как будто она задала невозможно глупый вопрос.

— Мы пойдем делать то, что ты должна была сделать еще на Первом круге обучения, если бы поступала без «скачков» и без привилегий — попытаемся хотя бы в общем определить глубину твоего светлого потенциала и сделаем сигилы, чтобы ты могла его контролировать. И нужно что-то решить с твоей тварью из Хаоса.

— Что с Сатисом? — Еще одна непонятная неразрешенная загадка, которую Марори собиралась решить в самое ближайшее время.

— Эльхайм находится на территории небеснорожденных, твари из Хаоса могут лезть сюда только через Разрывы, но никак не по чьему-то зову. Я думал, ты в курсе.

— Я… — Марори облизала губы, пытаясь сфокусироваться на чем-то взглядом. — Он — мой фэлфаэр. Без него я буду … беспомощной.

Понимание этого всколыхнуло недавние события: крушение экспресса, собственную беспомощность, неспособность сориентироваться сразу. Она надеялась, что «глухота» Сатиса — какая-то временная заминка, что-то такое, что невозможно предугадать и на что не повлиять. Правда в том, что все ее общение с собственным фэлфаэром строилось на доверии и интуиции, а не на долгих месяцах тренировок, как это принято у других. И она так увлеклась тем, что Сатис принял эти правила игры, что даже не подумала о том, чтобы копнуть глубже. А вся теория в голове растворилась на фоне насущных и более агрессивных проблем.

«Ну и дура же ты!»

— Есть один способ, — нехотя, сжалившись над ее поникшим видом, бросил Марроу через плечо. Он подошел к двери, взялся за ручку, но выходить не торопился: — Если ты уверена в своем Порождении, нильфешни, и в том, что оно будет тебе подчиняться, то попробовать можно.

— Уверена, — твердо, не задумываясь ответила она.

— И в том, что сможешь убить его, если оно выйдет из-под контроля?

— Этого не будет.

— Все так говорят, нильфешни, и все ошибаются. Ты не первая проклятокровная здесь. И все до тебя, всегда, — он выделил слово интонацией, — либо убивали своих фэлфаэров, либо позволяли сделать это другим. Некоторые дохли раньше, чем успевали хотя бы попытаться напомнить, кто главный в связке. У Флоранции и Дамиана свои игры, в том числе и на запрещенной территории, но ясно одно: есть вещи, которые нельзя нарушить, не сломав хребет тому, что обрастало предрассудками триста лет. И чтобы ты там ни думала, никто не желает тебе зла.

— Я просто хочу жить своей жизнью. Я нашла дом, нашла друзей… а потом узнала, что я просто какой-то непонятный номер Тринадцать, и мне нужно снова все бросить, иначе я просто … уничтожу все, что мне дорого. Представь, что бы ты делал, если бы в один прекрасный день тебе сказали, что ты всего лишь чей-то эксперимент?

Марроу все же оглянулся.

— Я бы пустил себе пулу в голову, нильфешни. И то, что ты живешь со всем этим, заставляет меня думать, что свой выбор я сделал не зря, и рано или поздно, каждый тщеславный мудак получит по заслугам.

Глава третья

Орнамент занимал всю спину, плечи, струился по плечам и убегал куда-то за пояс джинсов. Он был определенно той же природы, что и орнамент Марроу, но выглядел… уродливым и одновременно ужасающе прекрасным в своей неприкрытой агрессии.

— Оно убивает ее, Флоранция, — сквозь зубы прошипел эрэлим. — Вы же видите. Никому не под силу контролировать такое.

— Я вижу, — ответила та.

Марори повернулась, стыдливо прикрылась руками — и кто-то из ученых накинул на ее свой халат. Она не нашла слов даже на простую благодарность.

— Мой светлый потенциал меня убивает? — Она знала, что права, поэтому не ждала ответа. — Насколько все плохо? Меня нужно изолировать?

— Тебя убивает не твой светлый потенциал, Марори. — Флоранция старалась казаться уверенной, но сейчас она вновь была лишь женщиной, не способной справиться с неизвестным. — Темное и Светлое в тебе сплелось слишком сильно. Никогда раньше такого не видела. Нильфешни всегда в той или иной степени вольны выбирать, какая часть их станет предопределяющей. Это не слишком приятный процесс, — она горько усмехнулась, — но его можно контролировать. Сигилы помогают сдерживать лишнее. Поверь, я знаю, что такое гореть изнутри.

— А я? Что со мной не так?

— Тебя нельзя разделить, Марори, — тихо, с плохо скрываемой обреченностью сказала Магистресса Эльхайма.

Она сделала жест — и в помещении не осталось никого, кроме них. Но и несмотря на это, Марори продолжала ощущать странную давку, как будто вокруг нее самой возник невидимый вакуум, из которого стремительно выкачивали воздух.

— Сколько?

— Сейчас не время об этом говорить, — попытался встрять в их разговор Марроу, но они обе осадили его безмолвным предупреждением. — Будь оно все проклято! Ненавижу все это дерьмо!

— Я не знаю, Марори Шаэдис. Возможно, несколько лет, если ты будешь очень осторожна и научишься сдерживать свою природу. Возможно, несколько месяцев.

— Или завтра, — закончила за нее Марори.

— Да, или завтра, или через час. Я никогда прежде такого не видела. Никто не видел. Что бы ни пытался сотворить Вандрик, он зашел слишком далеко. Чтобы сделать такое, он должен был работать с Материей и Плетением такого порядка, что под силу лишь … Создателям.

Марори зачем-то кивнула.

Она знала, что все будет именно так. Что каждый день ее жизни несет новое испытание и новое наказание за ошибки, которых она не помнила. Но знала — за них придется заплатить самую высокую цену.

— Нужно было поверить тебе, эрэлим, — из последних сил стараясь казаться беззаботной, пробормотала Марори, не в силах оторвать взгляд от орнамента на коже. К счастью, основная его часть не коснулась лица и видимых постороннему глазу частей тела.

«Глупо думать, что теперь лучше не покупать ничего открытого и короткого, —

мысленно приструнила свои мысли Марори. — Потому что «теперь» может закончиться прямо сейчас».

— Я запечатал сигилами то, что смог, — устало сказал Марроу и потер переносицу. — Но это без толку, нильфешни.

— Я бы сказала, что это хорошая работа, — вступилась за него Флоранция, хотя Марори и не думала нападать на эрэлима. Она была слишком поглощена мыслями о будущем, о вещах, которые хотела сделать, но так и не сделала, о бесконечности эмоций, которые так и не испытала.

— И что же теперь? Какая-то закрытая взрывоустойчивая камера и колодки?

— Я думаю, что присутствия Марроу возле тебя будет достаточно, чтобы не допустить чего-то непоправимого.

Марори прекрасно поняла, что она имела в виду. И в свете случившегося, возможно, пристрелить ее было бы самым логичным и правильным поступком. Но даже попытка представить, что ждет ее там, в мире, откуда нет хода живым, заставила сглотнуть першение в горле.

— Идите, на сегодня с тебя хватит впечатлений, нильфешни.

На этот раз Марори не стала отказываться от помощи эрэлима. Даже позволила ему обнять себя за талию и вывести туда, где света было больше.

Не сговариваясь, они хранили молчание. Хотя потребность что-то сказать друг другу витала в воздухе, словно невидимое предупреждение.

— Нот и его… кристаллы — он такой же, как я? — Казалось, именно сейчас самый удачный момент чтобы вновь об этом спросить.

— Уверена, что не хочешь услышать его версию?

— Я просто хочу знать, что это такое и есть ли способ…

— Ты — созданный Вандриком уникум, Марори. Бессмысленно пытаться найти аналогию в том, что лишь кажется схожим, но по сути не является даже бледной копией той, что ты каждый день видишь в зеркале. Но если тебе так хочется сунуть нос еще и в это дерьмо… — Марроу с шумом втянул воздух носом. — Нот стал таким, потому что пошел в Хаос и пробыл там слишком долго. За такие вещи приходится платить. Кто-то сгорает без остатка, кто-то сходит с ума. Нотхильдис считает, что ему не повезло превратится в такого… урода, как он сам говорит. А мы все уверены, что этот сукин сын — тот еще счастливчик.

Значит, Хаос. Вот что эта изнанка мира делает с теми, кто вторгается в ее владения и имеет наглость блуждать там сверх дозволенного времени. Но ведь ее сестра, та, что вышла из Разрыва и с легкостью опытного жонглера манипулировала временем, выглядела совершенно нормальной. Есть ли в этом хоть какой-то смысл? Есть в этом хотя бы какая-то подсказка?

— Хочешь совет? — Марроу бросил на спутницу мимолетный взгляд.

— Только если это не будет очередной моралью о том, какой благодарной мне нужно быть всем вам, и даже пыли под ногами.

— Дождись, когда Нот сам захочет поговорить о своем уродстве.

— Спасибо, но я и так в чужую душу не собиралась соваться с грязными ногами.

— Ты когда-нибудь перестанешь думать, что все твои беды от меня?

— Надеюсь, это был гипотетический вопрос, и ты не ждешь на него ответа.

Они вновь прошли лабораторный комплекс насквозь, но на этот раз Марори спиной чувствовала каждый взгляд им вслед. И почувствовала разочарование, когда не увидела

Ти’аля на прежнем месте. Почему-то именно сейчас ей хотелось снова увидеть того, кто едва не сгорел заживо, но нашел в себе силы не сломаться. И даже улыбнулся ей, причине своей боли. Вот уж кому не занимать ни силы воли, ни жизнелюбия.

Но, стоило им выйти на улицу, как стальная фигура серафима преградила Марроу путь. Марори пришлось задрать голову, чтобы посмотреть Ти’алю в глаза. Светлые, да он же никак не меньше двух метров! И новое обличие, если так можно выразиться о стальных мышцах, только сильнее подчеркивает его гигантское сложение.

— Уверен, что тебе уже можно покидать комплекс? — без вступления спросил эрэлим, и Марори почудилось неприкрытое раздражение в его голосе.

— Перед тобой я точно не буду отчитываться.

Голос серафима остался таким же, каким Марори запомнила его в их трагическую встречу.

Ти’аль окинул взглядом Марори с ног до головы, молча оттеснил Марроу и закатал рукав медицинского халата, который эрэлим набросил ей на плечи взамен разорванного свитера. Стальные пальцы серафима обжигали холодом, но Марори почему-то не хотелось вырвать руку. Да и не сумела бы при всем желании — все равно что спорить с силой огромных тисков.

— Мне жаль, нильфешни, — с подкупающей искренностью пробормотал Ти’аль, одновременно поглаживая указательным пальцем выступающую грань красного кристалла. — Никто не должен проходить через такое, тем более ты.

— Ты тоже слышал обо мне… — «всякую чушь» — чуть было не сорвалось у нее с языка. Но она вовремя спохватилась: — … много всего?

— Только то, что рассказала Флоранция. Магистресса хотела, чтобы я занимался твоей физической подготовкой.

Почему-то эта новость ее порадовала. Или, если точнее, это известие было первым приятным за последние дни. Она видела серафима в деле, и он показался ей почти таким же хорошим бойцом, как Крэйл.

— Насколько я понимаю, твоя кандидатура была отклонена после… случившегося, — вмешался Марроу. Теперь даже слепой бы увидел, что присутствие серафима раздражает его не меньше (а то и больше!) дра’морцев, появись они рядом и начни танцевать вокруг, разбрасываясь трусами.

— Боюсь, у тебя неверные сведения, Марроу, — без тени агрессии отозвался серафим, продолжая изучать орнамент Марори, как будто пытался разгадать скрытый в шипах и красно-черных осколках тайный смысл. — Я почти уверен, мы с нильфешни прекрасно поладим.

— Так же, как ты поладил с ее сестрой?

Ощущение от этих нескольких слов было таким, будто ей влепили оглушающую пощечину.

Она дернула руку, намереваясь высвободиться из пальцев Ти’аля. К счастью, тот и не пытался ее удержать. Но взгляд, которым серафим покосился на Марроу, сказал о многом. Если бы позволяли обстоятельства — элэлиму наверняка бы крепко перепало.

— Ты такой же, как он? — спросила она, отчаянно сдерживая стучащие от холода зубы. Марроу тут же протянул ей ее же куртку, при этом глуповато улыбаясь, как будто стыдился, что не подумал об этом раньше. Марори проигнорировала его помощь. — Я просто хочу услышать правду, — попросила она. — Просто. Одну. Настоящую. Правду. Иначе сойду с ума

от вечных недомолвок, от того, что здесь ничто не кажется тем, чем есть на самом деле. Это невыносимо жить так, как будто я слепая мышь в темной комнате. Что еще мне сделать, чтобы услышать хоть каплю чего-то настоящего?

— Марори, мы все — Серые стражи, — без тени лукавства, признался серафим. — Я, Марроу, Нотхильдис.

— Я должна была догадаться, — саму себя пожурила она. — Должна была сообразить, что в последнее время возле меня нет нормальных людей. Только перевертыши, которым всего-то нужно разобраться, как устроены мои мозги. И узнать, каким-таким чудом Вандрик Шаэдис создал химеру, способную сжечь себя и пару сотен людей заодно. — Она вытянула руки, уставилась на орнаменты. — Боюсь, мне нечего предложить вам сегодня. Разве чью-то голову посетит идея сбросить меня с какой-нибудь высокой башни, а потом с чистой совестью покопаться в останках.

— Ты доволен? — прошипел Марроу. — Она едва держится. Обязательно было вываливать всю эту грязь прямо сейчас?

— Это не грязь. Это правда. Разве не о правде она просила?

— Не у всех такой просветленный взгляд на жизнь, Ти'аль. Некоторым, представь себе, охренительно больно слышать эту самую правду. Просто они еще не знают, что неведение — это благодать.

— Ты похож на щенка, который пытается тявкать на носорога, — пожал плечами Ти'аль. При этом черные канаты его синтетических мышц пришли в движение, мягко прошуршали, перекатываясь под хромированными накладками. Если серафим и переживал из-за своей метаморфозы, то умело скрывал это. — Марори, тебе лучше вернуться в комнату. Ты заболеешь.

— Она не твоя забота. Этот вопрос решен.

— Марори не твоя игрушка. И только ей решать, нужна ли…

Закончить он не успел из-за громкого окрика с другой стороны асидианового моста. Марори пришлось зажмуриться, чтобы рассмотреть идущую к ним рослую фигуру… и узнать в ней Нотхильдиса. Как и в прошлую их встречу, присутствие спектра вызывало единственное желание — отойти достаточно далеко, лишь бы оказаться вне досягаемости его странного меча, который, кстати говоря, спектр держал наизготовку.

— Вы со своими дрязгами вокруг этой девчонки вообще одурели, — без предисловия прорычал Нот. — У нас Разрыв, прямо под библиотекой. Там… В общем, мясорубка. Человек двадцать просто засосало внутрь.

— Это вообще когда-нибудь закончится? — под нос себе пробормотал Марроу.

Ти'аль до хруста стиснул стальные кулаки.

— Будет хороший повод проверить в деле новую игрушку, — сказал он с ужасающей полуулыбкой на остатках лица и медленно, осторожно, наверняка делая нечто подобное впервые, повел руками перед собой, будто очерчивал форму чего-то длинного и узкого. Из-под его пальцев брызнул мягкий голубоватый свет, который тут же трансформировался в голубоватую же сталь, а та, в свою очередь, превратилась в уже знакомый Марори странный двуручный меч. Ти'аль примерился к рукояти, как будто пытался понять, все ли идет, как нужно. И, кажется, не нашел повода для беспокойства.

Эрэлим тем временем уже материализовал свои пистолеты.

Марори сглотнула. Хвала Светлым и Темным, ей удалось подавить рвущийся стон отчаяния. В самом деле, этому когда-нибудь наступит конец? Каждый раз, когда она

начинает думать, что хуже уже просто не может быть, — жизнь с насмешкой опускает ей на голову новую порцию неожиданностей. Вернее — неприятностей.

— Мне нужно вернуться за Энигмой, — сказала она, лихорадочно соображая, чем и как будет защищаться в этот раз. Снова отыщет чью-то конечность или другую подходящую часть тела среди порождений Хаоса? — Может быть, это снова… — Язык не поворачивался сказать «сестра», не вышло и «копия». — Может, это очередное создание Вандрика пришло забрать тамакату.

— Ее нужно спрятать, — сказал Нотхильдис, и Марори лишь спустя пару секунд поняла, что спектр указывает на нее. — Нильфешни будет только под ногами путаться, а с этой одноглазой дрянью еще и устроит нам всем адский ад. Не хочу быть рядом, когда ее нутро снова вылезет наружу. Боюсь, лимит моего терпения уже исчерпан.

Марори сделала вид, что не услышала ни слова. Какой смысл обижаться на то, что один эльх не боится вслух сказать все то, что думают остальные.

— Я отведу ее в Печатный зал, — сказал эрэлим.

— Там должно быть безопасно, — кивнул спектр. — Кишки проклятых, Ти’аль, выглядишь просто шикарно!

Марроу развернулся обратно к лаборатории, поманил ее за собой и прибавил шаг. Марори едва поспевала за ним. Хотелось кричать, что она ни за что на свете больше не хочет снова оказаться в этом треклятом здании, но она приказала себе с этого момента и до самого конца, каким бы скорым он ни был, не давать слабину. Возможно, она просто нашпигованная всякими опасными штуками болванка с часовым механизмом, который уже не остановить, но прежде всего она — дра’морка, Потрошительница. А Потрошители стоят в первых рядах на передовой и плюют врагам в лицо. Даже если знают, что этот плевок будет последним в жизни.

Последний десяток метров они уже бежали. Эрэлим втащил ее внутрь прозрачного строения, и двое одетых в форменную одежду спектров заблокировали за ними дверь.

Лаборатория вскипела. Всего каких-то пятнадцать минут назад в этих стенах все шло своим чередом, каждый работник делала отведенную ему часть работы, мало отвлекаясь на дела окружающих. Но теперь все они будто очнулись, получив неожиданную дозу адреналина — закопошились, забегали. Получилось практически беспорядочное движение, в котором почти никто почему-то не сталкивается и не проклинает соседа, наступившего тебе на ногу.

Один из спектров преградил им дорогу, Марроу что-то сказал ему, тихо, так, что услышали только они двое. Спектр недоверчиво покосился на Марори, а потом отступил.

— Я не хочу отсиживаться в безопасности, когда могу быть полезна, — в спину эрэлиму кричала Марори, пока они шли по незнакомой ветке коридоров.

— Боюсь, нильфешни, у тебя нет другого выхода. По крайней мере, до тех пор, пока ты не научишься контролировать свой потенциал. Если, конечно, тебе не хочется устроить очередное светопреставление, где счастливчикам достанется быстрая смертью от очень горячего пламени.

Конечно же, он прав. Только легче от такой правоты не стало ни на грамм.

Они спустились по нескольким лестничным пролетам, миновали еще один коридор и, наконец, оказались около двери, за которой, к большому облегчению Марори, поджидала большая светлая комната, разделенная на несколько черно-белых секторов, расположенных в шахматном порядке. Вдоль стен растянулись высокие, до самого потолка, стеллажи, на

полках которых лежали самые разные предметы: куски сломанных мечей, светящиеся осколки каких-то кристаллов, потрепанные и частично истлевшие книги и пергаменты. Музей, да и только.

— Вряд ли даже тебя с твоими правами пустили бы туда, где хранятся бесценные артефакты, — вслух размышляла она, с любопытством разглядывая содержимое полок. — Значит, ничего действительно ценного здесь нет.

— Лучше ничего не трогай, нильфешни, — остановил ее эрэлим, когда она собиралась взять почти потухший лавовый камень, вставленный в погнутую ржавую оправу.

Марори прикоснулась к подаренному дра’морцами кулону, и тепло камня подарило немного успокоения.

— Эта комната — просто фикция? Ты кого-то хочешь обмануть? Или заманить сюда?

— Ну, отчего же. Все, что ты видишь, — ценные экспонаты.

— Для какого-нибудь скучного музея, в который никто не пойдет даже за порцию бесплатной картошкой-фри.

— Рад, что ты не паникуешь.

— Должен же кто-то из нас быть мужчиной.

Эрэлим кисло ухмыльнулся.

И где-то над их головами раздался оглушительный взрыв.

Глава четвертая

На миг Марори почудилось, что стены комнаты подались внутрь, а потом резко встали на свои места. Эрэлим тут же оказался рядом, скосил взгляд на орнаменты ее сигилы.

— Мы в ловушке? — предвидя его невысказанные слова, спросила Марори.

— Не торопись с выводами.

— Ты плохо врешь.

— Я и не стараюсь.

Наверное, они еще долго пикировались бессмысленными фразами, лишь бы избежать разговора о неприятном, но еще один взрыв умерил их пыл.

— Мы что, так и будем сидеть здесь и ждать, пока их всех перебьют?

— У персонала есть четкие инструкции на случай непредвиденной ситуации, и они следуют им согласно полученным указаниям. Большая часть работников уже успела эвакуироваться.

— Светлые, у вас тут что — академия или секретный режимный объект?

Марроу нашел секунду, чтобы удивиться.

— Ты даже такие слова знаешь, ну надо же.

— Смотрю боевики, — огрызнулась она.

Если бы только здесь были Потрошители. Кулгард наверняка бы потрепал ее по голове своей новенькой рукой, сказал, чтобы не дрейфила, а Даган дал шуточную затрещину. Ну а Крэйл обязательно бы попросил не путаться под ногами.

А сейчас она вместо того чтобы сделать хоть что-нибудь, сидит и пытается оправдать собственное бездействие своим «особенным положением».

— Я не знаю, как обстоят дела в Дра'Море, — прислушиваясь к шуму над их головами, заговорил Марроу, — но подозреваю, что тамошние жители тоже не просто махают мечами и читают книжечки о том, как бальзамировать порождений Хаоса. Просто Эльхайм, в отличие от твоих любимых проклятокровных, некоторые вещи делает открыто. Ну, ту их часть, которая не держится в секрете по понятным причинам.

В памяти Марори совершенно ясно вспылили слова Эашу о том, что и Дра'Мор, и Эльхайм готовят вовсе не студентов, а самых настоящих солдатов. Тогда инкуб отшутился, сказал, что просто хотел ее попугать, а она, не зная всей картины и одержимая собственными заботами, охотно ему поверили. После слов Марроу все понемногу становилось на свои места.

— Ты слышала? — Марроу потянулся за вторым пистолетом, насторожился.

— Ничего, как будто, — с сомнением ответила Марори, почти уверенная, что за попыткой собрать воедино все осколки мозаики запросто могла не обратить внимания на какой-то шум. На фоне недавнего грохота это было неудивительно.

Марроу встал около нее, прижал палец к губам.

Несколько длинных мгновений ничего не происходило, лишь где-то над их головами раздавался прерывистый звук сирены и приглушенное потрескивание. А потом Марори все-таки расслышала голос. Настолько далекий, что его запросто можно было принять за эхо их с Марроу грохочущих сердец. И все же голос звучал именно в комнате.

— Это что еще такое? — шепотом спросила Марори.

— Понятия не имею. Здесь только один вход, он же выход. Комната опечатана. Не

крепость, конечно, но достаточно, чтобы ловить на горячем любопытных дра'морцев, пока те возятся с защитой.

Она не успела пожалеть о том, что в который раз осталась в опасной ситуации без оружия, как под кожей появился уже знакомый обжигающий зуд. В глазах полыхнуло алым, как будто в лицо плеснули кровью.

— Марроу, это снова происходит…

— Срань светлых! — К сказанному он прибавил еще пару крепких слов. — Нильфешни, просто дыши. Глубоко. Вдох — и выдох. — Он пытался показать пример, но в конец концов сбился с ритма и снова в сердцах выругался. — Подумай о чем-нибудь отвлеченном. Закрой глаза, постарайся расслабиться.

— Слышал бы ты себя со стороны. — Она вытолкнула воздух сквозь стиснутые зубы.

Красные и черные капли в орнаменте заныли, в тонких гранях кристаллов появились всполохи тлеющего внутри огня. Кровь прилила к коже, бешено понеслась по венам, застучалась в виски в такт скачущему галопом сердцу.

— Нильфешни, контролируй это!

«В прошлый раз ты сказал то же самое, и это все равно ничего не решило».

Она раздраженно отмахнулась от неловких попыток эрэлима как-то повлиять на ее метаморфозу. Внутри угнездилось непреодолимое желание оторвать ему руку за то, что думает, будто может вмешаться в процессы, которые не в состоянии осмыслить своим скудным умишком. Он — никчемный небеснорожденный, уродливый гнойник на теле мира, который вот-вот…

Марори очнулась, когда в уши врезался до боли знакомый голос.

«Марори, помоги мне!» — вопил он с надрывом, таким несвойственным его владельцу в реальной жизни.

— Ниваль! Светлые помогите, Ниваль! Я слышала его!

— О чем ты?

— Долго объяснять. — Марори ловко увернулась от очередной попытки Марроу схватить ее в охапку. — Убери от меня руки!

— Ты не видишь себя со стороны, нильфешни! Еще немного — и угробишь нас к такой-то матери.

Она широко с наслаждением оскалилась. На лице эрэлима мелькнула тень отвращения.

— Так беги, небеснорожденный, потому что я собираюсь нарушить правила ваших проклятых игр. Потому что где-то там или здесь, или Темные знает где, — она сделала широкий жест, — застрял мой друг. И ему нужна моя помощь. Тебе придется уйти с моего пути, Марроу. Или встань рядом и делай все, чтобы вытащить из беды одного очень хорошего парня.

— Проклятокровного, я так понимаю, — проворчал эрэлим, но желания спорить у него явно поубавилось. — Хорошо, нильфешни, твоя взяла. Только я все равно не понимаю, что именно ты собираешься делать.

Марори пожала плечами.

— Видимо то же, что умеют другие куклы Вандрика — сделаю Разрыв и вытащу Ниваля с изнанки мира, из Хаоса. Если он где-то и может быть — то только там. Мы оба его слышали, значит, где-то здесь Плетение достаточно тонкое.

— Ты сумасшедшая, — после секундной задержки сказал эрэлим — и с какой-то лихой, почти что придурковатой удалью, взвел курок револьвера. — Очень надеюсь, хотя бы один

из нас понимает, что делает, и хорошо бы, чтобы этим знатоком была ты, потому что я уже точно ни фига не соображаю.

Такой Марроу заставлял проникнуться к нему симпатией.

— Только есть одна загвоздка — я понятия не имею, что нужно делать.

— Думаю, это существенно усложнит тебе задачу, нильфешни.

Что же это получается? Как в той глупой детской сказке: пойти туда — не знаю куда, принеси то — не знаю, что.

«Я должна уметь то, что умеют они».

Она мысленно покрутила пальцем у виска.

— Прежде, чем мы начнем, нильфешни, пообещай мне, что ни за что на свете не сунешь в Хаос даже полмизинца.

— Извини, эрэлим. Если будет нужно — я влезу туда вся.

«И может быть найду там подходящий полигон, чтобы вспыхнуть — и сгореть», — мысленно прибавила она, одновременно медленно двигаясь вдоль стеллажей с экспонатами. Скорее всего они и правда были подлинными, но малоценными безделушки из прошлого, хотя некоторые выглядели поистине солидно.

— Ниваль, — позвала она пустоту, надеясь, что догадка верна, и они с гастом действительно совсем рядом, просто стоят по разные стороны тонкой перегородки. — Покажи, где ты. Одна я не смогу.

Она прислушалась к тишине.

— Ну же, Ниваль, если ты продержался там так долго, не сдавайся сейчас. Просто дай мне какой-то знак. Я трусливая, но сообразительная простоскровка. — Последние слова встали комом в горле.

Ничего, только тишина, в которой — она это чувствовала каким-то непостижимым для себя образом — был Ниваль.

— Это бессмысленно, нильфешни.

— Пожалуйста, можешь помолчать? Или у тебя есть конструктивное предложение, как мне помочь?

Наверху снова громыхнуло. На этот раз так сильно, что у Марори заложило уши. Какое-то время она не слышала ничего, кроме раздражающего писка, пробирающего до самых костей, а потом сквозь него в сознание проник остервенелый вой.

— Не нравится мне это, — откуда-то с периферии сознания донесся голос эрэлима.

Она с легкостью вытравила его из головы, сосредоточилась на зове своего фэлфаэра, который — Марори ни капли в этом не сомневалась — как и Ниваль мечется за тонкой гранью, разделяющей реальность и Хаос, и ищет способ прорваться к своей хозяйке. Марори невольно улыбнулась, вспоминая, как остервенело Сатис сражался с ней плечом к плечу, как помогал вытаскивать едва живого Крэйла…

Вой повторился и на сей раз так отчетливо, что Марори почудилось, будто ее Порождение Хаоса стоит прямо перед ней: стоит лишь протянуть руку, нащупать тонкую, как пленка под яичной скорлупой, преграду — и она дотянутся до своего шакала.

Она не сразу поняла, что все это время шарит перед собой в абсолютной пустоте. Пальцы хватали лишь воздух, бесполезное ничто. Но что-то же там определенно должно быть!

«Давай, простокровка, соберись и покажи, что и стреноженные куклы Вандрика могут быть на что-то способны».

В дверь с силой удирали с обратной стороны.

— Твою мать! — Эрэлим взвел второй пистолет, встряхнулся, всем своим видом давая понять, что готов держать оборону до последнего патрона.

— Ты же говорил, что это место опечатано.

— Я сказал, что это место — ловушка для дра'морцев, нильфешни. Но я не говорил, что мало-мальски сильный адепт или Мстер Плетения будет долго с ней возиться. И предвидя твой вопрос — скорее всего с той стороны тот еще крепкий сукин сын. Возможно, одна из твоих сестричек. Честно говоря, сбился со счету…

Новый грохот перебил Марроу на полуслове.

Если так пойдет и дальше, то скоро их ждет веселая и вряд ли приятная встреча.

Отсутствие времени подстегивало действовать быстрее, наверняка.

«Я должна знать. Это заложено в моей голове, где-то внутри меня. Вандрик говорил, что я просто забыла. Но в памяти должно остаться хоть что-нибудь».

И хоть инстинкт самосохранения и здравый смысл настойчиво сигнализировали, что она ступает на опасную территорию, Марори сделала свой выбор.

Перед глазами, словно проматываемая в обратном направлении кинолента, мелькали фрагменты близкого прошлого: умирающий Крэйл, сошедший с ума Ним, первая встреча со своим «отражением», встреча с еще диким Сатисом, адова печать, Дра'Мор, фальшивое письмо, мать, которая месит тесто и потихоньку ворчит, что нерадивая младшая дочь опять едва все не загубила. Дальше, дальше, не останавливаться, не отвлекаться на теперь уже явные попытки выломать дверь.

Где-то там должно быть то самое прошлое, в котором она была Тринадцатой Вандрика Шаэдиса, и в котором делала что-то настолько ужасное, что с легкостью об этом забыла, едва появился повод. Нужно вернуть хотя бы часть той жизни, чтобы вместе с ней вернуть и утраченные навыки.

«Я говорил, что ты — идеальная?» — этот голос Марори узнала даже сквозь покрытые толстым слоем забвения стенки черного ящика, спрятанного так глубоко и надежно в ее сознании, что ей самой с трудом удалось его отыскать.

Вандрик. В тех самых «авиаторах» и в идеально скроенных по фигуре брюках и накрахмаленной рубашке, с небрежно закатанными до самого локтя рукавами. Странный орнамент струился по его мускулистой руке, словно вросший в кожу плотный шнурок, выпуклый… и шершавый. Именно шершавый, она точно знала, какой он наощупь.

«Стоило разрушить все, что мне было дорого, чтобы в итоге увидеть, как из праха воскреснут их голоса».

Воображение (или память?) живо дорисовали фон этим словам: просторную комнату в запредельно-высоком небоскребе, откуда она впервые смотрела, как закатное солнце разливает по горизонту кровь уходящего дня.

«Ты, — в ее воспоминаниях Вандрик взял ее лицо в ладони, словно лелеял самую большую ценность, — Танос и Крээли. Лучшее, что могло получится от такого союза».

Образы всколыхнулись, смазались. Марори едва не поддалась искушению пойти по их следам, пока те снова не замело забвением… но крик Ниваля, а вслед за ним несколько выстрелов, подействовали отрезвляюще.

Она все еще мало что понимала, но на этот раз реальность немного изменилось. В том месте, где только что, прямо переде ее носом, была лишь пустота, теперь виднелась перегородка между мирами — радужно-маслянистая, как будто разлитое по ткани

мироздания горючее. Марори приложила ладонь к ней ладонь, надавила. Перегородка легко поддалась. Марори надавила еще, пока рука не погрузилась до локтя, затем разжала пальцы, позволяя им мягко и в то же время настойчиво вторгнуться в изнанку. Проделала то же самое со второй рукой, глубоко вздохнула, поднатужилась — и разорвала податливое Плетение. Легко и привычно. Потому что в той, забытой жизни, постоянно проворачивала такие фокусы.

Из открывшегося Разрыва повеяло запахом серы, пепла и отчаяния.

Но это была сущая ерунда, потому на той стороне стоял Сатис, а рядом с ним, опираясь на что-то сильно напоминающее плохо обглоданную кость какой-то крупной твари, — Ниваль. Хотя точнее было бы сказать, что гаст пытался делать вид, что стоит самостоятельно.

Он так страшно исхудал и осунулся, что в самом деле стал похож на бледную призрачную тень, от предков которой брали свое начало представители этой расы.

— Ниваль…

Гаст поднял голову, но та снова тяжело упала ему на грудь.

Повинуясь ее мысленному приказу, Сатис приподнял его и поднес к самому краю Разрыва. Марори думала, что не сможет в одиночку втащить его на свою сторону, но Ниваль почти ничего не весил, и она легко затащила его в комнату.

— Нильфешни, мне нужна твоя помощь! — перекрикивая шум выстрелов и непонятного то ли шипения, то ли приглушенного свиста, потребовал эрэлим.

Марори усадила Ниваля на пол, хотя он тут же грузно, с оханьем, завалился на бок.

— Сатис, ну же, — Марори протянула руку своему Порождению. Грудь сдавило от ноющей тоски. Стоило увидеть его там, оскаленного и взъерошенного, как она поняла — сейчас или никогда. — Я знаю, что это тяжело, что здесь что-то… не так для тебя. Но мы сможем. Вместе. Иди ко мне.

Порождение оскалилось, обнажило клыки и окровавленные десны. Его взгляд пылал той самой злобой, которую Марори запомнила со дня их первой — решающей для обоих встречи. И в то же время она чувствовала, что невидимая связь все еще делает их одним целым, неделимым.

— Ты мне нужен, Сатис. Ты мой напарник, сила, без которой мне не выжить.

Он склонил голову набок, навострил уши.

— Просто доверься мне. — Она протянула руку сквозь разрыв, поморщилась от обжигающего, красного от песка ветра, который царапал кожу, словно терка. — Ты мой, Сатис, — словно заклинание повторила слова, месяц назад навеки скрепившие их союз. — Мой.

Порождение подошло к Разрыву, настороженно обнюхало ее ладонь.

— Это все еще я, Сатис. Ну же.

Воздух в комнате задрожал, подернулся золотом. Марори скосила взгляд — Марроу медленно отходил к ней, одной рукой поддерживая упругий защитный барьер, а из пистолета во второй отстреливаясь от размытых, похожих на кляксы пятен, которые одна за другой просачивались сквозь рваную дыры в самом центре двери.

— Не знаю, что ты там делаешь, нильфешни, но надеюсь, нам это поможет, — сквозь зубы прошипел эрэлим.

Она рискнула притронуться к израненной морде Сатиса: на ней было так много свежих шрамов, что наивная попытка их пересчитать хотя бы примерно отозвалась ноющей болью под

ребрами. Что же с ними произошло?

«Я привел человека к тебе», — прозвучал в ее голове глухой рык.

«А теперь приведи себя», — так же мысленно ответила она, ни на секунду не прекращая визуальный контакт.

«Это сделает меня слабым».

«Зато мы будем вместе».

Он все равно медлил. Достаточно долго, чтобы Марори начала сомневаться в их связи.

Сатис встряхнулся, заскулил, скорее с досады, чем от слабости — и одним пружинистым рывком выскользнул из плена Хаоса… Чтобы встать рядом с ней огромным поджарым псом с отчетливо выступающим хребтом под туго натянутой лоснящейся черной кожей. Даже в такой трансформации он был достаточно крупным, чтобы провезти Марори на собственной спине. Его глубоко посаженые глаза мерцали всеми оттенками кошмаров, которые только может испытать человек. Но глядя в них, Марори знала, что каждый таящийся в них кошмар отныне и навсегда будет предназначен только ее врагам.

— Гончая кошмаров, — пробормотала она.

«Я — твой. И я буду с тобой до конца».

Марори с облегчением выдохнула, погладила его по морде.

— А, проклятье! — вскрикнул Марроу.

Он завалился на спину. Золотистый барьер вздрогнул и распался множеством осколков. Марори успела заметить, что черных бесформенных существ неожиданно стало так много, что от них потемнело вокруг. И одна тварь как раз грохнулась на грудь Марроу, норовя вонзить в глаза эрэлима длинные щупальца.

«Сатис, взять его».

Порождение обнажило клыки с какой-то почти по-человечески злой ухмылкой — и ринулось к противнику. Сатису потребовалось одно мгновение, чтобы схватить черную тварь и перекусить надвое ее бесформенное тело. Марроу вскочил на ноги. Долю секунды они с Порождением оценивали друг друга откровенно враждебными взглядами, а потом Сатис облизнулся и с воем бросился в самую гущу черных тварей. Марроу хмыкнул и ринулся следом.

Марори досталась роль стража при Нивале, потому что гаст был так плох, что наверняка не пережил бы и одного нападения. Она присела рядом- напряженная, готовая оборонять его даже голыми руками. Выглядел Ниваль паршиво: из взлохмаченных волос выглядывал край ободранного уха, пальцы на одной руке торчали в стороны, словно спицы сломанного веера.

— Ну и видок… у тебя… Марори, — прошептал он.

— На себя бы посмотрел, умник, — дрожащим от непролитых слез голосом беззлобно поддела она.

— Мар, послушай, ты должна знать…

На нее со всего размаху налетела черная тварь. Марори инстинктивно успела согнуться, закрыть собой Ниваля, и основной удар пришелся в плечо. Она взвыла от боли, стоило щупальцам вонзиться в кожу. Марори попыталась стряхнуть тварь, но Сатис успел раньше: вцепился зубами в скользкую плоть, остервенело потащил «кляксу» прочь.

— Марори, послушай… — не унимался Ниваль. Вот уж кто никогда не отличался болтливостью, а теперь — вон, прорвало. — В Хаосе… там…

Боль в том месте, где кожи коснулось щупальце, нарастала с каждой минутой. И самое ужасное — плечо, а следом и вся рука, стремительно немели. В кончиках пальцев появился

неприятный колючий холодок. Марори несколько раз сжала пальцы в кулак, но это мало помогло.

Будь оно все неладно!

«Я же нильфешни, я чувствую Плетение. Я могу…»

От одной этой мысли кристаллы в ее сигиле снова наполнились тусклыми пульсирующими всполохами. Кровь ударила в виски, по венам будто пустили жидкий огонь.

— Мар… — На лице едва живого гаста отразилось недоумение. — Ты же…

«Я же просто сейчас сожгу вас всех», — мысленно закончила она за него.

Жар под кожей все нарастал, просачивался наружу искрящимся красным туманом. Мысли стали вязкими, путанными. Реальность растеклась и потеряла четкие контуры. Марори видела потерявших очертания тварей, которые скопом бросились на Сатиса, и которые тот без труда стряхнул. Видела, как Марроу расстреливает новую волну лезущих в дыру «клякс». Словно в кино в режиме замедленного воспроизведения заметила ползущую к ней тушу с парой хищно занесенных щупалец. Воспоминание о причиненной ими боли отозвалось приступом плохо контролируемой ярости.

Они должны умереть.

Она ДОЛЖНА их уничтожить. Превратить в пепел, в ничто.

Сквозь мутную пелену Марори увидела окровавленную морду Сатиса с дымящимся куском плоти в зубах. Порождение чуть склонило голову на бок, ткнулось носом ей в плечо.

— Ты себя угробить хочешь?! — Марроу рухнул рядом на колени. Лицо перепачкано, на шее невооруженным взглядом видны отметины от укусов «клякс», руки по локоть в крови, как будто эрэлиму пришлось разделываться с врагами в рукопашную. — Ты не должна отпускать на свободу то, что сидит в тебе, пока не научишься его подчинять.

— Но я же ничего не сделала.

Она осеклась, когда Марроу отодвинулся ровно настолько, чтобы она увидела свидетельства своего заблуждения. От количества разорванных в клочья бесформенных и дымящихся тел по спине побежал холодок.

— Беда с тобой, нильфешни. — Эрэлим сокрушенно поджал губы, а потом с вымученной улыбкой погладил ее по щеке, осторожно, едва касаясь кожи, тронул большим пальцем уголок губ. — Никогда больше так не делай, Марори. Договорились? Чего бы ты ни вбила в свою не слишком умную голову, твоя смерть не доставит мне радости.

Она отпрянула, не вполне понимая, что вызывает большее недоумение: ее очередное «выпадение» из реальности или внезапная, так похожая на искреннюю, забота эрэлима.

— Его нужно отнести к медикам, пока не окочурился.

Ниваль в самом деле подозрительно затих. Марроу поднял ему веко, всмотрелся в зрачок.

— Твоя… тварь сможет понести гаста? Возможно там, — он указал пальцем вверх, — еще не все закончилось, и мои руки должны быть свободными.

— Сатис — не тварь.

Они с Марроу уложили Ниваля на спину пса. Эрэлим несколько раз невольно зацепил Сатиса рукой, и тот недвусмысленно рыкнул в его сторону.

— Сделаешь так еще раз — и мой фэлфаэр перекусит тебя, словно спичку, — просто предупредила Марори.

— Надеюсь, когда все закончится, твое… существо вернется в то место, что его породило. Потому что у меня, честно говоря, задница сжимается в кулак от такой компании.

Марори подумала, что будь на его месте Эашу или Даган, фраза прозвучала бы куда колоритнее и грубее, и эта мысль немного ее взбодрила.

— В таком случае очень советую тебе привыкнуть к Сатису. Ну или приучить свою задницу не хныкать, когда рядом большая собачка. Потому что теперь он будет со мной всегда.

— В смысле, вот в таком обличии?

Она безразлично передернула плечами.

— Представляю, как обрадуется Флоранция, — себе под нос пробормотал Марроу и первым шагнул к двери.

— Учитывая происходящее вокруг, порадуется, что у нее в арсенале появится еще две пары надежных лап и два ряда крепких зубов, — не смогла промолчать Марори.

В коридорах было пустынно и тихо. Основная часть ламп превратилась в стеклянное крошево, а те, что уцелели, потрескивали и время от времени загорались, плохо, но все же освещая коридор. Не считая этого, ничто не указывало на следы вторжения, и вопреки опасениям Марроу, они благополучно поднялись до самого главного зала.

И вот здесь картина разительно менялась. Складывалось впечатление, что весь этаж перевернули вверх дном и хорошенько встряхнули. Вся мебель, кроме той, что была закреплена, беспорядочно валялась где придется. Взрывы спровоцировали сразу несколько пожаров, а те, в свою очередь, привели в действие систему пожаротушения. Вода хлестала из-под потолка ледяными потоками прямо на головы, и даже Сатис изредка недовольно рычал.

Примерно в центре зала зияла огромная дыра. Края провала уходили в непроглядную черноту, где-то в недрах которой раздавалось глухое бульканье. Эрэлим жестом приказал Марори остановится, а сам, приготовив оба револьвера, подошел к краю.

— Не нравится мне это, — сказал он и заторопился прочь. — Пойдем, нильфешни, если кто-то и будет разгребать эту дрянь, то точно не мы.

Пока они, лавируя между нагромождениями обломков и шипящими в лужах оборванными электрическими кабелями, шли к выходу, Марори успела заметить, что нигде нет ничего и близко похожего на следы борьбы. Ни крови, ни — хвала Светлым и Темным — трупов работников комплекса. Не было видно ни «клякс», ни других тварей Хаоса.

— Может быть кто-то просто забыл выключить микроволновку или случайно опрокинул чью-то ДНК? — попыталась пошутить она, чтобы взбодриться.

— Ага, наверное, вот он.

Марроу остановился около раздвижных дверей, между створками которых навзничь лежало раздавленное в районе грудной клетки тело. Марроу воспользовался железной трубой, которую подобрал с пола, и разомкнул двери. Затем перевернул тело, хмуро осмотрел ничем не примечательное лицо, откинул полы халата и наспех обыскал мертвеца. Немного подумал и одну за другой осмотрел ладони мужчины.

— Это не работник комплекса, — озвучил он вывод и поднял руку мертвеца так, чтобы Марори увидела и ладонь, и вырезанный на ней преобразовательный круг.

— Знаешь, что это такое, нильфешни?

Она знала. Потому что уже видела похожий круг раньше.

— Это преобразовательный круг материалиста?

Эрэлим кивнул и задрал покойнику рукав. Кожа до локтя была покрыта тонким орнаментом. Он охватывал все предплечье и в конце концов складывался в какой-то

упорядоченный рисунок.

— А вот это, нильфешни, сигмирование. — Марроу с отвращением отбросил руку, поднялся.

— Я уже видела одного дознавателя, который использовал Плетение и Материю в обход запретов, — отозвалась она. — И тот человек определенно не пылал желанием облегчить мне жизнь.

— Теперь главный вопрос, моя сообразительная клыкастая подопечная. Ответишь правильно — свожу тебя в кино. Какого хрена тут делает дознаватель?

— Он пришел за мной, — без тени сомнения ответила она.

Глава пятая

— Ненавижу все это дерьмо. — Нотхильдис с досады пнул стоящую поблизости железную урну. Та отозвалась характерным пустым звуком. — Как будто одного Марроу мало, чтобы за ней присматривать.

Марори поплотнее завернулась в толстый вязанный шарф — едва ли не единственную теплую вещь из тех, которые успела забрать во время своего вынужденного побега из дома. Воспоминания о тех днях казались настолько размытыми, что сейчас она уже с трудом помнила и свою комнату, и лица родных. Ей хотелось с такой же легкостью забыть и их тела на полу, и предсмертный материнский шепот, и хриплый голос в темноте, но, увы, одного ее желания было недостаточно.

После событий с ее сигилами и последующим нападением на Эльхайм, остаток дня превратился в один сплошной бесформенный поток. Они с Марроу были вынуждены оставаться в лаборатории до тех пор, пока не подоспела помощь. Эрэлим вверил найденный труп Ти'алю и рассказал о своих находках, а тот в свою очередь поделился данными о случившемся в библиотеке Эльхайма. Его рассказ был коротким и по существу: в Разрыв затянуло около двух десятков студентов и трех преподавателей Плетения, которые пытались их защитить. Общими усилиями и только благодаря тому, что Разрыв был невелик, его запечатали. Но нескольким порождениям Хаоса все-таки удалось выбраться наружу. Выбраться — и ускользнуть под прикрытием общей вакханалии. Часть Эльхайма, где все это произошло, временно закрыли для посещений, а к поискам удравших тварей подключили студентов Пятого курса.

Во всем этом поистине хорошей новостью было извести о том, что жизни Ниваля ничто не угрожает. Глядя на торчащие из него трубки и иглы в это трудно было поверить, но Марори уже не понаслышке знала, на что способна продвинутая медицина небеснорожденных. Когда гаст на минуту все-таки открыл глаза, она улыбнулась ему, пообещав наведываться каждый день, пока он не встанет на ноги.

— А ты все-равно выглядишь фигово… Нам нужно поговорить о Хаосе, Марори… — сиплым шепотом сказал Ниваль и снова провалился в забытье.

Весь вечер и ночь Марори провела почти без сна. Хотела спать — и не могла закрыть глаза. Сидела на кровати, поджав колени к самому подбородку, и снова проворачивала в памяти осколки выуженного из памяти прошлого. Вандрика, странные имена; место, которое она заполнила по кусочкам: странную картину на стене, массивный стол из какой-то светлой породы дерева, дурманящий запах ароматической палочки. Все это было настолько хорошо ей знакомо, что сомневаться не приходилось — она вспомнила то самое место, где Вандрик держал ее в качестве своей личной взрывоопасной игрушки. Или (думать об этом было особенно противно) она находилась там, вместе с ним, по собственному желанию.

К счастью, рядом был Сатис. И его присутствие непостижимым образом разгоняло дурные мысли. Фэлфаэр сразу обнюхал в комнате каждый угол, некоторое время, навострив уши, рассматривал Энигму, а потом преспокойно взобрался на кровать и улегся там, растянувшись на всю длину, с видом настоящего владельца всего, что находится внутри этих четырех стен. И несмотря на то, что Сатис занял почти всю постель, Марори радовалась, что хотя бы какое-то время они будут бок-о-бок.

В самой комнате царил полный порядок. Ничто не указывало на то, что одна из ее «сестричек» снова пыталась забрать тамакату. Наверняка для подобной одержимости были причины, но Марори даже не пыталась в них разобраться. Для начала нужно узнать, наконец, откуда вообще взялась коса. Где-то там, среди ее бывших владельцев, крылся ответ к пониманию, чем Энигма так желанна для кукол Вандрика.

Посреди ночи, когда стало понятно, что ей не уснуть, Марори сделала, наконец, то, что нарочно откладывала: разобрала вещи. К счастью, пароля от вай-фая у нее не было, иначе она бы точно не прислушалась к голосу разума, который подсказывал, что сегодня, после всего пережитого, списываться с Крэйлом — не самая лучшая идея. В том, что Крэйлу придется не по душе все то, чем «угостил» ее Эльхайм в первый же день, сомневаться не приходилось.

Она уснула только под утро, прижавшись спиной к боку Сатиса. А когда проснулась, то поняла, что всю ночь фэлфаэр терпеливо лежал в той же позе, будто боялся разбудить хозяйку неосторожным шорохом.

По случаю вчерашних событий Магистресса распорядилась приостановить занятия на несколько дней, и Марори, вопреки раздраженному сопротивлению эрэлима, решила использовать эту возможность, чтобы сделать все необходимые покупки. Правда, пришлось переступить через себя и согласиться на его условия: оставить Сатиса «дома» и прихватить в качестве компании Нотхильдиса и Ти’аля. И если серафим охотно согласился на вылазку, то Нот едва ли не каждую минуту напоминал о своем недовольстве.

И вот, без четверти по полудню, они вчетвером битых тридцать минут околачивались на промозглом ветру в ожидании подходящего транспорта. Марроу развалился на скамейке и лениво уткнулся в телефон, Нотхильдис наяривал круги вокруг крытого павильона, а они с Ти’алем время от времени обменивались молчаливыми взглядами. Пока, наконец, серафим не выдержал и не подошел с явным намерением поговорить. Марори ничего не могла с собой поделать: даже факт того, что этот парень тоже один из «шпионов» не изменил ее к нему отношения, которое сама Марори считала жуткой смесью благоговейного трепета и величайшего восхищения. Потому что точно знала: случись с ее телом нечто подобное, она бы больше никогда не смогла улыбаться и радоваться жизни. Серафим же выглядел так, будто ему заменили не восемьдесят процентов тела, а поставили парочку зубных протезов.

— Сильно болит? — Серафим снял перчатки, и отраженный от стальных ладоней солнечный блик заставил Марори сощуриться. Ти’аль коснулся пальцами ее призрачного крыла, пропустил между ними эфирные перья — и морщинки в уголках его глаз подсказали, что он улыбается. — Позднее прорезание очень болезненное.

— Я привыкла. — Марори пожала плечами. Не говорить же ему, что стоило схлынуть первой эйфории от утоления голода — и боль в спине снова вернулась. Рядом с серафимом любая попытка жалеть себя была просто насмешкой над тем, что пережил он сам.

— Крылья маалаха… — Ти’аль с нескрываемым сожалением вынул пальцы из бесплотного оперения. — В жизни не видел ничего красивее.

— Малаахов нет уже давным-давно. Это просто бледная подделка под настоящую красоту. — «Как и вся я», — мысленно добавила она.

— Ты знаешь мифологию?

— Я просто «ботаник», — сказала она почти с гордостью. И тут же вспомнила Эашу, который умудрился превратить это обидное прозвище едва ли не в милый комплимент. — Много читаю в перерывах между попытками выкарабкаться из очередных неприятностей.

— Люблю умных девушек, — без тени насмешки признался он. — Умных и смелых девушек.

— Ты что ли решил склеить сестру придурка Шаэдиса? — не удержался от едкого комментария нарезающий очередной круг Нотхильдис.

— Сразу после того, как повыдергиваю тебе ноги, — не растерялся с ответом Ти'аль и вновь переключил внимание на собеседницу. — Мне жаль, что тебе пришлось столько вынести. Никто не заслуживает такой участи.

Она честно попыталась сказать что-то нарочито безразличное, но не подобрала нужных слов и поэтому промолчала. К счастью, как раз подошел экспресс и на какое-то время разговор потерялся за обыденными делами: оплатой проезда, попытками ухватится за что-нибудь в битком-набитом вагоне. Под напором других пассажиров их с Нотхильдисом сильно прижало друг к другу. Марори пыталась отвернуться, но чей-то локоть под ребра заставил ее вскинуться, повернуться в поисках более безопасного положения — и заодно уткнуться носом спектру в плечо. Тот раздраженно вздохнул, попытался отодвинуться, но только усугубил ситуацию.

Марори слышала аромат его крови даже сквозь толщу всех прочих запахов. Густой, пьяняще-сладкий запах чистого адреналина, сулящий избавление от боли, обещающий приток сил, которые обновляли ее, стирали все горести, будто ластик — карандашный рисунок. Она ничего не могла с собой поделать, она отчаянно нуждалась в новой порции своего личного дурмана, и сейчас, в эту самую секунду, была готова взять ее несмотря ни на что.

К большому облегчению Марори, остановка за остановкой пассажиров в вагоне становилось все меньше, и вскоре стало просторно настолько, чтобы они с Нотом, к обоюдному облегчению обоих, разошлись в разные углы. До конечной остановки Марори ощущала на себе сочувствующий взгляд серафима. И мечтала провалиться сквозь землю, лишь бы больше никогда в жизни не чувствовать себя таким бесхребетным существом. Хоть чутье подсказывало, что сегодняшнее проявление голода — сущие пустяки по сравнению с тем, во что она превратится, когда жажда крови станет сильнее.

— Ну и чем ты обычно занимаешься, когда не борешься за свою жизнь? — Ти'аль уселся напротив нее. Серафиму явно было неуютно на маленьком для его новых габаритов сиденье. Поэтому, поерзав, все-таки поднялся и присел перед Марори на корточки, с нескрываемым интересом изучая ее. — Какую музыку слушаешь? Что читаешь?

— Отрыжка Светлых, он действительно решил приударить за этим лабораторным экспонатом.

Так Марори поняла, что Нотхильдис, хоть и сидит в противоположной стороне вагона и делает вид, что все происходящее ему глубоко безразлично, на самом деле следит за каждым шагом и каждым словом.

— Не мог бы ты заткнуться? — прикрикнул на него Марроу. Его взгляд был неприятно тяжелым.

Марори предпочла промолчать и Ти'аль, поняв, что разговора не выйдет, поднялся и встал около окна.

— В таком виде, — без тени грусти, будто говорил о чем-то совершенно обыденном, сказал Ти'аль, — я могу приударить разве что за батарейкой.

В полной тишине экспресс въехал в каменный тоннель, и тьму вагона разбавил голубоватый свет загоревшихся ламп. Марори почувствовала неприятный холодок страха.

Поругала себя за беспочвенную панику — и на всякий случай осмотрела своих спутников. Те выглядели абсолютно спокойными, а Нотхильдис вовсе заткнул уши наушниками.

— Ты когда-нибудь видела Латран? — снова заговорил серафим.

— Только на картинках в интернете. Я… мечтала об Эльхайме… — «Всю свою жизнь», — чуть было не сказала она, но вовремя спохватилась. — Я много знаю о территории небеснорожденных.

— Латран — самое красивое место на свете, — с искренностью человека безоговорочно верящего в правоту своих слов, сказал Ти'аль, разглядывая что-то в черноте за окном вагона. — Я там родился.

— Наш железный друг пытается сказать, что он столичный мажор, — вставил Нотхильдис. — А мы с Марроу — неотесанные дуболомы из пригорода.

— На твоем месте, Марори, я бы не обращал внимания на слова этого типа, потому что на самом деле он славный парень, но даже мне иногда невыносимо хочется оттаскать его за уши. Когда-нибудь он переступит черту моего личного терпения и человеколюбия, и тогда, боюсь, придется выбить из него дурь. Возможно даже пинками под зад.

— Надеюсь, у этой дра'морки есть четкий план, куда и зачем пойти, — продолжал ворчать Нотхильдис, — потому что еще больше, чем проклятокровных, я ненавижу ходить по магазинам. Тем более с девчонками.

— Как будто ты знаешь, что это такое, — поддел его эрэлим.

— Для начала этой дра'морке нужно сходить в отделение «Кроучерс», — сказала Марори.

И умолкла, потому что тоннель, наконец, кончился, и из черноты экспресс вынырнул прямо в заснеженный белоснежный город. Здесь неописуемое великолепие зданий странным образом сочетало в себе и современный дизайн, и старую добрую классику. Замки соседствовали с высокотехнологичными небоскребами, рядом с неоновыми вывесками журчали мраморные фонтаны, не замерзающие даже при минусовой температуре. А внешний вид небеснорожденных сочетал и модное мини с рваными джинсами, и технологичные импланты, и классические вычурные кружева. Казалось, где-то поблизости открылся портал в далекое прошлое, и жители двух времен перемешались, создали причудливый, сумасбродный, но изысканный стиль во всем, начиная одеждой и заканчивая архитектурой.

Марори прилипла к окну, оставив насмешку Нотхильдиса о том, что дра'морку выпустили, наконец, из клетки в цивилизованное общество. То, что он будет постоянно издеваться над ней по самому незначительному поводу, было так же очевидно, как и легкий шорох скользящего по рельсам экспресса.

— «Золотая стрела». — Ти'аль указал пальцем на сверкающий под солнцем небоскреб. Он в самом деле казался отлитым из золота и сверкал безупречной чистотой. — Самый крупный торговый центр Латрана. В кафе на третьем этаже готовят вкусный морковный пирог, на двадцать пятом — магазин с самыми продвинутыми гаджетами. С сорокового по пятидесятый — одежда.

— Мне нужны учебники и форма, и еще вот… — Марори достала список из бокового кармана рюкзака, пробежала по нему взглядом. — И еще инструменты для вот этих предметов.

— Это все можно купить на Эвери. Там целый квартал таких магазинов, — сказал эрэлим и снова уткнулся в телефон.

Марори не могла не отметить несвойственные ему молчаливость и кажущуюся отрешенность.

— Эвери? — Она вопросительно посмотрела на серафима.

— Район в южной части города. Что-то вроде любимого места всех студентов Эльхайма. Тебе там понравится.

— Сначала «Кроучерс», — твердо сказала Марори.

— Тогда мы почти приехали.

Они вышли через две остановки неподалеку от гротескного темного здания, которое на фоне ярких красок и снега выглядело, уродливой насмешкой над окружающей гармонией. И все массивные гранитные истуканы на его фасаде заставили Марори счастливо улыбаться.

— Что, дра'морка, увидела знакомые физиономии? — Нотхильдис скорчил страшную рожу, пытаясь спародировать оскал каменных чудовищ.

— Ага, — с радостной улыбкой, нарочно игнорируя его попытки вывести ее из себя, отозвалась она и вошла в галантно распахнутую Ти'алем дверь.

Внутренний интерьер был под стать внешнему оформлению: обивка из темного дерева, черный с оранжевыми искрами мрамор на полу, массивные колонны, обелиски у стен, испещренные старинными рунами. Скорее всего бутафорские, но они идеально дополняли мрачную атмосферу.

Марори присела за один из столов, чувствуя, что вид горгульи, изучающей клиентку поверх стильных очков в золотой оправе, заставляет ее подавлять глупую улыбку. Все же Дра'Мор проник в нее куда глубже, чем она могла представить.

— Чем могу помочь… — Служащая оценила призрачные крылья клиентки, — деррани?

Марори протянула ей полученную от Крэйла карту, назвала свое имя.

Лицо горгульи вытянулось, глаза стали большими и круглыми, а через секунду она едва не задохнулась от внезапного приступа кашля. Марори ошарашенно поерзала на стуле. Потребовалось несколько минут, чтобы служащая пришла в себя.

— Прошу простить меня за неподобающий прием, айра Шаэдис йор МиолМорна. Прошу вас пройти за мной. Молодые люди, — горгулья осмотрела ее «свиту», — могут подождать здесь.

Горгулья указала на кожаный диван, но никто из небеснорожденных с места не сдвинулся.

— Они — мои… охранники. — Марори решительно не нравился вкус этого слова, но ничего более подходящего в голову не пришло.

Банковская служащая перевела взгляд с парней на нее и обратно. В ее голове под гладкой прической явно не укладывался тот факт, что трое небеснорожденных занимаются охраной проклятокровной, но она не стала задавать лишних вопросов.

— Вообще-то внутренние правила «Кроучерс» запрещают небеснорожденным заходить дальше зала обслуживания клиентов. — Горгулья потеребила шпильку на галстуке. — Но для члена семьи владельца, полагаю… мы можем сделать исключение.

Члена семьи владельца?

— А, проклятый Шаэдис, — сквозь зубы, где-то за спиной Марори, выплюнул Нотхильдис. — Всюду у него все схвачено. Эта долбаная опухоль и здесь пустила свои корни.

— «Кроучерс» — банк с самыми высокими гарантиями безопасности вкладов, — невозмутимо, будто читала прямо с рекламной брошюры, сказала горгулья. — Многие наши

клиенты, которым мы гарантируем сохранение их инкогнито, являются небеснорожденными.

— Моя семья, например, — подтвердил серафим.

— Как видишь, у светлых и темных не так уж мало общего, — не поворачивая головы, сказала Марори, нисколько не сомневаясь, что спектр поймет, кому предназначены эти слова.

— С нильфешни пойду я, — сказал Марроу.

Марори очень хотелось, чтобы Ти'аль возразил, но серафим не стал спорить, чем в который раз доказал, что в их странной четверке его смело можно назвать самым трезвомыслящим.

Горгулья провела их по коридору прямо в кабинет администратора. Узнав имя клиентки, пожилой ифрит буквально рассыпался в льстивых словах. Марори понятия не имела, как реагировать на подобные «бонусы» новой фамилии, потому что до сегодняшнего дня имя Шаэдисов заставляло всех вокруг либо плеваться, либо гадливо морщиться. И уж никак не заглядывать в глаза с желанием угодить.

После горячего приветствия, беседы ни о чем в ожидании, пока секретарь принесет кофе и сладости, ифрит перешел к делу.

— На ваше имя открыт счет на сто тысяч эспер, айра Шаэдис йор МиолМорна. Ежемесячно эта сумма, кроме положенных процентов на остаток средств, будет увеличиваться еще на пятьдесят тысяч. Вы имеете полное право распоряжаться этими средствами всегда и на любые цели. Так же на ваше имя открыт дополнительный страховой счет на случай оговоренных открывателем ситуаций.

— Каких ситуаций? — Марори даже не пыталась переварить услышанное. Озвученная сумма по меньшей мере трижды покрывала все ее самые смелые мечты на всю жизнь.

— Я не имею право разглашать эту информацию. Лишь ставлю вас в известность. Так же на ваше имя оформлена банковская ячейка.

— За этим я и пришла.

После оформления необходимых бумаг они с Марроу, в сопровождении охраны и лично администратора, минуя несколько защитных барьеров, спустились в подземные хранилища. Здесь Марори получила ключ с номером и вместе с кодом, который ввел администратор, отомкнула соответствующую ключу ячейку.

— Теперь я вас оставлю, айра. Я буду снаружи. Не торопитесь.

Марори села за стол, поставила перед собой длинный ящик из странного шершавого черного металла и какое-то время гипнотизировала его взглядом. В голове то и дело, будто искры, вспыхивали слова Крэйла о ее новом «особенном» статусе и что он позаботиться о ней. Она не придавала им серьезного значения и потому пока не знала, как реагировать: стыдиться, что не заслужила всего этого или радоваться, что по крайней мере не придется ломать голову над решением шкурных вопросов.

— И долго ты намерена вот так сидеть? — напомнил о себе Марроу.

В самом деле?

Она открыла ящик, выложила на стол скудное содержимое: сложенный в несколько лист и бархатную, потертую коробку. Из коробки торчал клочок бумаги, на котором жутко неразборчивым корявым почерком было написано: «Моя мать была бы рада, если бы эту вещь носил достойный человек».

Марори покосилась на эрэлима и все-таки подловила его любопытный взгляд. Марроу

ругнулся, отошел в другой конец хранилища и уселся прямо на пол, всем видом давая понять, что ему плевать на личные дела Шаэдисов.

Она открыла коробку — и, хоть очень старалась, не смогла сдержать пораженное «ох!»

Внутри, на порядком потертой бархатной подушке, лежал массивный витой черный браслет в виде ветви какого-то плюща, где каждый лист был любовно выложен не ограненными черными камнями. В центре, в импровизированном соцветии, в ложе из листьев, лежал крупный квадратный камень цвета свежепролитой крови. Вещь приятно тяжелила ладонь. Марори понятия не имела ни что это за камни, ни какова их ценность, но с первого взгляда на украшение ощутила острую потребность надеть его на руку — и не снимать никогда.

Но прежде, чем она примерила украшение, ее остановил Марроу. Он буквально в два прыжка оказался рядом, схватил ее за руку и отобрал украшение. Марори впервые в жизни так сильно хотелось выкрикнуть какую-нибудь обидную гадость, просто от досады, что в ее личную идиллию вторглись без приглашения и с грязными ногами.

— Что это? — Эрэлим с видом, будто поймал ядовитую гадюку, повертел браслет в руке.

— Это мое, — не скрывая злости, ответила она. — Верни.

— Какой-то артефакт от Вандрика?

— Нет.

— Уверена? — Марроу погладил красный камень, заглянул в его алую темноту. — Точно уверена, что это не ловушка? Не попытка превратить тебя в…

— … в чудовище? — закончила за него Марори. — Я и так чудовище.

На секунду Марори почудилось что-то похожее на раскаяние на его лице, но наваждение быстро прошло. Эрэлим вернул браслет, но остался стоять рядом, пока Марори примеривала его на руку. Украшение оказалось в самый раз: витые лозы достаточно плотно обхватывали запястье, но не давливали кожу. Некоторое время она просто любовалась этим совершенством на своей руке, а Марроу наблюдал за ней, даже не скрывая, что готов к любому «сюрпризу». Но ничего не произошло. Камни продолжали подмигивать редкими алыми всполохами, а сама Марори ни во что не превратилась. Разве что чуть не разревелась от нахлынувшего чувства благодарности и невозможности проявить его прямо сейчас.

Хотя, у нее же теперь есть некоторая… финансовая свобода. Можно позволить себе

купить мало-мальски приличный телефон. Чтобы там Крэйл не думал, она не станет транжирить деньги на всякие глупости.

Когда Марори развернула листок и прочла первые строки, то поняла, что в их странной паре Крэйл определенно знает ее лучше, чем она его.

«Надеюсь, браслет тебе подошел, — было написано все тем же корявым угловатым почерком, — не вздумай его снимать».

Она не удержалась и хихикнула в кулак, воображая, с каким серьезным лицом Крэйл сказал бы эту фразу, глядя ей в глаза.

«Я помню про твоих тараканов и прочие дурости, которыми кишмя-кишит твоя голова, а еще про рассеянность и невнимательность, поэтому написал все, что ты должна купить в ПЕРВУЮ же свою вылазку за пределы светлого клоповника. Покупать можешь в любом порядке, но и думать не смей что-то пропустить».

В конце вступления Крэйл пририсовал злобную рогатую рожицу.

А дальше шел список…

Номер первый: телефон. Крэйл выписал несколько моделей, около одной из них приписал: «У меня такой же, здесь отличная камера для фото в обещанных коротких шортиках. Позвони мне сразу же, как купишь телефон. Скорее всего, к этому времени я уже успею к Темным развалять то, что еще осталось от моего дома».

На этот раз спрятать улыбку не удалось. Ну и ладно, имеет она, в конце концов, право побыть минутку счастливой, впервые за долгое время наслаждаясь заботой «братца Крэйла».

Список оказался довольно подробным, а указания — прямолинейными, четкими и безапелляционными. Новый ноутбук, планшет, плеер, «все, что тебе нужно для учебы, и учти, Кусака, ты — Шаэдис, и если ты не утрешь нос небеснорожденным ублюдкам, это бросит тень на нашу с тобой и без того подпорченную репутацию». Потом шла одежда: повседневная и верхняя, хорошая удобная обувь, нижнее белье «…у меня большие сомнения, сможешь ли ты выбрать что-то приличное, потому вынужден буду пойти в магазин вместе с тобой. Ты помнишь про хорошую камеру в телефоне? Она нам пригодится».

Что значит «пойти вместе с тобой?» Выбирать белье?

Пунктом последним, но подчеркнутым двумя жирными линиями, значились короткими шортики.

Марори поняла, что слишком явно краснеет, чтобы это осталось незамеченным. Она поскорее спрятала список во внутренний карман куртки, приложила прохладные ладони к пытающим щекам.

— Надеюсь, это все? — Марроу даже не пытался скрыть раздражения. — Куда дальше?

— В «Золотую стрелу». Мне нужно купить парочку самых дорогих гаджетов.

До торгового центра, по предложению Ти’аля, решили прогуляться пешком. К счастью, погода позволяла: солнце полоскало столицу ярким светом, мороз приятно покусывал за щеки, в воздухе пахло… умиротворением. Как будто все случившееся раньше, до этой минуты, было тревожным сном. Марори не питала иллюзий, что на этом ее борьба за выживание закончится, скорее наоборот — наберет новых оборотов. Но сегодня, когда ничто не предвещает неприятностей, а за спиной трое небеснорожденных парней, доказавших, что в состоянии постоять за себя и остальных, она может, наконец, ненадолго расслабиться. И впервые в жизни насладиться тем, что считается истинным женским пороком — шопингом, без ограничений по карте.

Телефон Марори выбрала такой, как и у Крэйла. Он оказался довольно крупным и

тяжелым из-за стального корпуса, но камера в самом деле поражала качеством снимков. Пользуясь тем, что все трое увлеченно выбирают наиболее удачную модель ноутбука, Марори потихоньку отошла в уголок и набрала с бумажки десять цифр номера. Сделать это дрожащими пальцами оказалось непросто.

После третьего гудка в трубке раздался знакомый голос:

— Да?

— Привет, Клыкастый, — поздоровалась она, чувствуя сдавившую горло нежность. Невозможно, что они уже столько времени друг от друга на невыносимо большом расстоянии.

— Марори Шаэдис… — Он с шумом выдохнул, помянул задницу какого-то демона. — Кусака, ты в порядке?

— Да, — ответила она, но пауза перед «да» выдала ее с головой.

— Даже не думай мне врать, Марори Шаэдис, потому что я буду очень зол. Что эти твари с тобой сделали?

— Ничего такого, чего бы со мной не сделали… другие. Крэйл?

— Да?

— Я… мне тебя… не хватает. — Слова упорно застревали в горле. В воображении все эти фразы звучали уверенно, даже с нотками кокетства, чего за ней отродясь не водилось. Реальность доказала, что кокеткой ей никогда не стать. — Я хотел сказать, что скучаю.

— И я скучаю, Кусака, — чуть охрипшим голосом отозвался он. — Я же говорил, что ты заноза в мой голове. Мы поговорим обо всем потом, не сегодня, договорились?

— Согласна, — с облегчением выдохнула она. — Клыкастый, я хотела спросить…

«Марори, не смей это спрашивать, даже не думай открывать рот!»

— Спрашивай, Кусака.

— А правда, что у тебя и там тоже есть пирсинг?

Под его заливистый и живой, заразительный смех, она поняла, что оттаивает. Окончательно вытравливает из души призраков страха и своих личных бесов. По крайней мере на какое-то время.

— Не клади трубку, Кусака.

Спустя полминуты ей «прилетело» сообщение с фотографией и загадочной припиской «Ну так посмотри». Она колебалась недолго. Ну не мог же он, в самом деле, прислать ей что-то совершенно непристойное. Или мог?

На снимке был Крэйл. Топлес. С отросшими почти до плеч волосами — взлохмаченными и беспорядочно падающими на лицо. Определенно он только что стащил футболку или что-там на нем было, через голову, и кое-как приладил волосы пятерней. Как делал всегда.

Она снова покраснела. Сглотнула. Скользнула взглядом по мышцам, жилистым рукам со знакомым орнаментом, шраму на его груди, оставленному ей-прошлой.

— Ну что, нашла? — раздался в трубке его насмешливый голос.

— У тебя нет никакого пирсинга, — справившись с дыханием, пожурила она.

— Конечно нет, кроме того, о котором ты и так уже знаешь, — от души рассмеялся Крэйл. — Но, согласись, я не мог упустить такой шанс. Сделай мне одолжение — поменьше слушай эльх. Они через одну… странные.

— Зато теперь у меня будет фотография моего… парня.

— А у меня твоей до сих пор нет. Не забыла про шортики? И все остальное?

— Про остальное я еще думаю.

— Пффф, — фыркнул он. — Твое «я еще думаю» не принимается, Марори Шаэдис.

Они договорились положить трубки не прощаясь, потому что теперь, наладив связь, наладили, пусть и призрачный, мост друг к другу.

Из магазина Марори вышла с, по уверениям продавцов и ее спутников, ультра-мощным ноутбуком, планшетом и плеером. И на этот раз обошлось даже без ворчания Нотхильдиса. Хотя, хватило спектра ненадолго. Стоило Марори сказать, что следующие на очереди «покупки для девочек», он трагически закатил глаза и пообещал броситься вниз башкой с небоскреба, если это затянется надолго.

Покупка одежды действительно заняла много времени. В первую очередь потому, что разнообразие фасонов, тканей и цветов повергло Марори в ступор. Все это красиво смотрелось на утонченных или ультрамодных небеснорожденных, а на вешалке превращалось в оду безвкусию. Пришлось прибегнуть к помощи консультантов, которых на ее «пластик» слетелась тьма тьмущая. Первое время каждая из светлых переживала культурный шок, стараясь не слишком пялиться сначала на шрам на лице, потом на кроваво-черную сигилу, но спустя несколько минут, поняв, что клиентка не собирается закатывать истерик, девицы оживлялись и пускали в ход свои навыки. К большому облегчению Марори в магазине был и кофе-автомат и несколько удобных диванов, а еще доступ к паре сотен бесплатных каналов. И пока она терпеливо примеряла одну вещь за другой, трое телохранителей жевали чипсы и следили за ходом футбольного матча. Правда, не забывая время от времени поглядывать в ее сторону. Поддавшись хорошему настроению, Марори списала это на заботу о ее жизни и здоровье, а голос, шепчущий что-то про тюремщиков, заткнула так глубоко, что оттуда раздавалось лишь его неразборчивое мычание.

Сегодняшний день она заслужила весь до конца. День обычной семнадцатилетней девчонки, которая впервые в жизни купила сапоги дороже, чем до недавнего времени стоил весь ее гардероб. Дороже, этак, раза в три.

Когда с основными покупками было покончено — Марори в панике косилась на гору бумажных пакетов, в которые упаковали так много вещей, что она уже начинала забывать, что же успела купить — пришел черед выполнять один из пунктов договора. Смущаясь, словно собиралась просить о чем-то непристойном, Марори подозвала одну из самых, как ей казалось, расторопных девушек, и шепотом сказала:

— Мне нужны шорты. — Сглотнула, воображая, как выглядит со стороны: только что купила зимние сапоги и шубку, а теперь собирается морочить голову поиском шорт, когда за окном минус десять и снег.

— Шорты, — повторила девушка-консультант, и в который раз оценила рост и формы клиентки. — Шерсть, полушерсть? Джинс? Хлопок?

— Я… эммм… Что-то не очень вызывающее. — «Мне в этом еще фотографироваться!» — И не очень длинное.

Девушка с пониманием кивнула, скрылась в недрах бутика, а Марори, воспользовавшись поводом, написала Крэйлу сообщение: «Первый раз хожу вот так по магазинам. Чувствую себя транжирой». Через минуту прилетело его ответное: «Чувствуй себя Марори Шаэдис. Как поживают шортики?»

Девушка вернулась со стопкой разных моделей, среди которых в глаза Марори бросилось ультракороткие джинсовые шорты с заметными потертостями на ягодицах.

— Боюсь, это слишком, — сразу отмахнулась она.

На что девушка со спокойствием удава ответила:

— У вас хорошая фигура, деррани, почему бы для начала просто не примерить? Сейчас это модно, тем более в исполнении великолепного Ёшигачи!

Кем бы ни был этот «великолепный», его имя Марори не говорило ровным счетом ничего.

Первыми она выбрала две пары шорт приглушенного серого и синего цвета, длинной чуть выше колена. В примерочной пришлось постараться, чтоб выкрутиться и сделать пару кадров в зеркале. Сложность была еще и в том, чтобы закрыть те части рук, на которых были видны орнаменты сигилы, и еще наглухо, под горло, застегнуть кофту. Ответ Крэйла не заставил себя долго ждать: «Ты ограбила какую-то старушку, Марори Шаэдис?»

Она сокрушенно покачала головой, попросила еще одну пару, короче и свободнее предыдущих. Отражение в зеркале ей нравилось, и Марори решила, что оставит их даже если Крэйл скажет, что это снова не то. А он так и сказал, точнее, написал:

«Выйди уже из магазина для Синих чулков, Кусака. В жизни не поверю, что у светлых придурков нет ни одного мало-мальски нормального магазина».

«Я их все равно оставлю».

«Да ради Темных, но я жду новые варианты».

В ответ на следующую одежку, которая, по мнению Марори, на полноценные шорты тянули с трудом, Крэйл написал лаконичное: «Короче, Кусака, хватит уже стесняться».

«Ну ладно, ископаемый шанатар, — забирая из рук улыбчивой продавщицы злополучный джинсовый лоскуток, подумала Марори, — будет тебе короче!»

В эту модель она влезла без проблем, но ткань облепила ягодицы с вызывающей плотностью. Марори попробовала наклониться, оценила себя в зеркале — и чуть не выпрыгнула из провокационно одежки. Это просто… невозможно носить такое!

Быстро, пока не передумала, сфотографировала себя со спины, почти не сомневаясь, что от стыда покраснели даже ягодицы, отправила фотографию Крэйлу. На этот раз ответ пришел не сразу, и к тому времени, когда телефон «моргнул» огоньком нового сообщения, Марори успела понапридумать всего: от «Я переборщила, что он теперь обо мне думает?!» до «Я плоская, некрасивая и вообще!»

«Я бы с удовольствием вытряхнул тебя из этих шортиков, Кусака, и сделал то, что мешает мне спокойно спать уже которую неделю».

Ее так и подмывало спросить, что же заставляет «братца Крэйла» мучиться бессонницей, но она не успела: ширма резко отъехала в сторону и, вопреки бурным протестам девушки-консультанта, внутрь ворвался эрэлим. Какое-то время они с Марори молча смотрели друг на друга, пока до нее не дошло, что она так и стоит в злополучных шортах, а за спиной опешившего Марроу маячат сальная ухмылка Нотхильдиса и покрытые румянцем щеки Ти’аля.

Бойкая продавщица все-таки проскользнула мимо эрэлима, оценила клиентку взглядом знатока и с самой лучезарной улыбкой на свете прощебетала:

— Я же говорила, что вам идеально подойдет.

— Я не понял. — Нотхильдис «облапал» ее взглядом. — Это еще шорты или уже трусишки?

Прежде чем Марори успела отреагировать, Ти’аль схватил товарища за плечо, и тот невольно присел, морщась от боли. Он попытался вырваться из хватки серафима, но Ти’аль молча поволок его вон из магазина. Эрэлим попятился, но уходить не спешил.

— Так я оформляю? — уточнила консультант с видом человека, который не готов принять отказ.

— Да, — заторможено согласилась Марори, продолжая переминаться с ноги на ногу, так и не зная, что делать под ошарашенным взглядом эрэлима. — Я возьму и предыдущие тоже.

— Желаете оформить карту ВИП-клиента?

В ответ на это Марори резким нарочитым движением задернула ширму и втиснулась в угол, пытаясь набраться сил, чтобы переварить случившееся. А что, собственно говоря, случилось, кроме того, что стараниями Марроу вид ее задницы стал достоянием общественности?

Ох, Светлые и Темные, ну почему даже простой поход по магазинам, где просто нет места неожиданностям, не может пройти гладко?

Марори потребовалось время, чтобы справиться с растерянностью и стыдом, но и после того, как она убедила себя, что устраивает панику на пустом месте, выход из кабинки для переодевания больше походил на попытку слона пробраться незамеченным через посудную лавку.

Все трое ждали ее снаружи. Марори нарочно уткнулась взглядом в пол, пошла впереди, стараясь игнорировать недвусмысленное посвистывание спектра.

— Кто бы подумал, что под этими тряпками скрывается такое сокровище, — прищелкнул он языком.

— Тебе мало? — спокойно осведомился Ти'аль, после чего раздался звук увесистой затрещины и громкая ругань Нотхильдиса. — Еще раз заикнешься про нильфешни — добираться домой будет ползком.

— А вдруг я влюбился? Эй, дра'морка, пойдешь со мной на свидание? А Марроу посторожит мелкого Шаэдиса, а то еще с цепи сорвется, придется ему по голове настучать.

Марори честно пыталась пропускать поток чуши мимо ушей. Понимала, что спектр просто издевается над ней, пытается вывести ее из себя. Старалась — и проиграла внутренним демонам, которые предлагали перестать сдерживаться и показать небеснорожденному болтуну, где его место. Поэтому, когда она резко остановилась, развернулась на пятках и перегородила ему путь, Нотхильдис с насмешкой принял этот немой вызов.

— Ну так что, Пуговица. Пойдешь? Я и на десерт сгожусь. — Он подался к ней наклонился — и оттянул ворот своего свитера, обнажая мерно бьющуюся на шее артерию.

Искушение впиться в него клыками было так велико, что Марори сглотнула. На помощь пришли слова Крэйла: «Ты теперь Шаэдис, не порти нашу репутацию».

— Боюсь, что девочка Шаэдис йор МиолМорна такому уроду никак не обломится, — с мягкой злостью, глядя прямо ему в глаза, ответила она. И тоже прищелкнула языком. — А братик Крэйл в одиночку изрубил на куски Неназванного — и остался жив, невредим. И стал еще злее. Уверен, что хочешь приударить за его сестрой, небеснорожденный? Думай хорошенько, потому что в следующий раз можешь лишиться языка за одну только мысль, чтобы сказать что-то мне в спину.

Марори выдохнула, запоздало соображая, что же только что произошло. Какая муха ее укусила? В Дра'Море ее задевали куда сильнее и ядовитее, но она и думать не смела, чтобы сказать что-то настолько грубое в ответ.

— Ты заслужил каждое слово, — неожиданно поддержал ее Ти'аль. — И, кстати, Нот,

про Неназванного — чистая правда.

Нотхильдис так переменился в лице, что на секунду Марори поверила, что он придушит ее на месте, но спектр молча растолкал их локтями — и вырвался вперед, на ходу показав всем им средний палец.

Марори снова выдохнула.

— Может хватить молоть чушь про «братика Крэйла»? — спросил черный как туча Марроу. — Все знают про эту хрень. И что ты с ним трахаешься — тоже.

Возможно, он был прав, и об этом действительно знали все. Все, кроме серафима, которого эта новость заставила сперва вскинуться, а потом грустно улыбнутся. Марори хотела было сказать, что ничего такого нет, но… разве это имеет значение? Пусть думают, что хотят.

— День открытий, да, мой стальной друг? — Эрэлим похлопал Ти’аля по плечу. — Эта дра’морка просто полна сюрпризов, как долбаная шкатулка с секретом.

Глава шестая

Настроение Марори стремительно опустилось до самой нижней отметки. Только что все было хорошо — лучше не придумаешь! — и вот одному очень любопытному и информированному эрэлиму втемяшилось поведать всем и каждому о ее отношениях с Крэйлом. Ладно, пусть не каждому. Пока еще. Ну да с него станется. И не спали они вовсе. Зачем наговаривать?

Всё той же компанией, но больше не болтая, они спустились в метро и с двумя пересадками добрались до студенческого квартала. Это место разительно отличалось от остального Латрана — в первую очередь обилием молодежи на улицах. Студентки Эльхайма отличались форменными шапочками с длинными белыми и синими перьями, в то время как парни в обязательном порядке повязывали поверх одежды бело-синие шарфы с эмблемой академии. Марори отметила, что на ее спутниках таких шарфов нет, но спрашивать, почему, не стала. Мало ли какой параграф их засекреченной организации запрещает носить на людях отличительные знаки Эльхайма. Хотя, скорее всего, дело было в банальном пренебрежении модой. Эльхайм слыл элитным местом обучения, и зачисление в ряды его студентов было хорошим поводом для гордости. Марори подумала, что если бы несколько месяцев назад то письмо не оказалось фальшивым и она стала бы студенткой Эльхайма, то носила бы шапочку с пером днем и ночью.

Для начала она заглянула в магазин, в стеклянной витрине которого красовались новенькие, вычурные комплекты форменных костюмов. Особой радости не было даже от подгонки выбранной формы по фигуре. Разве что вид себя в зеркале в белом платье и строгом сюртуке, белой с синей отделки, заставил подумать о том, как естественно на этом фоне смотрятся ее призрачные крылья. Хозяйка ателье предложила несколько вариантов пиджаков, но Марори отказалась даже смотреть на них. Настроение было окончательно испорчено, и все, чего она хотела — поскорее оказаться в уютном одиночестве своей комнаты, где рядом будет по крайней мере одна родная, пусть и порожденная Хаосом душа.

Следующим на очереди был костюм для практических занятий — исключительно практичный, темно-синий, почти черный: штаны из мягкой замши, к ним пара свитеров с эмблемой Эльхайма, две куртки, одна из которых была подбита теплым мехом. Пара туфель и пара высоких сапог. Покупки обещали доставить уже вечером. Судя по той горе обновок, которая прибудет к этому же сроку из магазина повседневной одежды, ей будет чем под завязку забить гардероб.

Учебники они нашли в магазине двумя кварталами ниже. Полный комплект включал семнадцать толстых здоровенных книг, к ним же шли рабочие тетради, дополнительные справочники. Марори купила также полные комплекты учебников за Первый и Второй круги обучения, чтобы догонять пропущенное и не выглядеть на занятиях той самой «ничего не знающей дра'морской козой». Два дня в Эльхайме показали ей, чего ждать от светлых однокурсников. Ничего хорошего — так уж точно.

— Ты не мог бы… — Марори, запинаясь от смущения, показала Ти'алю отдельный блок списка, названный «Инструментарий для работы с Плетением».

— Мы как раз туда идем, — мягко, как будто и не произошло ничего неловкого, сказал серафим. — Все в порядке, Марори? Разве девушку не должны радовать покупки и обновки?

— Должны, — ответила она, стараясь не смотреть на идущего чуть в стороне Марроу.

Нотхильдис так и шел впереди. Оторвавшись достаточно далеко, чтобы выглядеть как посторонний прохожий, он все же сбавил темп. — Я просто устала.

— Понимаю, — с видом человека, который действительно понимает, отозвался он. — Ты привыкнешь, Марори. Мы не все такие уж недружелюбные сволочи. В любом случае, в Дра'Море тебе наверняка сделали прививку от слабости.

— Вроде того.

Вскоре они оказались перед лавкой довольно непритязательно вида. Вывеска над ней гласила: «Тайны Плетения». Марори отметила, что, если бы ее не ткнули носом, она бы обязательно прошла мимо. Внутри оказалось на удивление просторно, и светло, и довольно антуражно: массивные деревянные полки ломились под тяжестью кристальных осколков и кластеров, странных каменных многоугольников, отдельные из которых как будто светились изнутри. На столах стояли подставки с колбами и склянками. В некоторых была жидкость, на вид напоминающая подкрашенную акварелью воду, в других — разноцветный песок. В некоторых Марори увидела запечатанный дым. Прочие странности, вроде выложенного по суставам скелета какого-то членистоногого, размером с нее саму, Марори даже не считала — они были везде.

Единственными вещами, которые нарушали эту любовно вылепленную атмосферу старины, были плоская «плазма» на стене и кассовый аппарат, из-за которого им навстречу уже спешил долговязый пожилой мужчина с заметным нимбом над седой шевелюрой. Увидев Марори, он замер, с непониманием рассматривая ее крылья. К счастью, внутрь с ней зашел только Ти'аль, остальные караулили снаружи.

— Я поражен тем, что видят мои глаза, — сказал мужчина, когда к нему вернулся дар речи, — Если Светлые не покарали меня слабоумием, действительно ли юная деррани — малааха?

— Действительно, — опередил ее с ответом серафим и выразительным взглядом предложил не оспаривать его заверение.

Мужчина пригладил волосы, пошарил по одежде, приводя в порядок ворот рубашки и тонкую полоску галстука, как будто стеснялся своего внешнего вида. Потом взял ладонь Марори в дрожащие пальцы и поцеловал с галантностью, достойной рыцаря из средневекового романа.

— Чем я, скромный служитель этой обители покоя и тишины, могу быть полезен дочери чистейшей светлой крови?

Марори было страшно открывать рот. Вряд ли выразившего такое благоговейное восхищение мужчину очень порадует вид ее клыков. Поэтому она молча протянула ему список и, не разжимая губ, улыбнулась.

Мужчина бросил на него лишь один мимолетный взгляд — и снова переключил внимание на гостью.

— Простит ли почтенная деррани мою дерзость, если я осмелюсь поинтересоваться, кем были ее предки? Я изучаю Истоки и знаю всех отпрысков крови Светлых, и всех их отпрысков, и отпрысков их отпрысков. Мне почти сто лет, но я впервые на своем веку вижу столь явное, безупречное проявление сущности наших создателей.

— Деррани устала, — снова за нее ответил Ти'аль. Скорее всего, серафим угадал ее мысли и взял на себя роль «говорящей головы». — Ее родословная — не предмет обсуждения. Мы пришли по делу и будем благодарны, если ты не станешь нас задерживать по пустякам.

Марори показалось, что Ти’аль слегка переборщил, и попытка отделаться от настойчивого любопытства вышла слишком грубой, но она понадеялась, что серафим понимает, что делает. Хотя слова продавца ее заинтересовали. Особенно те, где он говорил о крови Светлых.

— Я все понимаю, — мужчина не выглядел ни обиженным, ни разочарованным, но огонь любопытства в его глазах разгорелся с новой силой. — Я подготовлю все необходимое, пока деррани будет выбирать свой Кристалл.

С этими словами он провел их к самой большой полке, заполненной полупрозрачными самоцветами самых разных форм, размеров и цветов. Марори как заклинание мысленно повторяла часть обыденной для Адептов процедуры, которую считала едва ли не священным таинством: выбрать Кристалл по своему вкусу, заглянуть в него — и увидеть себя. Только так можно узнать, что Кристалл будет чувствовать потенциал владельца.

Она сразу поняла, какой Кристалл выберет. Потому что он стоял особняком и его острые, шероховатые грани казались неким гротескным продолжением ее самой. Она долго решалась заглянуть в его наполненную серебряными искрами фиолетовую тьму, но стоило сделать это — и все сомнения в правильности своего выбора растаяли без следа. Внутри уже «жила» четкая крохотная тень, в которой Марори без труда узнала собственные черты. В ответ на прикосновение пальцем к самой острой грани Кристалл ожил, наполнился пульсирующим, в такт ее сердца, серебристым свечением.

— Уверена? — спросил стоящий прямо у нее за спиной серафим. — Многие выбирают «лишь бы покрасивее», а потом не понимают, почему их кластеры не работают. Или работают так, что кто-то потом очень долго отлеживается в лазарете.

— Бывает и такое?

— Бывает и такое, что студенты просто исчезают, когда открывают порталы, — совершенно серьезно ответил Ти’аль. — Их потом даже иногда находят. По частям.

Марори поежилась, вспоминая свой небольшой опыт путешествий личными порталами. Странно, что Ним не убил ее вот так — затолкав в портал, настроенный на Резонирующий кластер.

— Я уверена, что этот Кристалл идеально для меня подходит.

— Еще бы, ведь это — эстрамор, — сказал продавец, который появился откуда-то из недр магазина, неся в руках стопку книг. Он передал ношу серафиму, одновременно чуть потеснив его от Марори, — и занял освободившееся место. — Когда умирал Проклятый Танос, его отравленная кровь капала в Озеро слез — и, застывая, капли приняли вот такую причудливую форму.

— Танос? — Марори хорошо помнила это имя. Именно его назвал Вандрик, когда внушал «ей-прошлой», какое же она сокровище. — Кто такой этот Танос?

— Это всего лишь красивая легенда, Марори, — сказал серафим, чем заслужил недовольный взгляд седоволосого.

— Это не легенда, молодой человек, это правда, которую по понятным причинам вычеркнули из нашего прошлого. К сожалению, даже Светлым не всегда приходилось гордиться своими поступками. И собратьями.

— По каким причинам? — не унималась она. Все остальные дела отступили на второй план. Перед мысленным взором маячила рослая фигура Вандрика, а в ушах, словно набат, звучали его слова: «Танос и Крээли… Лучшее, что могло получиться от такого союза». — Кто такой Крээли?

— Крээли? — Мужчина наморщил лоб. — Боюсь, деррани, я впервые слышу это имя.

— Марори, пойдем, — поторопил Ти’аль.

— Не раньше, чем я узнаю про этого Таноса.

— Это просто сказка, которой пугают непослушных детей, — настаивал серафим.

Но пожилой владелец магазина едва не испепелил его полным праведного гнева взглядом.

— Танос, Тринадцатый Светлый. Тот, что нарушил Заветы-на-Скрижалях.

Заветы, как же. Марори слышала о них. В какой-то части ее сознания осталось яркое воспоминание об отце, который сажал ее к себе на колени и рассказывал захватывающую дух историю о том, что, когда еще Мироздание было неделимым, существовал один лишь Единый.

Из своей крови он создал своих детей: двадцать четыре прекраснейших создания, похожих друг на друга, как капли в дожде. Со временем между братьями и сестрами начались дрязги за право считаться самым умным, или самым искусным, или самой красивой. Время шло, споры не ослабевали. Напротив, недовольство друг другом накапливалось, отравляло сердца тех, кто был создан самыми родными и близкими. А потом дрязги превратились в открытое противостояние. Единому не нравились эти конфликты, и он попытался вмешаться, вразумить детей не разрушать то, что он создавал с таким трудом. Но… Время было упущено. Ненависть к братьям и сестрам коснулась и отца. Первый Темный убил его, объявил себя хозяином мира, — и изменил в нем правила.

Так дети Единого разделились на тех, кто скорбел по своему отцу, — Светлых, и тех, кто считал, что право на власть должно принадлежать сильнейшему, — Темных. И те, и другие начали создавать армии по образу и подобию своему из крови и плоти своей. Так появились гасты, дьяволы, горгульи, серафимы и эрэлимы. Войны длились постоянно, гибли Темные и Светлые, а их создания становились сильнее и многочисленнее. Когда Седьмой Темный пал от руки смертного серафима, противоборствующие стороны объявили вынужденное перемирие, чтобы понять, что делать с гораздо более сильным противником — своими созданиями, которых за многие сотни лет расплодилось великое множество. Так были созданы Заветы-на-Скрижалях: нерушимые правила, которые, что бы ни случилось, не смела нарушать ни одна из сторон.

Марори и сама помнила, что Детей Единого было ровно двадцать и четыре. И никакого Тринадцатого среди Светлых точно не было.

— Кем был Тринадцатый? — спросила она, чувствуя, как от предвкушения вот-вот коснуться неизведанного живот скрутило узлом.

— Отступником. Отцом всех малаахов, как утверждают древнейшие источники.

— Какой Завет он нарушил?

— О, вам в самом деле интересны забытые знания, деррани? У меня есть занимательная книга, дата написания которой так далека, что мне и говорить о ней неловко. И автор сего трактата вызывает некоторое недоверие, но он опирается на некоторые доказанные исторические факты. И лично у меня нет оснований полагать, что его история — лишь выдумка. Возможно, он приукрасил ее, добавив ярких штрихов, что свойственно всем творцам, но в остальном…

Мужчина оценил ее интерес восхищенной улыбкой, потянулся было за стулом, но дверь в магазин открылась, и на пороге появился Марроу.

— Закругляйтесь, — бросил он. — Эвакуация.

Марори отрицательно замотала головой. Нет, нет и нет! Она и с места не сдвинется, пока не узнает про этого злополучного Таноса. И пусть хоть все вокруг провалится в Хаос, сгинет в Разрыве — она не уйдет вот так, стоя перед полуоткрытой дверью и даже не попытавшись заглянуть внутрь.

Словно в насмешку над ее уверенностью, земля под ногами вздрогнула. Ти'аль быстро собрал покупки в пакет, забрал из ослабевших пальцев Марори кошелек и передал владельцу магазина необходимую сумму. Мужчина смотрел на Марори с нескрываемым сочувствуем, а потом спохватился:

— Назовите ваше имя, деррани, и я пришлю вам некоторые выдержки из…

На этот раз подземные толчки стали заметно сильнее. Где-то в недрах магазина раздался грохот упавшей полки, в разные стороны брызнули осколки разбившихся Кристаллов. Но, прежде чем Марори успела открыть рот, серафим метнулся к ней, легко закинул на плечо — и выскочил наружу. Здесь уже было тесно от высыпавших наружу людей. Нотхильдис и Марроу обменялись парой фраз, которых Марори не разобрала.

— Мне нужно узнать про Таноса! — Она в отчаянии колотила по стальной спине серафима, но не было похоже, чтобы Ти'алю это хоть немного досаждало. — Я вас всех ненавижу! Вы…

Оглушительный грохот подействовал лучше крепкой успокоительной оплеухи. Рассмотреть что-либо, вися вниз ногами, было сложно, но события и так стремительно разворачивались прямо на глазах. Сначала все заполнилось оглушительным грохотом, точно где-то внизу перемалывают огромные тысячелетние валуны. Часть улицы, на которой располагались магазины, вздрогнула, по земле и по стенам зданий поползли трещины, начали проваливаться крыши. Прошло не более нескольких минут, а улица, недавно полная галдящих, бегущих по делам студентов, рассыпалась грудами каменных осколков, над которыми висела удушливая пелена пыли.

Ти'аль уверенно бежал прочь, а Марори с отчаянием смотрела на обломки того, что минуту назад было магазином.

Ба-бах! То немногое, что уцелело, вспучилось ослепительно ярким огненным шаром, родившимся где-то в недрах несчастного магазина. Куски кирпичей разлетелись в стороны, словно какое-то адское конфетти. Марори подумать, что в который раз обязана своей жизнь одному из небеснорожденных.

Уцелевшие студенты спешили в сторону площади, которую вроде бы катаклизм не настиг.

— По-моему, все успокоилось, — сказал Марроу. Несмотря на быстрый бег, он почти не запыхался.

Ти'аль не сразу, но поставил свою ношу на ноги и заботливо придерживал под локоть, пока она не перестала шататься.

— Прости за грубость, Марори, — он виновато поскреб закованный в сталь затылок.

— Вообще сдурел? Ты ей жизнь спас, — не удержался Нотхильдис.

— Нот… — Голос Ти'аля стал тихим-тихим, и настолько злым, что Марори захотелось посторониться. — Еще одно твое тупое замечание — и я, клянусь Светлыми, сделаю так, что случившееся в Хаосе покажется тебе прогулкой в парк развлечений для трехлеток. Будешь и дальше испытывать мое терпение или, наконец, заткнешься?

— Да пошел ты, — фыркнул Нотхильдис.

— Ну и что это было? — спросил Марроу, когда стало ясно, что спор исчерпан.

— Обычное землетрясение? — предположил Ти’аль.

— Сомневаюсь, хотя…

Пока они обсуждали возможные причины случившегося, Марори невидящим взглядом продолжала смотреть в сторону, где парой кварталов ниже догорало то, что несколько минут назад было лавкой торговца Кристаллами. Это какой-то злой рок? Как только она нащупала что-то действительно важное — оно тут же превратилось в пепел. Она зажмурилась, мысленно откатывая события назад. Нужно запомнить все, каждое его слово. Если он нашел эти знания, то и она сможет. Должна суметь, если не хочет превратиться в ходячий апокалипсис замедленного действия. Проклятый Танос — тот, кто нарушил Заветы-на-Скрижалях.

Ее так и подмывало спросить Ти’аля, что это за сказка, ведь серафим, судя по его репликам торговцу, знал, о чем идет речь. Возможно, то, что для него всего лишь страшилка на ночь, для нее станет настоящим ключом если не к спасанию, то хотя бы к пониманию себя. Но может ли она ему доверять? И что будет, если ее заинтересованность не останется незамеченной Марроу и Нотом? Вот уж кому точно не стоит говорить ничего лишнего. Все, что так или иначе связано с Вандриком, автоматически бросает тень на Крэйла и ставит его под удар.

— Ты в порядке, нильфешни? — заметив ее задумчивость, спросил Марроу.

— Да, в полном.

Нет, лучше язык себе откусить, чем сказать при нем хоть слово. Она подождет подходящего момента. Уж терпения ей не занимать.

— Надо потихоньку валить отсюда, — сказал Нотхильдис. — Было это простое землетрясение или какая-то другая хрень, шавки Лиги уже где-то в пути. Лучше не рисковать, а то подарим им эту дра’морку на блюдечке с цветной каемочкой.

— Предлагаю единственному местному вывести нас окольными путями, — добавил Марроу.

— Боюсь, здешние достопримечательности я знаю не лучше вас, — сказал Ти’аль

— Язва Темных, я чуть не забыл, что ты парень из богемы. Что же, в таком случае придется вам довериться моему врожденному чутью находить выход из любой задницы.

Спустя примерно полчаса, блуждая какими-то темными и грязными подворотнями, о которых был не в курсе даже GPS навигатор, они все-таки вышли на более или менее оживленную улицу и слились с потоком горожан. Все спешили прочь от злополучного места, где недавно произошла катастрофа. Когда кто-то в толпе обмолвился о прибывших Дознавателях, эрэлим поднял Марори воротник, одновременно спуская ее шапку едва ли не ниже глаз. Марори интуитивно втянула голову в плечи и пристроилась так, чтобы широкие плечи Ти’аля скрывали ее от посторонних глаз.

К счастью, до Эльхайма они добрались уже без приключений. Правда, всю дорогу до академии ее провожатые вели себя, как натасканные псы: цепко всматривались в каждое лицо, вслушивались в разговоры, оценивали каждого глянувшего в их сторону пассажира поезда, словно тот с плакатом в руках заявлял о своем намерении завладеть их подопечной. Марори тихонько сидела в углу, смотрела в запотевшее окно и вспоминала о взрыве, в котором пропали ее так и не оформившиеся надежды узнать о себе что-то новое. Неужели Вандрик — единственный, кто знает, что она такое и зачем появилась на свет?

По возвращении отделаться от Марроу не удалось до самой комнаты. Эрэлим уперся, что проведет ее и проверит, все ли в порядке. И даже ее напоминание о нерушимых печатях

на замках, о которых он сам так хвалебно отзывался, не повлияли на его решение.

— Доволен?

Она так и осталась стоять на пороге, пока Марроу обыскивал каждый угол в комнате, при этом стараясь не подходит достаточно близко к злому, рычащему Сатису. Порождение поглядывало на хозяйку с немым требованием дать ему хотя бы полнамека пустить в ход зубы. Она поманила его, потрепала по голове.

«Мне тоже не нравится, что он тут, но от этого пока никуда не деться».

«Дай знать — и я разорву небеснорожденного на куски».

«Боюсь, тогда у нас будут проблемы с тем, куда деть столько мяса. Ты же не сожрешь его… всего?»

На шакальей морде появилось столько явного отвращения, что Марори не смогла сдержать смех. Марроу злобно зыркнул в их сторону, похоже, их «воркование» было ему не по душе.

— Я хотел… извиниться, — уже уходя, стоя к ней спиной, буркнул эрэлим.

— Что, прости?

— Хотел сказать, что мне не следовало распускать язык. Твои отношения с этим… кровососом — не наше дело. Просто я думал, что, после того как ты узнала о его сговоре с Вандриком, ты больше не будешь видеть в нем брутального красавчика с кучей денег. Мне тупо неприятно разочароваться в тебе настолько сильно. Но это в любом случае не то, что стоит обсуждать на людях.

— Мне плевать на твое мнение. Марроу. Плевать на то, что думаешь ты и твои хозяева. И на приказы, которые ты от них получаешь. Хочешь правду?

Эрэлим повернулся. На его лице застыло выражение плохо скрываемой м*у*ки пополам с раздражением.

— Я не вижу разницы между небеснорожденным и проклятокровным. Все проблемы у вас в головах. Вы столь похожи друг на друга, что, если бы вы хоть на минуту засунули свои предубеждения куда подальше, — увидели бы, что вам куда проще договориться между собой, чем двум простокровкам. Но, пока кто-то вкладывает тебе в голову чушь о том, кто лучше, а кто хуже, — ты так и будешь верить в несуществующего врага.

— Крэйл думал так же, когда убил тех студентов из Эльхайма? Или ему тоже кто-то шептал в ухо, что мы — засранцы с кровью Света, а значит, хуже нас только прилипшее к подошве собачье дерьмо?

— Они пришли убить его. Он только защищался.

Эрэлим чуть заметно поморщился, точно увидел что-то мелкое и противное.

— Продолжай и дальше в это верить.

Он бесцветно пожелал ей спокойной ночи и вышел.

Бонусная миниатюра "Лапша"

Звонок мобильного телефона настырно просачивался в сон Крейла. Уже осознавая, откуда доносится раздражающий звук, шанатар, тем не менее, не спешил просыпаться. В надежде, что звонящий наконец поймет, насколько ему не рады и даст отбой, Крэйл перевернулся на другой бок, сграбастал подушку и зарылся в нее лицом.

Мобильник не умолкал.

— Чтоб ты сдох там! — пробубнил он, не открывая глаза.

Мелодия на звонке закончилась и пошла на второй круг.

Крэйл вслепую зашарил рукой по полу возле кровати, нащупал мобильник, поднес его к

уху. Потом опомнился, провел пальцем по экрану, «снимая трубку».

— Да.

— Ты спишь, что ли?! — в бодром голосе Кулгарда звучало удивление.

— Да.

— Так бегом вставай. Я тебя уже полчаса жду. Забыл, что сегодня соревнования по кроссфиту?

— Да.

— Крэйл, хрен ты старый, если из-за тебя я пропущу соревнования, то знать тебя больше не буду. Руки не подам, в спину плюну. И не раз.

Шанатар перевернулся на спину, тяжело вздохнул.

— Кул, я вчера лег… нет, я сегодня лег… — он посмотрел на часы, — три часа назад. Всю ночь с молодняком отрабатывали веерную защиту. У них сегодня Инициация. Наверное, уже началась.

— Ты-то с ними с какого перепугу?

— Ну, не смог отказать. Ты же знаешь мою доброту и отзывчивость.

Судя по тем словам, что далее говорил Кулгард, он ценил отзывчивость Крэйла всем сердцем и очень хотел видеть добряка-шанатара сильным и здоровым, даже если крестьяне с вилами запихают ему в зад осиновый кол.

— … ладно, так тебя не ждать? — закончил демон свою тираду.

— Я постараюсь, правда.

— Ага, испугался?

— Еще бы, крестьяне с осиновым колом кого угодно напугают.

— Я знал! — Кулгард смягчился. — Тогда смотри — сейчас будут одиночные соревнования. Продлятся пару часов. Потом небольшой перерыв — и начнутся парные. Очень надеюсь к этому времени лицезреть твое сиятельство возле себя.

— Уже лечу, господин!

— Кстати, ты в курсе, что Инициация снова прошла с танцами и плясками? Ничего серьезного, но кто-то прорвался на нашу сторону.

— Если мы все еще заняты своими делами, значит, справились без нас.

— Согласен.

Крэйл завершил вызов, щурясь, уставился на экран телефона, на котором горела пиктограмма одного непрочитанного смс.

— О, Кусака…

«Надеюсь, ты всем завтра надерешь орехи! И не забудь прислать фотку с кубком и медалью!»

Шанатар усмехнулся. Ну, вот, теперь точно надо вставать. И зачем вообще ложился?

Он резко сдернул одеяло — и услышал странный тонкий писк, а затем что-то как будто ударилось об пол.

«Какого хрена?»

Поднявшись, Крэйл обошел кровать — и успел заметить, как нечто мелкое и лохматое шмыгнуло под нее.

Не кошка и не собака — это уж точно. Странный хвост, на котором распушились и опали длинные иглы, намекал, что незваный гость прибыл… из Хаоса.

Так, значит, справились своими силами?

Не церемонясь, Крэйл ухватился за край кровати и с силой рванул ее прочь. Несчастный

предмет мебели подлетел чуть не до потолка и грохнулся на пол, подмяв под собой пару стульев.

У самой стены сидело, прижав длинные уши к голове, нечто несуразное. Лишившись защиты, существо широко распахнуло огромные глаза, обхватило себя передними лапами, но так и осталось сидеть. Больше всего оно напоминало небольшого кенгуру, только лохматого, размером чуть крупнее кролика, но с куда более выразительными глазами… нет — более умными.

Подхватив с пола гантель, шанатар замахнулся.

— Не надо… — просипел недокролик.

Крэйл так и остолбенел с занесенным для броска снарядом. Пришельцы из Хаоса нечасто баловали жителей реального мира беседами. Все больше норовили сразу сожрать. Или сначала убить, а потом сожрать. Или просто убить. Исключениями были разве что копии Марори, но пушистый кенгуру не тянул на них, хоть ты тресни.

— Ты что, спал на моей кровати? — спросил первое, что пришло в голову.

На морде недокролика появилось выражение, которое вполне могло сойти за раскаяние.

— Спал. Замерз и устал.

— Ты кто такой вообще?

Нечто лохматое немного приободрилось, приподняло уши.

— Лапшаус Ки’вай Да Тор.

— Лапша… — попытался повторить Крэйл. — Нет, кто ты такой? Какого хрена я вообще с тобой разговариваю? Ты же порождение Хаоса!

— Неопасный, — затряс головой недокролик, отчего его уши задрожали мелкой дрожью. — Живем в Хаосе, ни с кем не воюем, прячемся.

Шанатар недоуменно мотнул головой, точно спорил сам с собой. По здравому размышлению, несуразное создание следовало прихлопнуть, а уж потом разбираться, где оно живет и где прячется. Но отчего-то рука с гантелью опустилась сама собой.

— Не смотри на меня так! — рявкнул Крэйл, отчего Лапшаус Ки’вай Да Тор снова присел на задние лапы, съёжившись. — Кто узнает — на смех же поднимут.

Он прошелся по комнате взад-вперед.

— Так, выметайся отсюда! — шанатар отложил гантель, прошел к двери. — Сделаем вид, что я тебя не видел.

Недокролик с опаской выглянул в коридор, громко сглотнул.

— Злые люди с большими железками хотели сделать Лапшаусу больно.

Крэйл ощерился.

— Я самый злой человек, которого ты только мог встретить в этих стенах. Так что пошел вон. Иначе откушу тебе уши.

Недокролик тут же прижал уши и, видимо, для надежности накрыл их лапами. Шел он к двери, понурившись, с таким видом, точно вот-вот взойдет на костер.

— Что я делаю? — Крэйл протяжно выдохнул, захлопнул дверь. — Стой…

Он подобрал с пола телефон, навел на создание объектив камеры.

— Улыбайся.

Уши недокролика вопросительно приподнялись, нос задвигался, втягивая воздух.

— Хочу тебя кое-кому показать.

Сделав фотографию, Крэйл отправил ее Марори. Пока ждал ответ, показал фотографию странному созданию. То, увидев себя со стороны, повертело носом, пофыркало, но, судя по

всему, осталось довольно.

Ответ пришел спустя минуту.

— Ты мышей ловить умеешь? — усмехнулся шанатар, прочитав послание.

Лапшаус снова фыркнул, обнажил мелкие острые зубы и зарычал, секунду спустя спохватившись и снова втянув голову в плечи. Зубы, к слову, были длиной в полпальца и больше походили на иглы, так что не такой уж этот недокролик пушистый, каким хочет казаться. А шипы в хвосте? И когти наверняка имеются. Не пришлось бы пожалеть о глупом решении…

— Здесь я тебя все равно не оставлю, — сказал Крэйл. — Увидит кто — или оторвет хвост, или на опыты сдаст. Так что выбирай — или выпускаю тебя где-нибудь на улице, или, уж ладно, возьму к себе домой. За порядком проследишь. А как Мар вернется, решим, что с тобой делать. Может, ее шакалу тебя скормим… — шанатар сделал нарочито злобное лицо. — Хочешь на шакала посмотреть?

Недокролик в ужасе замотал головой.

— Так куда тебя?

— Домой.

— Ну, ладно. Давай рискнем. Только прежде заскочим в одно место.

Крэйл собирался быстро. Хорошо, что сумку к соревнованиям подготовил еще несколько дней назад, иначе бы точно что-нибудь забыл. А так — привести себя в порядок, одеться. Вместо завтрака проглотил пригоршню аминокислот, запил водой. Осталось решить проблему, как незаметно вынести недокролика. Смерив зверюгу взглядом, шанатар раскрыл сумку:

— Полезай. И сиди тихо.

Лапшаус осторожно поставил одну лапу в сумку, точно ожидал подвоха, обнюхался. И внезапно вздёрнул длинные уши, обнаружив протеиновые батончики, с энтузиазмом сунулся мордой в уголок сумки.

— Эй-эй! — прикрикнул на него Крэйл. — Это моя еда. А кто ест мою еду — того ем я.

Недокролик фыркнул, отбросил батончик, будто тот вдруг превратился во что-то противное и несъедобное.

— Так, уши осторожно… устроился? Закрываю.

До зала, где проходили соревнования, шанатар добрался минут за двадцать быстрым шагом. Погода стояла морозная, но солнечная. Самое оно, чтобы окончательно проснуться. Недокролик сидел тихо, затаившись. Немного взбрыкнул только уже в зале от внезапного гула голосов, взорвавшихся в приветственных криках. Похоже, соревнования шли полным ходом.

— Я отойду, а потом вернусь… — наставлял Крэйл Лапшауса, когда в раздевалке никого не осталось. — Надеюсь, в туалет ты не хочешь?

Создание решительно мотнуло головой. Или, скорее, ушами, они у недокролика были не менее красноречивы, чем физиономия.

— Надеюсь найти тебя тут же. И все свои вещи тоже. Потом поедем домой.

Переодеваясь, Шанатар поморщился — как он выглядит со стороны? Идиот идиотом. С какого перепугу вообще ввязался во все эти игры в домашних любимцев и заботливых хозяев?

— О, Темные, он все же явился! — В дверях стоял Кулгард — мокрый, с руками, измазанными в магнезии. Впрочем, магнезия была у него и на плечах, и на груди, и даже на

носу. Сразу видно — разогрелся и готов рвать задницы противников. — А с кем это ты там разговаривал?

— Ни с кем, — процедил Крэйл и захлопнул дверцу шкафчика, где оставил сумку с недокроликом. — Сам с собой. Надо будет по дороге домой заскочить в магазин спортпита, а то все сожрал уже.

— Ясно. Ну, ты готов? Предтрена бахнул?

— Двойную порцию.

— Отлично! Погнали!

Все прошло так, как и должно было. Пара Кулгард-Крэйл намного обогнала всех соперников, закончив последнюю дисциплину почти с минутным отрывом.

— Ну, что, мы все еще в игре, старая ты курилка, — демон похлопал шанатара по плечу.

Крэйл задумчиво смотрел за трибуны. Там, почти у самого потолка, за ярким экраном табло, ему что-то померещилось… или кто-то? Нет, быть того не может!

После награждения он с большим недоверием открывал шкафчик в раздевалке. Но нет — недокролик по-прежнему сидел в сумке. Только на дверце шкафчика появились странные царапины, да и само создание выглядело взъерошенным и пыльным. А еще вокруг него лежали скомканные упаковки от протеиновых батончиков. Разумеется, без самих батончиков. Зато крошек, в том числе в шерсти страшного порождения Хаоса, сколько угодно.

— Вот и все… — прошипел Крэйл.

В панике взвизгнув, Лапшаус забился в противоположный угол шкафчика, заслонился мобильным телефоном, который шанатар оставил здесь перед соревнованиями.

— Ты сожрал мою еду! Надеюсь, ты достаточно мясистый, чтобы мне не пришлось выковыривать из зубов твои кости.

Телефон случайно включился, и на его экране Крэйл увидел фотографию… себя и Кулгарда, принимающих медали.

— Ты это чего? А ну, дай. — Он забрал у недокролика мобилу, пролистал последние фотографии. — Это ты сделал?

В ответ торопливый кивок, из-за которого уши упали на жалобно вытаращенные глаза.

— Как?

— Скучно сидеть было. Пошел лапы размять. Видел, как ты делал картинки, хотел сделать приятно.

— И тебя никто не видел?

— Лапшаус хорошо прячется.

Крэйл ухмыльнулся.

— То есть ты сейчас намекаешь, что есть тебя не надо?

— Лапшаус невкусный. — существо пошарило, возле себя, отыскало недоглоданный батончик, протянуло его шанатару.

— Лапшаус… ну, ты и… Лапшаус… Во, Лапша! Я буду звать тебя Лапшой. Хватит дрожать, я пошутил. Едем домой.

Глава седьмая

— Плетение — это не балаганные фокусы, студентка Шаэдис! До тех пор, пока вы будете так небрежно обращаться с вашим потенциалом, вы не сотворите ничего более стоящего, чем эхо комариного писка.

Старший преподаватель Исанрик, седой эрэлим мощного сложения и крайне скверного нрава, битый час кружил вокруг своих студентов, словно коршун над добычей, раздраженный, что та до сих пор не окочурилась.

Первый день занятий подходил к концу, и Марори чувствовала себя окончательно и бесповоротно опустошенной. В первую очередь из-за собственного неумения справиться с элементарными, по утверждению преподавателя, вещами. В то время как другие студенты с успехом и по щелчку пальцев ткали из невидимых нитей Плетения полноценные стихийные руны, она не могла сделать даже простейший символ. Стоило подцепить Нить, попытаться ее подчинить и начать плести стихийное волшебство, как Нить буквально на глазах вспыхивала и сгорала за считанные мгновения, будто бикфордов шнур. И так — раз за разом, от попытки к попытке. Какую бы стихию она ни пыталась подчинить, итог был один — полное фиаско.

Но и это было не самым страшным.

Куда страшнее была внутренняя злость, которая после каждой неудачи становилась все сильнее. Украдкой, пока никто не видит, Марори задирала рукав формы и поглядывала на осколки своей сигилы. Красные и черные осколки заметно пульсировали и уже успели налиться огнем, от которого по коже растекался неприятный жар.

— Вы в порядке, студентка Шаэдис? — осведомился преподаватель, когда после очередного фиаско она ушла подальше от заполненной студентами тренировочной площадки. — Не припоминаю, чтобы разрешал вам покидать круг.

— Мне необходимо… передохнуть. — Она изо всех сил старалась держать себя в руках. Неужели Магистресса не предупредила о ее «особенности»? Не сказала, что в группе взрывоопасная студентка, которая может вспыхнуть от малейшей искры? — Мне нехорошо.

— Дра'морская коза притомилась. — Невысокая девчонка с крутыми белыми локонами и таким же характером, которую в группе звали «Задира», развеяла безупречный воздушный глиф и, уперев руки в боки, уставилась прямо на Марори. А заодно и вся группа. — По-моему, кому-то срочно нужен носовой платок и горшок.

Марори сделала вид, что понятия не имеет, кому адресованы обидные слова, и сосредоточилась на внутренних ощущениях. Она не имеет права раскисать, тем более сейчас, когда за ее слабость могут поплатиться невинные люди. Даже если слова одной из них заслуживают показательной порки. Вряд ли, если от присутствующих останутся только обуглившиеся кости, это добавит ей любви здешних обитателей.

— Вас это тоже касается, студентка Эмлинд! — Преподаватель Исанрик в мгновение ока сплел водяную сферу и повесил ее над головой провинившейся студентки. Не то, чтобы белобрысую это сильно испугало, но она вернулась на тренировочную площадку. Преподаватель скомкал сферу в кулаке, стряхнул капли с ладоней и снова переключился на Марори. — У вас никогда ничего не получится, если вы станете отступать после каждой неудачи.

— Я не отступаю. Мне просто нужно немного времени.

— Думаете, я не в курсе о том, что вы за химера, студентка Шаэдис? — Эти слова прозвучали до обидного неприятно. — Флоранция поставила меня в известность о том, что с вами могут возникнуть сложности, но это не означает, что вы находитесь на особом счету. Хватит и того, что вы, будучи не в состоянии подчинить себе хоть малую толику Светлого Плетения, оказались среди тех, кто зубами выгрыз право пройти Первый и Второй круги обучения. Считаете, бестолковые попытки сделать то, что вы сделать не в состоянии, прибавят вам хоть толику их любви и уважения?

— Мне не нужно ни их уважение, ни, тем более, любовь, — ответила Марори. — Мне нужно научиться справляться со своим Светлым потенциалом.

— В таком случае ступайте и продолжайте практиковаться до тех пор, пока не свалитесь с ног. Иначе мы с вами никогда не найдем общего языка.

Тело нещадно чесалось от текущего под кожей огня. Марори попыталась сосредоточиться на чем-то спокойном, вспомнить день или час, когда испытывала ничем не замутненное умиротворение. Но память коварно подсовывала то крушащего все вокруг Неназванного, то Вандрика, который смотрел ей в глаза и повторял одно и то же: «Танос и Крээли».

До конца занятий Марори так и не одолела ни одного простейшего глифа. Нити продолжали тлеть, стоило ей попытаться подчинить их, а накопленные усталость и разочарование привели к тому, что она едва стояла на ногах. Когда после боя колокола в тренировочный зал заглянул серафим, Марори сидела там одна и наслаждалась тишиной.

— Выглядишь неважно. — Ти’аль присел рядом с ней, прямо на вытоптанный песок площадки. В форменном пиджаке он казался настоящим франтом, если бы не выглядывающая из ворота рубашки стальная шея и стальная же пластина на затылке. — Ни у кого не получается с первого раза. Даже если этот старый зануда говорит обратное.

— Я просто не знаю, что делаю не так. — Марори зачерпнула горсть песка, медленно пропустила его сквозь пальцы. — Я не могу быть безнадежна, я это знаю. Но это все как лабиринт: куда бы я ни шла, в какую бы сторону ни повернула — везде тупик.

— Некоторым вообще не дано использовать Плетение, но вряд ли кто-то из них считает себя недочеловеком, — заметил он.

С этим нельзя было не согласиться.

— Наша тренировка? — спросила она, когда Ти’аль, поднявшись, протянул ей руку и помог встать. — Уже?

— Через полчаса. Я зашел сказать, что твой друг пришел в себя. Наверное, ты бы хотела с ним поговорить. Могу тебя провести.

Марори с благодарностью последовала за ним.

— Ти’аль, я хотела спросить. — «Или сейчас, или потом вообще неизвестно, когда». — Что ты знаешь про Таноса?

— Ты все-таки одержима этими сказками?

— Просто расскажи. Мне интересно. Я думала, что знаю все о Светлых, но тот человек и его история… Это был словно щелчок по носу, знаешь ли.

Они вошли в лифт, и Марори нарочно поскорее нажала кнопку, чтобы спешащая за ними девчонка оказалась не у дел. Ти’аль, заметив это, смущенно улыбнулся. Удивительно, но, даже будучи стальным двухметровым громилой, он продолжал краснеть от мысли, что остался с девушкой один на один. Поняв, что ее действия могут быть превратно истолкованы, Марори тоже покраснела и шарахнулась в противоположную сторону кабинки.

— Так, о чем это мы. — Ти’аль кашлянул в кулак. — Танос, Тринадцатый Светлый. Его Прокляли за то, что нарушил Завет-на-Скрижалях.

— Какой именно Завет?

— Не вступать в союз с Темными. Темный извратил его мысли, склонил на свою сторону, и Танос рассказал ему обо всех тайнах своих собратьев. В результате Темные напали на Светлых, но не смогли пробить брешь в их обороне, а сами были наголову разбиты. Танос воевал на стороне Темных и, будучи раненым, в надежде исцелиться забрел к Озеру слез. Но его сущность была испорчена, и вода превратила его в камень. В сказке, которую я слышал от своей бабушки, говорилось, что он так и лежит на дне Озера слез. И что в День суда, когда Единый воскреснет и спросит со своих нерадивых Детей, Танос тоже поднимется, чтобы держать ответ за свои поступки.

— Это Озеро слез — оно существует?

— Марори, ты слышала, что я сказал? Это сказка, выдумка, сочиненная много лет назад и с тех пор сотни раз пересказанная и дополненная. Ты же в курсе, что Двенадцать Темных и Двенадцать Светлых…

— В курсе, — перебила она. — Но ведь может быть, что что-то в официальной истории могло затеряться?

— Только не детская страшилка, Марори.

— Ты уверен, что это просто страшилка, а не часть чего-то большего?

— Говоришь, как настоящий охотник за древними истинами, — пошутил он. — Почему это так много для тебя значит? У тебя глаза горят, как будто топчешься на сундуке с сокровищами, дай только ключ в руки.

«Так и есть», — мысленно ответила она.

Двери лифта открылись, и они с Ти’алем оказались в уже знакомом Марори медицинском комплексе. К счастью, медсестра не стала возражать против посещения. Впрочем, судя по ее восторженно-влюбленному взгляду на серафима, ее хорошее настроение было целиком его заслугой.

— Иди, я подожду тебя здесь, — предложил он, «вызвав на себя огонь» неприкрытого женского желания пофлиртовать. Девчонка, судя по возрасту, была практиканткой Пятого круга, и в ее заигрываниях не было ровным счетом никакого криминала.

Ниваля Марори застала за бессмысленным листанием телеканалов. Увидев ее, он широко улыбнулся и сделал звук погромче, после чего похлопал по кровати около себя. Марори прикрыла дверь, села на предложенное место. Выглядел гаст в самом деле намного лучше, чем в день, когда она вытащила его из Хаоса. Теперь о его плачевном состоянии напоминали разве что темные круги под глазами и пара крупных царапин на лице.

— Прости, что я без угощений, — извинилась она. — Выглядишь не особенно хорошо, но сейчас мне хотя бы не хочется над тобой реветь.

— Ерунда, я сказал, чтобы все это, — он взмахом охватил всю комнату, — записали на твой счет. Я слышал, ты у нас теперь девушка с солидным приданым.

Марори осторожно стукнула его кулаком в плечо, и гаст, подыгрывая ей, делано недовольно поморщился.

— Я рада, что ты в порядке, — сказала она от всего сердца. Потому что его возвращение было самым светлым и хорошим событием с момента, как она покинула Дра’Мор. — Когда тебя выписывают?

— Сегодня вечером. Не хочу ни одного дня находиться в этом… пафосном сортире. Они

ко мне без перчаток вообще не подходили. Как будто я какой-то паразит. И заставили отвечать на тысячу бестолковых вопросов, якобы в целях безопасности. Поражаюсь, как ты до сих пор не свалила отсюда к такой-то матери. Вроде не в кандалах и не на привязи.

— Есть вещи, которые держат меня здесь покрепче кандалов и веревки, — ответила она.

— Честно говоря, я понимаю, что это не мое дело, но все-таки постарайся не задерживаться здесь слишком долго. Это какое-то тухлое болото, и нильфешни из Дра'Мора в нем точно не место. И кстати, что это за хрень у тебя на руках? — Он взял ее за руку, поднес к глазам опоясанное колючим орнаментом запястье.

Марори аккуратно, но настойчиво освободила руку и прикрыла сигилу рукавом пиджака.

— Это сигила, да? — догадался Ниваль. — Не слишком ли она охренительно большая и странная? Крэйл знает?

— Нет, у меня не было подходящего случая сказать ему.

— Он будет очень зол, — осклабился гаст. — К хреновой матери расковыряет этот клоповник за «сестричку Мар».

— Именно поэтому я очень прошу тебя не говорить ему о моих… метаморфозах. Последнее, что Крэйлу сейчас нужно, — еще одна неприятная история с участием его фамилии. Небеснорожденным и так хватает поводов точить на него зуб. И я здесь по нашему обоюдному согласию. Думаю, Крэйл догадывался, что мое обучение в Эльхайме не пройдет бесследно. — И, чтобы сменить тему разговора, спросила: — Ты что-то хотел рассказать мне про Хаос?

Ниваль сразу стал серьезным и еще немного прибавил звук телевизора. Ведущая программы о разведении каких-то странных существ, похожих на помесь котов и кроликов, как раз рассказывала об особенностях их кормежки.

— Марори, там что-то происходит. Не могу объяснить это на пальцах. — Он нервно покусал нижнюю губу. — В прошлый раз я был в Хаосе, когда ходил туда за своим фэлфаэром. И, поверь мне на слово, это было совсем другое место. Беспорядок и дисгармония, полное отсутствие всего, что можно хотя бы с натяжкой назвать организованным обществом. Все порождения там просто беспорядочно передвигались в пространстве. У них не было цели, Марори, просто голод и жажда убивать все, что вторгается на их территорию. Теперь все иначе. — Ниваль понизил голос до шепота, и Марори пришлось наклониться ниже. — Я видел армию. Несколько тысяч организованных не-живых, которые строили какую-то непонятную громадную хрень. Знаешь, что они делают с теми, кто проваливается в Хаос, с теми, кого утаскивают из реальности? Они их не жрут, хотя должны бы!

— Что же они делают?

— Они их используют как материал. Я не знаю, как описать это… — Ниваль снова пожевал губы. — У них что-то вроде лаборатории, Марори. Звучит абсурдно, как бред сумасшедшего, но я там был и видел все своими глазами.

— Я тебе верю, — не колеблясь ни секунды, ответила она.

Гаст с облегчением выдохнул и продолжил.

— Ну, раз уж ты не считаешь меня сумасшедшим, то вот тебе чистосердечное признание: они разбирают нас по кускам, как какой-то долбаный конструктор. Мясо, кости, кровь, внутренности. Все, до последнего хряща. Создания, которые не знали ничего, кроме голода и злобы, делают вполне осмысленные вещи. Можешь считать меня параноиком, но я

уверен, что за всем этим стоит какой-то жутко умный и гениальный мудак.

Вандрик? Все эти эксперименты с противоестественным созданием вполне в его духе.

— И, Марори… Я видел там тебя. В смысле, кого-то очень похожего на тебя. Там, в Пустошах, перед тем, как меня затащило в Разрыв, кто-то очень похожий на тебя вылез из Хаоса. Та засранка разметала нас, как новорожденных котят. Но в Хаосе была другая. Понятия не имею, как это объяснить, но клянусь, что не тронулся умом. Хотя был очень близок к этому.

— Я знаю, о чем ты говоришь. И в том числе из-за всего этого я здесь.

— Надеюсь, происходящему есть разумное объяснение.

— Более или менее, — уклончиво ответила она. Не говорить же ему, что она тоже одна из тех кукол, только не свихнувшаяся. Возможно, где-то на полпути к помешательству, но пока еще в состоянии осознавать себя.

— Я не хочу, чтобы небеснорожденные поганцы знали об этом. Чую, тебе и так тут не сладко.

— Лучше, чем может показаться на первый взгляд.

— Будешь рассказывать эти сказки кому-то без мозгов, — отмахнулся гаст. — Слушай, Марори, ты должна разобраться с этими твоими двойниками, потому что я задницей чую — они тоже колотят все то дерьмо, которое вот-вот попрет наружу.

— Я знаю, Ниваль.

Он вопросительно посмотрел на нее, явно недовольный бессмысленным ответом. Но что она могла сказать?

— Ладно, ты всегда была адски упрямой и замкнутой, — наконец, сдался он.

— Поэтому и выжила среди вас. И стала той, кем стала.

— Постарайся не потеряться здесь, Марори. Мне бы не хотелось в один поганый день скрестить с тобой оружие только потому, что небеснорожденные засранцы промыли тебе мозги своими сказочками, будто со смертью последнего проклятокровного мир станет лучше.

— Разве что они сделают мне лоботомию. Дра'Мор слишком глубоко во мне, вместе с всеми вами. Пообещай, что будешь беречь себя и не лезть на рожон.

— Боюсь, такое обещание было бы ложью, — хмыкнул он. — Я — Потрошитель, мое место в первом ряду. И, по правде говоря, мне до икоты надоело валяться здесь и ничего не делать.

— И почему я не удивлена? Позвони мне, когда доберешься. У Крэйла есть номер.

— Я скажу ему, что они с тобой сделали. Прости, Марори, но, будь я на его месте, я бы хотел знать, что происходит с той, кто мне небезразлична.

Они обнялись на прощание. Уже в дверях Ниваль остановил ее окриком:

— Марори?

Она обернулась.

— Выглядишь просто шикарно с этими крыльями и клыками. И даже в треклятой пафосной форме.

— Какой изящный комплимент! — Она тепло улыбнулась в ответ, прекрасно понимая, как нелегко ему было сказать что-то подобное. — Передай им всем, что талисман всегда со мной, — она сжала в кулаке подвеску из лавового камня, — и береги себя, Ниваль.

Серафим уже ждал ее за дверью.

— Ну, и как все прошло? — спросил он.

— Хорошо. Теперь тренировка?

— Да. Но мне нужно переодеться.

— Проведу тебя до комнаты, если не возражаешь.

— Разве у меня есть выбор? — Слова прозвучали грубее, чем хотелось бы. — Терпеть не могу, когда у меня ничего не получается. Сразу чувствую себя полным нулем, от которого ни пользы, ни толка — зато целый ворох проблем. Но я рада, что сегодня меня сторожишь ты.

— И я рад, что сегодня у меня есть хороший повод пообщаться с тобой просто так.

Его искренность казалось такой подкупающей, что Марори стало неуютно. Злиться на выходки Марроу и Нотхильдиса было легко, ей казалось даже, что они делают это нарочно: издеваются над «малолетней дра'моркой», как любил называть ее спектр, чтобы она не забывала, что приехала в Эльхайм не жить, а выживать. А вот как вести себя с дружелюбным стальным великаном?

— Сегодня тамаката тебе не пригодится, нильфешни, — сказал он, когда Марори вышла из комнаты уже в соответствующей форме и во всеоружии.

— Но разве мы не будем тренироваться?

— Будем, но пока что твое грозное оружие лучше оставить в комнате под присмотром фэлфаэра.

Ей очень хотелось возразить, проявить характер и настоять на своем, но общество серафима действовало умиротворяюще. Рядом с ним она превращалась в какое-то мягкое бесформенное желе.

До тренировочной площадки они добирались в полной тишине. Ти'аль шел впереди, Марори плелась следом и размышляла над словами гаста. Все это так сильно напоминало страшный сон сумасшедшего сказочника, что, несмотря на желание верить другу, вся ее сущность сопротивлялась принимать услышанное на веру. Ниваль был ранен, точнее говоря, он с трудом держался за жизнь. И он пробыл в Хаосе слишком долго, чтобы этот факт можно было с легкостью игнорировать.

Ей стало противно оттого, что она допускает подобные мысли о своем друге, но вытравить их из головы никак не получалось. Кончилось тем, что, когда они оказались на месте, Марори не сразу сообразила, почему Ти'аль остановился и смотрит на нее с улыбкой в наполненных белым туманом глазах.

— Прости. — Она взяла из его рук бутафорскую косу, которая хоть и была меньше ее тамакаты, весила куда больше. Марори примерилась к косе, перехватила древко, вдруг осознав, что чувствует себя и вполовину не так уверенно, как бывает, стоит взять в руки Энигму. — А мы обязательно должны тренироваться с этой штукой?

— Ради твоей безопасности, Марори, — совершенно серьезно ответил Ти'аль. Он распустил узел галстука, стащил его с шеи, бросил на стойку для одежды. Туда же полетел пиджак. Серафим засучил рукава рубашки: белоснежная ткань резко контрастировала со стальными черными канатами мышц. — Понимаю, эта предосторожность кажется тебе обидной, но поверь, хотя бы в этом тебе лучше довериться мне.

Пришлось поверить.

Площадка для тренировок с оружием ближнего боя представляла собой круглую и достаточно просторную арену, огороженную приземистым бордюром. Внутри нее было полным-полно всяких камней, уступов, блоков и столбов, которые, как и в Дра'Море, имитировали естественные преграды и мусор. Даган постоянно журил ее за то, что она не учитывает и половины возможных нюансов, полагаясь исключительно на «авось». И пару

раз, науки ради, ей крепко от него досталось за непредусмотрительность.

Поэтому, заходя в круг, Марори внимательно осмотрелась, стараясь запомнить расположение хотя бы наиболее крупных объектов.

— Осторожничаешь, Марори? — подмигнул Ти'аль, когда они встали друг напротив друга. Серафим вооружился бутафорским же мечом: простой узкой полоской железа на рукояти, которая не имела ничего общего с его футуристическим клинком. В отличие от напарницы, он не выглядел расстроенным, скорее, расслабленным и довольным. — Придумала, где будешь прятаться?

— Прикидываю, куда тебя будет интереснее всего уронить, — поддавшись его игривому настроению, вернула она подначивание. — Воображаю, как громко ты упадешь. Пол не проломим?

— Обязательно. Свалимся прямо в Хаос и наведем там шороху.

Она воспользовалась моментом, чтобы напасть. Как учил Ниваль: не ждать подходящего случая и тем более не давать противнику времени продумать подходящую тактику ведения боя. Атаковать первой, всегда и при первой же возможности, в особенности если перевес сил явно не на ее стороне.

Ее стремительный выпад Ти'аль встретил такой же стремительной обороной — и контрактовал в ответ. Легко, но напористо — так, что Марори пришлось уступить добрых пару метров своей половины арены. Когда серафим легко поддел клинком лезвие косы и играючи увел его в сторону, одновременно подталкивая Марори все дальше и дальше к краю круга, их взгляды скрестились за миг до того, как Марори поняла, что теряет равновесие. Ти'аль подхватил ее за талию, дернул на себя — и пропустил удар снизу. Острый край косы вспорол брюки на бедре.

— Играешь не по правилам? — без тени злости хмыкнул Ти'аль, легко уклоняясь от серии ее лобовых атак. — Настоящая проклятокровная коварная девчонка?

— Настоящая я, — оскалилась она в ответ.

— Я уже говорил, что мне до боли в сердце нравятся твои клыки, нильфешни?

Она замешкалась всего на какую-то долю секунды — и серафим в два удара потеснил ее к самому краю. Марори пыталась защищаться, отвоевала несколько шагов, но уже в следующую атаку серафим припечатал ее к гранитному столбу.

— Я думала, небеснорожденные тихони брезгуют коварными уловками, — прошептала она прямо в наполненные белым туманом глаза, когда Ти'аль склонился к ее лицу, лишив возможности двигаться.

— Ты понятия не имеешь, что такое коварная уловка. — Он прищелкнул языком, отодвинулся и с видом триумфатора вернулся в центр арены. — Второй раунд, Марори. Надеюсь, на этот раз ты по-настоящему разозлишься.

Через час, когда она едва шевелила руками и ногами и чувствовала себя совершенно измотанной, Ти'аль предложил сделать перерыв. Серафим выглядел вполне довольным, в отличие от нее: к стыду своему, Марори была вынуждена признать, что провела лишь парочку по-настоящему удачных и стоящих контратак.

— Это все потому, что ты… — «Стальной» чуть было не сказала она, но в последний момент прикусила язык.

— Стальной?

Ти'аль достал из сумки пару бутылочек с минералкой, открыл обе и протянул одну напарнице. Марори с жадностью выпила сразу половину.

— Прости. За языком я слежу еще хуже, чем за обороной.

Вместо ответа серафим осторожно отвел волосы с ее лица, провел стальным пальцем по линии шрама. В этот момент его лицо стало непривычно напряженным, сосредоточенным, как будто именно здесь и сейчас велась настоящая битва, а не несколько минут назад на арене.

— Откуда он?

— Трофей после Инициации. — Чтобы как-то спрятать смущение, Марори уставилась на гонки пузырьков газа в бутылке.

— Я был уверен, что это просто очень приукрашенная ерунда, которой проклятокровные кичатся, лишь бы утереть нам нос. Мы-то не вытворяем ничего подобного.

— Тогда я была бы рада узнать, что все ужасы Инициации существуют лишь на языках дра'морцев.

— А сейчас?

— А сейчас знаю: если бы не Инициация и то, что я пережила потом, я бы никогда так и не узнала истинную цену жизни и дружбы. Так и осталась бы перепуганной девчонкой, боящейся собственной тени.

— Его можно убрать, ты знаешь? Это не очень быстрый процесс и не всегда безболезненный.

— Мне этот шрам дорог как память, — отмахнулась она. И все-таки рискнула спросить: — Почему ты такой добрый? После всего, что случилось с твоими крыльями и с тобой… всем. Ведешь себя так, будто я одна из вас, а не дра'морская мина без предохранителя?

— Потому что ты одна из нас. Разве нет?

Он привычным жестом запустил ладонь ей в крылья, пропустил между пальцами призрачное оперенье, даже не пытаясь скрыть, что процесс ему приятен. И Марори в который раз покраснела, мягко отодвигаясь.

— Я хочу быть твоим другом, — сказал он с улыбкой. — Ты выглядишь как человек, которому категорически не хватает кого-то для простой повседневной болтовни.

Это его признание подействовало как ледяной душ.

Друг. Кто-то для болтовни, да?

Марори поднялась, увеличила расстояние между ними, взяла оружие и шагнула в круг.

— Мне не нужны друзья, — прогоняя из памяти Нима, то приветливо сующего ей скомканный носовой платок, то грозящего выколоть глаз, с горечью отказалась она.

К счастью, Ти'аль не стал лезть с вопросами.

Все было как обычно.

Только остаток тренировки они провели в гробовой тишине, слушая лишь лязг схлестнувшегося оружия и скрип песка под ногами.

Вернувшись в комнату, Марори первым делом проверила сообщения в телефоне и нашла порядка трех десятков сообщений в «БиМ». Чтение решила отложить на потом, но на полпути к душу ее остановил настойчивый стук в дверь.

— Привет, ничего, что я так поздно? — Элна мимолетом глянула на часы на запястье.

— Я уже собиралась отдыхать. — Марори не спешила распахивать дверь шире, всем видом давая понять, что не нуждается в беседе перед сном. Ее внимание привлекли несколько бумажных конвертов, которые староста Третьего круга Адептов нервно перекладывала из ладони в ладонь. — Что-то случилось? Срочное?

— Это приглашения в студенческие женские братства. — Староста передала ей

конверты. — Не сочти за наглость, но если тебя интересует непредвзятое мнение, то я бы не рекомендовала принимать ни одно приглашение.

— Не уверена, что у меня вообще есть время на какие-то дополнительные секции и клубы по интересам. Но спасибо за предупреждение. — Она собиралась захлопнуть дверь у гостьи перед носом, но та все-таки ухитрилась протиснуть вперед плечо. — Что-то еще?

— Эльхайм готовится к предстоящему Балу Равноденствия, и я подумала, что тебе, возможно, было бы интересно принять участие.

— Разве его не отменили? — Предложение стало для Марори неожиданностью. В первую очередь из-за того, что никто из ее сокурсников не проявлял ни капли дружелюбия. Вряд ли их так уж обрадует новость о необходимости терпеть «дра'морскую козу» еще и за пределами учебных залов и лабораторий.

— Ну, это все пока разговоры, — Элна закатила глаза, давая понять, что тема «отмены» явно не идет на пользу ее оптимизму. — Нужно же всем нам на что-то отвлекаться, чтобы не думать о всяких грустных вещах и туманных перспективах.

На это Марори возразить было нечего. Но это не отменяло всех прочих вещей, игнорировать которые было бы верхом наивности даже с ее не слишком трезвым взглядом на мир.

— Боюсь, я буду лишним раздражителем, — отказалась она. — И, по правде говоря, у меня нет никаких талантов, которые могли бы быть полезны.

— Все так думают, пока на их пути не появляюсь я! — С нарочитой наигранной гордостью Элна выпятила грудь и похихикала над своей шуткой. — Завтра у нас общее собрание, в семь, в зоне «Ч». Буду рада тебя видеть. И если тебя беспокоит вопрос безопасности, то вот это, — она пощупала свой тощий бицепс, — и у многих старшекурсников отбивало желание трепать языком. И у нас тут такие порядки, что те, кто не помогают варить кашу в общем котле, они… ну, вроде как не у дел. То есть выгнать тебя не выгонят, конечно, но получить приглашение на праздник в обход обязательного вклада будет проблематично.

— Я поняла. — Марори поблагодарила за предложение, заранее зная, что ни за какие коврижки не сунется в это осиное гнездо. — Постараюсь найти время в своем жутко плотном графике.

Недошутка отчаянно хромала на обе ноги, но Элна очень естественно над ней посмеялась и, пожелав доброй ночи, ушла.

После душа, где Марори в который раз долго и пристально рассматривала свою сигилу в зеркале, она вернулась в комнату и, растянувшись на кровати рядом с Сатисом, не без любопытства посмотрела список приглашений. В Дра'Море ни одно женское сообщество не изъявило желания пригреть под своим крылом простокровку, а потом, когда она стала нильфешни, братства и группы по интересам отошли на второй план. После поступления в Эльхайм у нее еще толком не было времени подумать о том, чтобы хоть попытаться включиться в активную студенческую жизнь. Но разве не об этом она так давно мечтала? Быть как все, полной грудью вдохнуть студенческие будни простой семнадцатилетней девчонки.

«Я просто посмотрю», — дала себе зарок Марори, вскрывая первый конверт.

Внутри оказалась непритязательного вида двухсторонняя карта из шершавого плотного картона. «Целомудренные воительницы» — значилось на одной стороне. Далее шел перечень всех обязанностей и прав участниц сообщества, которые, судя по логотипу,

позиционировали себя едва ли не боевыми монашками, что мечом и дробовиком несут в мир добро и справедливость.

— Представляешь меня в чем-то подобном? — Марори показала Сатису картинку с логотипа, и порождение вместо тысячи слов прикрыло морду лапой. — Вот и я не представляю.

Марори спрятала приглашение, твердо решив, что ее призвание быть монашкой умерло, так и не родившись.

Потом была пачка радушных пестрых листовок от Сестер радости, Светлых кудесниц и прочих групп с пафосными названиями.

Последний конверт привлек ее внимание приглушенным шоколадным цветом и простым глянцевым тиснением в виде песочных часов. «Мы любим гулять лабиринтами древних загадок», — гласила надпись на матовом вкладыше. К этим словам не прилагались ни пафосные лозунги, ни заманчивые «бонусы», зато внизу был короткий перечень того, над чем «придется поломать голову»: древние знания, загадки, истории без начала и конца, мифология, религия древности. Впрочем, один обещанный бонус Марори все-таки нашла: эксклюзивный допуск в архивы Эльхайма.

Древности и загадки? Может быть, если повезет…

Сатис приподнял голову, зевнул и лениво облизал морду черным языком.

— Стоит рискнуть?

Марори прижалась к костлявому телу порождения, перечитала приглашение еще раз. В памяти всплыло предостережение Элны. Может быть, стоит прислушаться к нему? Кажется, эта небеснорожденная настроена менее агрессивно, чем остальные. С другой стороны (Марори ни капли в этом не сомневалась), если не попробует докопаться до собственных тайн, то будет жалеть об этом ровно столько, сколько ей отмерено до последнего вздоха.

Чтобы отвлечься перед предстоящей зубрежкой очередного тома за Первый круг, Марори перечитала письма в «БиМ»’е. Кулгард строго интересовался, нашла ли она подходящее «железо» и как вообще тренируется. Даган красочно расписывал все «прелести» реабилитации и даже, как бы между прочим, упомянул, что его прогноз из «безнадежен» сменился на «еще может быть полезен обществу». Он не писал об этом, но от Кулгарда Марори знала, что Магистр лично порвал его заявление об отчислении и заявил, что не станет разбрасываться ценными ресурсами в такое неспокойное время. И оставил Дагана помощником на кафедре.

Эашу традиционно слал пачки своих фотографий, где позировал в разной степени обнаженности и не упускал случая напомнить, что у него есть ее личная метка. Фотографии Марори пролистывала, не рассматривая.

Крэйл в мессенджере отсутствовал, и с оглядкой на время она решила, что шанатар занят делами, которые свалились на него вместе с рухнувшей крышей дома.

— Посмотрим, что там за страшная тайна в пакете?

Марори достала из-под кровати дорожную сумку, как всегда собранную на случай, если придется очень быстро уносить ноги. Здесь во внутреннем кармане хранились те самые документы — увесистая стопка, которую она вытряхнула на одеяло. Фотографии, подколотые отдельными группами, отчеты и записи. И флешка. С нее Марори начала первым делом.

Внутри была целая куча файлов, преимущественно текстовых, но в некоторых были целые страницы таблиц и чертежей. Марори потребовалось время, чтобы разобраться, что

все это не просто адская мешанина, с помощью которой сводят с ума чересчур любопытных нильфешни, а самые настоящие лабораторные отчеты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Часть файлов в папке под названием «Образцы» была безнадежна испорчена. Но некоторые все же открывались. Марори выбрала тот, что был подписан одним словом — «Четыре». Внутри было что-то вроде дневника наблюдений: заметки с точным временем и датой. Первая запись была двухгодичной давности, а последнюю сделали незадолго до того, как Марори прибыла в Дра'Мор. После беглого изучения записей стало ясно, что все они сделаны человеком, которому было вверено наблюдение за образцом «номер Четыре». Того время от времени подвергали стрессовым ситуациям, чтобы привести в действие его внутренний катализатор. Судя по записям, ничто не давало нужного эффекта. В конечном итоге записи обрывались на том, что Образец ведет себя странно: отказывается принимать пищу, забился в угол и деградирует буквально на глазах.

Марори помнила, что Марроу упоминал одну Четвертую. Кажется, он говорил, что «копия» устроила Разрыв и попыталась украсть что-то из музея, но погибла.

Файл с цифрой «Одиннадцать» был почти пуст. Пара записей в нем наталкивала на мысли, что этот Образец был бракованным с самого начала, хоть именно на него возлагали какие-то большие надежды.

Файла за номером тринадцать среди них не было. Марори даже не удивилась. Если она и была особенной, как утверждал Вандрик, то шанатар наверняка позаботился о том, чтобы данные о ней ни при каком стечении обстоятельств не попала в чужие руки. Марори не знала, откуда у нее такие мысли, но не сомневалась — ее личное досье спрятано там, где Шаэдис-старший может быть совершенно уверен в его безопасности и секретности.

Внимание Марори привлекла одна из фотографий. На первый взгляд, снимок был совершенно обычный: довольно «мыльный», унылый горный пейзаж с редкими деревьями и почему-то красными шапками снега на вершинах. Но в левом нижнем углу стояла дата. Почти трехсотлетняя дата. На других снимках с пейзажами дат либо не было, либо все они были куда более современными.

Мелочь, которую Марори отложила в стопку, мысленно названную «пересмотреть еще раз». Жаль, что у нее нет поблизости ни одного напарника, который помог ей хотя бы частично упорядочить весь этот бардак.

И все же короткая экскурсия в документы лабораторий Вандрика не прошла бесследно. По крайней мере, теперь Марори точно знала, что была Тринадцатой не просто так, а в соответствии с очередностью своего создания. Не невесть какое знание, но оно давало надежду отыскать других «сестер» и, может быть, узнать, есть ли какое-то спасение от встроенной в нее атомной бомбы с нестабильным взрывателем.

Крэйл все еще пропадал в «офлайне», и Марори, вооружившись учебником под мудреным названием «Сингулярность кристальных кластеров», отложила исследование сумасшедших опытов Вандрика до завтра. В первую очередь потому, что чем больше вникала в суть своего происхождения, тем горячее становилась кровь под кожей. Еще не хватало устроить самовозгорание из-за стопки бумаг и мутного прошлого.

Планшет с включенным «БиМ»'ом положила рядом.

Прочитать пару глав, сделать заметки — и спать. Ничего непосильного.

Она чуть было не выронила книгу из расслабленных пальцев, когда планшет рядом неожиданно «проснулся», пискнул знакомым сигналом входящего звонка. Марори невольно

заулыбалась — Крэйл не дождался ее звонка и позвонил сам. А ведь приятно, когда о тебе беспокоятся. Правда, она наверняка выглядит сонной мышью, которую можно разве что поцеловать в нос и завернуть в одеяло.

Марори нажала на зеленую пиктограмму и не сразу осознала, что именно видит на экране. А когда осознала, сон как рукой сняло.

— Крэйл… — с трудом протолкнув через горло его имя, как-то совсем по-мышиному пискнула она.

— Привет, Кусака, — беззаботно подмигнул шанатар и, отбросив в сторону полотенце, прикрывавшее его бедра, шагнул за полупрозрачную ширму душа.

Ударили тугие струи воды, поднялся густой пар.

— Надеюсь, ты не против, — подставив лицо воде, сказал Крэйл. — Прости, я только с тренировки, боялся, что ты уснешь, пока закончу с душем.

— Ага… — прошептала Марори. Жар горячей воды, казалось, передался и ей — щеки буквально горели.

Интересно, что бы было, если бы не этот пар и не капли воды на стеклянной ширме?

Она мысленно щелкнула себя по носу — напрасно. Мысли продолжали крутится вокруг его отросших белоснежных волос, которые шанатар как раз откинул за спину, вокруг его заметно раздавшихся плеч и жилистых рук. Марори даже ущипнула себя за чувствительную кожу на тыльной стороне ладони — и тоже безрезультатно.

— Как дела? — Крэйл выдавил на ладонь гель для душа, принялся натирать им тело.

— Эммм… Ну… В порядке. — Слова давались с величайшим трудом. — А у тебя?

— Никогда не думал, что ремонт дома — это так сложно. Приходится решать кучу проблем. Но самое поганое — это интерьер. Как считаешь, какой должна быть новая гостиная? Есть какие-то пожелания?

— Большой, — выпалила она.

— И?

— И удобной.

— Ты там не спишь?

Он покосился на нее из-за ширмы.

— Ты правда думаешь, что я могу уснуть, глядя на… такое?

«Молчи, Марори! Молчи, молчи, молчи…»

— Надеюсь на лучшее, — усмехнулся он. — Но кто тебя знает, заучку.

— Я не заучка, — делано обиделась она.

— Заучка и есть, — подразнил он, для убедительности показав язык.

Теперь штанга в нем была из какого-то черного блестящего металла.

— Крэйл? — Она поерзала на кровати, все еще веря, что хотя бы сегодня ей хватит сдержанности не выдать очередную глупость.

— Я весь внимание, Марори Шаэдис, — продолжал ухмыляться он.

— Имя "Крээли" тебе о чем-то говорит?

Он сначала нахмурился, как будто пытался решить сложную головоломку, потом выдохнул.

— Марори Шаэдис, ты хоть иногда можешь отвлекаться от своей жутко насыщенной всякими страшными загадками и тайнами жизни? — Шанатар печально хмыкнул. — Погоди пару минут, я закончу — и поговорим.

Марори молча кивнула, перекатилась на спину и прижала планшет к груди, стараясь

унять грохот бешено бьющегося сердца. Он обиделся? Похоже на то. Знала ли она, что весь этот «случайный спектакль» вовсе не случайный? Марори зажмурилась, мысленно посыпая голову всякими подходящими обидными словами. Ну и как ему теперь сказать, что все это… слишком? Когда нет возможности хотя бы дотянуться до него, запустить пальцы в волосы, ощутить, какие они жесткие, почувствовать его успокаивающую близость?

Лежащий рядом Сатис посмотрел на нее с неодобрением.

— Прости, веду себя как дура, — сказала она всем им сразу — и самой себе.

Крэйл появился через шесть с половиной минут, уже одетый в домашнюю кофту с капюшоном и потертые дырявые джинсы, явно видавшие виды. Он промокнул волосы полотенцем, а потом пятерней откинул назад.

— Когда я уезжала из Дра'Мора они были намного короче, — зачем-то сказала Марори. — А времени прошло всего ничего.

— Я говорил, что у меня хорошая регенерация. — Он поскреб гладковыбритый подбородок. — Волосы вот растут адски быстро, правда, тогда, когда им вздумается. Наверное, в этот раз это случилось из-за твоей крови. К счастью, это не распространяется на щетину. Ненавижу бриться.

— Тебе идет, — заикаясь и краснея, похвалила она.

— Да? Потому что, честно говоря, как раз раздумывал, не подстричься ли к такой-то матери. В зале жутко неудобно.

Он переместился на кровать: просто бухнулся на спину с планшетом на вытянутых руках.

— Так об имени…

Марори с радостью выдохнула, потому что не могла спокойной смотреть на то, как этот бессовестный шанатар валяется на кровати весь такой расслабленный, и домашний, и доступный. Сейчас, даже в одежде, он казался еще более привлекательным. Хотя бы потому, что раньше она никогда не видела Крэйла таким: почти обычным парнем, который наравне со сверстниками ходит на вечеринки, слушает тяжелую музыку и делает все то, что делают достигшие зрелости молодые мужчины привлекательной внешности.

— Откуда ты его взяла?

— Это имеет значение? — Марори вкратце пересказала все, что услышала от старика в лавке, и сказку, которую узнала от Ти'аля. И чем больше она рассказывала, тем более серьезным становился Крэйл. — Я подумала, что если Танос — это какой-то Светлый из неофициальных мифов, то Крээли может быть одним из Темных. Тем более, что ваши имена…

— … похожи, — закончи за нее шанатар. — Я не знаю никакого Темного с таким именем. Но знаю одну женщину.

— Кто она?

— Моя мать, — нехотя ответил он. — «Крээли» переводится с древнего диалекта, как «последняя кровь». Отец рассказывал, что она назвала меня так, чтобы передать себя. Ерунда какая-то, но вот так.

— А кем была твоя мать?

— Она была прежде всего моей матерью, а остальным я не слишком интересовался. После того, как я… наломал дров, — шанатар поморщился, как от острой боли, но быстро справился с чувствами. — Потом у нас уже не было возможности поговорить. А отец любил повторять, что сделал много чего, чтобы ее заполучить, и что она — его величайшее

сокровище.

«Сокровище, которое он упек в «Норсгот», — подумала Марори.

— Ты знаешь, что мои крылья — как у малаахов?

— Прости, Кусака, но мне глубочайше плевать на небеснорожденных выродков, и я точно не интересуюсь их разновидностями. И, если откровенно, мне было бы куда спокойнее и легче, не будь у тебя этих крыльев вовсе.

— Спасибо за прямоту.

— Не обижайся. — Он совсем не виновато оскалился. — Я могу поискать что-то про этого Крээли, попробую выпросить у Магистра доступ в архивы Дра'Мора.

— Я буду очень благодарна.

— Конечно, будешь, куда ты денешься.

Она не смогла сдержать смешок. Явно тыкать другим в то, что они должны поступать по его указке, — в этом весь «ископаемый шанатар», и она просто не представляла его другим. И потихоньку радовалась, что в тот странный вечер брякнула просьбу о поцелуе. Сейчас это все казалось таким далеким и нереально-призрачным, что она боялась, как бы не начала верить, что все это было лишь дымкой приятного сна, которая вот-вот рассеется без следа.

— Ты ничего не рассказываешь о своих успехах, — напомнил Крэйл. — если думаешь, что я полный идиот и не понимаю, что тебе нелегко, и вбила себе в голову, что оставить меня в неведении — это умно, то имей в виду: если раньше ты видела меня просто злым, то имеешь все шансы увидеть бешеным. Поэтому предлагаю прямо сейчас перестать корчить из себя заботливую Марори и рассказать мне обо всем.

Что-то в его голосе заставило Марори поставить большой и жирный крест на своих планах держать его в неведении до поры до времени. Вкупе с обещанием Ниваля обо всем рассказать другу предложение шанатара признаться выглядело его еще одним щедрым подарком.

— Я тебе покажу.

Она поставила планшет на подушки, повернулась спиной и скинула домашнюю кофту с плеч, надеясь, что уродство на ее коже отвлечет его от ее костлявого сложения.

— Твою мать… — донеслось до Марори его с трудом сдерживаемое ругательство.

Она натянула кофту обратно, наглухо застегнула молнию и глубоко вздохнула, прежде чем посмотреть на Крэйла. Сейчас даже расстояние не было преградой для того, чтобы она прочувствовала всю гамму его злости. Для этого было достаточно просто посмотреть ему в глаза.

— Что он сделали с тобой? — сухо поинтересовался он.

— Пытались запечатать мой светлый потенциал, чтобы я могла им пользоваться без страха снова кого-нибудь спалить. Но проклятокровной части меня это не очень понравилось, поэтому я теперь выгляжу вот так. Если постараться, то сигилы почти не видно. — Она изо всех сил старалась выглядеть беззаботной. — Правда, придется забыть об общественных пляжах и бассейнах.

— Каких дров ты наломала, Кусака?

Она снова призналась. И хоть изо всех сил обходила острые углы, рассказ все рано окончательно вывел Крэйла из себя. Шанатар не стал крушить все вокруг, не ругался и даже не разбил стоящий поблизости стакан с минералкой. Но его взгляд… У Марори мурашки побежали по коже от одного вида его ставших совсем черными глаз.

— Чувствую себя куском дерьма из-за того, что своими же руками отдал тебя им в лапы, — наконец, сказал он.

— Мы оба знаем, что этого нельзя было избежать. И если я не смогу подчинить то, что сидит во мне, то в один прекрасный день просто вспыхну — и уничтожу все, что мне дорого. Я просто не смогла бы спокойно жить, зная, что из-за меня могут пострадать те, кого я люблю.

«Ну, или я просто сгорю», — про себя добавила она.

— Я заберу тебя оттуда, — твердо и уверенно сказал он. И хищный блеск в его взгляде не оставил сомнения, что переубедить шанатара не получится. — В этом году Эльхайм проводит долбаный праздник по случаю Равноденствия и встречает дра'морцев. Постарайся продержаться до этого времени, Кусака.

Праздник Равноденствия, до которого осталось чуть больше четырех недель.

— Крэйл, я не уверена…

— Марори Шаэдис, строго говоря, в этом вопросе я не очень интересуюсь твоей уверенностью. Надеюсь, небеснорожденные ублюдки не успели загадить тебе мозги мусором вроде благородства, человеколюбия и самопожертвования?

— Ты невыносим.

— Я плохой парень, Марори Шаэдис, и если придется выбирать между тобой и всем дерьмовым миром, я, держа тебя за руку, с удовольствием посмотрю, как пылает Мироздание.

Это были самые ужасные слова из всех, что она слышала за последнее время.

Ужасные и прекрасные одновременно.

— Эй, Кусака, не вздумай реветь, — уже спокойнее пожурил он. — Пообещай мне, что найдешь способ появиться на этом празднике и будешь готова сбежать оттуда.

— Я постараюсь.

— Это, мягко говоря, совсем не то, что я хочу услышать. Обещание, Марори Шаэдис, — я не согласен на меньшее.

— Обещаю, Клыкастый, и пусть Темные и Светлые будут на нашей стороне.

— Чихал я на Светлых. Эй, Кусака, — окликнул он с заметными нотками озорства в голосе, — надень под праздничное платье что-то кружевное и почти прозрачное. Не то, чтобы я тебя критиковал, но… бюстгальтер в горошек?

Она показала ему язык, пожелала доброй ночи — и нажала «отбой».

Похоже, придется принять щедрое предложение Элны и внести свою лепту в организацию праздника, чтобы потом не ломать голову, как и у кого получить приглашение. А заодно научиться что-то делать со своим рвущимся на свободу светлым потенциалом, чтобы к тому времени, как Крэйл похитит ее, словно принцессу из башни дракона, она точно знала, что не причинит ему вред.

Что-то кружевное и почти прозрачное?

Ох, Светлые, и это он еще не видел ее самые что ни на есть обычные трусики в цветочках.

Марори сунула голову под подушку, краснея и хихикая, словно сумасшедшая.

Глава восьмая

— Что это?

Марори не без опаски взяла из рук эрэлима сверток плотной ткани, который тот без слов протянул ей в перерыве между второй и третьей парой. Появление эрэлима произвело на однокурсниц Марори должный эффект: девушки хором высыпали в коридор и издали косились на их странное, почти безмолвное общение.

— Просто посмотри.

— Если бы это был подарок от…

— … от Ти'аля, я в курсе, — торопливо и довольно грубо перебил он. — Если бы я хотел тебя убить, то не делал бы этого на глазах у всех.

— Делал, еще как делал, — напомнила она, но свиток все-таки развернула.

Внутри лежала та самая игла, которую она использовала в бою против порождений в день крушения экспресса. Та самая — да не такая. На этот раз у нее была самая что ни на есть настоящая рукоять: довольно простая, с железным округлым набалдашником, который весил ровно столько, чтобы сохранять баланс. Сама игла обрела более резкие грани, стала короче и теперь выглядела как весьма элегантный стилет. Не длинный, но и не короткий, вполне подходящий для того, чтобы носить с собой везде. В отличие от громоздкой Энигмы.

Надо же, а ведь она совсем забыла о трофее. С тех пор, как очнулась в лазарете, мысли постоянно были заняты другим. Странно, что эрэлим уделил этой мелочи столько внимания.

— Я подумал, что тебе не помешает оружие, которое можно носить за поясом, — хмуро сказал Марроу. — Ну, так и будешь молчать или все-таки скажешь хоть что-нибудь?

— Например?

— «Спасибо» вполне сгодится.

— Спасибо, — машинально повторила она. — Я даже представить не могла, что из этого можно сотворить такую… красоту.

— Пришлось повозиться, — не без гордости признался он.

— То есть ты сделала это сам?

— Не такой уж я безнадежный, тоже на что-то гожусь.

У Марори на этот счет имелось свое мнение, правда, изящный стилет-колючка в ее ладони только что заставил это мнение заметно пошатнуться.

— Сегодня снова глухо с Плетением? — спросил эрэлим.

— Иногда мне кажется, что все вокруг очень сильно ошиблись насчет моего потенциала. Или я окончательная бестолочь и неумеха. Второе вполне может быть правдой. У меня и в Дра'Море ничего не получалось, кроме простейших фокусов.

«И с какой стати я с ним вообще разговариваю по душам, как будто мы закадычные друзья?»

— Я проведу тебя в Мастерскую, нильфешни, пойдем.

Марори не стала упираться. В конце концов, кем бы она была, если бы стала крыситься на каждое слово. Тем более, без намека на издевку со стороны эрэлима. В последние дни Марори все чаще ловила на себе его взгляд, и все чаще в нем было слишком много непроницаемой задумчивости, чтобы она могла не придать этому значения.

Вот и сейчас, следуя за ним по извилистым тропинкам Эльхайма, она то и дело возвращалась мыслями к тому дню, когда он ни с того ни с сего разоткровенничался и

признал, что ему не хватило б силы воли выдержать все то, что выдержала она. И лишь спустя время она поняла, какое непозволительно малое значение придала тем словам.

Но не говорить же об этом теперь? Тем более после того, как он грубо втолковал своим товарищам про нее и Крэйла.

Мастерская, где студенты Эльхайма работали со своими Кристаллами, располагалась на нижних этажах. Марори была там всего раз, на вводном занятии. К счастью, Адепты начинали работать с зарядкой Кристаллов и формированием кластеров только сейчас, и хотя бы в этом она была наравне со всеми.

Сегодня внутри было на удивление светло, совсем не так, как в предыдущее посещение. На столах покоились разложенные по размеру и форме осколки, куски несформировавшихся молодых Кристаллов и различные металлические приспособления. Марори знала назначение едва ли пары из всего набора, но и это знание записала себе в плюс, потому что, судя по растерянным лицам остальных эльхов, те были в полном неведении.

— Разве у тебя нет других дел? — шепотом спросила Марори, когда эрэлим весьма недвусмысленно занял свободное место за ее столом. — Твои занятия?

— Сегодня моя очередь присматривать за тобой, нильфешни, и избавиться от меня не получится, хоть ты тресни. Предлагаю воспользоваться оказией и принять помощь более опытного напарника.

— Это же нечестно. И вообще — профессор Ллиира выставит тебя вон.

— Думаю, она порадуется присутствию своего любимчика. — Он недвусмысленно повел бровями как раз в тот момент, когда женщина вошла в Мастерскую. — Спорим на поход в кино, что она будет ставить меня в пример?

— Вот еще. Я думала, что на Плетении специализируется твой брат.

— Так и есть, но это не значит, что я одарен меньше него. Просто, в отличие от брата, мне по душе стрелковое оружие.

Марроу оказался прав: профессор Ллиира не только не вытолкала постороннего студента взашей, но то и дело приводила в пример его блестящие талант, чутье и способности, которыми он так пренебрежительно мало пользуется. Будь спектре на десяток лет меньше, Марори обязательно приписала бы ее похвалам куда более пикантный подтекст, настолько сильно в них сквозила неприкрытая слащавость.

— А теперь я хочу увидеть ваши Кристаллы, — после небольшой вступительной речи скомандовала профессор. — И, надеюсь, не будет лишним напомнить вам, что заряженные Кристаллы крайне восприимчивы к крови. В последнее время Эльхайму и так достается, не хватало еще, чтобы его студенты устроили погром из-за своего невежества. Перчатками пользоваться я разрешаю.

Марори охотно сунула ладони в специально купленные для занятий мягкие перчатки, достаточно плотные, чтобы работать в них без опаски, но и мягкие, чтобы чувствовать Кристалл так, будто он лежит в голой ладони.

— Студентка Шаэдис, — профессор Ллиира выросла перед ней, словно ожившее привидение, — что это у вас?

Не дожидаясь ответа, она выхватила Кристалл и повертела его на свету.

— Эстрамор? — Ее удивлению не было предела. — Откуда он у вас?

— Из магазина. — Марори совсем не нравилось, что вместе с вниманием преподавателя на нее уставились и все до единого студенты в Мастерской.

— Я имела в виду — уверены ли вы, деррани, что в состоянии подчинить столь

непредсказуемую и своенравную сущность?

— С вашей помощью, — стараясь держать нейтральный тон, ответила она.

— Боюсь, моя дорогая, чтобы справиться с этакой силой, вам потребуется что-то намного большее, чем знания скромного профессора кристалловедения. Но воля ваша. — Ллиира пожала плечами, вернула Кристалл владелице и, прихлопывая в ладоши, призвала студентов вернуться на свои места. — Очень советую вам, деррани, прежде чем привязывать Кристалл, побольше узнать о его свойствах и стихии, что породила столь необычное сочетание крови, огня и воды. Думаю, парочки статей хватит за глаза, чтобы вы раздумали тягаться с тем, что вам не по зубам. То есть, я хотела сказать, клыкам.

И, хоть последние слова не звучали совсем уж откровенной издевкой, Марори не сомневалась, что ею они и являются.

— Для начала я хочу, чтобы каждый из вас, используя глиф Чистоты, как следует изучил свой Кристалл, — заняв свое место за кафедрой, скомандовала Ллиира. — Посмотрите, что таит его сердце, разделите с ним его тайны и боль. Потому что только так вы станете одним целым.

— Ты уверена, что не хочешь сначала попытаться с другим Кристаллом? — с надеждой спросил Марроу, когда она с третьей попытки сформировала в воздухе устойчивый глиф. — Не думаю, что тебя выругают за предосторожность. А вот если что-то пойдет не так…

— … то это будет всего лишь еще одна неприятность от дра'моркой козы, — закончила за него Марори и припечатала глиф к ровному сколу эстрамора.

Черно-красный камень за секунды наполнился глубоким багряным свечением, запульсировал, будто в нем забилось давно остановившееся сердце. Марори обхватила его ладонями, ощущая, как сквозь кожу в тело проникает мягкое тепло. Как будто она держала в руках первозданную материнскую любовь. Глиф на зеркальном сколе вспыхнул — и просочился внутрь с легкость раскаленного ножа, рассекающего подтаявшее масло.

Двенадцать пели. Серые мантии, покрытые головы, безликие и одинаковые, как свечи в канделябре. Их громогласные слова вздымались под самые грозовые облака. Земля под их ногами пошла трещинами, из разломов валил дым и сочилась магма — кровь мира.

А потом Двадцать один за другим упали замертво. Резкий порыв ветра обнажил их лица: залитые кровью глаза, наполненные лавой рты и обожженные черепа.

И небо раскололось отчаянием.

— Нильфешни… Нильфешни, очнись.

Голос Марроу выудил ее из странного видения, которое на миг вспыхнуло где-то в глубинах эстрамора — и погасло.

— Ты в порядке? — Эрэлим попытался взять Кристалл из ее скорченных пальцев, но Марори ловко извернулась и отпрянула на пару шагов. Марроу нахмурился. — Слушай, я не собираюсь забирать твой чертов булыжник, сдался он мне. Просто ты… У тебя лицо было таким, будто ты вот-вот скончаешься в муках.

— Я просто слушаю свой Кристалл, как учит профессор Ллиира, — стараясь придать голосу уверенность, сказала она. И на всякий случай прижала эстрамор к груди. Даже сквозь одежду она чувствовала, каким приятным, обжигающе-теплым он стал. И сущность, заточенная внутри Кристалла, в эту секунду жила вместе с ней, и их сердца бились в унисон. — У меня все в порядке, эрэлим.

— Вот уж вряд ли, — буркнул он. — Имей в виду, если с тобой снова приключится вся та спонтанная огненная ерунда, я буду начеку и не промажу.

— Разве не для того тебя приставили ходить за мной?

— Лучше расскажи, что ты видела.

— А вот это уже совсем не твое дело.

Она вернулась к экспериментам с Кристаллом.

То видение… Марри была совершенно уверена, что уже видела его раньше. Точно так же ясно и четко, как будто стояла там и снимала ритуал на камеру. Ритуал? Она даже не нашлась, что возразить самой себе на это неожиданное предположение, чем было увиденное, потому что знала — это в самом деле был ритуал. Но какой?

Двенадцать.

— Вы и дальше будете смотреть по сторонам, студентка Шаэдис? — Ллиира возникла перед ней, многозначительно надломила бровь. — Или эстрамор оказался вам не по зубам?

— Мне кажется, я уже справилась.

Марори показала на яркую, светящуюся в самом центре камня точку. Она была невелика, чуть больше горошины, но ее происхождение не оставляло сомнений. Стоило Марори прикоснуться к Кристаллу, как тот «ожил»: «сердечная» искра наполнилась ярким алым светом, постепенно темнея до почти черного.

— Светлые вам благоволят. Или лучше сказать, Темные?

Профессор изобразила что-то вроде одобрительно хлопка в ладоши и снова ушла. Марори перевела дух, положила камень обратно на стол и опустилась на скамью, чувствуя, как внезапное опустошение превратило ее руки и ноги в тяжелые гири. Во рту стало сухо, язык сделался ватным и прилипал к нёбу. Попытка заглушить жажду парой глотков минералки не увенчалась успехом.

— Марроу, — поддавшись внезапной панике, она зачем-то схватила эрэлима за руку, — по-моему, мне нужна… кровь.

К ее большому облегчению, Марроу не стал задавать лишних вопросов, ограничился одним коротким: «Сколько продержишься?»

— Понятия не имею. В прошлый раз я едва могла шевелиться, но пока не все так плохо. — Она все-таки нашла силы, чтобы положить руки на стол, и даже чиркнула несколько слов в рабочую тетрадь. Правда, собственный почерк узнала с трудом. — Это из-за Кристалла. Связь с ним забрала все силы.

— Я знаю, нильфешни, и очень надеюсь, что это скоро прекратится, потому что до тебя после привязки еще никто не превращался в ходячий труп.

С этими словами он протянул ей телефон, в черном экране которого Марори не сразу узнала себя: черты лица заострились, щеки впали, будто она с месяц сидела на хлебе и воде, глаза стали неестественно большими, окруженными темными провалами. А губы мелко дрожали, повинуясь начавшему просыпаться инстинкту.

— Мне нужно уйти отсюда, и чем скорее — тем лучше. — Дрожащими руками Марори сгребла в рюкзак вещи со стола, Марроу покидал туда же канцелярские принадлежности.

— Вот поэтому-то я и хожу за тобой, — не удержался он.

— Чтобы не упустить случая напомнить о своей незаменимости?

Впрочем, минуту спустя эрэлим доказал, что не зря хвастается: он что-то сказал на ухо Ллиире, и та позволила обоим покинуть Мастерскую прямо посреди занятия. Они вышли и прибавили шагу, хоть Марори слабела буквально на глазах. Пока они шли в сторону одной из

отдаленных башен, Марроу то и дело набирал номер. И с каждым неотвеченным гудком мрачнел все больше. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, в чем причина его злости: Нотхильдис не отзывался. А для Марори это означало продление мучений на неопределенное время.

— Вот засранец, — себе под нос прошипел эрэлим, когда они прошли примерно треть пути. — Не представляю, куда он мог запропаститься, мы виделись час назад.

Марори подумала: вопрос, куда же делся спектр, не имеет никакого отношения к тому, что, если он не появится в ближайшее время, она превратится либо в сухую полуживую мумию, либо в голодного монстра. И еще непонятно, какой из вариантов лучше.

Когда стало понятно, что на донорство Нотхильдиса, по крайней мере сегодня, лучше не рассчитывать, Марроу резко повернул на одном из перекрестков. Марори с трудом устояла на ногах, охнула, когда, поскользнувшись на припорошенном снегом мосту, упала на одно колено. Эрэлим молча помог ей подняться и взял на руки.

— Так будет быстрее.

— Хочешь сбросить меня с моста? — Марори сглотнула, заставила себя не обращать внимания на метаморфозы в собственном голосе. Так могла скрипеть разве что сто лет несмазанная дверь, но никак не голос семнадцатилетней девушки.

— Нет, но если не перестанешь — сброшу.

— Куда ты меня несешь?

— Туда, где смогу тебя покормить без свидетелей.

— Держишь на этот случай банку с кровью Нота?

— Зачем мне кровь Нота, если я сам ходячая пятилитровая кормушка? Да, я помню, мной ты побрезговала, но, по-моему, лучше хоть какая кровь, чем сохнуть у меня на глазах. Строго говоря, мне придется напоить тебя силой, если будешь воротить носом, потому что мне, нильфешни, ты нужна живой.

— Чтобы посадить меня за стекло и наблюдать, в какую еще химеру я могу превратиться? — Она уже едва могла говорить.

— Чтобы вытрясти из тебя и эту дурь в том числе, — бросил он. — А теперь замолчи и береги силы.

Мир перед глазами качался и расплывался, будто она сидела на странной карусели, которая двигается вперед, а не по кругу. И все-таки Марори достаточно твердо соображала, чтобы понять, что эрэлим несет ее в свою комнату. И, что было хуже всего, он не делал ровным счетом ничего, чтобы скрыть этот факт от каждого встречного. Наоборот, стоило перешагнуть порог башни со спальными комнатами, он резко переменился, стал вести себя как охотник, которому повезло поймать редкого зверька: улыбался и охотно отшучивался в ответ на пошлые вопросы.

— Ты это нарочно? — спросила она, когда наскребла достаточно сил.

— Предлагаешь говорить им, что дра’морку замучил Голод и, если срочно не дать ей крови, она рехнется и разорвет кому-то глотку?

Резонно, ничего не скажешь. Вот только грязных сплетен теперь не избежать. А он еще и подлил масла в огонь, прижавшись губами к ее уху и шепнув:

— А теперь достань ключ у меня из внутреннего кармана пиджака и постарайся сделать так, чтобы никто при этом не подумал, будто тебя ведут на плаху. Достала? Молодец. А теперь сделай последнее усилие — схватись за меня покрепче.

Она схватилась — и даже достаточно надежно сцепила пальцы на его шее, но они все

равно наделали шума. Стоящие неподалеку эльхи активно и без стеснения фотографировали их на телефоны, одна даже прокричала что-то в духе: «Кто-то поймал дра'морскую тухлятину», в ответ на что ее подруги наспех выкрикнули какую-то похабную кричалку.

— У вас тут тоже тотализатор? — шепотом спросила Марори, пока эрэлим возился с замком.

— Какой в задницу тотализатор? — Он ногой толкнул дверь, прошел в спальню, уложил свою ношу на постель, затем вернулся к двери и дважды провернул ключ в замке. — Шея или рука?

— Что?

— Значит шея.

Он присел рядом с ней, подхватил Марори под подмышку и неловко наклонился к самому ее лицу.

— Мне не удобно. Воротник.

— Проклятье с тобой. — Марроу сбросил пиджак, расстегнул несколько верхних пуговиц и нервно предложил ей поторапливаться.

В другое время Марори ни за что бы не приняла его помощь, которую, несмотря на все благие намерения эрэлима, все равно воспринимала, как подачку. Но сейчас даже его неподходящая кровь сулил пусть недолгое, но облегчение.

Когда она прокусила кожу эрэлима, тот слабо дернулся, недовольно заворчал, но не отодвинулся. Конечно, по сравнению с амброзией в венах Нотхильдиса, это было все равно, что быстрый перекус фастфудом, но уже после третьего глотка Марори почувствовала значительное облегчение. В голове прояснилось, мир из серо-белого снова наполнился красками.

«Еще немного, один глоток… или два…», — уговаривала себе Марори, когда поняла, что выпила достаточно, чтобы «ожить». Но с каждым новым глотком выполнить это обещание становилось все труднее. И с каждой новой порцией эрэлим будто проникал внутрь нее самой: стал до невозможности теплым, податливым, мягким, словно только что вынутая из печи сдоба, которая так и просится, чтобы ее съели всю до последней крошки. И, что было куда важнее, Марроу и не думал сопротивляться. Он просто сидел рядом и обнимал ее за талию, притягивая все ближе и ближе, и…

— Что это такое?

Марори так резко отодвинулась, что едва не свалилась с кровати. А вот эрэлим упал, причем с грохотом и руганью. Прикрывая ладонью укус, сел на полу.

— О чем ты, Светлые тебя задери?

Резкий прилив сил заставил Марори вскочить на ноги, броситься к книжному шкафу и выудить оттуда толстый потрепанный том, на обложке которого двенадцать фигур в серых плащах стояли вокруг наполненного огнем и магмой провала в земле. Марори сунула книгу эрэлиму под нос, тот поморщился.

— Что это за книга и откуда она у тебя?

— Открой и сама увидишь, — проворчал он, медленно понимаясь на ноги. — Мне нужно умыться. Кофе хочешь?

Она оставила вопрос без внимания, открыла книгу. «Мифы или украденная история?» — гласила надпись на первой странице, под которой стояла жирная печать библиотеки Эльхайма. Между страницами Марори нашла пачку исписанных страниц и вложенный между ними пластиковый абонемент с грифом «Член клуба историков «Черный дракон».

Черный дракон?

— Ты состоишь в этом клубе? — спросила она, когда Марроу появился голый по пояс, с полотенцем на шее, термосом и чашкой.

— Ну да, почему тебя это удивляет? Предупреждаю сразу: чашка у меня одна, так что пить будем по очереди. Но если ты откажешься, руки заламывать я не буду.

— Не буду я отказываться. Жутко есть хочу.

— Прости, еду я в комнате не держу. — Он налил немного кофе из термоса, протянул ей чашку и сел рядом. — Я пишу исследование о Закрытии Разлома, и здесь, — эрэлим постучал пальцем по выцветшему корешку, — много всего интересного.

— Извини, но ты не мог бы… одеться?

— Тебя что-то смущает? — Он прищурился.

— Меня смущает, что к тому времени, как я выйду из этой комнаты, весь Эльхайм будет думать Мрак знает что.

— И у тебя с этим какие-то проблемы, нильфешни? Они думали это задолго до того, как ты переступила порог их альма-матер. Смирись, что твоя репутация безнадежно испорчена.

— Просто. Надень. Рубашку. — Марори одновременно и злилась, и краснела. Этот парень, конечно, не Крэйл, но даст фору любой модели с обложки журнала о спорте и здоровом образе жизни.

— Не могу — у той, что была на мне сегодня, весь воротник в крови.

— Надень что-то другое. Или нет, знаешь, я лучше пойду. И прихвачу с собой вот это. Обещаю вернуть как можно скорее.

Она вытряхнула бумажки и абонемент на кровать, сунула книгу в рюкзак и рванула к двери, будто за ней гналась толпа не-живых. Быстро, вжав голову в плечи, уговаривая себя не смотреть по сторонам, спустилась в свою комнату и, лишь захлопнув за собой дверь, с облегчением перевела дух.

И сразу поняла, что что-то не так, потому что Сатис не встречал ее привычным уже манером, лежа около стоящей в углу Энигмы. А стоял как охотничья гончая, которая нашла подстреленную дичь и стережет ее до прихода хозяина. Но хуже всего было то, что от вида «дичи» Марори резко захотелось схватить Энигму. Что она и сделала.

— Прошу тебя! — громким шепотом взмолилась «болванка», которая сидела в углу под неустанным присмотром порождения. — Пожалуйста, мне просто нужно спрятаться, пока они не нашли меня!

Сатис издал низкий предупреждающий рык.

«Я могу разорвать ее, только скажи»

«Почему же не разорвал сразу?»

«Она пахнет как ты».

Марори переложила косу в одну руку, второй погладила Сатиса по голове, успокаивая. Фэлфаэр выглядел не так, как обычно, был каким-то нервным и взъерошенным и то и дело порывался приблизиться к жертве еще хоть на шаг.

«Не трогай ее без моего приказа», — попросила Марори.

Сатис недовольно покосился на нее алыми глазами, напоследок нарочито громко клацнул зубами перед самым носом «болванки» — и растянулся на полу, изображая показную расслабленность. В том, что по ее первому зову он бросится в бой, Марори не сомневалась.

— Что ты делаешь в моей комнате и как сюда пробралась?

«Болванка» шмыгнула, подтерла нос рукавом какой-то рваной грязной хламиды со следами то ли ржавчины, то ли… запекшейся крови? Девчонка была почти лысой, лишь кое-где торчали островки светлой щетины. Марори сразу обратила внимания на ее яркие красные глаза и такие же неестественно красные губы. Во всем остальном «болванка» походила на нее, как две капли воды. Пожалуй, даже та кукла Вандрика, что по велению щелчка пальцев умела останавливать время, была не так зеркально идентична, как эта перепуганная голодранка.

«Не дай обмануть себя этой притворной невинностью», — приказала себе Марори, мысленно пересчитав все случаи столкновения с этими марионетками. Каждая встреча оставила на ней свой след. А уж если вспомнить последнюю — ту, что посягала на Энигму, то присутствие Сатиса и тамаката в руках заставляли Марори чувствовать себя увереннее.

Кстати, о тамакате.

«Она пыталась украсть Энигму?»

«Нет»

Ответ ее удивил.

— Я сбежала от них, — сказала девушка так тихо, что Марори пришлось напрячь слух, чтобы не потерять ни слова. — И подумала, что рядом с тобой мне будет безопаснее всего.

— Сбежала от Вандрика?

— Что? — На лице «болванки», несмотря на страх, появилось искреннее недоумение. — Кто такой Вандрик?

— Наш создатель. — Марори поморщилась от того, как неприятно это слово царапнуло напряженные нервы. — Белые волосы, смуглая кожа. На руке, вот здесь, черный орнамент.

Вопреки ожиданиям, «болванка» отрицательно мотнула головой. В ответ на неосторожное движение Сатис недовольно зарычал. Незваная гостья забилась еще глубже в угол.

— От кого же ты сбежала? — повторила вопрос Марори.

— Я не знаю их имен. Они держали нас в клетках, постоянно что-то кололи. — В подтверждение правдивости своих слов девушка осторожно, стараясь не спровоцировать порождение, вытянула вперед руки. Обе были усыпаны синяками от капельниц и уколов. — Раз в неделю приходили и забирали одну из нас, и она больше не возвращалась. Сегодня была моя очередь, но я смогла убежать.

Чушь какая-то.

Марори чувствовала острую необходимость собраться с мыслями, как-то переварить новую загадку, которая никак не вписывалась в те скудные знания, которыми она владела.

Допустим, «болванка» могла не видеть самого Вандрика. Вряд ли отец Крэйла лично руководил процессом, тем более с учетом его щекотливого положения сумасшедшего гения в бегах. Процессом «выращивания» могли заниматься нанятые им специалисты. При таком положении дел «болванка» легко могла и не знать, кто и каким образом причастен к ее появлению на свет.

— Как ты оказалась в комнате?

— Я сделала Разрыв в Плетении, — запросто, как будто речь шла о чем-то обыденном, сказала гостья. — Вон там. — Она указала в сторону шкафа.

Марори присмотрелась и действительно заметила почти затянувшуюся «рану» в ткани Мироздания. Та буквально на глазах превратилась в тонкий ровный шрам и растворилась без следа. Тонкая, идеальная работа.

— Погоди-ка, — Марори снова насторожилась, — так ты пришла из Хаоса?

— Мне пришлось сбежать туда, — с заметным волнением торопливо заговорила «болванка», — иначе как бы я нашла тебя?! Грань Хаоса и Реальности истончается с каждым днем, стоит лишь захотеть — и найти можно кого угодно. Если знать, где искать.

Марори вспомнила рассказ Ниваля о том, что он видел ее с той стороны Реальности. Расплывчато и нечетко, словно в старом кино, но достаточно ясно, чтобы понять, что не ошибся.

— Я скорее руку себе откушу, чем поверю очередной марионетке Вандрика, — сказала Марори, ни капли не сомневаясь, что принимает правильное решение. — Убирайся, откуда пришла, пока я не спустила на тебя своего фэлфаэра.

— Кого? — Еще одна порция недоумения появилась на бледном лице гостьи. — Он же просто порождение Хаоса, от него и пахнет так же.

И когда только успела разнюхать, надо же.

— Я не буду повторять дважды, — сказала Марори. — Уходи, пока я не начала сожалеть о своем мягкосердечии.

Вопреки здравому смыслу «болванка» и с места не сдвинулась. Просто отрицательно и упрямо махнула головой, обхватила себя за плечи и выдохнула, склоняя голову, как приговоренная на плахе.

— Мне некуда идти, — пробормотала она, — так что лучше сделай это сама.

— Я не предлагаю тебе выйти через дверь. Сделай Разрыв — и убирайся. И передай своим хозяевам, кем бы они ни были, что я уже не жертвенное животное, и им придется кардинально пересмотреть свое отношение, иначе я и дальше продолжу ломать их игрушки. С удовольствием, кстати, — добавила она.

— Мне некуда идти, — не поднимая головы, повторила «болванка». — Даже если бы у меня были силы сделать еще один Разрыв прямо сейчас, мне не хватит их на сопротивление тварям из Хаоса. А оттуда мне нет пути обратно.

— Возвращайся в лабораторию, или где тебя вырастили.

— Там меня сразу же убьют. — Гостья подняла голову, в ее красных глаза заблестели слезы, хоть Марори видела, сколь много усилий та прилагает, лишь бы не раскиснуть окончательно. — Это был мой шанс. Мне казалось… я думала, что все, что говорят о тебе, — правда, и ты поможешь мне.

— И что же обо мне говорят?

— Что ты можешь все исправить, — с каким-то благоговейным трепетом, произнесла гостья. Снова шмыгнула и снова подтерла рукавом мокрый нос. — Тот человек, он постоянно это повторял, как заведенный: «Она все исправит, она все исправит, вернет все на свои места».

— Какой человек?

— Он не называл имени. Кто мы такие, чтобы перед нами расшаркиваться? Всего лишь твои отражения, расходный материал.

— Ну хоть что-то же ты должна была запомнить?

«Болванка» призадумалась, и Марори воспользовалась паузой, чтобы подойти к гостье поближе и увидеть подтверждение своей догадки: на спине гостьи, вдоль лопаток и до самого позвоночника, тянулись длинные рваные шрамы, кое-где скрепленные металлическими скобами. Если у нее и были крылья, то кто-то, не слишком заботясь о самочувствии и здоровье пациентки, избавил ее от них. Точнее, вырвал, что говорится, с

корнем. Мысль о процессе отрывания заставила Марори поморщиться от острой боли в спине, в том самом месте, где «проросли» ее собственные крылья.

— Я вспомнила! — Девушка вскинулась, как будто получила весть о помиловании в тот самый момент, когда палач уже занес топор для фатального удара. — У него был круг — вот здесь, — «болванка» поводила пальцем по правой ладони. — Он всегда носил перчатки, но однажды я провинилась и ему пришлось снять перчатку, чтобы наказать меня.

— Преобразовательный круг, — прошептала Марори, наконец начиная понимать, о чем — или, скорее, о ком — идет речь. — Высокий, темные волосы с проседью, скошенный нос?

«Болванка» энергично закивала.

Догадка была слишком смелой, чтобы слепо поверить в нее. Кроме того, она разрушала все мыслимые и немыслимые основы. Буквально стирала их в порошок.

И все же Марори чувствовала, что не ошиблась, и таинственный человек, о котором гостья говорила с нескрываемым ужасом, — дознаватель лорд Ардей, ее «крестный», друг человека, который притворялся ее отцом… и охотник за ее головой.

— Пожалуйста, не прогоняй меня! — «Болванка» так резко подалась вперед, что на этот раз терпение изменило Сатису, и тот бросился на нее, в два счета придавив к полу весом своего тела. Девушка побледнела, сжалась, став похожей на затравленного зверька. — Я не хочу умирать.

Сатис поглядывал на хозяйку с немым вопросом.

Конечно, от девчонки следовало избавиться. Так подсказывала здравая логика. То, что она не напала сразу, не попыталась украсть тамакату и не подстроила другой каверзы, ровным счетом ничего не значило. Она может быть просто хорошей притворщицей. Если за всеми прошлыми нападениями действительно стоит Дознаватель, то он вполне мог сделать вывод, что нахрапом желаемое ему не заполучить. И поменять стратегию.

«Ее нужно просто вышвырнуть вон — чего уж проще».

Вот только было в лице девчонки что-то до боли знакомое. Что-то такое, что Марори и сама частенько видела в зеркале: острое отчаяние, замешанное на страхе полного неведения.

Она честно пыталась уговорить себя избавиться от свалившейся на голову проблемы. Даже подумывала плюнуть на все и снова попытаться разорвать ткань Мироздания, чтобы вытолкать «болванку» туда, откуда та явилась. Но взгляд перепуганных красных глаз она ощущала, даже когда стояла к незваной гостье спиной.

Вот же вляпалась.

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени, — ответила девушка.

— Твоя цифра, где она? Твой номер? Хоть что-нибудь, что отличает тебя от остальных.

Та лишь часто заморгала.

«Отпусти ее, но держись начеку».

«Разумнее было бы позволить мне перекусить ее пополам».

— Знаю, но дам ей шанс, — уже вслух, чтобы слышала и незваная гостья, ответила Марори. — Предупреждаю: только попытайся вытворить какую-то гадость — и я спущу на тебя фэлфаэра. Поверь, в этом случае тебя ждет очень болезненная смерть. Так что хорошенько подумай, прежде чем ответить еще раз: уверена, что не хочешь уйти, пока я еще не в своем уме и позволяю тебе это?

— Я останусь с тобой, — твердо сказала девушка.

Сатис отошел в сторону, «болванка» медленно поднялась, прикрывая руками заметные

проплешины в своей хламиде. Похоже, переход через Хаос дался ей нелегко.

— Ты видела номера хоть у кого-нибудь?

— Нет. Мы были просто «образцами». Хотя у меня была бирка на руке. — «Болванка» показала пустое запястье правой руки. — Я свою сорвала и выбросила. Всегда мечтала это сделать.

— Тебе нужно обработать раны.

— Я в порядке. Это мелочи. Не хочу быть обузой.

«Ты и так уже обуза», — мысленно ответила ей Марори, прикидывая, что делать с этим внезапно свалившимся на голову «счастьем». Для начала — отмыть. К счастью, девчонка охотно исполняла все приказы и по первой же указке шмыгнула в ванну. Сатис благоразумно устроился сторожить дверь.

Марори уселась на стул, подтянула колени к подбородку и уставилась на черный экран телефона.

Итак, самое время подвести итоги. У марионеток Вандрика были порядковые номера. И среди всех его экспериментов по созданию чего-то, пока еще ей неизвестного, она была Тринадцатой. И, судя по всему, последней. Иначе, стал бы он гоняться за ней, если бы мог запросто накопировать себе еще сколько угодно идеальных кукол. Да и не были марионетки Вандрика так уж похожи, по крайней мере, если принимать во внимание те немногие фотографии и личные столкновения.

«Болванка», которая сейчас плескалась под душем, была ее полным отражением, скопированным настолько идеально, что вполне могла бы сойти за нее саму.

Марори поерзала на стуле, поднялась, прошлась по комнате. Мысли разлетелись, стоило в голове мелькнуть догадке: может быть, для этого девчонка и пробралась в ее комнату — чтобы прикинуться беззащитной и несчастной, усыпить бдительность, а потом выдать себя за нее? Очень логично, если бы не одно веское «но»: отрезанные крылья. Кто бы ни совершил над ней такое надругательство, он явно не думал о подмене.

Телефон в руке «ожил», разразился ревом гитар и барабанов. Номер был ей незнаком.

— Да? — осторожно ответила она, почти уверенная, что это очередная «приятная неожиданность».

К счастью, это был всего лишь Нотхильдис, и он не без раздражения интересовался, хватило ли ей крови Марроу или без него все равно не обойтись. Она отделалась от него быстрым: «Все в порядке», нажала «отбой». Конечно, она не насытилась в полной мере. Слабость все еще пряталась в уголках ослабленного связью с Кристаллом тела, но не звать же его сейчас, чтобы он, чего доброго, наткнулся на «болванку». Вот уж кто явно не станет церемониться. В лучшем случае сдаст девчонку Флоранции. Кстати, не такая уж плохая идея, если задуматься, особенно с оглядкой на то, что Магистресса с самого начала благоволила к ней самой.

Решено. Привести девчонку в порядок, расспросить, выудить из нее все, что она знает, — и передать заботам Магистрессы. Уж та наверняка найдет для нее достойное безопасное место. А остальное не так важно. Это все равно больше, чем в похожих обстоятельствах дали ей самой.

Марори достала из своего, теперь уже заметно раздувшегося гардероба пару джинсов, майку, теплый свитер и оставила все это около двери. Девчонка появилась через пятнадцать минут — умытая и заметно посвежевшая. Если бы не обилие кровоподтеков на лице и не бритая — теперь Марори ясно видела, что волосы «болванке» наспех сбрили — голова, то

гостья выглядела бы вполне неплохо. Точнее, очень даже мило. Впрочем, взгляд затравленного зверя все равно никуда не делся.

— Спасибо, — сказала гостя, переминаясь с ноги на ногу, как бы невзначай увеличивая дистанцию между собой и Сатисом. — Это мои… первые вещи.

— В чем же ты ходила все это время?

— Вот в этом. — Она стыдливо вынула из-за спины грязный сверток. — С самого первого дня, как появилась на свет. Один халат.

— И как давно ты появилась на свет?

— Сто семьдесят три дня назад, — с точностью машины ответила та.

— Но ты взрослая?

— Взрослая, — согласилась «болванка», — как и другие.

«Что ж, мне повезло хотя бы тем, что у меня было какое-никакое, но детство».

— Открой рот, — попросила гостью, прежде чем спросить, не голодна ли та.

Клыков во рту безымянной не оказалось. Марори с облегчением выдохнула. По крайней мере, не придется ломать голову над тем, где взять кровь. С оглядкой на недавние события, эрэлим совершил просто героический поступок, но вряд ли он согласится его повторить. И потом, она и так позволила себе выпить слишком много его крови. Кажется.

— Что бы ты хотела съесть? — спросила она гостью, набирая номер Ти’аля. Вот уж кто не станет задавать лишних вопросов.

— Я… мне… пожалуй…

Серафим ответил почти сразу. И действительно не стал задавать лишних вопросов, когда она попросила принести двойную порцию латте, булочек и всяких фруктов. Когда через пять минут в дверь постучали, она высунулась наружу и с благодарной улыбкой приняла из рук серафима бумажный пакет.

— У тебя все хорошо? — спросил он. В отличие от Марроу, серафим даже не пытался смотреть ей через плечо, не пытался найти повод, чтобы напроситься в гости. Он был просто искренне взволнован. — Я в курсе, что Нот облажался.

— Ничего, все в порядке. Марроу оказал мне услугу. Правда, я пока еще не представляю, какую цену он за нее затребует.

— Нот должен быть более ответственным, — пожурил приятеля Ти’аль.

— Ничего он не должен, — пожала плечами она. — Уж точно не обязан думать о том, как кормить одну проклятокровную химеру.

Ти’аль грустно улыбнулся, покачал головой в унисон каким-то своим мыслям и ушел, пожелав ей хорошего дня.

Судя по тому, с каким трепетом девчонка откусывала от сдобы и как жмурилась, когда отпивала из стаканчика, она либо жила впроголодь, либо ела что-то очень невкусное. Будто разгадав ее мысли, «болванка» пояснила:

— Меня кормили кашей и давали хлеб. Не то чтобы я была недовольна, но ничего вкуснее вот этого, — она обвела угощения взглядом, — я в жизни не ела.

«Привыкай», — чуть было не брякнула Марори, но спохватилась, что не готова вселять в девчонку ложные надежды.

— И все же у тебя должно быть какое-то имя.

— У меня его нет.

— Ох, Светлые, так придумай что-нибудь.

— Мне нравится твое имя, — с искренней улыбкой умалишенного ответила гостя. —

Марори. Очень красиво.

— Это исключено.

— Тогда как бы ты хотела меня называть? — Гостья разделалась с бургером и с наслаждением впилась зубами в сочную мякоть персика. Она разве что не мурлыкала от удовольствия.

— Без понятия. Точно не возьму на себя смелость давать имя… тебе.

С ее молчаливого согласия, под пытливым надзором Сатиса, девушка поднялась, подошла к столу и взяла ту самую книгу, которую Марори отняла у эрэлима. Несколько минут увлеченно листала ее, пока с улыбкой не ткнула в какую-то страницу.

— Кенна — Та, что дарит надежду отчаянным, — сказала она, показывая пальцем на иллюстрацию.

Марори подошла ближе, посмотрела на сделанный с гравюры черно-белый снимок. Светлая, мать всех серафимов. Именно она, по легендам, была той, что примиряла Светлых и Темных в самые тяжелые моменты их противостояния. И после того, как она вместе с пятью своими братьями и сестрами отдала жизнь во имя общего блага, в мире ненадолго воцарился покой.

— Хорошо, Кенна, а теперь расскажи мне все, что знаешь.

Глава девятая

— Еще раз, студентка Шаэдис!

Марори потянулась за огненными нитями Плетения, подцепила несколько пальцами словно струны невидимого музыкального инструмента, — и создала элемент огня, оформив его круглой пылающей сферой. Послушный пальцам шар невесомо парил над ладонью, то вспыхивая ярче, то на время затухая.

— Должен сказать, что не могу не отметить ваш заметный прогресс. — Не то, чтобы старший преподаватель Исандрик говорил это с той же похвалой, которую имел привычку источать на головы своих «любимчиком», но Марори чувствовала невероятную гордость. Гордость — и усталость. — Две недели назад я был уверен, что вы безнадежны, что бы там ни говорили о вашем потрясающем потенциале, который не знает себе равных. Должен признать, я погорячился. Вряд ли вам затмить более одаренных студентов, но по крайней мере я вижу, что мои уроки не выветрились из вашей головы, словно тот сквозняк.

— Да, конечно, — торопливо ответила она и опустила взгляд, стряхнув огненную сферу с пальцев, словно остатки влаги после мытья рук. Та растаяла с легким шипением, превратившись в огненные икры, которые потухли раньше, чем упали на пол. — Я очень благодарна за ваше терпение, преподаватель Исандрик.

На самом деле напыщенный старый эрэлим был совсем не при чем. Разве что частично, и то лишь своими постоянными придирками. Он, казалось, сделал все, лишь бы ее неудачные попытки подчинить Плетение стали достоянием всей группы и поводом для насмешек.

С Плетением помог справиться… Марроу. Хотела она того или нет, но невозможно было не признать, что после того, как эрэлим стал ее вынужденным «донором», что-то в их отношениях изменилось. Он больше не пытался поддеть ее по поводу и без, вел себя сдержаннее и даже в те редкие случаи, когда ее одолевал отчаянный огненный зуд под кожей, не наставлял на нее пистолет. Напротив, делал все, чтобы успокоить ее.

Марори вернулась на свое место в тренировочном зале, вспоминая, как вчера, когда ее на пустом месте одолела невыносимая жажда выпустить из себя всю с трудом сдерживаемую силу крови небеснорожденных, он просто сграбастал ее в охапку и, словно бы в насмешку, сказал, что если она тотчас не подчинит себя, то он превратится в горстку пепла. Марори была уверена, что эта «угроза» только сильнее подзадорит ее, но оказалось ровно наоборот — мысль об обугленном теле эрэлима была неожиданно болезненной.

А еще, как оказалось, он умеет хранить секреты. Не только от обитателей Эльхайма, но и от своих «шпионских» наставников. Потому что когда Кенна со слезами на глазах взмолилась не отдавать ее «чужим людям», Марори с ужасом осознала, что не может избавиться от «болванки», потому что та, как бы дико это ни звучало, была частью ее самой. Вероятно, даже более близкой, чем куклы Вандрика. Потому что, если верить словам Кенны, все ее «сестры» были похожи друг на друга, как две капли воды, в отличие от других «сестер» Марори, каждая из которых была похожа на нее лишь в общих чертах, но в остальном отличались, как земля от неба. И в тот момент, когда Марори была полностью подавлена отсутствием выхода из сложившейся ситуации, она не придумала ничего лучшего, чем обратиться за помощью к Ти'алю и… Марроу. В случае с серафимом она не сомневалась, что он сохранит ее секрет и сделает все возможное, чтобы найти самый

безболезненный выход из положения. А Марроу с его связями и дополнительными знаниями о происходящем казался той самой шестерней, без которой ситуация никогда не сдвинется с мертвой точки. И, к счастью, на этот раз она не ошиблась.

После окончания практики Марори вышла из зала одной из первых и сразу же позвонила. Исандрик был тем еще деспотом и никому, даже своим выдающимся студентам, не разрешал использовать мобильные телефоны и прочие гаджеты на его занятиях. Вплоть до исключения в случае непослушания, чему Марори стала свидетельницей уже на втором занятии.

— Как она? — спросила сразу, без вступления, как только Марроу взял трубку.

— Все никак не угомонишься? — вопросом на вопрос ответил эрэлим. — Под моим присмотром, нильфешни. Аппетит у нее отличный, я бы даже сказал — жрет за троих.

«Еще бы, на ней и мяса-то не было почти — кожа и кости», — мысленно отозвалась Марори.

— Уверен, что с ней все в порядке?

На том конце связи раздался нарочито вымученный вздох. Его Марори пропустила мимо ушей.

— Уверен, что эта лысая кукла не вытворит ничего такого, с чем бы я ни справился.

— Ее зовут Кенна, — напомнила Марори, хоть в этом не было необходимости. Эрэлим знал ее имя, но никогда не использовал его. И при случае напоминал Марори, что давать девчонке имя было опрометчиво. — Встретимся в вишневом саду через два часа.

— Нильфешни, мы договорились об этом еще вчера. Я, конечно, старше тебя, но не до такой степени, чтобы ты имела моральное право считать меня старым, разбитым склерозом маразматиком.

Она, не прощаясь, нажала «отбой» и со всех ног поспешила на сборы клуба любителей разгадывать древние загадки. В «Черный дракон», куда, как позже выяснилось, ее порекомендовал именно эрэлим. Марори старалась не слишком анализировать степень его вмешательства в ее существование в стенах Эльхайма, но вывод был слишком очевиден, чтобы его игнорировать — Марроу был практически везде.

Заседание клуба обычно происходило в малой библиотеке Эльхайма, на одном из самых нижних этажей, неподалеку от тренировочных залов. У Марори оставалось ровно десять минут между занятиями, так что есть приходилось на ходу.

Крэйл позвонил в тот момент, когда она, откусив слишком большой кусок бутерброда, отчаянно пыталась его прожевать и при этом не стать посмешищем на радость всем встреченным эльхам. Поэтому трубку взяла не сразу.

— Я тебя не отвлекаю, Кусака? — спросил он вместо приветствия.

— Ни от чего такого, что бы я ни была готова бросить ради общения с тобой. — Марори поздно сообразила, что сказала слишком много сокровенного, поэтому смущенно кашлянула, одновременно радуясь, что шанатар не может видеть ее покрасневшие щеки.

— Я узнал про Крээли.

— И? — Она пыталась заставить себя поверить, что его голос звучит так же, как и всегда, и ей просто кажется, что Крэйл напряжен и явно собирается сказать что-то такое, что придется ей не по душе.

— Дамиан дал нам доступ в архивы, мы проторчали там кучу времени, но никого с именем «Крээли» среди Темных не нашли. Зато я раскопал несколько мифов о том, что существовал Тринадцатый Темный. Точнее, Тринадцатая.

— И что это за мифы?

— Я сделал сканы страниц и отправил их тебе на «электронку». Но если хочешь знать мое мнение — это какая-то ерунда, просто сказка, чтобы пугать на ночь непослушных детей.

— Где-то я это уже слышала… — пробормотала она в ответ, спохватилась и спросила: — Поэтому ты такой встревоженный?

— Я надеялся, что ты не поймешь. Ни фига не умею притворятся.

— Мне это нравится, — не смогла промолчать она. — Что стряслось, Клыкастый?

— В Мараабаре снова неспокойно. Два дня назад кто-то устроил новый Разрыв, часть дра'морцев отправили туда для помощи. Дамиан оставил нас, чтобы мы присматривали за «мелкими», но два часа назад… — Было слышно, как шанатар скрипнул зубами. — Короче, мы не можем просто сидеть здесь и ждать, понимаешь? Мы, здоровые, крепкие проклятокровные засранцы, не хотим и не будет ждать, пока другие разгребают за нас все это дерьмо.

«Нет, прошу тебя… Только не говори, что ты…»

— Мы едем разбираться с очередной заварушкой, Марори Шаэдис, — сказал он. Четко и ясно, чтобы она и не помышляла возражать или отговаривать. — Какое-то время я не смогу выходить на связь. Пообещай мне, что ни во что не вляпаешься за это время. Я должен знать, что ты в безопасности, иначе это будет сидеть в моей башке, как заноза, и я не смогу сосредоточиться.

Ей пришлось прикрыть рукой динамик, чтобы выкроить мгновение и с шумом выдохнуть сквозь стиснутые зубы. Она даже рот боялась открыть, чтобы не закричать. Неужели это происходит снова?

— Мне тебя никак не отговорить? — дрожащим голосом спросила она, заранее зная, каким будет ответ.

— Нет, Кусака. Так что просто пообещай мне, что с тобой все будет в порядке и что в случае чего ты без колебаний поставишь на место любого небеснорожденного придурка.

— У тебя до сих пор нет фэлфаэра, — зачем-то сказала она.

— Он мне не так, чтобы остро необходим, — хмыкнул шанатар. — После того кровавого поцелуя с тобой я, скажем так, стал заметно крепче.

— Я обещаю, что у тебя не будет ни одного повода отвлекаться на мысли обо мне, — сказала она. Выдержка подвела, фраза треснула где-то в середине, и голос предательски задрожал. — Пожалуйста, Крэйл…

— Не вздумай плакать, Кусака. Твоя зареванная мордашка — последнее, что мне хотелось бы сейчас видеть.

— Боюсь, это выше меня, ископаемый шанатар. Тебе досталась самая неуравновешенная сестренка на свете.

— Я обещал вымыть тебе рот с мылом, если скажешь так еще раз. Считай, это будет вторым, что я сделаю с тобой, как только мы встретимся.

— А что будет первым?

— Мой выбор колеблется между «поцелую и затащу в постель» и «затащу в постель и поцелую».

— Ты бессовестный шанатар.

— Помнишь, что я говорил про твой бюстгальтер в горошек? Так вот — я соврал. Ты выглядишь в этих детских тряпках так невыносимо горячо, что я ту ночь не спал совсем. И еще парочку после нее тоже. Но под платье я хочу кружева.

Он дал ей время отдышаться, при этом самым недвусмысленным образом посмеиваясь прямо в трубку.

— Пожалуйста, будь осторожен, — попросила она шепотом. На большее не хватило сил. Голос отчаянно ломался под напором внезапно накатившего страха. Ведь Крэйл может… не вернуться живым? От одной мысли о таком исходе ее сердце сжали отравленные тиски отчаяния. — Пожалуйста, Крэйл…

— Я крепкий сукин сын, Кусака.

Они, по ставшей традицией привычке, закончили разговор не прощаясь, но она еще несколько минут стояла под дверью библиотеки, глядя на зловеще-черный экран телефона.

Чтобы не привлекать к себе внимания, Марори осторожно прокралась за стульями и заняла пустующий стол в крайнем ряду. Потихоньку выложила книги, блокнот, но когда потянулась за ручками, то неуклюже выронила коробку, и та с грохотом бухнулась на пол. Канцелярские принадлежности рассыпались вокруг.

— Марори Шаэдис йор МиолМорна, — нарочно растягивая каждую букву в ее полном имени, сказала глава клуба, Фину «Длинная_сложная_фамилия_язык_сломаешь». Марори одновременно и восхищалась ею, и терпеть не могла. Потому что насколько эльха была невероятно умна, ровно на столько же и остра на язык. И никогда не упускала случая ужалить провинившегося одной из своих ядовитых шпилек. К чести Фину, она не делала различий между пришлой дра’моркой и «своими», и чихвостила всех с одинаковым задором. — Ты почти вовремя. Но я тут думаю: зачем было записываться в наш клуб, если ты все время опаздываешь?

С каменным лицом Марори подобрала карандаши и ручки, поднялась, чувствуя, что все члены «Черного дракона» замерли в ожидании её ответа. Все одиннадцать человек. Не зря Марроу говорил, что этот клуб — самый не популярный в Эльхайме, потому что любители копаться в костях истории не устраивают вечеринок, не бегают голышом в полнолуние, а лучшим времяпрепровождением считают коллективное зачитывание до дыр какой-нибудь редкой книги. И всем этим Марори наслаждалась с исступлением истинного книголюба. Если бы не ершистая Фину, она бы чувствовала себя почти в раю целых два часа три раза в неделю. И Марори не хотела терять эту единственную отдушину, тем более что она же давала и значительные преимущества для ее личного расследования.

Ради такого не грех легонько наступить на хвост своей гордости.

— Я постараюсь больше не опаздывать, — стараясь держать ровный тон, пообещала Марори.

— Очень на это надеюсь, потому что терпение и всепрощение не входит в число моих добродетелей.

Радуясь, что на этом инцидент исчерпан, Марори уселась на место.

Сегодняшнее заседание было посвящено какой-то археологической находке, которую обнаружили неподалеку от места того самого Разлома, возле места крушения поезда, в котором Марори угораздило оказаться. Выяснилось, что под землей лежали руины древнего храма, дата возведения которого была настолько древней, что ученые едва ли не тряслись от восторга, что им удалось заполучить такую находку. Члены клуба по возможности выискивали всю доступную им информацию, собирали распечатки фотографий, интервью, мониторили социальные сети, а потом старательно обсуждали и анализировали все, что удалось добыть.

Марори же, пользуясь тем, что пропуск члена клуба дает ей эксклюзивный допуск в

архивы и закрытую библиотеку Эльхайма, набирала книги на абонемент и все отведенное время выискивала зацепки к собственным тайнам.

Она оставалась таким себе автономным элементом в этой машине по разгадыванию общих тайн, если бы не знакомство с тощим спектром в очках с толстыми стеклами, через которые его глаза выглядели неестественно огромными и по-рыбьи круглыми. Про себя Марори звала его Уникум, потому что этот парень был единственным, кто в пространных спорах с Фину умудрялся не выглядеть полным болваном. За что пользовался ее безоговорочным уважением.

— Как твои поиски? — Не дождавшись приглашения, Уникум пересел к ней за стол, с любопытством приподнял обложку книги, которую она как раз изучала, и прочел вслух: — «Трансформация религии: от древности до современности». Как успехи?

— Я только начала. — Марори постучала кончиком карандаша по блокноту. — Иногда мне кажется, что одна я не вижу того, что видят все вокруг.

— Ну, не всем дано, — пожал плечами эльх, поправил очки и с видом знатока пересмотрел другие ее книги. Выудил оттуда потрепанный том «Загадки санктуария» и положил его поверх раскрытой книги. — Автор этого труда — солидный ученый. За его плечами куча статей и исторических разоблачений. Если бы я, как ты, интересовался истоками и загадками религии, то начал бы с этой книги.

Марори поблагодарила его улыбкой.

— А почему ты не со всеми? — Она взглядом указала на что-то бурно обсуждающих членов клуба.

— Потому что с ними скучно. Что толку обсуждать то, что лежит на поверхности? И, если совсем честно, я бы лучше подумал не о старых развалинах, а о том, почему эту тему так активно мусолят на всех каналах, в сети и прессе.

— Вселенский заговор?

Судя по его кивку, он принял ее шутку за чистую монету.

— Сама посуди: месяц назад на каждом углу кричали, что в реал вот-вот вторгнется армия Хаоса, что под предводительством чокнутого последнего шанатара собирается орда проклятокровных фанатиков — и вдруг полная тишина. Как будто ничего и не было.

— Возможно, не хотят раздувать панику, чтобы не усугублять положение.

— Между «полным игнором» и «нежеланием раздувать панику» — пропасть, размером с задницу Темного. А тут так кстати нашлись эти развалины. О них даже в кулинарных передачах говорят. Много ты знаешь случаев, когда о старых камнях говорили между нарезанием мяса и тушением грибов?

— Я не смотрю кулинарные передачи.

Уникум подарил ей взгляд, полный непонимания, а потом молча удалился на свое место. Марори же, прислушавшись к его совету, отложила в сторонку «Трансформацию» и взялась за «Загадки санктуария». Бегло познакомившись с оглавлением, раскрыла книгу на разделе «Тайны Двенадцати имен» и принялась за чтение. После короткого вступления автор изложил свою теорию о возникновении Светлых, точнее говоря, изложил личную точку зрения на классическую историю о Едином и его попытках передать знания своим ученикам. Марори выписала несколько источников, на которые он ссылался, и снова погрузилась в чтение. Полчаса спустя, окончательно разуверившись отыскать хоть намек на крупицу истины, она мысленно пожелала себе терпения и просто перелистнула страницу.

И уткнулась в фотографию на весь разворот. Черно-белый снимок был такого

отвратительного качества, что сначала она ничего толком не рассмотрела. И почти перелистнула, но взгляд зацепился за знакомую деталь на фоне выточенных в камне глыб. Сначала Марори сама не могла понять, что именно приковало ее внимание: фото было сделано при скверном освещении, и, чтобы рассмотреть детали, ей пришлось едва ли не впервые воспользоваться лупой. Двенадцать плоских столбов, на одной стороне которых были вырезаны лица с открытыми ртами. Сначала ей показалось, что все лица одинаковые, но стоило присмотреться — и они приобретали индивидуальность. Некоторые были женскими, другие однозначно принадлежали мужчинам. Все двенадцать колон стояли вокруг каменного круга, и взгляды каменных лиц были как будто устремлены в него. Смотрели и… пели?

Марори вскинулась, словно сквозь нее прошел электрический разряд.

Надпись под снимком гласила, что это алтарь, найденный неподалеку от потухшего много столетий назад вулкана. Точнее, как выяснилось на следующей странице, под самим вулканом. Автор книги не единожды подчеркивал, что лишь чудо сохранило алтарь в почти первозданном виде. По его утверждениям, каменный круг был чем-то вроде колодца, из которого, согласно традициям древних небеснорожденных, черпали благословленную по случаю праздника Равноденствия воду. Он же высмеивал теорию о том, что каменные столбы — не что иное, как стилизованное изображение двенадцати месяцев. По мнению автора, это были изображения реальных людей.

Марори быстро выписала ключевые моменты прочитанного: двенадцать каменных статуй с открытыми ртами, каменный колодец, потухший вулкан. Потом перечитала статью еще раз и прибавила к списку слово «Равноденствие». Сердце бешено грохотало в груди, как будто глубоко внутри нее сидела крохотная догадка, которую сама Марори никак не хотела или не могла увидеть.

Двенадцать пели… Двенадцать пели. В том странном видении, которое уже дважды посещало ее на грани реальности и сознания, в их ртах была лава. Их лица, да-да, они точно были лицами простых людей: бритые головы, окровавленные глаза, исковерканные мукой черты, но все же они были людьми.

Светлые и Темные!

Под снимком значилось, что алтарь находится на территории небеснорожденных, в городке под названием Керон. Марори в который раз мысленно поблагодарила Крэйла за то, что шанатар настоял на покупке телефона с большим экраном. Пять минут поиска в интернете вывели ее на страницу Керона, который не отличался ни выдающимся географическим положением, ни известными горожанами. Только одна особенность, после упоминания о которой в позвоночник Марори будто впрыснули порцию раскаленной боли.

На территории Керона находились единственные во всем мире залежи редкого эстрамора.

Марори стоило труда не сорваться с места и не завопить на весь мир о своей находке. Пришлось сунуть руки под стол и что есть силы вцепиться пальцами в колени. Она знала — чувствовала! — что наткнулась не просто на вереницу совпадений, а нащупала то самое, что могло приоткрыть завесу тайны ее создания.

— Ты словно кол проглотила, — вторгся в ее мысли Уникум. — Нашла что-то интересное?

Марори показала ему снимок. Несколько минут спектр не без интереса изучал фотографию и сопутствующий текст, а потом закивал в такт каким-то своим невысказанным

мыслям.

— Помню-помню эту шумиху.

— Шумиху насчет чего?

— Лет пятнадцать назад, — он задумчиво наморщил лоб, — или больше? Ну, не суть. В общем, эту штуку нашла группа ученых активистов. Или сектантов. В зависимости от точки зрения. В общем, эти товарищи утверждали, что этот вулкан — чуть ли не запечатанное проклятие. Нашли мецената, поехали в Керон — и ничего, пшик. Облазили там каждый метр, но ничего не нашли.

— Откуда ты все это знаешь?

— Люблю читать всякие старые альманахи. В архивах целая подборка есть.

— Не подскажешь, как бы мне найти там эти статьи? — Забыв о том, что собиралась вести себя смирно, Марори кое-как запихали вещи в рюкзак. — Номера журналов, например?

На последнее надежды почти не было. Но Уникум, с видом чуть ли не спасителя человечества, выудил из кармана грязный клочок бумаги, огрызок карандаша и написал не только название альманаха, но и номера журналов, и даже страницы. Марори на радостях чмокнула его в щеку и пулей вылетела из библиотеки.

В архивах было пыльно, холодно и сыро. Марори почти сразу одолел удушливый приступ кашля. Попытка уговорить архивариуса разрешить ей вынести журналы для самостоятельной работы закончилась полным фиаско: старик упрямо твердил, что все альманахи находятся в единственном экземпляре, а некоторые представляют историческую ценность. Пришлось работать прямо в подвале, кутаясь в куртку и не обращая внимания на пляшущие от холода зубы.

Уникум был прав: идеи, которые исповедовали ученые, в самом деле попахивали околорелигиозным, фанатичным бредом. И опирались они на откопанное в древних письменах пророчество о том, что печати на Апокалипсисе вот-вот должны рухнуть, и мир погрузится в пучину кровавой войны и бедствий, в которых никому не спастись и не выжить. Этих людей объединял не только интерес к науке и то, что все они были простокровными, но название, которое прицепилось к ним с подачи какого-то журналиста, — Светочи истины. Пафосное название, за которым скрывались имена увешанных всевозможными регалиями ученых, отнюдь не походивших на фанатиков. А в массовый психоз Марори отказывалась верить.

Строчка за строчкой, буква за буквой Марори восстановила хронологию событий. Пророчество, вокруг которого сплотился круг последователей, громкие заявления для прессы, десятки научных статей, каждая из которых выглядела, мягко говоря, бредом душевнобольного. Потом тянулись годы тщетных попыток найти спонсора, готового вложить деньги в экспедицию и в дорогостоящий инвентарь, но при этом принимать на веру и предлагаемые домыслы. Заметки о «светочах» становились все меньше, пока научный мир не взбудоражила сенсация: меценат найден, экспедиция заканчивает последние приготовления. Следующая статья датировалась двумя месяцами позже, и в ней говорилось, что ученые прибыли на место, отыскали алтарь и приступили к раскопкам. Еще через три недели — небольшая заметка о том, что из-за резко ухудшившихся погодных условий раскопки пришлось на какое-то время свернуть.

А потом, словно «горячие пирожки», одна за другой шли разгромные обличительные статьи о том, что ученые ничего не нашли. Некоторые называли их последними

инфантильными романтиками, другие прямо обвиняли в попытке выщедить деньги из мецената, который пожелал сохранить инкогнито. В последнем альманахе вместо статьи на весь разворот отыскалась небольшая заметка внизу страницы. И возле нее — фотография всех «светочей» на фоне древнего алтаря, покрытая позорной типографской печатью с грифом «Мошенники».

Марори поднесла страницу ближе к свету и снова воспользовалась лупой, хоть в этом не было необходимости. Среди трех десятков лиц она легко узнала знакомые черты.

Черты человека, которого до сих пор мысленно называла своим отцом.

Но и это открытие не стало неожиданностью. По крайней мере, не такой сильной, как ее собственная память, которая сигнализировала, что в забытом прошлом все произошедшее не было для нее новостью.

Из архива она вышла спустя несколько часов, нашпигованная колоссальным объемом информации, словно фаршированная рыба. И практически сразу телефон «ожил» входящим вызовом.

— Проклятье Темных, нильфешни, где тебя носит?! — набросился на нее Марроу.

— Я была в архиве, — все еще не до конца вынырнув в реальность, на автомате ответила она.

— Полчаса пытаюсь тебе дозвониться, а в ответ «абонент не может принять ваш звонок».

Сказано это было с таким выразительным раздражением, что Марори с трудом не поддалась желанию просто положить трубку и избавить себя от его нападок. К счастью, эрэлим быстро остыл.

— Я был уверен, что ты снова во что-то вляпалась. Если бы ты не ответила на этот раз, я бы поднял на уши весь Эльхайм.

— В архивах просто слабый сигнал, — продолжая думать о своем, пояснила она. — Куда мне отсюда деться, когда я даже за порог выйти не могу, если не отчитаюсь перед тобой лично.

— Очень надеюсь, что ты просто не слишком умно шутишь, — проворчал он, — а на самом деле понимаешь — и помнишь! — что даже в стенах Эльхайма ты не можешь быть полностью в безопасности.

— Все потому, что кто-то запретил мне брать с собой Сатиса.

— Ты знаешь условия: твое кровожадное порождение выйдет за пределы комнаты только в наморднике и на поводке.

— А ты знаешь, что этому не бывать, даже если небо упадет на землю. Ты зачем звонил?

— На тебя пожаловалась Фину. Сказала, что опаздываешь, не соблюдаешь правила, нарушаешь распорядок и не приносишь клубу никакой пользы.

— Обязательно начну приносить, как только решу пару загадок. — «Для чего ты все это говоришь, если сам порекомендовал меня именно с целью обеспечить мне легальный доступ к нужной литературе? Разве не в этом заключался план Флоранции: сделать меня максимально стандартной эльхой без привилегий, чтобы никому не пришло в голову искать скрытые мотивы этого странного перевода прямо посреди учебы?» — Я просто нашла кое-что и не хотела тратить время на протирание штанов.

— Не хочешь поделиться находкой? И, между прочим, я уже жду тебя в условленном месте. — Послышалась короткая возня, ругань, и Марроу нехотя прибавил: — Ти’аль тут, и

он просит сказать, что если ты поторопишься, то ужин успеет остыть.

Ужин?!

Марори пообещала идти побыстрее, нажала «отбой» и взглянула на экран: шесть пятнадцать вечера. Действительно, за всеми этими волнениями она и не заметила, как быстро пролетел день. И что он стал первым за долгое время, когда она не получила ни единого сообщения от Крэйла.

Парни ждали ее около фонтана, вода в котором не застывала даже при минусовой температуре. Эрэлим хоть и заметил ее сразу, демонстративно отвернулся, делая вид, что куда больше его занимает изучение мраморного дна. Она мысленно пожала плечами — и шагнула прямо к серафиму, который тут же сунул ей в руки коробку для завтраков. Она в самом деле была еще теплой.

— Спасибо, — краснея, поблагодарила Марори.

Присутствие Ти'аля и его прямой открытый взгляд всегда заставляли ее испытывать чувство неловкости. Как будто они говорили о повседневном, а обменивались лишь им понятными сигналами.

Со словами: «Я жутко проголодалась» Марори открыла коробку, достала мягкую, словно перышко, булочку с начинкой из куриного и грибного фарша. Булочка растаяла мгновенно, стоило положить ее в рот.

— Если ты закончила чревоугодничать и потакать низменным инстинктам, — ни с того ни с сего окрысился Марроу, — то, может, расскажешь, что ты успела раскопать. Надеюсь, это стоящая вещь, потому что мне не нравится перспектива валяться в ногах у Фину и упрашивать ее дать дра'морке еще один шанс «влиться в коллектив».

Он имел полное право злиться. Потому что Фину была зла и на самого Марроу за его регулярные прогулы без уважительной причины, а он, вместо того чтобы отстаивать свое право, снова и снова вступался за дра'морку. Вряд ли такое отношение прибавляло ему любви в глазах однокурсников.

И все же это не давало эрэлиму права так с ней разговаривать.

Марори нарочито медленно доела все булочки, почти с наслаждением наблюдая за тем, как эрэлим все больше и больше выходит из себя. Ти'аль с грустной полуулыбкой наблюдал за их безмолвным пикированием, а потом кашлянул в кулак, привлекая к себе внимание. Марроу перестал расхаживать взад-вперед, вскинул бровь в немом вопросе.

— Я хотел напомнить, что до Бала по случаю Схождения осталось меньше трех недель. — Он зачем-то подковырнул носком сапога пласт примерзшего снега, выворачивая наружу пласт пожухлых листьев. — И… в общем, если вы двое не собираетесь… То я хотел бы… — Он снова кашлянул в кулак, и его щеки покрылись густым румянцем. — В общем, я подумал, если вы не договорились идти вместе, то я хотел бы предложить Марори стать моей парой на вечер.

Пока Марори пыталась переварить услышанное, эрэлим сверлил Ти'аля тяжелым, хмурым взглядом. И серафим отвечал ему тем же. Это зрелище было настолько необычным, что Марори даже отвлеклась от своего недоумения, с любопытством наблюдая за их безмолвным поединком.

— Что-то не так? — глядя на соперника, спросил Ти'аль. — Я подумал, что у тебя было предостаточно времени, чтобы пригласить Марори. В конце концов, вы почти все время вместе.

— Это не значит, что нам обоим делать нечего, кроме как строить планы на танцульки.

Это же ты у нас элитный саженец, этикет и все такое.

— Ты стыдишь меня за хорошее воспитание? — с напускной мягкостью уточнил Ти'аль. Он поднялся, скрестил руки на груди, в одно мгновение из расслабленного серафима превратился в стальную глыбу, которую и захочешь — не сдвинешь. — Или стыдишься недостаточного своего?

— Ты совсем с катушек слетел из-за нее, да? Или думаешь, все вокруг слепые?

— Я думаю, это не твое дело.

— А давайте-ка я вас помирю, — вмешался в назревающую перепалку Нотхильдис. Он вышел из-за деревьев, как обычно слегка взъерошенный и заспанный, но настороженный, как охотник, который даже сквозь сон слышит каждый шорох. — С нильфешни пойду я.

Марори непроизвольно икнула. Да так громко и выразительно, что все три пары глаз уставились на нее. Она зачем-то прикрыла рот рукой, как будто это могло исправить или отменить возникшую неловкость. И снова икнула. Ти'аль молча протянул ей бутылочку с минералкой.

— По-моему, это отличная идея, — нарушил тишину Нотхильдис. — В отличие от вас, болванов, я не спятил и трезво вижу, что дра'морка — всего лишь взрывоопасная игрушка Вандрика Шаэдиса, обычная заводная мартышка, которая ходит туда, куда укажут, и делает ровно то, что ей положено делать. И все уникальное и необычное, что в ней есть — лишь мишура, чтобы спрятать гниль и червоточину. Так что, олухи, пока вы не разбили друг другу рожи, остановимся на том, что дра'морка будет моей парой. Хотя у меня даже зубы свербят от желания посмотреть, как вы будете рвать друг друга на куски.

— А моего согласия спрашивать совсем не нужно? — После такой изобличительной речи в свой адрес Марори разом протрезвела. И разозлилась. В первую очередь потому, что ничего не могла поделать с желанием вцепиться Ноту в шею и утолить голод, который в последнее дни давал о себе знать. А еще потому, что знала — кровь Марроу, хоть и более доступна, не даст полного насыщения. — Или марионеткам Вандрика право голоса не положено? Потому что, знаешь, мой создатель страшно не любит, когда его игрушки трогают без спроса. Знаешь, что он сделает с тобой, когда узнает?

Она сама не поняла, как оказалась рядом с ним, и прежде, чем спектр успел что-то предпринять, схватила его за запястье. Он не смог сдержать удивленный крик боли, когда ее ладонь раскалилась и вверх по руке побежали огненные нити. В воздухе запахло паленой плотью.

— Он тебя выпотрошит. Вскроет от глотки до паха, как вонючего моллюска, и поковыряет в твоих кишках. И знаешь еще что? Ты будешь еще жив, и прочувствуешь каждое шевеление в своей утробе.

В следующее мгновение кто-то сграбастал ее в охапку, с силой дернул назад, опрокидывая навзничь.

— Марори, успокойся!

— Сраная дра'морка, тварь проклятокровная! — Ругань Нотхильдиса пропиталась болью и злостью. — Ей нужно голову оторвать, а вы носитесь с ней, как с каким-то хреновым сокровищем!

— Заткнись! — вторил ему взбешенный Марроу. — Какого… ты ее доводил?!

Сквозь алое марево Марори видела лишь обувь спорщиков. Прохлада снега, в который ее окунули лицом, понемногу погасила приливший к щекам жар.

— Шшшш, все хорошо… Все хорошо… — Ти'аль держал ее так крепко, что она и

пошевелиться не могла. — Ты в безопасности. Этот придурок просто ляпнул сгоряча.

«А я чуть не убила его за болтовню».

— Отпусти, мне больно, — попросила она, но серафим не сразу исполнил просьбу, а потом едва ли не своими руками поставил ее на ноги. Марори отодвинулась, когда Ти'аль попытался проверить, все ли кости у нее целы. — Спасибо, что не дал мне сорваться.

— Извини, что пришлось… вот так.

— Надеюсь, если это повторится, ты поступишь так же.

Ее взгляд наткнулся на Нотхильдиса: спектр как раз с каким-то садистским удовольствием рассматривал приличного размера уродливый ожог на руке. Ожог в форме пятерни. Марори на миг прикрыла глаза, пожелала себе терпения. Просить у него прощения? Нет. Даже с оглядкой на то, что он сделал ей больно лишь словами, а она в отместку наказала его физически. Ну и что, что это случилось в приступе неподконтрольному ей чувству злости? Как будто на несколько мгновений она стала той, другой Марори, которая на пару с Вандриком творила ужасные вещи.

Рано или поздно она вспомнит все то прошлое, от которого спряталась в придуманном настоящем. И что-то подсказывало Марори, что это возвращение поглотит ее теперешнюю.

— Я должна узнать, что я такое, пока не стало слишком поздно, — всем сразу сказала она, на этот раз избегая смотреть на Нотхильдиса. Казалось, он только и ждет, как бы ухватиться за еще один повод пройтись по ней моральным напалмом.

— Да гори ты синим пламенем со всеми своими загадками, дра'морка хренова, — огрызнулся спектр.

— Тогда тебе нечего слушать то, что я хочу сказать, — устало отозвалась она.

На долю секунды его глаза стали ярко-голубыми, заинтересованными, но он так и не сказал ни слова. Просто ушел, на прощанье обозвав всех придурками.

— Похоже, мне придется и дальше просить тебя о помощи. — Марори посмотрела на шею Марроу. Он до сих пор носил свитер с высоким горлом, чтобы скрыть следы ее укуса.

— Он остынет. — Слова Ти'аля прозвучали не убедительно.

— Это все сделал с ним Вандрик, — неожиданно заявил Марроу. В нем, видимо, боролись смешанные чувства необходимости вступиться за «своего» и злость, что приходится вскрыть нарыв чужой тайны. — Когда Нотхильдиса затащило в Хаос, Вандрик вытащил его оттуда и упек в одну из своих лабораторий. Все, что не сделала с ним тьма из Хаоса, сделал шанатар. Подумай об этом, прежде чем пытаться убить его в следующий раз.

— Думаешь, я не знаю, что меня лучше держать в подвале подальше от людей? Думаешь, я не помню об этом каждую минуту каждого часа каждый день своего существования?

— Думаю, ты должна осознавать ответственность за то, что ты можешь натворить. Всегда найдется тот, кто скажет тебе, какая ты дрянь. Всегда будут те, кто обольет помоями твое происхождение, попытается упечь тебя в клетку и посадить на цепь. Потому что ты не такая, как все мы! Потому что ты нечто большее, чем мы. И спрос с тебя тоже больше. Быть Марори Шаэдис — не означает красоваться крылышками и громкой фамилией.

— По-моему, тебе тоже пора заткнуться, — с нажимом намекнул Ти'аль.

Они долго сидели в гробовой тишине, думая каждый о своем, прежде чем Марроу заговорил снова.

— Я оставил Кенну в комнате под охранными глифами, но времени не так много. Если честно, не похоже, чтобы она собиралась сбежать или выискивала способ подобраться к тебе

или тамакате. И все же я бы не стал ей доверять. Хочешь знать мое мнение? Пора обо всем рассказать Флоранции.

— Мне нужно еще немного времени. Я кое-что нашла.

Марори достала блокнот, бегло рассказала о результатах своих изысканий. Когда она иссякла, и эрэлим, и серафим пару минут переваривали услышанное, а потом, к большой гордости Марори, похвалили ее внимательность и упорство. Причем почти одними и теми же словами.

— Я должна поехать туда. Обязательно. Чем раньше — тем лучше.

— Это на несколько дней минимум, — сказал Ти’аль, поглядывая на Марроу. Тот согласился. — И только вместе с нами, Марори.

— Конечно. Одной мне не справиться. Обещаю не искриться и держать себя в руках, — неловко пошутила она, и ее собеседники так же неловко посмеялись в ответ.

— Думаю, нам нужно пойти к Магистрессе и все ей рассказать, — предложил Марроу. — Я могу найти нам «официальную» причину отлучиться, но, — он помялся, — скажем так, я бы предпочел держать твою находку в секрете даже от Стражей. По крайней мере, пока.

Марори знала, чего стоило эрэлиму это признание, но почему-то не нашла ни одного слова, чтобы выразить благодарность.

— Я, кажется, даже знаю, что можно придумать… — Эрэлим заметно повеселел. — Только без Флоранции затея не выгорит.

— Значит, идем к ней, — согласилась Марори.

Глава десятая

Идея эрэлима была хороша в своей простоте. Клуб историков собирался выехать на место тех самых раскопок, которые вторую неделю были предметом бурных обсуждений его членов. Письмо с прошением о разрешении отлучиться от учебного процесса уже лежало у Флоранции на столе. Марроу предложил использовать эту поездку, как возможность, не привлекая внимания, покинуть Эльхайм.

Вот только имен Марроу и Марори там не было. И тем более там не могло быть имени Ти'аля.

Флоранция внимательно выслушала его план. Потом какое-то время молча стояла у она, сосредоточенно рассматривая снегопад. Минуты ожидания тянулись бесконечно долго. Сначала Марори радостно предвкушала еще один шаг к разгадке своего происхождения, потом в голове тревожным звоночком поселилось желание прямо сейчас позвонить Крэйлу. Потребовались все моральные силы и выдержка, чтобы не сделать этого прямо сейчас. Но чем больше Марори пыталась отгородиться от этого желания, тем сильнее оно становилось, тем яростнее вгрызалось в сердце. В конце концов, она не выдержала и потихоньку написала Крэйлу сообщение. И удивилась, что о своем отъезде он сказал сегодня, а его отсутствие уже ощущалось долгим и тягостным.

Марроу пришпилил ее раздраженным взглядом, под напором которого она сдалась и сунула телефон в карман.

— Скажу честно, я не в восторге от вашей затеи, — продолжая стоять к ним спиной, наконец заговорила Флоранция. Ее крылья слегка подрагивали, плечи то поднимались, то опускались, выдавая напряжение и усталость. — Ехать неизвестно куда, выходить из-под защиты Эльхайма…

— Ее пытались достать здесь в первый же день, — не медлил с ответом Марроу.

— Все так, но здесь она по крайней мере находится в относительной безопасности. А стоит выйти за порог — станет хорошей и доступной мишенью.

— Поэтому мы с Ти'алем должны ее сопровождать, и поэтому же нам нужен хороший предлог. И видимость обыденной причини, чтобы не вызывать подозрений у заинтересованных засранцев.

На этот раз Флоранция обернулась, сложила руки на груди и выразительно посмотрела на Марроу.

— По-моему, ты забываешь, с кем говоришь, но я спишу это на недостаток воспитания. Однако в следующий раз за свою неспособность следить за языком ты получишь столько дисциплинарных взысканий, что даже думать начнешь высоким литературным слогом. Это понятно?

Эрэлим просто молча кивнул.

— Отлично. Тогда у меня к вам встречный вопрос: вы оба не совсем «обычные студенты» и, принимая во внимание ваши допуски, возможности и прочее, мне интересно, почему вы не воспользуетесь протекцией своих покровителей. У них-то побольше возможностей.

Парни переглянулись, молча договариваясь, кто будет отвечать.

— Потому что нам не нужно ничье внимание, в том числе — Стражей, — озвучил довод товарища Ти'аль. — Чем больше людей знают секрет, тем меньше он становиться секретом.

Сейчас многое происходит, люди взволнованы, в их головах хаос и сумятица. Даже сформировавшие и окрепшие умы могут пасть под натиском такого потока неприятной информации.

Марроу закатил глаза.

— Ти’аль хотел сказать, что всюду могут быть шпионы. И даже среди Стражей. А пока о нашей затее знаем лишь мы четверо, шанс утечки исключен.

— Допустим, я могу нажать на Фину, и она включит вас с Марори в список. — Тут Флоранция тяжело вздохнула и потерла переносицу. — Даже представлять не хочу, чего мне это будет стоить. Ты знаешь, какая она принципиальная во всем, что касается ее вотчины.

— Знаю.

— Но что делать с Ти’алем?

— Я уже позвонил своим родным и попросил организовать мне… гм… письмо с просьбой разрешить покинуть Эльхайм на несколько дней в связи с семейными обстоятельствами.

Марроу присвистнул, а Флоранция удрученно покачала головой и села за стол.

— Ну что же, Марори Шаэдис, поздравляю: за месяц ты умудрилась научить небеснорожденных хитрить и плести интриги. А одного серафима — врать и не краснеть.

Последнее было неправдой, потому что Ти’аль все-таки покраснел.

— Надеюсь, вы хорошо понимаете, что вылазка не будет прогулкой налегке?

— Понимаем, — за всех ответила Марори, которой как раз надоело участвовать в происходящем с позиции молчаливого наблюдателя. — И если бы я хоть на минуту была уверена, что мне под силу справиться с этим самой, то не стала бы подвергать других опасности. Но Дра’Мор научил меня, что одиночки долго не живут, а помощь друзей никогда не бывает лишней.

На лице Марроу читался немой вопрос: «То есть мы уже друзья?»

— Мне приятно, что ты это понимаешь, Марори, и мне хочется верить, что с вами тремя ничего не приключится. У меня до сих пор сердце кровью обливается, когда смотрю на Ти’аля.

— Не о чем беспокоится, Магистресса, я заслужил все это.

Заслужил? О чем он говорит? Что нужно сделать, чтобы считать случившееся со своим телом справедливой платой?

— Клуб выезжает через два дня, собирайте вещи. Марори, задержись.

Когда они остались вдвоем, Флоранция сразу перешла к делу. Как оказалось — не очень приятному.

— Я в курсе, что у вас с Нотхильдисом возникла разногласия из-за которых ты вынуждена обходиться без подходящего… донора.

— Он пожаловался? — Несмотря на скверный характер спектра, Марори с трудом верилось, что он из тех, кто бегает ябедничать, даже если повод достаточно серьезный.

— Что? Нет. Нот скорее язык себе откусит, чем признается, что его погладили против шерсти. Но я была бы плохим ректором, если б не знала обо всем, что творится в стенах моего Эльхайма.

Интонация этой реплики заставила Марори насторожиться. Неужели Флоранция узнала про Кенну? Одновременно с этой догадкой возник логичный вопрос о том, что делать с девчонкой на время их отъезда? Оставлять ее одну — безумие.

— Я просто хотела напомнить тебе, что иногда жизнь заставляет нас идти на уступки

даже там, где правда всецело на нашей стороне. Знаешь, почему я попросила Нотхильдиса быть одним из твоих напарников? Потому что вам обоим есть чему друг у друга поучиться. У вас обоих есть скелеты в шкафах и необходимость научиться делиться болью вопреки гордости.

— Не я затеваю споры, — попыталась защищаться Марори.

— Вот видишь, — Магистресса печально улыбнулась, — я тебя ни в чем не обвиняю, но ты уже сворачиваешься в комок и выставляешь иголки. Никто здесь не желает тебе зла, и Нотхильдис в том числе. Он просто вот так выражает свою боль.

— Делая больно другим? — На языке крутилась колкость, но Марори подавила желание пустить ее в ход. — Я понимаю, почему мое происхождение многим не дает покоя, и понимаю, что известие о моей смерти сделало бы многих счастливыми. И Нотхильдиса в том числе. Вот только я не собираюсь умирать, чтобы доставить кому-то радость. Я не настолько люблю людей.

Флоранция долго изучала ее непроницаемым взглядом.

— Ты уже не та девочка, которую я впервые увидела в Дра'Море. Не могу сказать, что мне по душе метаморфозы в твоем характере, но ты кажешься целеустремленной. Это хорошо. Я сама была такой же. — Она вздохнула. — Можешь идти, Марори, и очень надеюсь, что твоя находка того стоит и вы вернетесь не с пустыми руками.

Дни до поездки тянулись невероятно медленно. В первую очередь из-за отсутствия вестей от Крэйла. На первое сообщение он так и не ответил, не ответил и на второе, и третье тоже ушло в пустоту. Когда она, наконец, пересилила себя и рискнула позвонить, ответом стал безэмоциональный голос автоответчика: абонент вне зоны действия сети. Кулгард, Эашу и даже Ниваль в сети тоже отсутствовали.

Чтобы как-то заглушить нарастающую тревогу, Марори все свободное время разделила между тренировками с Марроу, Ти'алем и просиживанием в архиве. Последнее, если бы не своевременное вмешательство серафима, стоило бы ей простуды. Он звонил именно тогда, когда она засиживалась и напоминал, что с температурой, кашлем и соплями (это слово в его исполнении звучало почти, как ругательство) ни о какой поездки не может быть и речи.

Вечером, накануне отъезда, когда она потихоньку прокралась к Марроу в комнату, то застала его и Кенну играющими… в шахматы. Увидев «сестру» Кена сразу отмахнулась от игры и бросилась гостье навстречу. Она была такой по-детски наивной и порывистой, что Марори окончательно убедилась — девчонку создали совсем недавно. Проживи «болванка» полных семнадцать лет, вела бы себя более сдержано. Ну, хотя бы потому, что вопрос о ее дальнейшей судьбе до сих пор оставался открытым.

— Марроу сказал, что я поеду с вами! — радостно взвизгнула Кена, как только Марори удалось избавиться от ее хватки и отодвинуть девчонку на расстояние. — Я так счастлива! Я увижу мир!

— Это тебе, — Марори передала ей сумку, — теплые вещи и обувь.

Счастью Кены не было предела. Она уселась прямо на пол и с ненасытностью любознательного ребенка принялась выкладывать подарки. Ее волосы уже заметно отросли, и она завязывала их в две косички, как популярная певица с постера над письменным столом эрэлима. Когда Марори попыталась поддеть его пристрастием к «попсе», Марроу занервничал и как-то неуверенно принялся оправдывать себя тем, что с такими шикарными сиськами и задницей певица в принципе может просто молчать в микрофон. На этом тема была закрыта.

— До сих пор поверить не могу, что мы берем ее с собой, — шепотом сказал эрэлим и поманил Марори в дальний угол комнаты. — Я говорил с Нотом. Он не поедет с нами.

— Ты ему сказал?! — Марори с трудом сдержалась, чтобы не стукнуть его первым, что подвернется под руку. — А как же «всюду могут быть шпионы?»

— Он один из нас, нильфешни, и первым, кто заметит мое отсутствие, будет именно он. Мы же не хотим, чтобы Нотхильдис случайно проболтался Стражам о том, что мы исчезли в неизвестном направлении?

— И как много ты ему сказал?

— Только то, что ты нашла зацепку и мы должны кое-что проверить. Если ты думаешь, что ему есть дело до нашей возни, то зря. Нотхильдис сам себе на уме. Он даже не стал спрашивать, что раскопали и зачем. Кажется, одно упоминание твоего имени способно испортить ему настроение на весь день.

С одной стороны, рассуждения Марроу не были лишены смысла, с другой — разве они втроем не договорились держать поездку в секрете ото всех?

— Тебе придется спрятать свою собачонку, нильфешни. С порождением на поводке ты попадешь в объективы всех телефонов, а уж оттуда… — Он присвистнул.

— С Сатисом я разберусь, совсем не обязательно говорить мне очевидные вещи.

— Ты взвинченная. Что такое?

— Я потеряла связь со своими друзьями из Дра’Мора, — выпалила она, невзирая на данный когда-то самой себе зарок не распространятся о личном. А Крэйл был куда большим, чем просто «личное». Но больше молчать о своих страхах она не могла. Надеялась, что если разделить их с кем-то — станет легче. Не стало. — Просто волнуюсь.

— Дра’морцы — крепкие поганцы, я бы не рискнул ставить на их проигрыш в чем бы то ни было.

Эта похвала оказалась такой неожиданной, что на несколько мгновений Марори даже отвлеклась от грустных мыслей, глядя на собеседника во все глаза. Небеснорожденный только что похвалили проклятокровных? Она не ослышалась?

— Но они все равно редкостные говнюки, — тут же огрызнулся Марроу. — Я просто хотел тебя успокоить, не надо ничего додумывать. Нервная ты опаснее любой странной девчонки.

Он кивнул на Кенну, и тут же выругался сквозь зубы, потому что та как раз собралась примерить обновки и без всякого стеснения начала раздеваться. Марори пришлось затолкать ее в ванну.

— В некоторых вещах у нее мысли пятилетки, — сказала эрэлим, когда Марори вернулась в комнату.

— Если Кена говорит правду, то ее физический возраст примерно шесть-семь месяцев. А у меня нет основания думать, что она врет. И… как часто она устраивает стриптиз?

Даже если бы Марроу сказал, что по три раза на дню, это не повлияло бы на ее отношение к «сестре» — та в самом деле казалась слишком наивной и где-то даже… отсталой, но никак не умудренной опытом соблазнительницей. Но они с Кенной были так похожи, что если бы Марроу увидел девчонку голой, это было бы почти то же самое, как если бы он увидел голой ее саму.

«О чем только не начнешь думать, лишь бы вытурить из головы тяжелые мысли».

— Время от времени пытается, но если ты думаешь, что мне приятно разглядывать детский стриптиз, ты меня разочаровала.

— Я просто должна занять чем-то голову.

— Тогда у меня есть для тебя еще одна загадка. — Он покопался в дорожной сумке, которую уже успел собрать в поездку, достал оттуда конверт и протянул ей. — Я решил внести посильный вклад в твое расследование. Это не бог весть что, но должно помочь, если ты решишь и дальше раскручивать эту загадку.

Она с опаской повертела конверт.

— Видела бы ты свое лицо, нильфешни. — В кои-то веки Марроу позволил себе дружелюбную улыбку. — Это не ядовитая змея и не смертельная болячка. Это просто моя попытка помочь всем нам. Чем раньше мы узнаем, что ты такое и как тебя «обезвредить» — тем скорее освободимся от серьезной проблемы. И что бы ты себе ни надумала, мне не доставит радости увидеть тебя… мертвой.

Последние слова прозвучали так искренне, что Марори не придумала ничего лучше, чем поскорее отвернуться, чтобы эрэлим не стал свидетелем ее растерянности. Она открыла конверт, выудила оттуда несколько распечатанных листов. На одном был список из более, чем двадцати фамилий, на других — краткая информация о людях, что скрывались за этими фамилиями. На последнем был отпечатанный черно-белый снимок, на котором группа мужчин и женщин в перепачканной одежде и с измученными лицами неохотно позировала для фотографии на фоне карьера с раскопками. Марори присмотрелась к лицам.

— Светлые… — Она бросилась к письменному столу, включила лампу и еще раз всмотрелась в лица, которые сразу узнала.

— Знаешь кого-то? — Марроу уже был тут как тут.

— Это, — Марори показала на лицо мужчины в центре, — мой отец. Я уже видела его среди ученых, которые занимались раскопками в Кероне. А вот это, разве ты не узнаешь? — Она переместила палец на человека рядом с ним: они единственные, кто стоял в обнимку, как люди, которых связывает не только работа, но и долгие годы дружбы.

— Это Ардей, — сказал Марроу после минутного разглядывания снимка. — Проклятие Темных, как ты его узнала? Он тут худой, как щепка и с бородой, но это точно он.

— Ты бы тоже узнал того, кого каждую ночь видишь в кошмарных снах.

— Ну, я-то вижу его куда реже, — попытался взбодрить ее шуткой эрэлим. — Так, сталкивались на допросе, где эта чванливая свинья очень мило меня допрашивала, начхав на все правила и порядки. Ты говорила, что Ардей утверждал, будто он твой крестный?

— Это вранье, как и все, что говорит этот человек.

— Как и все, что говорит вся Лига, — поправил Марроу. — Поэтому я делаю то, что делаю и меня не мучит совесть. Кто-то должен узнать, чем занимаются эти заносчивые ублюдки, прикрываясь правами и привилегиями, которые сами себе же и назначили. И чем больше я вижу, куда они успели сунуть свои длинные носы, и как глубоко проросла их порча, тем сильнее понимаю, что вообще не знаю мир, в котором живу. Я уже больше никому не верю. Только тебе.

— Поэтому ты не стал говорить о Кенне?

Он просто кивнул, уже собирался продолжить свои откровения, но в их разговор вмешалась девчонка. Она как раз вышла из ванной, с восторгом маленького ребенка поглаживая то рукава куртки, то прикладывая к лицу меховые помпоны на кончиках шерстяного шарфа. В ее глазах плескался чистый первозданный восторг. Марори стало не по себе от того, что эта девчонка на самом деле может быть лишь искусной лгуньей. Если она в самом деле притворяется, вынашивая планы своих создателей, то они с Марроу и Ти’алем

подвергают себя большой опасности. Себя — и, возможно, весь мир.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — шепотом сказал эрэлим, так же, как и сама Марори, наблюдая, как Кенна рассматривает свое отражение в зеркале. — Я тоже не знаю, смогу ли…

— Иногда нужно верить хотя бы кому-то, чтобы не сойти с ума от собственных подозрений, — не дав ему закончить, сказала Марори. — И верить, что в катящемся в тартарары мире есть хоть что-то настоящее.

— Хорошо, что рядом с бесконечными романтиками, как ты, нильфешни, есть прожженные циники вроде меня, иначе мы все уже давно стали бы частью Хаоса.

Их снова перебила Кенна. Девчонка чуть не набросилась на Марори с благодарностью: она так бурно и несдержанно выражала свои эмоции, что Марроу пришлось чуть ли не силой отлепить ее от жертвы.

Уже у себя в комнате Марори долго изучала снимок, пытаясь угадать, что же заставило двух фанатичных историков отказаться от своих убеждений и круто изменить жизнь: один стал пешкой в игре Вандрика, другой — Дознавателем, посвятившим свою жизнь преследованию одной малолетней девчонки и ужасным экспериментам по ее клонированию.

Еще одной загадкой стало то, что в списке Светочей, который раздобыл Марроу, не значился ни Милс, ни кто-либо с именем Ардей. Она даже написала эрэлиму в «БиМ», чтобы уточнить, насколько надежны источники, в ответ на что Марроу написал, что эти имена — единственные, которые сохранились в более-менее достоверных источниках: финансовых отчетах, научных статьях в журналах и тому подобное.

«Из-за крайне радикальных взглядов на официальную теорию о создании Мироздания, у них там была колоссальная текучка, — написал эрэлим немного погодя. — *Люди приходили и уходили, некоторые не задерживались больше месяца или двух»*.

«Здесь нет их имен», — ответила Марори, не сомневаясь, что эрэлим поймет, о ком речь.

«Значит, это еще одна загадка».

«Еще одна загадка, как будто мне их мало», — мысленно ответила ему Марори.

Судьбы других ученых были незавидными. После провала поисков артефакта Светочи распались: стремительно и без официальных заявлений, буквально за несколько дней после возвращения из Керона. Некоторые растворились без следа, другие еще пытались найти место в науке, но постигшее их всех фиаско преследовало мечтателей, словно то самое проклятие, о существовании которого они раструбили на весь мир. Уже после прочтения третьей биографии Марори заметила странную закономерность, которой сперва не предала значения. Все семнадцать человек из списка скоропалительно скончались. Кто-то спустя месяц попал под колеса автомобиля, кого-то скосил сердечный приступ. Кого-то убил грабитель, хоть, судя по биографии, несчастный ученый жил почти в нищете. Другой сам свел счеты с жизнью. Ручкой Марори отметила время кончины каждого бывшего Светоча и, не в силах держать в себе эту находку, снова написала Марроу:

«Они все умерли в первый год после раскопок!»

«Очень неслучайно совпадение. Если бы я не знал, что мы вляпались в очень мутную историю, то списал бы это на судьбу, но тут я скорее поверю, что кто-то намеренно заметал следы»

«Кто-то по имени А.?!»

«Нильфешни, ты вообще за временем следишь? Третий час ночи, нам в шесть вставать! Завтра все обсудим».

«Я все равно не усну».

«Если через минуту твой статус будет «онлайн», я лично уложу тебя в постель, — написал он, а через минуту прибавил к сказанному еще строку. — *И мне плевать, как недвусмысленно прозвучали мои слова, нильфешни».*

Спать она, конечно же, не пошла, но мессенджер выключила. Эрэлим всегда доводил угрозы до конца — в этом Марори успела убедиться не единожды. По Эльхайму уже поползли слухи об их с эрэлимом «обжимательствах», для полного комплекта не хватало только, чтобы Марроу застукали входящим в ее комнату в третьем часу ночи. К счастью, эльхи, в отличие от дра'морцев, презирали всякого рода тотализаторы, и сплетни просто кочевали из рук в руки, обрастая все новыми «реальными» подробностями. С оглядкой на то, что они с Марроу дважды в неделю еще и занимались тренировками с Плетением и проводили время наедине, сплетни выглядели настолько правдивыми, что Марори вынуждена была признать: они с эрэлимом в самом деле выглядят почти как парочка.

Перед сном Марори еще раз перечитала полученные от Крэйла отсканированные страницы с упоминанием Крээли. Перечитала только для того, чтобы еще раз убедиться, что история этой не существующей темной как две капли воды похожа на сказку о несуществующем Светлом Таносе. В выдуманном кем-то мифе говорилось, что Крээли была последней Темной, самой молодой и самой красивой среди своих братьев и сестер. Ее волосы были словно лунный свет, глаза — как чистый утренний туман, а великолепные клыки сверкали безупречной белизной. Она, как и Танос, нарушила Заповеди-на-Скрижалях, за что собратья наказали ее сотней сотен самых страшных мук и навеки заточили плоть предательницы в камень, спрятав на дне некоего Источника боли. Сказка утверждала, что юная Крээли до сих пор лежит в глубине его вод, наказанная страдать каждую минуту своей бессмертной жизни за то, что посмела нарушить Заветы.

Две совершенно одинаковых то ли мифа, то ли сказки, в религиях, которые разнились друг от друга, как небо и земля. После взаимной ненависти одних к другим это совпадение было вторым общим знаменателем у проклятокровных и небеснорожденных. И Марори точно знала, что это еще одна не случайная случайность. Оставалось верить, что поездка в Керон прольет свет хотя бы на часть вопросов, ответов на которые у нее пока не было.

Глава одиннадцатая

Вылазка в Керон была похожа на замысловатый квест, суть и смысл которого понимал лишь его создатель — Марроу. Марори пришлось довериться его шпионским навыкам и собственной интуиции, которая подсказывала, что если эрэлиму и не следовало доверять, то подумать об этом стоило раньше. Сейчас же ей оставалось лишь верить, что в этой странной игре они с эрэлимом по одну сторону баррикад и сегодняшний день не станет еще одним разочарованием в том, что она снова положилась не на того человека.

Они дважды пересаживались, прежде чем добраться до вокзала, где их уже ждал Ти'аль. Поездка осложнялась еще и тем, что Кенна то и дело норовила вырваться из-под опеки «старших», чтобы исследовать внешний незнакомый мир. С восторгом маленького ребенка девчонка набирала пригоршни снега, окунала в него то язык, то щеки, заливаясь от хохота, когда поняла, что он — холодный и щиплет кожу. Если «сестра» и притворялась, то настолько умело, что облапошила даже Марроу: эрэлим чуть не зверел от ее постоянных «что» и «почему».

— Я думал, что ты возьмешь свое порождение, — сказал Ти'аль, когда их экспресс тронулся с места, а Марроу, наконец, смог усадить Кенну около себя. Правда, это стоило ему угрозы посадить ее на цепь.

— Вряд ли его компания понравится другим пассажирам, — улыбнулась она, воображая эту картину. Судя по улыбке серафима, он подумал примерно о том же. — Но он со мной, я слышу его.

— Это особенная связь? Я слышал, что привязанные фэлфаэры разделяют с хозяином свою силу и дух.

— Так и есть. Они не наши питомцы, они — часть нас самих. — Пользуясь случаем, что Кенна завалила Марроу новой порцией вопросов, Марори рискнула задать серафиму давно мучавший вопрос. — В кабинете у Флоранции ты сказал, что заслужил то, что случилось…

На лице Ти'аля появилась задумчивая грусть. Несколько минут он молчал, как будто внутри него велась напряженная борьба, а когда он заговорил, Марори была не рада, что спросила.

— Ты очень зря думаешь, что я хороший человек, Марори. Пожалуй, я куда хуже, чем твой Шаэдис-младший. Он-то, по крайней мере, убил всего троих небеснорожденных. Я разделался со столькими проклятокровными, что после первого десятка перестал считать. Я не помню их лиц, не знаю имен, и, если бы меня вовремя не остановили, я бы продолжал резню.

Она сглотнула, ощущая, как от услышанного по позвоночнику пробежал колючий холод.

Ти'аль, спокойный и уравновешенный Ти'аль, всегда знающий, что сказать, чтобы развеять ее страхи или приободрить в минуту отчаяния, — убийца? Если бы ей сказали, что на самом деле солнце никогда не садилось за горизонт, это бы и то не звучало так абсурдно и нелепо, как его признание.

— Наверное… для этого была причина? — «Светлые и Темные, разве может быть причина для убийства стольких людей?!» — Ты мог просто защищаться.

— Я не стою твоих попыток оправдать меня, Марори. И если хочешь знать, не жалею ни о чем. И если бы мне выпал шанс повернуть время вспять — я бы не изменил ни секунды своей прошлой жизни. Потому что кто-то должен был заплатить за их боль.

— Чью боль?

— Ста небеснорожденных, которые заживо сгорели в музее, куда Вандрик натравил одну их своих кукол. Другая ты уничтожила их всех лишь потому, что они оказались на пути. Одним щелчком пальцев. Мы прибыли слишком поздно, чтобы что-то предотвратить. Я видел, как десятки девочек и мальчиков, которые даже не успели насладиться всеми красками жизни, превратились в пепел. — Ти'аль отвернулся, как будто боялся, что в его наполненных белым туманом глазах она увидит все ужасы того дня. — Там был мальчик. Пятилетка, вряд ли старше. Нижняя часть его тела истлела за секунды. Но и после этого он еще несколько секунд лежал на животе, плакал и просил разбудить его от этого страшного сна. Каждый день я вижу в ночных кошмарах его лицо и его угасающий взгляд. За миг до смерти он понял, что это никакой не сон и все происходит на самом деле. И он лежал там один, зная, что никто не придет ему на помощь, и просто умирал.

Марори даже не пыталась сказать что-то в ответ. Боль серафима звучала в каждом его слове. Он словно вернулся в тот день и час и в эту секунду снова видел несчастного ребенка, брошенного на растерзание такой же, как и она сама, химере.

Сказать ему, как она сожалеет о случившемся, казалось каким-то фальшивым спектаклем. Как можно сожалеть о поступках, которых она не совершала и к которым не была причастна? Светлые и Темные, да она-то и узнала о них только сейчас! Да, Марроу показывал ей снимки той, сгоревшей копии, но она не знала, что там случилось на самом деле. И не ей извиняться за чужие загубленные жизни. Даже если от одной мысли о несчастном ребенке в груди загорается жгучая боль.

— Я думала, что небеснорожденные не поддаются чувству мести, — сказала она, когда молчание стало невыносимым.

— Ты так не думала, Марори, — не поворачивая головы, отозвался он. — Совсем не обязательно говорить что-то, лишь бы поддержать мое нытье. Я должен был сказать раньше, но твое появление напрочь разметало мою уверенность прикончить тебя, как только ты дашь повод.

— Почему я думала, что ты был единственным, кто с самого начала не желал моей смерти?

— Потому, что так и есть. — Он все-таки повернулся, осмотрел ее всю, надолго задержав взгляд на лице, как будто увидел что-то такое, чего не видел раньше. — Ты была такая беззащитная и такая отчаянно храбрая. Настоящая маленькая дра'морка с душой небеснорожденного. Я смотрел на тебя и видел девчонку, которая скорее умрет, чем причинит боль невинному, умышленно или по неосторожности. И тогда я понял, что, кем бы ты ни была, в кого бы ни превратилась в будущем, — ты не такая, как они. В какой-то степени ты и меня изменила, Марори Шаэдис.

— Ага, сделала болтливым и тошнотворно сентиментальным.

Грубые слова Марроу разорвали их разговор. Марори очень надеялась, что ее злой взгляд красноречивее любых слов скажет, каким «своевременным» оказалось его вмешательство. Впрочем, Ти'аль, кажется, был только рад этому.

— Предлагаю выпить вам двоим чего-то горячего. — Он взглядом указал на Кенну и Марори. «Сестра» чуть не затряслась от радости и тут же сказала, что Марроу поил ее горячим шоколадом, и она в жизни не пила ничего вкуснее.

— Ты поил ее горчим шоколадом? — удивилась Марори.

— Скажешь еще хоть слово — вышвырну в окно, — сквозь зубы процедил эрэлим, явно

раздосадованный тем, что вскрывшаяся забота легла несмываемым пятном на его образ бессердечного грубияна.

— И еще приносил конфеты с начинкой из настоящих сладких облаков! — пискнула Кенна.

Лицо эрэлима так вытянулось, что Марори, как ни старалась, не смогла сдержать смех. Они с Ти'алем переглянулись, без слов понимая мысли друг друга: вся эта неожиданная забота о Кенне была такой… забавной, что обоим стоило трудов не высказаться на этот счет.

Через два часа они сошли на промежуточной станции, где пересели на экспресс, который должен был доставить их на центральный вокзал Керона. Всю дорогу Марроу следил за новостями, опасаясь — и не беспочвенно, что они могут оказаться неподалеку от эпицентра очередного Разрыва. Или в самом центре. Последнее они, по молчаливому согласию, не обсуждали, но все трое думали о таком варианте развития событий.

Спокойной и целиком счастливой выглядела только Кенна. И чем больше Марори смотрела на нее, тем сильнее мрачнела. Идея оставить девчонку у себя превратилась в настоящее безумие, у которого она пошла на поводу вопреки всем законам здравого смысла. Что с ней делать потом? Они не могут прятать беглянку вечно, тем более невозможно, чтобы она и дальше продолжала быть вынужденной пленницей в комнате Марроу. Вряд ли постоянное сидение в охранных сигилах так уж сильно отличается от того мира, который она привыкла видеть в застенках лаборатории. В конце концов, не для того Кенна вырвалась оттуда. Чтобы угодить в новую клетку, пусть и более удобную.

«Я должна сказать Флоранции, — уговаривала себя Марори, одновременно пытаясь заглушить голос совести. — Эта девочка — просто семнадцатилетний несмышленый ребенок. И всем будет лучше, если…»

Звонок телефона не дал ее мысли сформироваться. Увидев знакомое имя, Марори сорвалась с места и, торопливо извиняясь, протиснулась к выходу из купе, а оттуда — в самый конец вагона.

— Крэйл? — «А что если?..»

— Привет, Кусака. Извини, что я «потерялся». — Его голос был таким измученным и хриплым, таким смутно знакомым и незнакомым одновременно, что в голове Марори созрела смутная догадка. — Мы только выбрались в цивилизацию, если так можно выразиться.

— Что с тобой? — в лоб спросила она. — Когда ты… ел?

Он хрипло, каркающе рассмеялся, и так она узнала, что интуиция в который раз не подвела ее.

— Тебя невозможно провести, — сказал он негромко. — Давно, Марори Шаэдис. И нас тут порядком потрепало, но у меня по-прежнему две руки, две ноги и оба глаза, а вот с ожогами и шрамами Ирри придется повозиться. Думать не хочу, что она сделает, когда увидит меня — как она любит выражаться, невозможно-ужасным беспомощным доходягой.

— Это совсем не смешно. — Она хотела сказать, что плевать хотела на шрамы и ожоги, но самообладание в который раз подвело ее, как это случалось всегда, стоило на горизонте появиться Крэйлу. — Надеюсь, ты ничего от меня не скрываешь, ископаемый шанатар?

— Боюсь, Кусака, ты связалась не с тем парнем, который будет отчитываться за каждый свой шаг. — Это прозвучало одновременно и как предупреждение, и как попытка подзадорить. Хотя его голос становился все тише. — У тебя все в порядке?

— Да, в полном. Я кое-что нашла и собираюсь проверить свою догадку.

— Почему я не удивлен, что твоя настойчивость рано или поздно даст плоды? — Он хрипло выдохнул, закашлялся. — Ты помнишь о нашем уговоре?

— Да.

«Почему ты не скажешь мне, как тебе больно?! — хотелось закричать ей, но ответ на свой же вопрос заставлял держать рот на замке. — Потому что он — Крэйл Шаэдис, последний шанатар. И он никогда не покажет свою слабость».

— Осталась неделя, Марори Шаэдис йорМиолМорна.

— Неделя, — эхом повторила она.

С чувством заметного облегчения Марори вернулась в вагон, где застала всю троицу бурно обсуждающими какое-то телешоу про зомбиапокалипсис и группу подростков-выживальщиков. Что ж, похоже, жизнь потихоньку налаживается. Даже если Крэйл снова стал голодным сухим шанатаром — самое главное, что он жив. И их разделяет всего неделя.

В Керон они приехали к пяти вечера, когда на улице уже заметно стемнело. Сильный снег и ветер ставили крест на вылазке к месту раскопок, по крайней мере, до следующего утра. Чтобы окончательно убедить ее в этом, Марроу напомнил, что им придется выбираться за город, а это еще час-другой пути. И придется найти сумасшедшего идиота, который сунется отвезти их.

— Гостиница «Приют Солнца»: недорого, комфортно, куча хороших отзывов. Доберемся туда минут за тридцать пешком, тут недалеко. — Марроу довольно хмыкнул. — В отличие от вас, последние романтики, я обо всем подумал заранее. И прогноз погоды посмотрел. И даже уточнил, будут ли две свободных двухместных комнаты.

— Почему же не заказал, если ты такой предусмотрительный? — Ти’аль легко закинул на плечо сумку Марори.

— Потому что мы запросто могли сдохнуть в пути, — не моргнув глазом, совершенно честно ответил он. — Альдария, шестьдесят тысяч жителей. Километров семьдесят севернее Керона. Несколько часов назад город сгорел дотла. Мы проехали совсем рядом незадолго до того, как город начал трещать по швам. То, что не провалилось в Разлом, утянуло в Разрывы. Тех, кто думал, что спасся, сожгла она…

Эрэлим протянул Марори телефон, на экране которого была фотография ее очередного «клона». Точнее, игрушки Вандрика. Та, которую она уже видела: с рогами и странными глазами без зрачков. На снимке она смотрела прямо в объектив, как будто знала, что ее злодеяния пытаются запечатлеть, — и широко, нарочито соблазнительно улыбалась.

— Ее… поймали? Она жива?

— Сбежала, если верить неофициальным источникам и немногим выжившим очевидцам. Знаешь ее?

Марори собиралась сказать, что знает. Что видела ее в тот день, когда они познакомились. Она собиралась без утайки рассказать обо всех ее невероятных фокусах, но промолчала.

Потому что звучавший в голове собственный, отчего-то злой и ядовитый голос, предупредил: «Ты не признаешься, Тринадцатая. Потому что к этому секрету у тебя пока нет ключа».

— Мы же не будем обсуждать это сейчас? — Ти’аль выразительно посмотрел в спину Кенны, которая во все глаза рассматривала праздничную иллюминацию на деревьях вдоль аллеи, по которой они шли. — Мы должны были добраться сюда живыми — и добрались. Остальное просто еще одна боль небеснорожденных. Рано или поздно это закончится.

— Тем, что мир рухнет в Бездну? — Марроу ускорил шаг и вскоре нагнал Кенну.

Гостиница оказалась трехэтажным старинным зданием, любовно отреставрированным, чтобы сохранить свою уникальную аутентичность. Марори невольно залюбовалась лепкой, витиеватыми сказочными барельефами и бронзовой вывеской в виде восходящего солнца, где каждый луч был сдобрен трудночитаемыми надписями.

Обустройство на ночлег стало второй частью квеста под названием «Поездка в Керон».

В основном из-за того, что комнат оказалось не две, а одна. А все свободные места, о которых якобы разузнал Марроу, оказались заняты в связи с грядущим спортивным матчем. А жить втроем в двухместном номере… Администратор подлила масла в огонь, сказав, что вряд ли им удастся найти другую гостиницу с двумя свободными номерами. А Ти'аль между делом добавил, что непогода за окном совсем озверела.

Решение было очевидным и вынужденным. Пилюлю подсластило лишь то, что двухместный номер оказался разделен на две комнаты с двумя отдельно стоящими довольно просторными кроватями.

— Мы с Марроу будем спать в другой комнате, — сказал Ти'аль, как только они переступили порог светлой уютной комнаты, оформленной все в том же псевдосказочном стиле. — А для душа можно сделать график.

В ту ночь Марори долго не могла уснуть. Проворочалась с боку на бок, то и дело вспоминая встречу с рогатой копией себя. Почему-то сейчас, спустя столько времени, первое столкновение с частью своего прошлого казалось чуть ли не… преднамеренным? Рогатая говорила с ней так, как будто знала о Марори что-то такое, чего она сама о себе уже не помнила. Или не хотела вспоминать, если оглядываться на странные намеки Вандрика о том, что раньше они были вместе.

«Почему я не сказала о тебе? — Марори так усердно кусала губы, что не сразу почувствовала соленый привкус крови на языке. — Почему я держу тебя в секрете?»

Она перевернулась на другой бок и уткнулась взглядом в глаза Кенны. Странно, разве она не выключилась сразу же, как забралась под одеяло?

— Я думала, ты спишь, — шепотом сказала Марори, краем глаза поглядывая на лежащего около кровати Сатиса.

— Мне приснился страшный сон.

— Сны — это просто сны. Иногда злые и черные, иногда радужные и приятные. Это наше воображение и ничего больше. Закрывай глаза.

Кенна не собиралась прислушиваться к ее совету. Она села, окинула комнату тревожным взглядом, как будто искала что-то — а, не найдя, еще больше разнервничалась. Марори насторожилась, Сатис навострил уши.

— Ты этого совсем не чувствуешь? — Кенна посмотрела на нее так, будто говорила о вещах, которые невозможно не увидеть. — Или просто притворяешься, чтобы не пугать остальных?

— Что я должна чувствовать?

— Грань между реальностью и Хаосом. Она тоньше с каждым днем. И этот шепот. Он сводит меня с ума. — Девчонка прижала ладони к ушам, зажмурилась — и на несколько секунд на ее лице появилось выражение покоя. Но стоило ей убрать руки — взгляд снова стал затравленным. — Я думала, ты просто не хочешь их пугать.

— Я правда не понимаю, о чем ты.

— О том, что мир, таким, как мы его знаем, вот-вот перестанет существовать. Это уже

началось.

Армии. Опыты. Лаборатории. Хаос, который настойчиво прорывается в реальность. И с каждым разом вторжения становятся все более и более разрушительными. Сколько времени должно пройти, прежде чем жертвой этого беспорядка станет кто-то из ее друзей?

— Не думала, что ты так уж хорошо знаешь мир, — заметила Марори, окончательно убедившись, что им вряд ли удастся уснуть в ближайший час.

— Я вижу его так, как видишь его ты, — запросто ответила Кенна. — Все вокруг — оно настоящее. Ты, Ти'аль, Марроу. — Говоря о последнем, она заметно смутилась. Марори мысленно закатила глаза: еще не хватало, чтобы это великовозрастное дитя увлеклось небеснорожденным. — Вы не такие, как остальные. Не сидите и не ждете, делаете хоть что-то.

— В полной темноте и на ощупь, — кисло улыбнулась Марори. — Не невесть какое достижение.

— Это лучше, чем не делать совсем ничего. Просто молча ждать своей участи. — Ее взгляд переместился куда-то Марори за плечо, но смотрела девчонка определенно не на что-то определенное, а вглубь своих воспоминаний. — Мы живем в крохотных коробках с прозрачными стенами. Видим друг друга, но почти не разговариваем. Напротив меня была камера. Там постоянно кто-то жил. Ты когда-то смотрела на свое отражение, понимая, что там — кто-то другой, а вовсе не твое отражение?

Марори кивнула, хоть вряд ли они вкладывали в это один и тот же смысл. Но поддержка сделала Кенну разговорчивее.

— Я видела, что там сижу еще одна я. Она смотрела на меня, а я смотрела на нее. Мы даже научились общаться знаками. «Привет», «Как дела?» «Все как обычно»… А потом она вдруг перестала меня узнавать. Но мы же все там со странностями, я подумала, что это ее личный пунктик. И мы снова начали учиться общаться. Еще через месяц все повторилось. И через месяц опять. Пять раз я учила свое «отражение» понимать мои знаки. Пока однажды ночью меня не разбудил какой-то шум. Я увидела, как ее пару раз ударили палкой и куда-то потащили, она что-то кричала и кричала. Утром в камере снова была она: с улыбкой и без следов побоев. И она снова ничего не понимала. Так я поняла, что все это время нас просто выращивают на убой. Поэтому, когда пришли за мной, я вспомнила все, что тот человек говорил о тебе, и поверила, что раз мы все — часть тебя, то и во мне должна быть хоть капелька твоей силы. И я сбежала. — Кенна хихикнула. — Ну и шороху я там навела.

Ее короткий рассказ окончательно сломал уверенность в том, что девчонку нужно отдать.

Повинуясь порыву, Марори погладила ее по голове, чувствуя, как преданная улыбка уничтожает последний форпост ее уверенности, что они всего лишь клоны, не связанные ничем, кроме общих черт лица. Возможно, именно Кенна станет той семьей, которой у нее нет?

— Не вздумай влюбиться в эрэлима, — сказала она с напускной строгостью, лишь бы развеять внезапную неловкость момента. — Ну, во всяком случае, не раньше, чем получше узнаешь этот мир.

— Влюбиться? — Кенна снова хихикнула. — Он такой милый, когда думает, что я не понимаю, почему он так старается заставить меня улыбаться. Марроу любит лишь то, что я похожа на кое-кого. Это понимаю даже неграмотная и наивная я.

Марори отмахнулась от ее слов и пообещала страшно разозлиться, если Кенна

немедленно не уснет. О том, что делать с ней, она подумает по возвращении в Эльхайм. Возможно, Крэйл не будет против заодно похитить и ее сестру, а уж там они обязательно что-нибудь придумают.

Сестру, ну надо же.

Марори улыбнулась своим мыслям и закрыла глаза.

Глава двенадцатая

На место раскопок они приехали только к полудню следующего дня. К счастью, коммунальные службы отработали, как часы, и уже утром транспорт ходил в почти штатном режиме.

— Твоя игрушка слишком бросается в глаза, — в который раз сказал Марроу, когда они высадились из автобуса и вместе с группой туристов двинулись по проселочной дороге, навстречу покрытым черно-зеленым базальтом склонам вулкана. — Еще бы своего песика позвала — сразу бы стали гвоздем программы.

— К счастью, мне все равно, что ты думаешь, — ответила Марори. Она проснулась с твердым намерением, что сегодня обязательно отыщет если не всю разгадку, то хотя бы приличный ее кусок. И ни скверная погода, ни замечания эрэлима не испортят ей день. — Предлагаю тебе меньше думать о том, что думают другие, — мир сразу станет привлекательнее.

— Тебе уже говорили, что ты просто гуру полезных советов?

Марори собиралась было ответить, но поймала смешливый взгляд Кенны, которая, казалось, только то и делала, что следила за их короткими словесными баталиями. В отличие от Ти'аля: серафим выглядел еще более задумчивым и отрешенным, чем обычно, и держался на расстоянии. Со стороны могло показаться, что он просто случайный попутчик.

«Как будто это он, а не я, вот-вот узнает тайну из своего прошлого. И не самую приятную тайну».

Вблизи давно потухший вулкан превосходил все мыслимые и немыслимые грани воображения. Он был столь огромен, что его вершины терялись за облаками. Около самого входа в заповедную зону они наткнулись на домик наблюдателя. Пожилой мужчина с длинными вислыми усами вручил им целую пачку рекламных проспектов, карту с отметками о разных достопримечательностях и несколько раз навязчиво предложил воспользоваться услугами экскурсовода. Поняв, что с этими туристами ему ничего не светит, мужчина быстро переключился на новую порцию жертв, как раз подоспевшую.

— Я думала, тут все несколько более… закрыто, — сказала Марори, разглядывая ярко-желтую пометку с надписью «Этарийский алтарь». — Нас так просто туда пустят?

— А ты думала, здесь зона оцепления, спецназ и отстрел всего живого, включая птиц и насекомых? — Марроу подал пример и первым пошел к вырубленным прямо в базальте ступеням. — Ну? Так и будете стоять столбами и ждать, пока я съем все самое вкусное?

— По-моему, кто-то с самого утра не в себе, — себе под нос пробормотала Марори, но поддалась призыву эрэлима.

Какое-то время они молча поднимались вверх по склону. Марори старалась не думать о том, что с каждым шагом земля становиться все дальше, а впереди их ждет только высота, колючие порывы ветра и, возможно, одна из отгадок на бесконечные загадки ее жизни.

Пещера, в которой находился пресловутый алтарь, если верить рекламному проспекту, находилась на высоте ста тридцати трех метров. К тому времени, пока Марори, Кенна и Ти'аль, который шел последним и страховал, поднялись к входу, Марроу уже зашел внутрь, зажег фонарь. Марори почему-то бросилась в глаза надпись прямо на щите, предупреждающем о последствиях за порчу исторической ценности: «Здесь были Нимб и Крылья». Хорошо хоть умникам хватило ума не подписаться настоящими именами.

Они шли по ничем не примечательному пыльному коридору, который постепенно перетекал в узкий, почти необработанный проход, где они могли идти только по одному. Марори показалось, что они идут уже достаточно долго, когда каменная лента с неровным полом, наконец, закончилась, и они очутились в скудно освещенной пещере.

Она оказалась куда меньше, чем казалась на фото, но все-таки достаточно просторной, чтобы они вчетвером чувствовали себя свободно. Марроу взобрался на небольшой уступ и закрепил фонарь на стене, направив луч в центр.

— Ты выглядишь обеспокоенной. Все в порядке? — Ти'аль тронул Марори за плечо, и она невольно вскинулась.

— Просто все так… тихо. — Она не могла объяснить неизвестно откуда свалившуюся тревогу. Ничего не предвещало беды, все шло гладко и именно так, как они планировали, но тягучее предчувствие беды все сильнее давило на виски. — Это просто нервы.

— Мы рядом, — Ти'аль чуть сильнее сжал ее плечо и отпустил, чтобы осмотреться.

Марори сняла рюкзак: заряженный Кристалл эстрамора внутри него оказался достаточно тяжелым, и плечи слегка ныли. Рядом с рюкзаком прислонила к стене Энигму. Возможно, эрэлим был прав, и она слишком бросалась в глаза, таская в чехле непонятную штуку со странным силуэтом, но горький опыт научил, что опасность подстерегает на каждом шагу, а она, обычно, оказывается безоружна, как младенец.

Все двенадцать столбов стояли на местах вокруг каменного кольца. Марори обошла их все, почему-то испытывая почти благоговейный трепет перед этими старыми глыбами, заглянула в каждое лицо, стараясь уловить в неверных чертах что-нибудь знакомое. Ничего — никакой реакции в дремлющей памяти. Тогда она присела около колодца — дыра в ничто, ни дуновения ветра, ни запаха. Заглянула внутрь, но увидела лишь черноту. Пока Марроу, подсвечивая себе телефоном, изучал гротескные каменные лица на столбах, Марори боролась с желанием сунуть руку внутрь колодца. Но Кенна опередила ее: подобрала с пола какой-то камень и запросто бросила в непроницаемую черноту. Марори уже приготовилась услышать отголоски падения или глухое бульканье… но ничего не произошло. Кенна с азартом вооружилась вторым камнем, но на этот раз Марори успела перехватить ее руку за миг до того, как девчонка совершила задуманное.

— Разве ты не хотела узнать, что там? — На лице Кенны появилось искреннее удивление. — Разве не для этого мы приехали?

— Просто не шуми, — сдерживая рвущуюся панику, попросила Марори. И отпустила руку сестры, когда та поморщилась от боли.

Что происходит?

Марори отодвинулась ближе к единственному выходу из пещеры — тому, который был же и входом. Гремучая смесь из страха и разочарования, круто замешанная на нехорошем предчувствии, нарастала и грозила выплеснуться наружу. Марори попыталась взять себя в руки, но стало только хуже: чем больше она противилась идущим изнутри эмоциям, тем сильнее они становились.

«Я была уверена, что мы найдем здесь что-то такое…»

«Какое — такое? — поинтересовался так похожий и не похожий на нее ядовитый внутренний голос. — Ты правда рассчитывала отыскать среди старья что-то новое и интересное о себе самой?»

Голос был таким явным, что Марори стоило труда не кивнуть ему в ответ. А еще ей, как накануне Кенне, отчаянно хотелось заткнуть уши руками, чтобы избавиться от непрошеной

советчицы. Вот только вряд ли бы это хоть что-то изменило.

— Ну, что скажешь? — Эрэлим как раз закончил свой обход и вопросительно посмотрел на Марори. — Есть какие-то мысли, что тут может быть интересного и полезного?

— Не торопи ее, — вступился Ти'аль. — Марори нужно время.

— Боюсь, у нас его нет. Мы не на экскурсию ехали.

— Я была уверена, что смогу почувствовать хоть что-то. — Марори не видела смысла юлить. Зачем? Они и так поняли, что поездка, на которую по наивности возлагали такие надежды, с треском провалилась. — Мне казалось, что все это — часть моего видения. Там были люди, которые пели какие-то незнакомые мне слова. И там была лава. И их было ровно двенадцать. И у них были точно так же открыты рты.

Она подошла к одной из колонн, прижалась ладонью к шероховатой поверхности каменного лица, очертила контур идеально круглой дыры в том месте, где должен был быть рот. Ничего. Пустота и тишина. Если это и походило на ее видение, то она придала ему слишком много значения. Потому что изо всех сил желала увидеть то, что казалось таким похожим на разгадку.

— И ты только сейчас решила рассказать о своих видениях? — Марроу так громко и грязно выругался, что Кенна невольно попятилась от него и в поисках защиты спряталась Марори за спину. — Ты просто видишь какие-то сраные видения, но говоришь о них только теперь.

— Я сказала — и что? Это изменило мир?

— С таким подходом тебе в самом деле следовало сидеть в клетке: просто на всякий случай, чтобы ты «случайно» не сделала ничего такого, что, по твоему мнению, все равно ничего не меняет.

После недавнего признания о том, что он доверяет только ей, эта неожиданная злость больно полоснула по оголенным чувствам. Марори на миг прикрыла глаза, собираясь с силами, усмиряя рвущееся наружу желание вернуть ему той же монетой.

«Он просто расстроен. Так же, как я».

«Он бы с радостью убил тебя, но ты, плохая девочка, не даешь ему повода».

Марори затрясла головой, отстранилась. Хотелось поскорее выбраться наружу — туда, где видно небо, где можно вздохнуть полной грудью. Туда, где нет всех этих старых камней, которые оказались просто камнями. И близость которых буквально разрывает ее на части.

— Мне нужен свежий воздух, — сквозь стиснутые судорогой зубы прошипела она. — Я не могу быть здесь. Я… не знаю…

Марори повело в сторону, бросило на стену, отчего перед глазами вспыхнула обжигающе-яркая россыпь искр.

«Давай же, размазня, хватит трепыхаться, — требовал внутренний яд, — тебе давно пора умереть, а мне — воскреснуть. Потому что такой был план!»

Руки Ти'аля легко подхватили ее под подмышки, поставили на ноги. Он прижал ее к себе так крепко, что она едва могла дышать. Или дело вовсе не в его стальных объятиях? Может, дело в том, что то, ради чего они приехали в такую даль, — уже происходит?

Она услышала шаги за несколько мгновений до того, как о них предупредил Марроу.

— Мы не одни, — бросил эрэлим и за секунду вооружился.

Человек вошел в пещеру с видом ее настоящего и единственного хозяина. Он потоптался на месте, сбивая налипший на обувь снег. Потертые не новые джинсы, вязаный свитер,

плотная кожаная куртка с высоким меховым воротником делали его похожим на простого обывателя. Но, когда он стащил вязаную шапку, приглаживая роскошную, черную с проседью шевелюру, Марори сразу узнала его. И почему-то эта встреча снова была невозможно-абсурдной, немыслимой, как и две предыдущие.

— Ну и замучили вы меня, детишки, — сказал дознаватель Ардей и брезгливо отбросил шапку куда-то себе за спину. И без долгого вступления начал: — Предлагаю вот что: она, — он указал на Марори раскрытой ладонью, — идет со мной. И она, — его ладонь переместилась на Кенну, — тоже. Вот в этом, во избежание фокусов…

Он спокойно, абсолютно владея ситуацией и каждым словом, выудил из внутреннего кармана куртки двое наручников. По черным каменным кольцам, соединенным же каменной цепочкой, пробегали сиреневые всполохи.

— А если мы откажемся? — за всех спросил Марроу. Он держал пистолеты в опущенных руках и со стороны казался таким расслабленным, будто разговаривал со случайным прохожим, а не с дознавателем, который уже дал понять, что для достижения цели не гнушается никакими способами. — Нас трое, а ты, дознаватель, один.

— На твоем месте, мальчишка, я бы хорошенько подумал, почему так, и не стал бы радоваться.

— Я похож на счастливого идиота?

— Скорее, на сопливого щенка, который, укусив палец, думает, что ему хватит силы отхватить всю руку. — Он отмахнулся от разговора с эрэлимом, перевел взгляд на Марори, поглядывая и на перепуганную Кенну позади нее. — Решать тебе, девочка. Ты готова поставить на кон их жизни?

Она не успела сказать, что ни за что бы не стала рисковать жизнями друзей… и краем глаза заметила, как резко дернулся Марроу. Вот он стоял рядом, внешне напряженный, смотрящий исподлобья, — и вот уже на всю пещеру грохочет сдвоенный выстрел. Эрэлим палил из обоих пистолетов. Раз, другой… Он не промахнулся. Марори отчетливо видела, как отшатнулся дознаватель, как его лицо исказилось болью, но и только — ни ран, ни крови.

— Желаете по-плохому? — процедил он. — Извольте.

Ти’аль сорвался с места одновременно с тем, как Ардей вытянул руку и забубнил какое-то заклинание. Марроу выругался, выщелкивая из пистолетов магазины.

— Надо уходить! — прошептала за спиной Кенна.

Марори бросила на нее быстрый взгляд. В глазах той, что как две капли воды походила на нее саму, плавал ужас.

Что-то громыхнуло, ярко вспыхнуло. Ти’аля, который то ли успел добраться до Ардея, то ли нет, с силой отшвырнуло назад, грохнуло спиной об одну из каменных колонн. Удар был страшным, но серафим тут же вскочил на ноги. Ощерившись, он развел руки в стороны, его пальцы замысловато сложились и начали трансформироваться… или, точнее, выдавливать из себя нечто, быстро превращающееся в длинное тонкое лезвие.

— Нам не уйти! Ты же видишь, — Марори снова взглянула на сестру. — Не уйти, пока он жив.

Не дожидаясь ответа, она подхватила Энигму, буквально вырвала ее из чехла и побежала к Ардею. А тот явно чувствовал за собой силу: стоял, широко расставив ноги, сжимая в руке боевой молот. Вовсе не такой огромный, как обычно рисуют в компьютерных играх, а довольно аккуратный, на длинной рукояти, украшенный россыпью кроваво-красных камней. И каждый такой камень дрожал, пульсировал, источал еле заметное алое марево.

Ардей выглядел спокойным и уверенным — и это пугало.

«Сатис, — позвала Марори, — иди ко мне».

Верный шакал почти тут же появился рядом, на мгновение припал на передние лапы, а затем сорвался с места, следуя за хозяйкой.

Но Ардей не стал их дожидаться. Только теперь Марори заметила, что все это время его губы беззвучно шевелились. Он снова обращался к Плетению…

Ноги Ардея окутались густым белым дымом, который пополз по телу. Дым не рассеивался, а плотным коконом поднимался все выше.

Сатис вырвался вперед, прыгнул. Но Ардея уже не было на месте. С невероятной скоростью он метнулся навстречу шакалу, взмахом молота отбросил его прочь. Марори закричала, замахнулась косой, но ее лезвие вспороло лишь воздух в том месте, где только что стоял противник. Фигура Ардея, смазанная и нечеткая, будто растворилась, чтобы появиться уже в другом конце пещеры — возле изготовившегося снова стрелять Марроу. Эрэлим, судя по всему, зарядил пистолеты какими-то другими патронами. Он даже успел раз выстрелить, когда зыбкая тень скользнула мимо него. Едва уловимый взмах алеющим молотом — и небеснорожденный отлетел прочь.

Он не может двигаться так быстро! Не должен двигаться!

Марори застонала. Как можно драться с тем, за чьим перемещением даже не можешь уследить?

Можно!

Она отбросила Энигму, позволяя внутреннему жару полыхнуть в венах обжигающим безумием. Она не станет бегать за тем, кого не в силах догнать, не станет рубить воздух.

На Ардея черным вихрем налетел Ти’аль. Он почти успевал, почти сумел достать гада длинным узким мечом. Почти… Не хватало какого-то короткого мгновения, нескольких сантиметров, чтобы клинок рассек размытую цель. А вот Ардей таких проблем не испытывал. Его молот дважды обрушился на серафима. Тот заметно покачнулся, но выстоял.

Огонь… раскаленное, всепоглощающее пламя! Бушующий смерч, готовый испепелить всех и вся.

«Контроль, контроль!»

Марори видела, как воздух вокруг нее дрожит от жара. Чувствовала, что больше не может сдерживать бьющуюся в ней стихию. Почему он не понимает? Почему не отойдет? Она же испепелит их обоих!

— Уйди! — закричала, когда поняла, что теряет последний контроль, когда пламя потекло по рукам, лизнуло землю под ногами.

Она очень надеялась, что Ти’аль услышит и поймет. Серафим отшатнулся в последний момент. Пропустил удар молотом в грудь, но ушел с линии ее ярости.

Марори протяжно выдохнула и ослабила контроль. Поток ослепительно яркого белого пламени ударил в Ардея. Вернее, в то место, где только что тот стоял. Размытая тень дернулась из стороны в сторону, а затем рухнула на колени. Одежда дознавателя вспыхнула и разлетелась пеплом. Но тело… он не горел.

Их взгляды пересеклись. Нет, Марори не видела его глаз, скорее чувствовала, как он смотрит на нее. Но как такое может быть?

Пламя иссякло и опало, оставив после себя сухой воздух и дорожку жидкого стекла, по ту сторону которой поднимался на ноги Ардей. На нем была иссиня-черная кольчуга, плотно охватывающая все тело. Даже не кольчуга — целый доспех, сделанный настолько искусно,

что больше напоминал комбинезон.

— Тебе нечего противопоставить мне, девочка. Не стоит считать себя центром мира. Ты сильна, но не всесильна. Ложа хранит меня. А кто хранит тебя и твоих щенков?

— Гав! — Ти'аль стоял точно за Ардеем. Дознаватель резко обернулся, но лишь затем, чтобы серафим рубанул его наискось — через всю грудь.

И снова ничего.

Ардей атаковал в ответ. Его молот взметнулся алой молнией и обрушился на плечо Ти'аля. Тот отшатнулся, но не упал.

— Не только Лига использует запрещенные методы, — криво усмехнулся серафим, с нарочитой беззаботностью стряхивая пыль с рваной дыры в одежде, сквозь которую проглядывало стальное тело.

Они столкнулись — сталь о сталь, мастерство с мастерством. Впрочем, Ардей явно уступал серафиму умением обращаться с оружием. В первые же несколько секунд Ти'аль еще дважды поразил противника — и снова не нанес ему никакого видимого вреда.

Марори снова подхватила косу. Она ударит со спины. Вдвоем они обязательно справятся.

— Стой! — окрик Кенны прозвучал неожиданно звонко. Сестра сидела возле Марроу, держала его голову у себя на коленях и пыталась привести эрэлима в чувства. Выглядел небеснорожденный из рук вон плохо — бледное лицо было густо залито кровью. — Сатис — он поможет. Но ты должна сделать его сильнее.

Марори обернулась. Верный шакал все еще лежал возле стены, куда его отбросил удар Ардея. Раненый, он все же пытался ползти к своей хозяйке.

Марори почувствовала, как глаза обожгло навернувшимися слезами: Сатис готов умереть за нее, а вот она не способна позаботиться о нем.

Зло смахнув с глаз мутную поволоку, Марори бросилась к рюкзаку, вырвала из него Кристалл, обхватила обеими руками. По пальцам побежало покалывающее тепло. Метнувшись к Сатису, коснулась его лба. Шакал вздрогнул, его глаза расширились, по телу побежала жестокая судорога.

— Вставай, — прошептала Марори, вглядываясь в его злые алые глаза. — Вставай самим собой.

Тело Сатиса окутало серой дымкой, под которой происходила быстрая метаморфоза. Шакал рос, изменялся. Через каких-нибудь полминуты перед Марори стояло прежнее порождение Хаоса — жестокое и неукротимое, с налитыми кровью глазами.

Повторения приказа не требовалось. Сатис коротко взвыл и бросился в атаку, в его руках материализовывались черные серпы.

Марори было шагнула за ним, но ноги неожиданно подогнулись, и она чуть было не повалилась на землю. Кристалл выпил слишком много сил. Но она не может так просто сидеть — она должна подпитывать Сатиса.

Порождение Хаоса налетело на Ардея и саданул разом обеими клинками по спине. Ти'аль будто намеренно принял на себе удар молотом, неверный и прошедший по касательной, а затем вихрем коротких выпадов обрушился на противника. Тот, не обладая прежней скоростью, не смог их парировать, а кромсающее его порождение Хаоса и вовсе не позволяло маневрировать. Но если атаки эрэлима Ардей проигнорировал, то серпы Сатиса хоть и не оставили на его теле никаких следов, но заставили болезненно поморщиться.

Схватка изменила направление. Дознаватель переключил основное внимание на

порождение Хаоса. Алеющий молот поднимался и опускался, крутился в невероятных переходах и бил, бил. А шакал не собирался отступать. Он пер на противника сосредоточением злобы и безрассудства. Марори, все еще сжимающая в руке Кристалл, чувствовала каждый пропущенный Сатисом удар. Вряд ли столь же отчетливо, как и само порождение, но удача Ардея отзывалась в ней острыми болезненными вспышками. Там же, где тела шакала касался молот, оставались будто выжженные пятна.

— Я помогу. — Рядом на корточки присела Кенна, протянула руки к Кристаллу. Марори только неопределенно повела плечами. Она отдала все, что могла, но этого оказалось явно недостаточно. Ардей напирал на Сатиса, норовя вот-вот повалить того на землю и добить.

Кенна побледнела сразу, как только коснулась Кристалла, но в то же время Сатис громко и яростно зарычал.

Ти'аль, который так и не сумел нанести дознавателю сколько-нибудь достойного урона, метнулся к стоящим кольцом колоннам. Меч исчез из его рук. Небеснорожденный обрушился на несчастный камень, точно тем самым пытался выместить всю мучавшую его злобу. Стальные кулаки в считанные секунды раздробили колонну на несколько больших осколков. Подхватив самый большой из них, Ти'аль с легкостью поднял его над головой, а затем метнул в Ардея. Бросок вышел отменным. Тяжеленный здоровый булыжник врезался в плечо дознавателя и разлетелся каменным крошевом.

И даже теперь дознаватель не упал. Но несколько неуверенных шагов в сторону все же сделал. Воспользовавшись замешательством противника, Сатис вырвал молот из его рук, отбросил прочь.

Пещеру снова разорвал грохот выстрелов. Марроу, наконец пришедший в себя, стрелял, продолжая полулежать и опираясь на одну руку. Но, даже с мутным взглядом и заливающей лицо кровью, он не промахивался. Пули одна за другой отбрасывали Ардея все дальше, взрываясь перед ним яркими золотистыми вспышками.

Марори даже начала надеяться на благоприятный исход схватки, когда Ардей что-то сделал. На какое-то время он бросил попытки хоть как-то защититься, взметнул над головой руки, вокруг которых тут же закружились стремительно набирающие силу кольца вихря. В лицо ударило порывом ветра. Пыль, поднявшаяся с пола, сгустилась мутной пеленой, в которой ни вздохнуть, ни открыть глаза. Что-то заскрежетало, а затем рухнуло с оглушительным грохотом.

— Этот ублюдок убежал! — в пыльном мареве появился Ти'аль. — Завалил за собой выход и просто убежал!

Что-то снова загрохотало.

— Боюсь, сейчас рухнет и все остальное. А я-то думал, ты ему нужна живой.

— Сама разочарована, — прохрипела Марори. — Колодец. Похоже — это все, что нам осталось.

— Ты серьезно?

Часть потолка над кругом колонн просела и начала осыпаться большими кусками каменной породы.

— Да! И если не поторопимся, то завалит и его.

Ти'аль пристально взглянул на нее, будто пытался понять, в своем ли она уме.

— Ладно. Я помогу Марроу.

Марори кивнула, затем встала, покачиваясь на слабых дрожащих ногах.

— Идем, — протянула руку сестре. Нелегко оказалось отыскать уже порядком запорошенную Энигму: потолок рушился кусок за куском. Причем пара грохнулась совсем рядом, обдав девчонок землей и мелкими камнями. Вдвоем, постоянно спотыкаясь, почти на ощупь, Марори и Кенна добрались до колонн. Вернее, уже до их остатков.

«Возвращайся и набирайся сил, — обратилась Марори к терпеливо ждущему ее решения Сатису. — Тебе досталась самая нерадивая хозяйка на свете».

«Самая бесстрашная», — ответил он и исчез.

— Сначала мы, — резко оттеснил ее серафим, притащивший небеснорожденного собрата.

— Вы что надумали? — нахмурившись, спросил Марроу. — Я не для того хотел этого поганца убить, чтобы потом сигануть башкой в… непонятно куда.

— Тебе понравится, — с несвойственной ему веселостью приободрил товарища Ти’аль. — Ты же всегда хотел полетать. Я знаю.

И прежде, чем эрэлим успел что-то сказать, сиганул в темноту колодца.

— Нет… — прошептала Кенна и попыталась вырваться.

Марори схватила ее за руку и прыгнула в темноту каменного колодца.

Глава тринадцатая

Лететь без оглядки в темноту было… не страшно.

Совсем.

Напротив, Марори ощущала невероятную свободу. Такую, которой не испытывала никогда раньше. Как будто не существовало никакой опасности провалиться в никуда, или разбиться о камни, или окунуться в лаву и исчезнуть за секунду. Она просто парила, отрешенная от всего, что только что происходило там, на поверхности. Временами ей даже казалось, что сквозь черноту бесконечного провала проглядывают куски сцен из прошлого… или из будущего?

Поэтому, когда она приземлилась прямо на Марроу, возвращение к реальности было не только физически, но и морально болезненным. Финальную точку в возвращении из разноцветных грез поставила Кенна, которая с громким визгом свалилась прямо на нее.

— Лучше бы Ардей меня угробил, — ворчал где-то под ними эрэлим. — Проклятье!

Им понадобилось несколько секунд, чтобы подняться и осмотреть себя с ног до головы. Ти’аль, который приземлился первым и принял на себя падение остальных, выглядел самым здоровым и почти невредимым, не считая того, что от его свитера и куртки мало что осталось, а на стальной груди виднелись уродливые отметины молота дознавателя. Марори поморщилась, вспоминая, с каким остервенением эти двое молотили друг друга.

— Я его убью, — сквозь зубы процедил Марроу, пока Кенна пыталась делать вид, что имеет представление о том, как справиться с ранами на его лице. Эрэлим отмахнулся от ее заботы, словно от назойливой мухи, отодвинулся — и завыл, когда попытался опереться на правую ногу. — Хренова мать!

— Прекрати выражаться, — осадил товарища серафим. — Дознаватель все равно уже ушел, и твоя угроза звучит нелепо. Хотя, уверен, мы видим его не последний раз.

— Я не про Ардея, — ответил Марроу уже более сдержано. — Кажется, я сломал ногу.

Их с Марори взгляды пересеклись — и она сразу поняла, кому именно эрэдим грозил расправой.

Никто не знал, куда они едут. Вероятность утечки исключать было нельзя, но они сделали все, чтобы свести ее на нет. Появление Ардея было таким… спокойным и взвешенным, как будто он точно знал, где и когда лучше устроить ловушку. Фактически его план был почти идеальным: захлопнуть четырех студентов в небольшой каменной комнатушке, лишив их единственного выхода наружу и возможности оказать достойное сопротивление. Он мог поймать их в гостинице ночью, передушить, как котят, но рисковать, действовать в открытую, на виду у обывателей… Марори стало не по себе от внезапного осознания риска, которому она подвергла их всех. Во рту появился горький вкус злости на саму себя: как она могла быть такой наивной и неосмотрительной?!

— Он точно знал, куда мы идем, шаг за шагом, — словно прочитав ее мысли, продолжил Марроу. — Прости, нильфешни.

— Ты не виноват, — сказала она.

— Я так понимаю, речь идет о Нотхильдисе? — Ти’аль присел перед эрэлимом на одно колено и со знанием дела ощупал его голень. Тот морщился, но не проронил больше ни звука. — Если кого-то из вас интересует мое мнение, то я уверен, что он здесь ни при чем.

— Добренький Ти’аль всегда выгораживает даже последних сволочей.

— Скажешь еще хоть полслова такой дряни — и я сломаю тебе вторую ногу, — без тени угрозы, лишь с железной уверенностью, что больше предупреждать не станет, сказал серафим. Он покачал головой. — Идти сам ты не сможешь.

— Отлично! — Марроу сжал челюсти так сильно, что кожа натянулась на играющих желваках. — Где мы?

Марори как раз собиралась этим заняться: осмотреть место, куда они так удачно упали. Сломанная нога эрэлима против четырех свернутых шей — это ли не благополучный исход?

Как вообще возможно, что они упали с такой высоты на каменный пол и остались живы?

Чтобы проверить догадку, Марори задрала голову. Так и есть: отсюда вполне видна дыра, в которую они спрыгнули. Метров пять вряд ли больше. Но и этого достаточно, чтобы как следует поломаться.

— Мне одной показалось, что мы падали как-то слишком долго? — несмело спросила Кенна. Она как раз перестала, наконец, хлопотать вокруг эрэлима и присоединилась к Марори. — Ты тоже это почувствовала?

Марори не смогла ответить: резкая слабость и головокружение буквально подкосили ее. Если бы не сестра, она бы так и рухнула обратно на пол, но Кенна вовремя подставила ей плечо. Краем глаза Марори успела заметить, что лицо девчонки заметно побледнело, под глазами пролегли темные круги.

— Эстрамор… — прошептала она, оглядываясь на сумку, которая так и валялась на полу рядом с косой. Она помнила, как буквально за секунду до прыжка успела запихнуть туда Кристалл. — Мы потратили слишком много сил.

— Ты-то явно куда больше, раз еле на ногах стоишь, — вмешался в их разговор эрэлим. — Светлые, ты себя со стороны не видишь.

— Ну, раз ты видишь, какое я страшилище, значит, не одной мне кажется, что для заброшенного колодца здесь подозрительно светло.

Они даже в деталях смогли разглядеть пол и стен, выложенные даже не камнем, а кирпичом. Кладка выглядела очень старой: в глубоких трещинах просматривался бурый мох, на стенах висела рваная паутина, а в редких проплешинах, где просматривалась земля, топорщились пластины грибов. Да и само… помещение, где они оказались, больше напоминало комнату, и было куда свободнее, чем полагается дну колодца. И самое главное: ни намека на влагу и ил. Напротив, воздух был таким сухим и горячим, что обжигал горло и слизистую носа.

— Ты должна поесть, — резко сказал Марроу. Его определенно злили собственная беспомощность и неспособность и шагу ступить без помощи Ти’аля.

Марори прекрасно поняла, о какой еде он говорит, и постаралась сложить в одно единственное: «Нет» всю решимость, на которую была способна. Из них троих только Марроу может быть ее донором — даже мысленное употребление этого слова вызывало у нее отвращение! — но в его состоянии это будет просто бесчеловечно. Кроме того, она ослабела, но не до такой степени, чтобы умереть от нескольких шагов.

— Ты мне поможешь?

Марори посмотрела на сестру — и вдруг поняла, что обвинять Нотхильдиса в предательстве в самом деле слишком поспешно. Точнее говоря, обвинять одного лишь его. Что если?..

— Ты хочешь меня укусить? — Паника в глазах Кенны стремительно сменилась

ужасом.

«Она помогла мне с Кристаллом, хотя могла этого не делать — и тогда мы вполне могли бы проиграть Ардею».

«Или сделала это нарочно, чтобы заслужить доверие, — вновь напомнил о себе ставший слишком разговорчивым внутренний циник, — *чтобы и дальше быть рядом. Дознаватель не собирался отпускать вас живыми, это же очевидно. Уверена, что он не ждет вас где-то впереди?»*

Марори не ожидала, что так грубо оттолкнет Кенну, на чью помощь только что рассчитывала. И это не могло не броситься в глаза.

— Что-то не так? — В глазах девчонки — ее собственных глазах, чтоб ее Темные побрали! — ужас сменился непониманием и обидой.

— Я уже в порядке. — Марори быстро отвернулась, чтобы не выдать свое вранье.

И в эту минуту где-то недалеко громыхнуло так, что им на головы посыпалась новая порция каменной крошки, а еще через несколько мгновений всех четверых окатило раскаленным паром. Марори только чудом успела прикрыть лицо рукавом, Кенна присела и накрыла голову руками, а парни закашлялись и, несмотря на запрет Ти'аля, позволили себе пару крепких словечек.

Когда волна схлынула и пар рассеялся, Марори увидела хорошо освещенный коридор, на стенах которого висели гроздья мутных алых и желтых кристаллов. И она могла спорить на свою голову, что несколько секунд назад там ничего не было, кроме старой кирпичной стены. А теперь все это выглядит настоящим приглашением, против которого отчаянно противится каждая клетка ее тела и куда ее тянет вопреки инстинкту самосохранения.

— Надеюсь, никто не забыл, что мы сидим в вулкане? — напомнил эрэлим, когда Ти'аль помог ему доковылять до Марори.

— Давно потухшем вулкане, — напомнила она скорее себе, чем остальным.

— Этот «бабах!» мне очень не понравился. Предлагаю выбираться тем же способом, которым пришли. Наш Железный дровосек расчистит дорогу за пару часов. К тому же, быть может, снаружи уже работает спасательная бригада.

— Хорошая идея, — согласилась Марори совершенно искренне, — выбирайтесь. Дальше я пойду одну.

За всех ответил Ти'аль — и не словом, а делом: подставил эрэлиму плечо и решительно поволок в тоннель.

— Мы все знали, что суем голову в пекло, — сказал он, не поворачивая головы, — и, прости, Марори, но даже я не могу притворяться, что не вижу твоего страха. Догоняйте, девочки, пока мы с Марроу первыми не пришли к финишу и не забрали все трофеи.

Коридор оказался очень длинным и довольно узким, что они едва помещались в нем по двое. Марори пришлось смириться с тем, что без помощи Кенны ей далеко не уйти, хоть присутствие сестры теперь неприятно тяготило. И с каждым шагом эта неприязнь становилась все сильнее. Наконец, ей начало казаться, что в бликах красных кристаллов на лице Кенны мелькает то оскал, то хитрая улыбка.

— Ты в порядке? — спросила Кенна, когда Марори с шумом выдохнула, чтобы хоть как-то выпустить внутреннее напряжение.

— Мне просто нужно немного времени, чтобы переварить случившееся.

— Уверена, что дело только в этом?

— Для человека, который не знает многих элементарных вещей, ты на удивление

проницательна.

Наверное, ее раздражение передалось Кенне, потому что у той резко пропало желание продолжать разговор.

Коридор несколько раз так круто поворачивал, что Марори начало казаться, будто они просто ходят по кругу. Дважды Ти'аль останавливался, вскидывал руку, призывая к тишине, но все было тихо. Лишь позже в воздухе начал нарастать монотонный гул с редкими хаотичными поскрипываниями.

— Как будто кто-то бросает в огонь куски льда, — предположил Марроу.

— Очень похоже, — согласилась Марори.

После очередного поворота, в конце которого их ждал крутой спуск по узким ступеням, Марори, наконец, начала понимать, что к чему.

— Мы идем по спирали, — высказала она предположение. — С каждым поворотом — все ближе к центру… чего-то.

И стоило сказать это, как в голове будто щелкнул внутренний тумблер. Перед мысленным взглядом пронеслась череда картинок: темные стены, отделанные красным камнем, внутри которого пульсируют красные же жилы огня.

— Еще немного — и будем на месте, — сказала она шепотом.

— Хочешь сказать, что уже была здесь раньше? — Марроу так резко остановился, что если бы не поддержка серафима — не удержался бы на ногах. — С Вандриком?

— Не знаю. Просто… как будто… Увидела что-то такое, что не могу знать просто так. Стены и красные…

Непроизнесенные слова так и застыли на губах, потому что лестница неожиданно закончилась, и они оказались в просторном круглом зале. Стены из гладких черных кирпичей украшали причудливые орнаменты из красного камня, внутри которого то вспыхивали, то гасли алые прожилки. Марори подалась вперед, прикоснулась к камню, заранее зная, что он теплый.

— Что за…

Марроу не подобрал слов, чтобы продолжить.

Эта комната была словно более мрачным отражением той, что находилась на поверхности: тот же каменный круг в центре, те же двенадцать столбов вокруг него. Но и это было не самым странным и удивительным. Откуда-то из-под потолка в каменный круг лился широкий поток самой что ни на есть настоящей лавы. И ее света хватало, чтобы прогнать темноту даже из самых отдаленных углов комнаты. Время от времени в колодце что-то вспыхивало, взрывалось снопом огненных искр и шипением — и в зале снова становилось тихо, если не считать гула мерно текущего потока.

— Мне здесь не нравится, — жалобно пробормотала Кенна.

Марори отстранилась от нее, подошла ближе к кругу, хоть в голове все так же шумело. Пожалуй, даже сильнее.

Внутри колодец весь был выложен эстрамором. А падающая лава просачивалась сквозь него, словно вода через сито, не задерживаясь ни на мгновение. Не задумываясь, не анализируя посылаемые подсознанием сигналы, Марори тронула монолитную глыбу.

Сзади раздался сдавленный девичий крик, мужские голоса в унисон потребовали отойти.

Камень был холодным. Ледяным. Его ледяная безжизненность уколола кончики пальцев, просочилась под ногти, словно тончайшее иглы. Она приняла эту боль как

отрезвляющую реальность, как часть разгадки к самой себе. Руки не отняла.

И когда взгляд наткнулся на сноп искр, застывший в виде причудливого цветка где-то на уровне ее глаз, поняла, что время остановилось. Оглянулась, чтобы подтвердить догадку: Марроу так и застыл с яростным криком на губах, Ти'аль протягивал к ней растопыренную стальную ладонь и хмурился, плотно стиснув губы. Кенна присела и закрыла голову руками, словно ребенок, которому впервые в жизни пришлось оказаться в темной комнате наедине со своими страхами. Во всем этом театре застывшей пантомимы живой осталась только она.

«Ты не понимаешь, что делаешь!»

Марори заозиралась в поисках источника голоса. Никого.

«Я все отлично понимаю. Мы нашли ключ к этому миру».

На этот раз говорящий должен был стоять прямо напротив нее, с другой стороны каменного круга. Но там тоже никого не было. Только странно сгустившийся воздух начал приобретать очертания человеческой фигуры.

«Ты долго трудился, нашел эту тропинку, шел по хлебным крошкам — и теперь хочешь оставить это просто так?!»

Марори узнала говорившего. Слишком свежи были в памяти знакомые интонации, знакомая манера нарочито растягивать гласные. Холеная речь аристократа. Вычурная речь дознавателя.

Его образ все еще был размытым, словно изображение на экране плохо настроенного черно-белого телевизора. Но она узнала его, хоть сейчас волос на голове мужчины было больше, а он сам сутулился так сильно, будто держал на плечах непосильную ношу.

Марори обернулась, все еще не до конца понимая, что именно видит. Отголоски прошлого? Но тогда второй человек: худой и сухой, морщинистый даже в молодости — он… он…

«Брось, Милс, даже ты не можешь настолько спятить, чтобы отказаться от этого сейчас, после стольких лет».

«Ты не посмеешь тронуть это, Ардей. Мы оба знаем, что это — печать».

«И что же ты предлагаешь? — В голосе молодого дознавателя сквозило безразличие. Он спрашивал просто для дела, тянул время, заговаривал зубы своему несговорчивому собеседнику. — Просто уйти?»

«Мы должны рассказать правду. Мы должны сделать то, что хотели сделать они».

«Они были двумя идиотами, — отмахнулся Ардей».

Воздух задрожал, тени растворились, а время, ускоряясь, начало откручивать еще один виток прошлого. И еще. И еще. Лишь по незначительным деталям Марори начала понимать, что с каждым вздохом зал становится все «моложе»: растворяются трещины на камнях, стираются, будто ластиком, глубокие рытвины в древней кладке пола. Лишь одно остается неизменно: колодец и огненный водопад.

Она так боялась пропустить даже самую незначительную деталь, что едва ли не силой заставляла себя не моргать. Но все-таки не удержалась — и в следующее мгновение убранство зала снова преобразилось. Исчез огненный водопад, колодец до краев наполнился водой.

«Они убьют нас», — прошептал женский голос — и треснул от отчаяния.

«Я смогу тебя защитить», — ответил мужской, грубый и жесткий.

Она уже слышала их.

Эти голоса требовали ее пробуждения.

Из тени появилась женская фигура: серебряные волосы, ртутные глаза, бледная кожа истинного альбиноса. Ей едва ли было больше семнадцати. Все в ней, кроме кроваво-красных когтей, было таким хрупким, что казалось, одного неосторожного сквозняка хватит, чтобы разбить, как статуэтку из самого тонкого хрусталя.

Она повернула голову, как будто чувствовала пристальный взгляд невидимого наблюдателя, и посмотрела на Марори глазами… Крэйла.

— Крээли, — одними губами прошептала Марори, ни на секунду не сомневаясь, что это именно она. Тринадцатая Темная, миф, которого не существовало и который оживал прямо на ее глазах.

Темная продолжала смотреть сквозь нее, слабо улыбаясь вопреки выражению невыносимого страдания на безупречно-прекрасном лице.

«Я сожгу мир дотла, ради тебя».

Он вышел ей навстречу, бесплотным призраком прошлого просочился сквозь Марори. Шагнул к той, что когда-то, вопреки всем Заветам, отдала ему себя всю.

Высокий, смуглый, словно отлитый из драгоценного металла Танос: малаах с тлеющими призрачными крыльями. Он был таким высоким, что Крээли рядом с ним выглядела еще более беспомощной. Марори сжала губы, запретила себе плакать, потому что уже знала, что будет дальше.

Тринадцатый Светлый и Тринадцатая Темная — Крээли и Танос, два вычеркнутых имени.

«Они заблуждаются. Они просто смертные. Когда-нибудь…»

Голос предал ее, и в ртутных глазах Крээли блеснули слезы.

«Я вырву из груди каждое смертное сердце», — без тени жалости сказал Танос. Не сказал — поклялся.

Темная, которая просила Светлого пощадить смертных. И Светлый, который готов был сжечь мир дотла, а пепел смешать с кровью ради Темной, которую поклялся любить до скончания веков. Ради той, за которую уже поплатился своими крыльями.

Светлый, с волосами цвета растворенной в молоке крови.

Марори невольно провела ладонью по собственным волосам, тронула мокрые щеки, всхлипнула, больше не в силах сдерживать рвущиеся из самого сердца эмоции.

— Бегите… — прошептала Марори. Вопреки здравому смыслу просила отголоски прошлого услышать ее. — Уходите! Вас не пощадят!

Голос разорвался на тысячи полных отчаяния осколков, когда в зале одна за другой стали появляться безликие фигуры в темных балахонах. В тени каждого из капюшона тлели безжизненные красные глаза.

Двенадцать пришли, чтобы спеть свою песню.

Сотворить самое страшное, что только можно представить, — убить рожденное Единым.

Образы снова задрожали, прошлое подернулось рябью, стало расплывчатым. Марори все кричала и кричала, просила бежать, ломать все, что можно сломать, — и бежать без оглядки. Прошлое таяло, но она все равно видела, как двенадцать затянули страшный вой, который лишь безумный назвал бы песней. Даже отголосков было достаточно, чтобы Марори захотелось заткнуть уши, навеки потерять способность слышать. Но хуже всего было то, что они пробудили в ней и новые воспоминания: слово за словом, словно завороженная, она повторяла всплывающие строки, шептала их и чувствовала, что умирает вместе с

пронзенным Таносом.

— Hp'arsorazzaru… — срывались с губ непонятные, ужасные, разрушительные слова.

Танос прикрывал ее до последнего. Даже когда его тело превратилось в одну зияющую окровавленную рану, а призрачные крылья сгорели в разрушительной черной вспышке — он продолжал оберегать ту, которой поклялся.

«Пожалуйста, не уходи… — Залитое кровью лицо Крээли то скрывалось в тумане, то появлялось вновь. Она сидела на полу, придерживая голову Светлого, лишь изредка содрогаясь, когда новая строчка песни расцветала на фарфоровой коже уродливой, обнажающей кости раной. — Не закрывай глаза, Танос».

«Прости, что не смог».

Его ресницы дрогнули в последний раз, тело покрылось паутиной трещин, стало распадаться на осколки.

И тогда Крээли закричала. Так громко, так яростно, как может кричать существо, из груди которого живьем вырывают сердце. От ее крика задрожали стены. Ее тело вспыхнуло, под кожей сверкнули налитые огнем вены и артерии.

«Я проклинаю вас… — змеей зашипела она, в последних судорогах агонии прижимая к груди голову мертвеца. — Проклинаю огнем с небес. Проклинаю быть костями для тех, что вечно голодны. Проклинаю убивать и пожирать друг друга до конца своих дней».

Ее прекрасное лицо вспахали глубокие уродливые трещины, длинные серебряные волосы превратились в пепел. Темная шевелила губами, изредка скалясь, словно самка, оберегающая то, что дороже солнца, и луны, и всех звезд на небе, что нужнее воздуха и воды.

Злой сухой вихрь завизжал, заклокотал где-то под потолком. Двенадцать оцепенели. Капюшоны сползли с их лиц, обнажая бритые головы и вырезанные на лбах преобразовательные круги.

Марори показалось, что ее ударили под дых, разом выбили из груди спасительный глоток воздуха, а вместе с ним лишили способности дышать. От отчаяния она заскребла по горлу.

Шесть Темных.

Шесть Светлых.

Двенадцать кровных братьев и сестер.

Крээли умерла через миг после того, как закончила выкрикивать последние слова проклятия, в которое вплела последнее и самое ценное, что у нее осталось, — свою жизнь. Но, умирая, она видела, как вспыхнули изнутри тела Двенадцати, как их распахнутые в безмолвном крике рты наполнились лавой. Они не могли сопротивляться тому, за что было заплачено ценой двух жизней и одной бессмертной любви. Еще мгновение их тела пытались противиться бушующей стихии, а потом вспыхнули, словно свечи, — и превратились в ничто.

— Марори! Очнись, язва Темных тебя задери!

Голос Марроу прорвался сквозь образы прошлого, разрывая в клочья то немногое, что она с таким трудом удерживала перед мысленным взором.

Заполненный кровью, слезами и лавой зал из черного камня всколыхнулся — и опустел. Не было ни боли, ни отчаяния, ни вкуса пепла на языке — лишь четыре любопытных студента.

Марори моргнула, разгоняя мутные образы, теперь утратившие всякую форму и смысл.

— Сделай еще хоть одно движение — и, клянусь, я отгрызу тебе руку, — сквозь зубы

процедил эрэлим. Он все еще зависел от Ти’аля, но что-то в его интонации подсказывало: если потребуется, Марроу поползет к ней, будет зубами вгрызаться в землю, лишь бы исполнить угрозу. — Прекрати это немедленно, нильфешни, потому что я слишком сильно люблю тебя, чтобы убить без сожаления… теперь. Разве что сдохну рядом с тобой.

Его признание прозвучало так естественно, что ему никто не придал значения.

Марори выдержала убийственный взгляд эрэлима, обернулась, отрешенно рассматривая собственную руку, по локоть опущенную в кроваво-черную густую жижу, внутри которой резвились серебряные искры. Ее одежда обуглилась, узоры сигилы наполнились красками, вздулись на коже, будто жгуты, а крохотные грани вросших в кожу кристаллов налились огнем и теперь сверкали как никогда ярко.

— Кровь Светлого, который умер, пытаясь спасти Темную, которую любил так сильно, что отдал за нее свою бессмертную душу.

«Кому я это рассказываю?»

— Что ты такое говоришь, Марори? — Ти’аль нахмурился. — Ты только что превратила камень в магму.

— Я говорю правду, — шепнула она и медленно сползла на пол.

Рука беспомощно вынырнула наружу, изувеченная, черная, тлеющая, словно кусок мяса на вертеле. Пальцы вытянулись, «оскалились» жесткими когтями. Подаренный Крэйлом браслет выглядел неестественно блестящим, витые лозы обхватили руку так сильно, что и не провернуть.

Марори подняла ладонь, поводила ею перед затухающим взглядом, пытаясь вспомнить, что же видела перед тем, как голос Марроу разорвал ее личную хрупкую связь с прошлым. Что-то очень важное, что-то такое, что не имеет права забыть.

Глаза Крээли в момент смерти. Их взгляд. О да, Марори знала, что видела точно такой же множество раз, как и кровавые слезы на сухих безжизненных веках.

Она поднялась, грубо отмахнулась от попытки Кенны ее поддержать.

Энигма так и лежала на полу в грязи и пыли. И глаз в изголовье лезвия с вожделением смотрел на свою хозяйку. Марори подняла косу, лишь на мгновение удивившись: как могла так долго оставаться слепой? Все лежало даже не на поверхности, а прямо перед ее глазами.

— Она всегда была моей, — сказала еще одну, никому не адресованную фразу, наслаждаясь тем, каким теплым стало древко тамакаты, как прищурился окровавленный глаз. — Тот, кто прислал ее, не делал мне никакого подарка — он возвращал украденное.

Ее размышления перебил Ти’аль.

— Нам нужно выбираться, Марори. Не то, чтобы я тебе не доверял, но у меня странное предчувствие, что все вот-вот окончательно выйдет из-под контроля. Полагаю, теперь нам точно ясно, что поездка не была напрасной, только обсуждать ее лучше в более безопасном месте. И вам с Марроу явно нужна медицинская помощь.

— Мне нужна его кровь — и только. — Марори оскалилась, с вызовом посмотрела на эрэлима, а потом отвернулась, загоняя внутреннего зверя в клетку. Ти’аль прав — надо найти выход наружу, глотнуть отрезвляющего морозного воздуха, переварить все увиденное, пока призраки прошлого не свели ее с ума. — Есть мысли, как нам вылезти на поверхность?

— Что угодно, только не еще один прыжок в еще один дурацкий колодец. — Марроу слабо застонал, когда очередная попытка сделать хоть шаг без помощи серафима провалилась. Он налег плечом на стену, закусил губу, наблюдая за Марори из-под полуприкрытых век. — Ты же у нас «местная», предлагай другие варианты.

— Предлагаю выбираться тем же путем, что и пришли.
— Выход завалил один наш старый знакомый.
— Думаю, — серафим сжал и разжал стальные кулаки, — парочку глыб я одолею.

Глава четырнадцатая

Наружу они выбрались уже под вечер: грязные, побитые и потрепанные.

Убегая, дознаватель наделал столько шороху, что смотрители заповедного места были вынуждены действовать по отработанной схеме: вызвали службу безопасности, пару команд спасателей, медиков. Ти'алю не пришлось расчищать весь завал, потому что с обратной стороны им навстречу уже шла команда профессиональных спасателей.

Марори смутно помнила дальнейшее. Голод и отголоски прошлого обрушились на нее с такой силой, что в сознании осталась одна-единственная связная мысль: ей нужна кровь, ей необходимо насыщение.

Их осмотрели медики, Марроу оказали первую медицинскую помощь и наложили шины. Ти'аль тем временем позаимствовал у медиков бинт и, уверив их, что его квалификация вполне позволяет справиться с незначительными порезами, быстро и со знанием дела перебинтовал ее изувеченную руку.

— У тебя все равно не получится держать это в секрете, — было единственной фразой, которую он сказал после освобождения из каменной ловушки.

Она предпочла промолчать. А что говорить? Что ей почти плевать на очередную метаморфозу собственного тела?

В гостиницу они вернулись за несколько часов до полуночи: голодные, изможденные и молчаливые. Ти'аль, сославшись на то, что ему просто необходимо проветрить голову, ушел. Кенна, не раздеваясь, залезла в постель и почти мгновенно уснула. Даже во сне у нее урчал живот, и Марори порывалась разбудить сестру, но та пробормотала что-то нечленораздельное — и сунула голову под подушку.

Марори наскребла сил, чтобы принять душ и переодеться. Мысли то и дело вертелись около тамакаты, залитого кровью лица Крээли, мертвого Таноса с уродливыми тлеющими огрызками крыльев. Мешанина получалась даже не страшная, скорее, безумная.

Когда очередная попытка сосредоточиться с треком провалилась, телефон «моргнул» входящим сообщением.

«Приходи ко мне, нильфешни», — написал Марроу.

Она собиралась написать в ответ, что уже спит, но вместо этого бросила взгляд на Кенну и потихоньку вышла.

Дверь в комнату, которую заняли парни, была плотно закрыта. Пришлось подтолкнуть ее плечом.

Эрэлим лежал на кровати в одних домашних шортах чуть ниже колен. Загипсованная нога выглядела неестественно большой.

— Иди сюда. — Марроу похлопал по одеялу около себя.

Марори осмотрелась в поисках футболки, или рубашки, или чего угодно, чтобы помочь Марроу одеться. Ради этого он, скорее всего, ее и позвал. Уходя, Ти'аль ничего не говорил о том, когда вернется, а она не набралась смелости совать нос в его душевное спокойствие. Серафим и раньше выглядел отрешенным, как будто всегда и везде часть его сознания находилась в другом измерении. Сегодня же он будто целиком перешагнул в невидимый им мир собственных кошмаров и страданий.

— Я тебя не укушу, но совсем не против, чтобы меня укусила ты, — видя ее замешательство, сказал Марроу. Он всеми силами старался поддержать напускную

беззаботность, но удавалось это из рук вон плохо. — Я просто подумал, что нам обоим нужно поговорить.

— Скорее уж выговорится, — пробормотала она.

— Не вижу ни одной причины, почему бы не сделать это сейчас.

— Я могу помочь тебе одеться, и мы сходим в кафе через дорогу, — зачем-то предложила она, хотя мысль о том, чтобы оставить Кенну одну, ставила крест на любых планах. Но должна же она предложить альтернативу хотя бы ради приличия, прежде чем пожелать ему спокойной ночи и уйти.

— Нильфешни, мы оба знаем, что ты голодна. Я, конечно, не он, — Марроу поморщился, разом помрачнел, но быстро стряхнул дурное настроение. — Но в прошлый раз тебе как будто стало лучше.

— Стало, — согласилась она. — А сегодня ты валяешься в кровати со сломанной ногой, и тебе самому не помешало бы хорошее вливание крови для скорейшего выздоровления.

— Фигня, в Эльхайме меня поставят на ноги за пару дней.

— Пару дней я вполне могу и поголодать, — улыбнулась она, радуясь, что нашла убедительный повод отделаться от его приглашения.

Что это вообще такое? Полуголый двадцатилетний эрэлим предлагает ей «полежать»? Он в своем уме, или это очередная провокация?

— Думаешь, если погладишь меня по голове, словно щеночка, я вся расклеюсь? — Марори сама не ожидала, что в ней столько злости. — Думаешь, я такая дурочка, что клюну на твою комедию с признаниями? Отличная попытка, но я — не Кенна, меня так просто не облапошить.

— Но я правда люблю тебя, — сказал он неожиданно тихо, серьезно. — И ты наивная дурочка, нильфешни, раз до сих пор не видишь того, что заметили все вокруг.

Вот так, просто и без придыхания, трепета и прочей мишуры эрэлим только что открыл ей свое сердце. И как бы сильно Марори ни старалась отыскать в его словах подвох или хотя бы крохотную зацепку, которая позволит не верить услышанному, ничего этого там не было. Он был честным и по-своему таким же открытым, как Кенна.

— Так вот зачем ушел Ти’аль, — догадалась она.

— Честно — я его об этом не просил. Но я рад, что он оказался таким понимающим. Хотя это свинство, ведь ты ему тоже в некотором смысле небезразлична.

— Вам просто жаль меня. Люди часто путают эти два чувства. — Что за ерунду она городит? Кого пытается убедить, что никаких чувств нет, — его или себя?

— Люди вообще склонны заблуждаться во многих вещах, нильфешни, но уверяю тебя — сейчас я мыслю, как никогда трезво. И еще раз прошу тебя…

— Хорошо, — перебила его Марори и присела рядом на кровать.

Большая, большая и чудовищная ошибка, потому что стоило ей приблизиться — организм живо напомнил о том, что голод обостряет все ее чувства, в особенности обоняние. От запаха крови ее рот наполнился слюной. Марори сглотнула, попыталась отодвинуться, но эрэлим ухватил ее за запястье и дернул на себя. Она упала ему на грудь, дернулась было, чтобы сбежать, но он быстро обнял ее и обездвижил крепкой хваткой.

— Успокойся уже, нильфешни, я на тебя не претендую. Вряд ли я настолько же хорош, как твой чокнутый братик или тот рыжий инкуб.

— Обязательно было перечислять? — Она предприняла еще одну попытку вырваться, но, поняв, что это бесполезно, сдалась. — Отпусти меня, пожалуйста.

Он лежал под ней: хмурый, сосредоточенный и растерянный одновременно. Как ребенок, который, наконец, получил желаемое, но вдруг осознал, что понятия не имеет, что делать дальше.

И, чтобы как-то разогнать эту неловкость Марори не придумала ничего лучше, чем воспользоваться его предложением. Тем более что их близость буквально обжигала ее сквозь одежду, а на шее эрэлима, над мерно вздрагивающей артерией, еще оставался след ее укуса.

— Все в порядке, нильфешни, это нужно нам обоим. — Он переместил одну ладонь ей на затылок, прижал к своей шее, выдохнул, когда она мягко прокусила кожу. — Ты мое личное проклятие, Марори Шаэдис. Полное и безоговорочное.

Она с жадностью глотнула его жизнь, дернулась, когда вкус крови распустился на языке вкусом сладости. Темные, почему она думала, что Нотхильдис вкуснее? Да и какая теперь разница? Еще один глоток впрыснул в кровь ударную дозу адреналина.

Она обвилась вокруг этого восхитительного источника, сунула ему в волосы когти изувеченной руки, оттянула голову назад, с каким-то хищным удовольствием наблюдая, как две ровные ранки «плачут» алыми дорожками. Кровь текла по его шее, приостановилась у ключицы. Не задумываясь, не размышляя, Марори прижалась к ней губами, выпивая всю до капли.

— Маааар, — простонал он хрипло, одновременно опуская руку с ее талии и жестко вдавливая пальцы в бедро. — Мар.

Она знала, что должна остановиться. Прямо сейчас выключить голод, затолкать зверя в клетку, из которой так неосмотрительно его выпустила. Но боль разрывала изнутри, и Марори знала — стоит ей уйти, отчаяние с наслаждением вгрызется в ее плоть, впрыснет в тело яд сомнения.

«У Крэйла глаза Темной… Ее кожа, ее волосы. Он не мог не знать совсем ничего».

Она понимала, что плачет: беззвучно и одиноко, наплевав на то, что эрэлим увидит ее слабость. Пускай. Разве не для этого он позвал ее? Разве не потому сейчас прижимает к себе с такой яростью, что так же, как и она, больше не может быть одиноким?

Марроу мягко, но настойчиво, перевернул ее на спину и долго-долго рассматривал ее заплаканное лицо, окровавленные губы.

— Если бы я знал, что ты так глубоко застрянешь во мне, то целился бы наверняка, — сказал он шепотом.

— Уверен, что сейчас уже поздно пристрелить дра’морскую занозу?

— С тобой ни в чем невозможно быть уверенным. Разве только в том, что ты несешь феерическую чушь, когда нервничаешь.

— Ты-то спокоен? — Она положила руку ему на грудь, чувствуя, как его скачущее сердце колотиться в чувствительную кожу ладони.

— Как я могу быть спокоен в постели с девушкой, которую люблю и которую хочу?

Марори была уверена, что просто рассмеется ему в лицо, но вместо смеха из груди вырвался тихий вздох.

— Не убьешь же ты меня, в конце концов, — внезапно серьезно сказал эрэлим.

С какой-то безумной обреченностью он резко перекатился на бок и развернул «добычу» спиной к себе. Обнял так крепко, что Марори едва могла дышать. Одна его рука опустилась ей на живот, другая поднялась к ее шее. Большим пальцем он поглаживал ее артерию, выуживая из Марори низкие гортанные звуки.

Она знала, что должна уйти. Что не может дать ему ничего, кроме новой порции боли.

Но правда была в том, что она боялась одиночества и тех кошмаров, которые поджидали в его темных закоулках. Боялась, что стоит мыслям отвлечься от горячей ладони Марроу у себя внизу живота, — как в них сразу появится Крэйл с глазами и волосами цвета Тринадцатой Темной.

Марроу заставил ее запрокинуть голову, прижался губами к ее шее.

— Если бы я хоть на секунду поверил, что могу вырвать из тебя мысли о шанатаре, — я бы не сдерживался, нильфешни. Потому что в любви каждый сам за себя. И потому что я не могу быть великодушным, понимающим эрэлимом, когда все, о чем я могу думать, — ты, ты и ты.

Он опустил пальцы ниже, на долю секунды замешкался — и нырнул под одежду. Марори снова дернулась, сжала колени. Стыд обрушился на нее ледяным душем. Но, стоило эрэлиму прикусить кожу у нее на шее и одновременно погладить внутреннюю сторону обнаженного бедра, — как ее тело бесстыже отозвалось на ласку.

— Не надо, — попыталась сопротивляться она. Что за безумие? Они не могут этого делать по множеству причин.

— Помолчи, нильфешни, пока я окончательно не слетел с катушек. Считай, что я угощаю тебя конфетами.

— Ты — больной, — выдохнула она, зажмуриваясь.

— А ты пробуешь это в первый раз и знаешь, что уже не сможешь остановиться.

Марори собиралась сказать какую-то колкость, найти то единственное слово, которое разрушит эту странную слабость — а вместо этого развела колени, позволяя его пальцам свести себя с ума.

Секунда, вторая, третья. Она дрожала, как струна. В какой-то момент, когда тело предало ее, Марроу прикрыл ее рот ладонью и хрипло рассеялся, когда Марори яростно вонзила в нее зубы.

— Хватит держать себя на поводке, нильфешни. Это не измена, это просто физиология.

Его горячее дыхание растеклось по ее шее, тело напряглось, а перед глазами вспыхнули фейерверки. Искры обжигающей сладости поднялись вверх по животу, свили гнездо в груди и перевернули ее мир с ног на голову.

Она так сильно вцепилась в ладонь эрэлима, что рот снова наполнился его кровью.

Она пила его, жадно наполняя себя новыми ощущениями.

— Маааааар… — нараспев растягивал ее имя эрэлим.

Марори не знала, сколько времени прошло, прежде чем необычная ноющая нега начала отпускать ее из своего плена. Они так и лежали: она спиной к его груди, в тесном кольце его рук. Их сердца хаотично колотились, резонируя друг другу.

— Ты знал, что так будет? — спросила она, в приступе странной нежности поглаживая его окровавленную ладонь.

— Хочешь правду, нильфешни? Нет, не знал. Собирался просто заморочить тебе голову.

— Почему же не заморочил?

— Потому что ты все равно не будешь моей, а узнав тебя раз, я просто не смогу жить в мире, где ты будешь принадлежать кому-то другому. Собственничество, все дела, — отшутился он, но, когда Марори попыталась повернуться, не позволил ей этого. — Закрывай глаза, нильфешни, тебе нужно поспать и восстановить силы. Кенна никуда не денется.

— Что подумает Ти’аль, когда увидит нас вместе вот так?

— Тебе все равно, что он подумает. Хватит искать повод испытывать угрызения

совести. Тебе было хорошо, твоя невинность никуда не делась, а я, как последняя сволочь, без последствий воспользовался твоей слабостью. Остальное не имеет значения до тех пор, пока ты сама не начнешь думать иначе.

Ему пришлось повозиться, чтобы укрыть их обоих одеялом. И он не стал противиться, когда она повернулась к нему лицом. С молчаливого согласия Марори эрэлим снова обнял ее, прижал к себе, уткнулся подбородком ей в макушку.

— Засыпай, нильфешни, и ни о чем не беспокойся.

В ту ночь она плавала в сновидениях, где был лишь бескрайний радужный океан.

А когда проснулась, то обнаружила эрэлима полностью одетым.

Штанину джинсов загипсованной ноги пришлось разрезать, из-за чего эрэлим выглядел каким-то потрепанным. Она не спешила давать знать, что проснулась, просто наблюдала за ним из-под полуприкрытых век. Марроу опирался на костыль — наверняка его принес Ти’аль, — то и дело присаживался на свободный край кровати и приглаживал растрепанные волосы.

— Я знаю, что ты не спишь, нильфешни, — разоблачил он ее, сидя к ней спиной. — Как спалось?

Она поднялась на локтях, зевнула и с удивлением обнаружила на прикроватной тумбочке тарелку с разрезанным на части яблоком и горстью конфет в ярких обертках. Моргнула, пытаясь придумать, как реагировать на происходящее, — и просто потянулась за угощением.

— Спасибо, хорошо. — Она уткнулась взглядом в посыпанный молотыми орехами шоколадный шарик, понимая, что краснеет.

— Завтракать будем в кафе, Ти’аль уже пошел делать заказ. Я как раз размышлял, каким способом тебя лучше всего разбудить.

— Я вовремя проснулась. — Она целиком сунула конфету в рот, попыталась прожевать — и поймала взглядом лицо Марроу. Тот даже не пытался сделать вид, что с трудом сдерживает смех. — Только попробуй…

Слова потерялись за склеенными карамелью зубами, и эрэлим, наконец, от души расхохотался. Пара синяков на его лице заметно потемнели и напухли, но он, казалось, совсем не беспокоился по этому поводу.

— Только ты умеешь выглядеть так мило с клыками и вот этим. — Он перехватил ее изувеченную руку чуть выше запястья, дал Марори время прожевать и с полуулыбкой поинтересовался: — Потереть тебе спинку в душе?

Она пулей вылетела из кровати под его новую вспышку смеха.

Завтракали все четверо в почти полной тишине. Изредка обменивались просьбами подать соль или салфетки. Марори уныло ковыряла аппетитный блинчик со сливочной начинкой и в сотый раз прокручивала в голове минувшую ночь.

Она скажет Крэйлу, как бы это в итоге ни сказалось на всем.

Хотя разве теперь это имеет значение? Образы прошлого хороводили в голове, медленно, но уверенно занимая свои места. И на фоне все этого странное сходство Крэйла с Темной было едва ли не самой большой и самой болезненной раной, которую Марори вынесла из злополучного вулкана.

Темный полюбил Светлую, Светлая полюбила Темного. Они нарушили Заветы-на-Скрижалях и поплатились за это. Все знают, что Темным нельзя быть со Светлыми, потому что плод такого союза может разорвать Мироздание в клочья.

Марори стянула кусок блинчика с вилки, пожевала и усилием воли заставила себя проглотить безвкусный комок. Когда возникло это предостережение? Из чего родилась легенда о том, что Светлое и Темное породит истинное Разрушение?

Почему Крэйл — и Крээли?

Она отодвинула тарелку, уронила взгляд на перебинтованную руку. Каким будет ее следующее уродство? Рога? Хвост? Копыта?

— Ты куда? — Ти'аль проследил за тем, как она встала, накинула куртку.

— Мне нужно позвонить.

После нескольких дней зверствования погода, наконец, успокоилась. Марори перешла на другую сторону улицы, оглянулась на кафе: сквозь прозрачную витрину на нее смотрел эрэлим. Она пыталась не обращать на него внимания, вести себя так же, как вела до вчерашней ночи… но ничего не получалось. Марори отметила, что и он ел без аппетита и был на удивление молчаливым. И точно так же, как она сама, пытался делать вид, что вчерашняя ночь была чем-то вроде порции крепкого спиртного для двух непьющих.

К счастью, напротив кафе остановился грузовик, и на какое-то время их с Марроу связь взглядами разорвалась.

Крэйл ответил не сразу.

— Кусака? — спросил он после того, как она так и не смогла сказать даже простого «Привет». — Что опять стряслось?

— Крээли — и Крэйл? — спросила она. Голос был таким сухим и безжизненным, что покоробил даже ее собственный слух. — Кто ты ей?

Она мысленно умоляла его не молчать. Сказать, что она спятила, что, обжегшись на молоке, дует на воду, что она сошла с ума в этом Эльхайме. Все, что угодно, кроме молчания, в котором угадывалось самое страшное.

— Уверена, что мы не можем отложить этот разговор до встречи?

— Уверена, что хочу узнать ответ, прежде чем решить, хочу ли тебя видеть.

— Я знал, что ты не поймешь. — На том конце связи послышался его разочарованный вздох. — Надеялся, но был уверен, что ты, как и все остальные, увидишь лишь одну сторону.

— Крээли — кто она тебе? — Марори сглотнула зуд в горле, от которого на глаза наворачивались слезы. — Просто ответь.

— Она — моя мать, Марори Шаэдис. — Ответил он спокойно и жестко. И прибавил: — И твоя тоже. Хотя, если тебя это интересует, она не родила нас в общепринятом смысле этого слова.

— Спасибо за разъяснения. Я почему-то решила, что ты сказал мне правду, когда говорил, что не знаешь, кто я такая. Наивная дурочка, да? — Она позволила себе смешок, который получился отвратительно противным. Плевать. Какая теперь разница, когда вокруг одна ложь? — Ты с Вандриком — у вас какой-то план? Один на двоих. Выпустили джина из бутылки и пинаете, словно мячик для пинг-понга, чтобы посмотреть, когда он треснет.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, Марори Шаэдис.

— Шаэдис. — Она снова хохотнула, на этот раз почти ядовито — так, что стало противно себе самой. — Марори Шаэдис йорМиолМорна. Мы оба — творения твоего отца?

Крэйл сквозь зубы выругался, проклял чью-то задницу.

— Марори, нет никаких «нас», — сказал он так тихо, что она с трудом разобрала слова. Чтобы не пропустить ни звука, изо всех сил, до боли в виске, прижала телефон к уху. — Ты — это я, а я — это ты.

Она убрала телефон, посмотрела так, будто тот превратился в ядовитую змею — и бросила под колеса проезжающему мимо автомобилю. И даже не удивилась, когда этот жест сорвал жидкие овации.

Вандрик выглядел как всегда безупречно: наглаженная белоснежная сорочка, брюки, дорогая куртка и начищенные до зеркального блеска туфли. И вездесущие «авиаторы», без которых Марори просто не считала бы его образ полным. Он стоял всего в паре шагов от нее, выглядел совершенно расслабленным и беззаботным, как будто кто-то другой, а не он, был самым разыскиваемым во всем мире психом.

— Я почти привыкла, что ты появляешься под носом у всех — и тебя никто не видит, — сказала она, ощущая, что никаких эмоций эта встреча не вызвала. Ни страха, ни паники — ничего, что бы перекрыло боль от слов Крэйла, которые она так до конца и не поняла. Впрочем, перед ней стоит тот, у кого наверняка есть ответы на все вопросы. Марори скосила взгляд на свою перебинтованную руку, физически ощущая, как там, под тканью, злоба наполняет ее изувеченную плоть всепоглощающим пламенем. — Привет, Вандрик.

Он лениво отсалютовал ей, подошел ближе и встал рядом, опираясь на перила моста.

— Ну и заставила же ты меня побегать, Тринадцатая.

— А я уже начала думать, что ты совсем обо мне забыл.

Он снял очки и несколько секунд изучал ее лицо. Потом разочарованно прищелкнул языком.

— Жаль, я надеялся, что хотя бы теперь ты все вспомнишь. Впрочем, ты не пытаешься от меня убежать, не зовешь никого на помощь и не угрожаешь мне. Кем бы ты ни была сейчас, ты все так же умна, Тринадцатая. Хотя твой маскарад мне уже порядком осточертел.

— Возможно, если бы вы оба не скрывали от меня правду, я бы скорее вспомнила, что я такое.

— Мы оба? — Вандрик громко хмыкнул. — То есть у сладкой парочки разлад? Что, Принц-из-Тени оказался Монстром-из-Башни?

— Полагаю, он оказался таким же чудовищем, как и я. Хотя только что Крэйл сказал, что мы с ним вообще одно целое. Я жду очередную порцию ответов от создателя. Или мне называть тебя «папочкой»?

Бинты в мгновение ока истлели, обнажая ее черную когтистую руку, по которой вились вспухшие от огня вены. Марори что есть силы вцепилась рукой в перила, ощущая потребность выплеснуть часть этой злости хоть куда-нибудь.

Вандрик уставился на ее увечье с нескрываемым удивлением. Он даже потянулся было к ней, но Марори предупреждающе вытянула вперед здоровую руку.

— Боюсь, у меня для тебя неприятная новость, Вандрик. Сейчас мне не нужна помощь Крэйла, чтобы одолеть тебя. И лучше не провоцируй меня, если не хочешь оказаться в самом эпицентре моего дурного настроения.

Вопреки ее ожиданиям, он широко и довольно улыбнулся, как будто впервые за долгое время услышал по-настоящему хорошую новость.

— Моя девочка. Ты не можешь быть кем-то другим, даже если не в себе. — Он продолжал гипнотизировать взглядом ее когтистую конечность. — Ты видела? Ты видела, что сделали эти ублюдки?

— Я видела, как двух невинных отправили на смерть из-за надуманных запретов.

— Надуманных? — Он запрокинул голову и заливисто, совсем как Крэйл, рассмеялся. — Тринадцатая, ты и есть этот запрет.

— А кто тогда Крэйл?

— Он — бум! — Вандрик изобразил взрыв. А потом веселость внезапно выветрилась из Шаэдиса-старшего, и он вновь стал серьезным. — Крэйл — проклятие. Немного испорченное и бракованное, но я вполне доволен результатом с учетом того, чего мне это стоило.

— То есть ты создал динамит, а потом оказалось, что у тебя нет запала, — уходя куда-то вглубь образов из прошлого, отозвалась она. — Не я этот апокалипсис, о котором не говорит только ленивый…

Она плотно сжала веки.

Слишком много информации.

Слишком много противоречивых фактов, слишком много всего.

Если она немедленно не возьмет себя в руки, то…

— Марори!

Она открыла глаза, с удивлением обнаружив рядом Марроу. Он крепко сжал ее плечи и легонько встряхнул.

— Ты в порядке? — Эрэлим заглянул Марори в лицо, как будто выискивал там причину внезапного приступа ее паники.

Она осмотрелась — Вандрика и след простыл. Грузовик, который до этого загораживал просмотр улицы из кафе, как раз скрылся за поворотом.

— Нильфешни, — Марроу пригнулся, заставил ее взглянуть ему в глаза. — Что с тобой? Ты как будто призрака увидела.

— Просто… обозналась.

Эрэлим скинул куртку, накинул ей на плечи, старательно пряча от посторонних глаз покалеченную руку Марори.

— Сделай одолжение, нильфешни: не исчезай из поля моего зрения больше, чем на минуту. По крайней мере, до тех пор, пока мы не вернемся в Эльхайм.

— Марроу?

— Да? — Он вопросительно вскинул брови.

— Я скажу Крэйлу. О том, что было ночью.

— Да ради Светлых, — беззаботно отозвался он. — Ты была бы не ты, если бы начала врать и изворачиваться. Плевать я хотел на твоего чокнутого братца. Плевать с высокой колокольни.

— Мой чокнутый братец, — в унисон его словам повторила Марори.

Она больше не будет плакать. Во всяком случае, не из-за своей, как это теперь окончательно выяснилось, сумасшедшей семейки.

Крэйл может быть хоть чертом, хоть апокалипсисом с небес, хоть ангелом мщения — он все равно останется Крэйлом.

Он останется ее Клыкастым.

Вот только… чего будет стоить миру встреча бомбы и искры?

Глава пятнадцатая

— Если честно, я понятия не имею, что это может быть. — Флоранция еще раз окинула придирчивым взглядом изувеченную руку Марори. — Впервые с таким сталкиваюсь. Хотя, — она пристально посмотрела на собеседницу, — ты вся — один большой знак вопроса, Марори Шаэдис. Все, что касается тебя, невозможно предугадать.

Сама себя Марори считала скорее постоянно мутирующей химерой, которая, как тот персонаж из компьютерной игры, проходит уровень за уровнем, подбирает осколки души и трансформируется. С той лишь разницей, что никому, даже разработчикам этой странной игры, не дано знать, кем она в итоге станет.

Марори подобрала бинт и начала медленно накручивать его на руку. За последние дни она прилично поднаторела в этом деле.

Вчера они вернулись в Эльхайм. Ти'аль настаивал, что они сразу должны пойти к Магистрессе, но той не оказалось на месте. Сообща было принято решение и дальше «бинтовать раненую руку» и ждать возвращения Флоранции. Кроме того, других вариантов, как распутывать эту загадку, просто не было.

Серафим лично отволок Марроу в лазарет, где тому сразу определили койку и два дня постельного режима. По словам Ти'аля, эрэлим был в бешенстве, порывался вернуться к занятиям, поэтому милосердные медсестры напичкали его успокоительным и снотворным, чтобы, пока накачанные восстанавливающим плетением кости срастаются в ускоренных темпах, больной был полностью обездвижен.

Марори так и не пришла его проведать.

Она вообще не хотела его видеть. Боялась, что, стоит им столкнуться нос к носу, — для окружающих их странная близость станет такой же очевидной истиной, как и то, что за ночью следует день.

— Мне жаль, что правда, которую ты искала, оказалась непосильной ношей.

Марори рассеянно кивнула, глядя, как черная шкура руки медленно скрывается под бинтом.

— Вы тоже ничего не знали о Таносе и Крээли?

Бинт кончился, Марори затолкала края под повязку, поверх надела перчатку. Они с Ти'алем придумали целую историю о том, как она поранилась и что некоторое время ей придется походить вот так, чтобы не устроить какой-нибудь бесконтрольный всплеск Плетения. В ответ на эту «отговорку» Флоранция лишь покачала головой, приговаривая, что Марори определенно дурно влияет на ее подопечных. Впрочем, сильно расстроенной по этому поводу Магистресса не выглядела.

— Я знаю сказки, Марори, — мягко отозвалась Флоранция, — много сказок и легенд, которые часто не имеют ничего общего с действительностью. И, если хочешь откровенно, я не думаю, что тебе стоит зацикливаться на увиденном.

— Предлагаете сделать вид, что ничего не было?

— Ну, насколько я поняла, ты увидела лишь образы. Не пойми меня превратно, Марори, но вся эта история больше похожа на плод твоего воображения. Я ни в коем случае не хочу тебя обидеть, но есть факты, через которые я просто не могу переступить. Никто не может. Танос и Крээли — это две сказки, которые даже не пересекаются между собой.

— То есть я все выдумала? И это тоже? — Марори пошевелила пальцами изувеченной

руки.

— Я думаю, что отчаяние сделало тебя уязвимой. Мы все становимся в некоторой степени одержимыми, когда страстно мечтаем что-то заполучить. Ты начиталась сказок, в которые так страстно желала поверить, что твое сознание сыграло злую шутку.

— Да, пожалуй, — не стала спорить Марори. Флоранция — хорошая мудрая женщина, но даже она находится во власти древней, как само Мироздание, выдумки. Логично, что Магистресса скорее посчитает, что одна из ее студенток сошла с ума, чем поверит ей на слово. — Спасибо, что не натравили на меня санитаров.

— Тебе необходимо отдохнуть, чтобы заняться приготовлениями к Балу. Осталось несколько дней. Надеюсь, ты уже подобрала платье и кавалера.

Марори кивнула, попрощалась и вышла.

Платье и кавалер — последнее в списке ее первостепенных забот. Но не говорить же об этом Флоранции, которая из шкуры лезет, чтобы подарить Эльхайму хоть каплю радости в эти мрачные дни?

Кенна, которую Марори на время забрала к себе, с упоением читала учебник о тонкостях обращения с восстанавливающим Плетением. Она поигрывала пальцами, повторяя жесты со страниц книги, и, судя по тонким, едва заметным светлым всполохам, преуспела в освоении этой науки. Марори не без зависти наблюдала за тем, как сестра осваивает новую комбинацию, после которой воздух в комнате наполнился оглушительным ароматом дождя. Она невольно с наслаждением и шумом втянула запах через нос, улыбнулась.

— И давно ты решила овладеть восстанавливающим Плетением? — спросила чуть погодя, когда Кенна закончила свои тренировки и, довольная, откинулась на кровать.

— С тех пор, как Марроу сломал ногу, а у тебя испортилась рука. Я не хочу быть бесполезной обузой. — Она поднялась на локтях, посмотрела на сестру с неожиданной серьезностью. — Мне очень стыдно, что я тогда растерялась. Если бы помогла сразу, то ничего этого не случилось бы.

— Боюсь, никому из нас Ардей был не по зубам. И твое вмешательство ничего бы не изменило.

— Я его ненавижу, — смущаясь собственного признания, сказала Кенна. — Ненавижу за то, что он делал со всеми нами. Когда-нибудь я стану достаточно сильной, чтобы распотрошить его лабораторию и отпустить на свободу всех нас.

Марори не рискнула напомнить девушке, что далеко не все из ее клонов безопасны и разумны. Вряд ли сейчас Кенна готова услышать правду и снять розовые очки. Для нее они все лишь жертвы, этакие бабочки, которым не разрешают выбраться из кокона. Она не знает ту реальность, в котором другие клоны рвали на части невинных людей и сжигали крылья серафимам.

— Как Марроу? — Кенна села на кровати, подобрала под себя ноги. — Передай ему, что с ним было веселее, чем с тобой. — Она показала Марори язык.

— Его должны выписать завтра, так что передаешь сама.

Она собрала вещи, чтобы переодеться для тренировки с Ти’алем, и уже почти скрылась в ванной, когда ее догнал вопрос Кенны.

— А этот праздник, о котором тут говорят, мне никак нельзя пойти?

Марори надеялась, что сестра не задаст этот вопрос. Как объяснить восторженному ребенку, что на этот раз ей не достанется конфет?

— Ты же понимаешь, что мы держим тебя под замком не из злости, а ради

безопасности. Безопасности всех нас.

На этот раз молча кивнула Кенна.

Марори трусливо спряталась в душе, открутила вентиль до предела и шагнула под обжигающие струи. Тепло, наконец, выудило из ее костей ледяное оцепенение.

После возвращения из Керона она была сама не своя. Постоянно мерзла, по несколько раз за день наполняла термос горячим чаем. Она выпросила у Элны еще пару одеял, одно из которых отдала Кенне. Но сестра спала открытой и все время жаловалась на духоту, Марори же тряслась и под двумя. Горячий душ был единственным местом, где она хоть немного «оживала».

К концу дня Элна бросила клич всем задействованным в подготовке праздника. Марори пришлось позвать Сатиса, чтобы тот сторожил Кенну. Уходя, она поймала себя на мысли, что сделала это не из недоверия, а потому, что переживает за сестру, которая останется одна. Образ Ардея никак не шел из головы. Равно как и его бегство. Неужели он в самом деле не собирался заполучить ее живой?

Ардей…

Марори выскользнула в коридор, добралась до лифта, подняла палец, чтобы нажать кнопку вызова — и замерла, разглядывая пульсирующую оранжевым кнопку.

Ардей и вся Лига с самого начала были категорически против того, чтобы они с Крэйлом находились близко друг к другу. Тот дознаватель, что присутствовал во время тайного совета, на котором решалась ее судьба, сказал об этом почти дословно. Лига с самого начала знала, что настоящая разрушительная сила кроется именно в Крэйле. А она всего лишь подходящий катализатор. Но ведь Крэйл старше ее на четыре года, и они оба, в отличие от Кенны, помнят свое детство и не выглядят наивными переростками из теплицы. Получается, что…

— Эй, дра’морская коза, меня подожди.

Марори оглянулась на Нотхильдиса. Одного взгляда на его разукрашенное свежими синяками лицо было достаточно, чтобы понять: кто-то успел провести со спектром воспитательную работу по поводу его болтливости.

— Уверен, что тебя не стошнит от моей компании на двух квадратных метрах? — спросила она, до упора вдавливая кнопку. — Предупреждаю сразу: я не буду с тобой церемониться, так что прежде чем назвать меня «дра’морской козой» еще раз, предлагаю сперва прикинуть, будешь ли так же болтлив после того, как на твоей физиономии появится чудесный раскаленный отпечаток моей ладони.

— Я просто хочу поговорить, — сквозь зубы сказал он. — Без свидетелей.

— Тесная кабинка в подвешенном состоянии — не лучшее место. А я опаздываю на собрание к Элне.

Двери лифта разъехались в стороны, Марори вошла внутрь, подвинулась, когда поняла, что Нотхильдис не передумал, нажала кнопку — и лифт заскользил вверх.

— Я никому не говорил, куда вы собираетесь, — сказал спектр ей в спину.

— Уверен? Кроме тебя сказать было некому, — не поворачиваясь, ответила Марори.

— Уж поверь на слово: я точно знаю, кому, что и когда говорю. Ты мне противна, но Лига противна еще больше. А еще мне не все равно, что будет с моими товарищами, даже если у них какое-то коллективное помешательство на тебе. Сдать тебя Лиге — значит, подставить под удар и этих двух идиотов. Им бы, конечно, мозги вправить не повредит, но точно не до смерти.

Марори все-таки не удержалась и оглянулась на собеседника. Обвела взглядом каждый кровоподтек на его лице, широко улыбнулась.

— Похоже, Марроу тоже преуспел в мозгоправстве.

— Он просто влюбленный псих, — огрызнулся Нотхильдис. — И пользуется тем, что мне совесть не позволить навалять человеку, который только-только избавился от костыля.

— Хорошая попытка оправдать свою слабость.

Марори мысленно попросила лифт ехать быстрее. Не потому, что боялась оставаться со спектром наедине, а потому, что их тет-а-тет будил в ней дикое желание выплеснуть на подходящую жертву всю скопившуюся за последние дни злость. А еще потому, что Нотхильдис даже не пытался сделать вид, что ему нет дела до ее перебинтованной руки. Наоборот: он с хмурым видом и неподдельным интересом ее рассматривал.

«Я не буду злиться, я просто подожду, пока дверь откроется — и избавлюсь от дурацкой компании».

Лифт замер, гостеприимно разъехались в стороны двери. Марори выскочила в коридор, прибавила шагу, но Нотхильдис в два счета догнал ее, ухватил за плечо и что есть силы развернул на себя, дернул так, чтобы рука в перчатке оказалась перед самым его носом. Марори попыталась вывернуться, но противник был куда сильнее нее, а она — слишком взвинченной, чтобы даже пытаться использовать Плетение. Знала, что просто не сможет контролировать даже малую его толику.

Спектр сорвал перчатку, рванул бинт.

Марори оскалилась, зашипела, когда он обнажил ее изувеченную руку.

Глаза Нотхильдиса сначала почернели, потом стали ядовито-желтыми. Он несколько секунд разглядывал свое «открытие» и все сильнее вдавливал пальцы в плоть. Марори пришлось собрать в кулак все мужество, чтобы не выдать свою боль. Лучше сдохнуть, чем показать этому напыщенному засранцу, этому псу на поводке Серых, что его действия могут хоть как-то ее зацепить.

— То есть все-таки поездка не прошла гладко, да?

— А ты с какой целью интересуешься: сострочить новый донос?

Он придвинулся ближе, почти вплотную, воткнулся в нее злым взглядом.

— Что это такое, дра’морка? Очередное «улучшение»?

— Да.

— И что ты теперь умеешь делать? Выводить из Хаоса легионы своих порождений?

— Да. — Марори надеялась, что ее односложные ответы умерят его пыл и избавят от тяги совать нос в ее дела. Наивно, конечно, но в текущих обстоятельствах она была едва ли не пленницей собственных «талантов». Перед глазами до сих пор стояла его опаленная плоть в том месте, где она вцепилась в нее ладонью. Как бы сильно ей ни хотелось устроить Нотхильдису взбучку, она должна держать себя в руках. Не ради него — ради тех, кто может случайно подвернуться под руку.

— Флоранция, конечно же, все знает. — Спектр не спрашивал — он утверждал. — И снова покрывает тебя вопреки всем законам логики и элементарным соображениям безопасности. Понятия не имею, зачем ей это, но можешь мне поверить — теперь я точно сделаю все, чтобы тебя вышвырнули обратно в твое дра’морское пекло, где тебе самое место.

— Сделай одолжение — поторопись, потому что от общества некоторых эльхов у меня зубы болят.

Кажется, Нотхильдис собирался парировать очередной порцией помоев, но в этот

момент в коридор высыпала толпа студентов, которых сразу привлек их разговор. Девушки стали шушукаться, парни без стеснения обсуждали «дра'морскую козу», которая успела заморочить голову уже второму «слабохарактерному придурку». До последнего ей и дела не было, дра'морский тотализатор сделал ей хорошую прививку от слухов и сплетен. А вот угроза Нотхильдиса, как бы сильно Марори ни старалась делать вид, что ее это не волнует, торчала в ней, словно кость в глотке.

А все потому, что спектр действительно мог — и явно собирался! — осуществить задуманное. Серые, какими бы странными и скрытыми товарищами они ни были, кем бы себя ни возомнили, определенно держали в руках некоторые рычаги давления, если успели просочиться в ряды студентов, не вызывая при этом никаких подозрений. Кроме того, их уровень информирования был еще одним подтверждением хорошо замаскированной сети шпионов, действующей так глубоко, что и вообразить страшно.

Что помешает этим людям надавить на Флоранцию и обеспечить им повод забрать опасную студентку подальше оттуда, где она может причинить физический вред своим однокурсникам? Или и того хуже: с ее молчаливого согласия они могут просто перехватить «взрывоопасную» студентку где-то между аудиториями. Тихо, без лишнего шума и не привлекая внимания, сделать так, что она, Марори, навсегда исчезнет.

От печальных перспектив стало не по себе. Студенты, с их грязными шуточками в их с Нотхильдисом сторону, отступили на задний план. Перед мысленным взором одна за другой проносились картины: сырая камера, наручники, бетонные стены без окон.

— Надеюсь, проблески разума на твоем лице означают, что ты, наконец, начала понимать, какое будущее тебя ждет. — Спектр знал, куда надавить, чтобы разрушить остатки самообладания своей жертвы. Он развернул Марори лицом к студентам, задрал ее руку так высоко, чтобы уродство заметили наверняка.

Марори зажмурилась, загородилась здоровой рукой, когда на нее обрушился шквал вспышек и щелчков камер мобильных телефонов. Фразы «фу», «мразь», «что это за дрянь у нее?!» были самой мягкой приправой ее личного позора.

В груди снова закипело. Обида, злость, страх, позор. Чувства смешались в крутой гремучий коктейль. Бешеные удары сердца остервенело вкачивали кровь в виски, с каждым толчком нагнетая ее личный градус бешенства. Отметку «терпи во что бы то ни стало» смело первой волной, за ней последовали «ты не причинишь боль невиновным» и «я смогу себя пересилить». Все, чего она яростно желала в эту секунду, — превратить их всех в пепел. Окатить жаром собственной ярости, вбирая крики боли и наслаждаясь зрелищем превращающихся в прах мяса и костей.

Нотхильдис выругался, толкнул ее от себя. Марори не удержала равновесия и упала. Словно в горячечном бреду наблюдала за тем, как по руке змеятся огненные вспышки, как часть из них переползает на пол, жадно вгрызается в податливое покрытие. Ноздри наполнил запах горящей синтетики и каких-то химикатов. Парочка девиц взвизгнула, парни бросились тушить пламя. Марори с трудом нашла силы, чтобы отползти к стене, пока ее не затоптали. Она прижимала руку к груди, бормотала бессмысленные считалки, надеясь, что хотя бы это поможет справиться с приступом ярости. Но огонь уже побежал по одежде, в мгновение ока превратил ткань в тлеющее рванье, сквозь которое проступали пульсирующие красные, черные и белые нити сигилы. Кристаллы в коже раздались вширь, набухли, словно локальные сосредоточения ее бешенства.

— Прекрати это немедленно, тварь!

Она не разобрала голоса, лишь сильнее, до боли в позвоночнике, вдавила себя в стену. Происходящее внезапно замедлилось, движения сбивающих огонь рук и ног стали вялыми, будто фильм в замедленном воспроизведении. Кто-то громко матерился, не стесняясь в выражениях, кто-то сбивал огонь с вспыхнувшего, словно спичка, товарища. Визг боли и агонии смешался с вонючими дымом и тихим шелестом опадающих, словно листья, тлеющих клочков занавесок.

Марори подняла голову за секунду до того, как на нее налетела какая-то девица, полоснула наманикюренной пятерней по лицу. Марори почти не почувствовала боли, только с некоторым отвращением отметила липкую влагу, которая потекла по щеке. Девица занесла руку вновь — и исчезла. Только что стояла перед ней — и просто улетела куда-то в сторону.

— Марори, шшшшшш… Дыши, просто дыши.

Она позволила здоровенным ручищам поднять себя, прижать к груди, стойко принимая ползущий по ее телу ненасытный огонь. Знакомый уверенный голос растекся по венам успокоительным теплом. Знакомая рука из черной стали приятно холодила кожу.

— Кул, откуда ты здесь? Ты моя галлюцинация? — Она всхлипнула.

— Ага, — спокойной отозвался он, — пришел напомнить тебе, что оборона «сидя на заднице» — это вообще никуда не годится. И бицепс у тебя ни к черту, Потрошительница. Учи-учи — одни двойки. Не могла справиться с горсткой щенков — что за дела? Будешь у меня со штангой в обнимку спать, а с гантелями в туалет ходить.

Она закивала, смеясь и глотая слезы облегчения.

Эльхи валялись по периметру всего коридора, повизгивая от боли и бессильной злобы. Кул понес ее обратно к лифту, когда их догнал взбешенный голос Нотхильдиса:

— Что, приехал за своей промокашкой, рогатый?

— Погоди, болезный, вот передам ее врачу, а потом оторву тебе руки и ноги. У тебя есть пара минут решить, с какой твоей конечности начать. — Кул вздохнул, как всегда сдержанный и совершенно серьезный. — Марори, у тебя одна кожа и кости, что за фигня? Ты вообще забыла, что такое белки и углеводы и сколько их нужно растущему организму?

Марори выглянула из-за плеча своего защитника: Нотхильдис оказался единственным, кто оказался в состоянии стоять на своих двух. Хотя он заметно покачивался из стороны в сторону, и с его лица обильно стекала кровь. Учитывая размеры кулаков Кула, скорее всего, хватило одного точного попадания, чтобы превратить лицо спектра в квашню. Марори не испытывала жалости и с нарочито злой улыбкой показала своему недругу средний палец. Глупость — ну и что? Зато от нее стало легче на душе, а внутреннее пламя заметно поутихло.

Двери лифта распахнулись — и на Марори с Кулом уставился Ти’аль. Серафим медленно перевел взгляд с ноши демона на него самого, потом снова на Марори, придирчиво изучая ее расцарапанное лицо.

Затянувшееся напряжение заставляло Марори вмешаться и разрядить обстановку. Например, представить их друг другу.

— Кулгард, это — Ти’аль, мой друг. Ти’аль, это — Кулгард, мой однокурсник, Потрошитель Третьего круга академии Дра’Мор и личный мучитель в спортзале.

Секунду оба продолжила молча смотреть друг на друга, а потом Кул ответил:

— Прости, что не могу пожать руку, небеснорожденный, как видишь, немного занят.

— Рад знакомству, проклятокровный. — Ти’аль спокойно и вполне дружелюбно улыбнулся в ответ. — Вижу, ты появился как раз вовремя.

— Навел чутка шороху, — пожал плечищами Кул. — Ее нужно отнести в лазарет.

— Марори, ты покажешь? — Ти'аль оценил беспорядок в коридоре, и впервые за все время их знакомства Марори увидела на его лице настоящее бешенство. Губы серафима сложились в тонкую упрямую нитку, белый туман в глазах стал густым и запульсировал. — Если не возражаете, я проведу… гмм… воспитательную работу и напомню своим однокурсникам о правилах вежливости.

— Ти'аль, я думаю…

— Да, уж лучше ты сам, — перебил реплику Марори Кул. — Потому что я могу и пришибить ненароком, а завтра здесь будет ее брат, а он тот еще бешеный засранец.

— Крэйл Шаэдис, я помню. Мне очень жаль, Марори.

— Я не хотела устраивать все это, — сказала она, чуть не силой заставляя себя смотреть в глаза серафиму. Почему-то именно перед ним ей было невыносимо стыдно за вспышку гнева и его последствия. Пусть и спровоцированную.

— Думаю, тут все заслужили ровно то, на что сами напросились. И, — Ти'аль снова посмотрел на гостя, — добро пожаловать в Эльхайм, координатор. Похоже, нам еще предстоит встретиться в более подходящей для разговора обстановке.

Они поменялись местами: Ти'аль вышел, на прощание подмигнув Марори, а Кулгард вошел внутрь. Поднес свою ношу к панели с кнопками, чтобы она сама нажала нужную.

— Крэйл будет здесь… завтра? — Осознание такой скорой встречи опустилось на голову, словно удар кирпичом. В глазах потемнело, язык приклеился к нёбу, и она с трудом заставляла себя говорить. — Завтра?

— Мар, мы все уже в столице, — с таким видом, будто говорил о чем-то совершенно обыденном, сообщил Кулгард. — И если бы кто-то не отключил телефон, то знал бы это еще позавчера.

В его голосе не было ни осуждения, ни недовольства, но Кул сделал все, чтобы она поняла, как неправа. В самом деле, глупо было швырять телефон, злиться и накручивать себя, даже не дав Крэйлу толком объясниться. В конце концов, это же Крэйл.

— Какая же я дура, — прошептала Марори, с внезапной ясностью понимая, как непростительно глупо вела себя в последние дни. Но что было еще хуже, она прекрасно знала причину своего срыва. Эта причина носила два пистолета и была ее личным банком крови. — Он очень злится?

— Я бы не назвал это злостью, — уклончиво ответил Кул, вышел из лифта и свернул в указанный Марори коридор. — Скорее это что-то среднее между «Я — бешеный» и «Не подходите ко мне и не разговаривайте со мной, если вдруг у вас нет лишних конечностей».

— Ох, Светлые… — Марори с трудом подавила стон обреченности.

— Хочешь знать мое мнение? — Кул дождался ее безмолвного кивка. — Вся эта хрень с тобой, — он выразительно обвел взглядом всю Марори, — точно Крэйла не успокоит. Я сам на тебя без содрогания смотреть не могу. Что у тебя с рукой? Какого лешего эти светлые с тобой тут делали?

— Ничего такого, что я бы не сделала с собой сама, — ответила она. — Долгая история.

Он принес ее в лазарет, передал на поруки медсестрам, но уходить категорически оказался. Со словами «Я — координатор», предоставил отпечатанный на внешней стороне ладони символ в виде черно-белого солнца, чего, к удивлению Марори, оказалось достаточно, чтобы его оставили в покое. Хотя проходящие практику студентки косились на здоровенного демона с нескрываемым страхом, Кул уселся на свободный стул у стены и

молча наблюдал за тем, как над Марори хлопочет сразу несколько медсестер. Они попытались было оценить степень поражения ее изувеченной руки, но Марори быстро отказалась от этой помощи. Пришлось даже сказать, что Магистресса в курсе этой метаморфозы и не считает ее опасной. Потом подключился и Кулгард. Махнул на нее рукой, будто видел такое по десять раз на дню, и, не моргнув глазом, заявил: «Она наполовину проклятокровная, у нас могут и рога на тридцатом году жизни прорезаться, и хвост в старости отрасти. Хорошо, если над задницей, а не на брюхе». Девушки нервно и натужно похихикали над шуткой, но оставили руку в покое.

— Я думаю, мы сможет это убрать уже сейчас, — наконец, вынес вердикт дежурный врач, рассматривая ее лицо, — но сначала надо подготовить кожу, иначе процедура будет болезненной.

Марори не стала противиться, трезво оценив свои силы.

— Сколько это займет времени?

— Вся процедура… плюс лечение — около часа.

— Я согласна.

На лице Кула черным по белому читалось одобрение. Вот уж кто всегда стоял на стороне здравого смысла и реальной оценки своих возможностей. Только увидев старого друга и, без преувеличения, наставника, Марори поняла, как сильно ей не хватало своих товарищей. Прошлое, в котором она их боялась и видела в Потрошителях чокнутых проклятокровных, теперь казалось таким же нереальным, как почти забытый сон.

— Значит, координатор? — спросила она, когда медсестры закончили обрабатывать рану на лице и положили Марори под огромную тусклую лампу. На коже появилось неприятное, но вполне терпимое пощипывание. — Что это за индульгенция у тебя на руке?

Кул повертел кулак, не без брезгливости рассматривая оттиск.

— Ерунда какая-то пафосная, но эльхам, видимо, по вкусу такие штуки. В прошлом году Бал принимал Дра’Мор, мы так и писали: «координатор». И все. Нафиг эти выдумки? — Он поскреб гривастый затылок. — Ты же понимаешь, если темных и светлых столкнуть лбами, то и тех, и других бомбить будет не по-детски. А совместное планирование некоторых моментов никто не отменял. Для решения всяких организационных мелочей — типа, куда и как будут ходить в туалет светлые и темные, чтобы избежать возможного столкновения в подходящих для драк местах. Ну и еще кучу другой фигни. В этом году выбрали меня. — Он определенно не выглядел обрадованным таким внезапным «счастьем». — Я как раз шел на первое общее собрание, чтобы меня там представили команде, которая занимается организацией. Ну и наткнулся на тебя.

Она улыбнулась.

— Я не знаю никого более подходящего на эту роль. И мне приятно осознавать, что у меня будут свои люди среди «верхушки».

— Что у тебя с рукой?

Марори, не покривив душой, выложила все, как есть. Кулгард слушал молча, время от времени сжимая в кулак пальцы стального протеза. И, даже когда она закончила, не спешил продолжать разговор. За это время успела наведаться медсестра, проверить, как идут дела, и нанести новый слой мазей. На этот раз они были неимоверно зловонными.

— Если честно, Мар, с самого начала было понятно, что ты не такая, как все. Не буду корчить из себя умника и говорить, что понял абсолютно все, но кое-что в состоянии додумать даже не шибко умный «качок». Мы все надеялись, что Эльхайм пойдет тебе на

пользу. Особенно Крэйл. А сейчас я смотрю на то, что от тебя осталось, и мне до боли в печенках хочется отмотать время назад, взять тебя за шиворот и стащить с треклятого поезда. Даже не представляю, что будет с Крэйлом, когда он увидит… — Кулгард не стал заканчивать.

— Увидит, каким монстром я стала? Он знает.

— Строго говоря, мы все были в курсе, как у тебя дела, но знать и увидеть своими глазами — сильно разные вещи. Вот сейчас я смотрю на тебя и думаю, что никто не заслуживает такого количества дерьма на свои несчастные пятьдесят килограммов веса, тем более девчонка, которую, кажется, хочет прикончить каждая собака. И не смей думать, что я тебя жалею.

— И в мыслях не было, — не покривив душой, призналась она. — Ты всегда непрошибаем.

— На самом деле я просто не знаю, как сказать, что завидую твоей шикарной когтистой лапе. — Он грубовато хохотнул, но за этой попыткой поддержать и ободрить было столько искренности, что Марори снова не смогла сдержать слез. — Эй, Потрошительница, хватит сопли пускать, — делано рассердился Кулгард. — Лучше расскажи, что еще у тебя за новости.

Она мысленно пожелала себе удачи — и выложила всю правду о Кенне. А когда закончила, Кулгард от всего сердца расхохотался, исступленно лупя себя здоровой рукой по колену.

— Представляю, как обрадуется этому ребенку Крэйл, — утирая слезы от хохота, сказал он. — Еще одна сестричка — то, что нужно нашему парню, чтобы стал образцовым старшим братишкой.

Глава шестнадцатая

Марори придирчиво осмотрела два чехла с платьями, которые только что вытащила из шкафа. На одном красовалась желтая бирка, на другом — темно-серая, лаконичная, но с прекрасным золотым вензелем вместо названия бренда. Марори помнила, что под желтой биркой лежит что-то кремово-воздушное, легкое, как безе, и провокационно открытое. Она до сих пор не могла взять в толк, зачем купила этот наряд: все эти кружева и рюши были совершенно не в ее вкусе. Видимо, сказалась лихорадка, с которой она исступленно моталась по магазинам в день своего первого глобального шоппинга. И какая-то зудящая на задворках сознания мысль, что у каждой девушки в семнадцать лет должно быть платье принцессы. Только она, как ни крути, не принцесса. Скорее уж злой тролль, которому не повезло родиться простокровкой.

Марори отложила «желтую бирку» на спинку кресла, где ею тут же завладела Кенна.

Марори который день ломала голову над тем, как сказать сестре, что на праздник она не пойдет. Причина в ее тайном статусе казалась такой надуманной на фоне остальных, куда более опасных тайн, что это звучало равносильно обману. И, тем не менее, на этом мероприятии Кенна никак не могла присутствовать. Даже если о том, где прячется беглянка, уже давно знала вся Лига. Некоторые коробки с секретами нельзя открывать в толпе, потому что их содержимое может оказаться слишком непонятным и пугающим для окружающих.

Во втором чехле лежало платье цвета хлещущей из вены крови. Узкий корсет, пышная юбка в пол, ручная вышивка. В нем у нее будут закрыты плечи и большая часть ее до неприличия ярко-красной и эбонитово-черной сигилы, а вот вся проклятая рука на виду, но… Разве это имеет значение теперь, когда весь Эльхайм шипит ей в спину, будто именно она виновница всего происходящего, включая рвущееся на куски Мироздание.

Марори приложила платье к груди, отметила его приличный вес — и повернулась к зеркалу.

Да, это то, что нужно. Вот только декольте бы повыше и не такое провокационное. С другой стороны — природа мало что дала ей в том месте, где у нормальной девушки должна быть полноценная грудь, так что даже с таким декольте она будет выглядеть почти… целомудренно.

— Ты будешь в нем самой красивой, — с восторгом прошептала Кенна. Потом прикрыла рот ладонью и потрясла в воздухе приглашением на Бал: витиеватым куском картона, от которого пахло какими-то цветами. — Тут написано: «Обязательное соблюдение дресс-кода: девушки в голубом (допускаются оттенки). Для мужчин обязательно наличие бабочки (галстука) и белой рубашки».

Марори безразлично пожала плечами.

— Я пойду в этом, а если меня не пустят, то буду сидеть в холле и кичиться статусом яркой индивидуалистки. — Решение нарушить придуманное кем-то более чем странное ограничение Марори приняла сразу. Твердо и безоговорочно.

Белые рубашки на дра’морцах и голубые платья на дра’морках? Марори мысленно хохотнула, почему-то вспоминая, как неуютно чувствовал себя Крэйл в форменной рубашке Дра’Мора. Будет интересно посмотреть, как они втолкают себя в эти рамки. Хотя наверняка найдут способ и обязательно такой, чтобы позлить недругов-эльхов.

Ночь перед торжеством Марори почти не спала. Долго сидела перед зеркалом, пытаясь

представить, какой будет встреча с Крэйлом. На фоне мук совести от глупой вспышки гнева и, как следствие, разбитого телефона, перспектива попасть в полный игнор с его стороны казалась самой что ни на есть реальной. Более того — наиболее вероятной. И вряд ли у нее будет много времени, чтобы объяснить свое взвинченное поведение вполне обоснованными причинами. Впрочем, кого она обманывает? Дело было не столько в стычке с Ардеем и внезапно ожившим призраком прошлого, сколько в ее импульсивном поступке с Марроу. Последний, кстати говоря, спокойно принял ее отказ быть ее спутником на вечер. Как и Ти'аль. Еще одно нарушение обязательных условий.

И как итог: мало того, что дра'морская коза заявится, зная, что за пожар ее проклинают даже стены Эльхайма, так еще и в платье другого цвета, и без спутника. И с когтистой лапой напоказ.

Заснула Марори уже под утро, когда сонная Кенна пообещала нагладить ей наряд. Странно, но утром она ни словом не заикнулась о собственном участии, хотя накануне намекала на это и так и эдак. Приснилось ей, что ли, что-то?

Потом был душ, где Марори просидела больше часа, краснея и бледнея, перебирая затребованные Крэйлом кружевные комплекты белья. Ерунда, конечно, будет очень хорошо, если он вообще захочет с ней разговаривать, что уж говорить хотя бы о намеке на возможную близость. Но она решила быть последовательной в своих обещаниях. Пусть все напрасно — она не отступится.

В итоге остановилась на красных атласных трусиках, а после очередной примерки платья внезапно осознала, что от топа придется отказаться из-за треклятого декольте. Оставались еще красные же чулки — самая противоречивая деталь туалета. В них Марори казалась самой себе такой невозможно развратной, что стоило большого труда сдержаться и не зашвырнуть два клочка нейлона с глаз долой. Пришлось надевать их едва ли не с закрытыми глазами, не думая и не анализируя.

Она была готова в половине четвертого — за полчаса до начала мероприятия. Кенна, как это ни странно, помогла ей с прической, уложив волосы в совершенно невероятную корону волн и локонов. Марори не подумала об украшении прически, так что из всех найденных в ее скромном арсенале пригодилась только шпилька с крохотным черным полумесяцем. Остальные украшения были такими же лаконичными: подаренная Потрошителями подвеска и браслет матери Крэйла, который Марори так и оставила на изувеченной руке.

— Ты будешь там самая красивая, — разглядывая ее отражение в зеркале, с восторженным придыханием, сказал Кенна.

— Вот уж вряд ли. — Марори погладила шрам на щеке. — Откуда такие познания в парикмахерском мастерстве?

Сестра пожала плечами:

— Ну надо же мне было чем-то заниматься, пока ты на занятиях. Я быстро учусь тому, что мне по душе.

— Я заметила, — задумчиво отозвалась Марори, припоминая ежедневные успехи Кенны в обращении с Плетением.

Оставались туфли — замшевые «пыточные приспособления» на серебряных шпильках совершенно невозможного размера. Она не стала рисковать и накануне потренировалась ходить в них. Получалось сносно, но с оговоркой на то, что ходить нужно медленно, черепашьим шагом.

— Я никуда не денусь и буду тебя ждать, — сказала Кенна, когда Марори, пожелав себе удачи, шагнула к двери. — И я помню, что должна быть готова. На всякий случай.

За старшего остался Сатис, снова в шакальем обличии. Но на этот раз Марори знала, чем подпитать свое порождение, и держала Кристалл эстрамора заряженным под завязку.

Праздник традиционно устраивали в Башне снов, но после Разрыва и вторжения порождений Хаоса корпус и ближайшие территории до сих пор находились в аварийном состоянии, поэтому, в качестве исключения, Магистресса разрешила использовать Обитель ангелов — хрустальный зал для особо торжественных случаев и визитов Императора. Марори видела его лишь в рекламных проспектах и на фотографиях в учебном корпусе, но даже на снимках Обитель ангелов поражала своим величием и поистине ангельской красотой.

Самым большим испытанием оказалось дойти до места назначения. И не потому, что она едва шевелила ногами в явно не приспособленных для ходьбы туфлях, а из-за сотен отнюдь не дружелюбных взглядов и такого же недружелюбного шепота в спину. Она думала, что сможет абстрагироваться, но в реальности все оказалось куда сложнее. Тяжело быть безразличной, когда тебе желают упасть и сломать шею или высказывают предположения, кто и каким способом отравит дра'морскую козу.

Ожидаемо, охранники из местных старшекурсников не без удовольствия ткнули ее носом в нарушение дресс-кода и пожелали валить со всех ног, пока цела. Наверняка она нашла бы слова, чтобы склонить их к жалости, но не собиралась этого делать. Только пожала плечами и уже собиралась подыскать себе подходящий темный уголок, когда вмешалась Флоранция. В ярко-лимонном платье она выглядела просто сногсшибательно.

— Меня вы тоже не пропустите? — с чисто женским кокетством поинтересовалась она, одновременно подталкивая Марори за ограждение. — Иногда нужно сделать скидку на то, что не всем девушкам идет голубое.

Марори оглянулась, поблагодарила ее улыбкой и скользнула в залитый огнями зал.

Народу было столько, будто по случаю праздника гости в Эльхайм съехались со всех уголков мира. Многие лица в толпе были знакомыми: ее однокурсники, студенты, с которыми она пересеклась на заседаниях исторического клуба и во время своего скромного вклада в организацию праздника. Более чем скромного: Элна не рискнула доверить ей ничего сложнее вырезания гирлянд.

До времени «Ч» — появления дра'морцев — оставалось несколько минут, и Марори посвятила их поискам относительно спокойного угла, хоть в такой толчее это было почти нереально. И все-таки она нашла такой: под сотворенным из Плетения осенним деревом, мерно сбрасывающим с себя листья-бабочки. Она подумала о том, что же на своем приеме, в прошлом году, могли устроить дра'морцы: уж наверняка не бабочек. Куда охотнее верилось в летающие по залу и распевающие похабные песни черепа, фонтаны крови и суккубов в латексе.

Гости заявились вовремя. К их появлению даже зазвучал какой-то пафосный марш, но его тут же заглушил рев тяжелого симфонического металла, который невидимкой шел впереди дра'морцев.

Ох, Светлые и Темные, вот что значит «наплевать на дресс-код». Марори от души разулыбалась, глядя на шагающего впереди Кулгарда, одетого в драные джинсы и наброшенную прямо на голое тело потертую кожаную куртку. В руке он нес белый лоскут. Что это такое, Марори поняла мгновением спустя, когда демон передал его приставучему

охраннику.

— Белая рубашка, как и просили в вашей писульке, — совершенно спокойно ответил Кул.

— А что, надо было надевать? — вынырнул из-за его плеча Ниваль, вручая багровеющему от злости эльху свою рубашку. — Там просто не написано.

Следующим потрясением для местных стало феерическое появление Эашу. Вот уж кто отрывался на всю катушку, хоть наверняка импровизировал. Для пущего эпатажа инкуб нацепил шипастый ошейник и, словно зверька, вел на цепи едва прикрытую узкими кожаными полосками суккубу. При этом он активно использовал свой коронный трюк с материализацией розы и щедро одаривал опешивших небеснорожденных девушек своим вниманием.

«Он неисправим», — с теплой улыбкой подумала Марори за секунду до того, как в толпе Потрошителей мелькнула белобрысая голова.

Сердце так сильно сжалось, что Марори не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть.

Крэйл. Ох, Светлые, какой же он все-таки высокий и крепкий в этих кожаных штанах, тяжелых, нарочно небрежно зашнурованных ботинках и белоснежной гривой отросших ниже плеч волос. Уверенно идет по залу, как будто и не слышит громкого ропота в толпе: «Убийца!»

Марори стало совершенно неуютно в своем углу. Неуютно и неловко. Потому что вот такой она должна была быть: уверенной, сильной, бесстрашной. Ломающей правила и шаблоны. А получилось, что…

Марори позволила себе на секунду оторваться от Крэйла, прикрыть глаза и мысленно сосчитать до трех. Неужели это она пару дней назад, забившись в угол, молча терпела все тумаки, которые щедро сыпались ей на голову? Невероятно, каким недостойным ее статуса дра’морки теперь казался тот поступок.

Когда она открыла глаза, то расстояние между ней и Крэйлом сократилась до десятка шагов. Он, как и остальные, накинул кожаную куртку просто на голое тело, без стеснения — а то и с гордостью! — демонстрируя всем труды своих изматывающих тренировок в спортзале. Марори невольно скользнула взглядом по лицам эльхов: девушки хоть и фукали в тон своим однокурсникам, но их взгляды красноречиво говорили об обратном. Вот одна выскользнула из толпы, перегородила дорогу шанатару, улыбнулась, протянула что-то в маленькой прозрачной коробке…

Элна. Марори не сразу узнала ее, так сильно девушка поработала над своей прической и нарядом. Наверняка на правах координатора от приглашающей стороны пытается загладить выбившееся из планов начало. Что-то говорит, несмотря на то что у Крэйла на лице огромными буквами написано «Скука». И все же он улыбнулся в ответ — и запросто, будто речь шла о чем-то обыденном, снял куртку, развел руки, тем самым продемонстрировав всему залу, что знаменитый кровожадный потрошить явился безоружным, как новорожденный младенец.

Марори поняла, что краснеет, намного позже, чем уши и щеки вспыхнули от стыда. Неровные ритмы сердца заколотили в виски, выколачивая оттуда все напасти минувших дней.

Крэйл поднял взгляд над макушкой Элны — и наконец, заметил Марори.

Несколько бесконечных томительных мгновений они молча смотрели друг на друга, а потом шанатар вежливо, но весьма недвусмысленно передал координатора на поруки Кулу и

твердым шагом двинулся в сторону Марори.

Когда они поравнялись, то в Обители ангелов вряд ли осталась хоть одна пара глаз, которая бы не наблюдала за их встречей. Марори то и дело твердила себе, что должна держать себя в руках, что он, в конце концов, очень зол на нее за глупую выходку, но мысли путались, как будто на сегодняшний вечер она утратила способность понимать саму себя.

— Во-первых, Марори Шаэдис, — без вступления, спокойно и твердо начал Крэйл, — я очень разочарован.

Она зачем-то кивнула, сглотнула. Конечно, он разочарован.

— Разочарован тем, что твой способ загладить свою вину такой… — Он выразительно погладил взглядом кожу в ее декольте… — такой скромный.

— Я как раз раздумывала, а не сменить ли платье на то, где вырез до пупка, но пока я дойду до комнаты и вернусь, тут закончится все веселье. — Она попыталась засмеяться, но быстро, пока окончательно не опозорилась, спрятала неудавшуюся попытку отшутиться еще более неудавшейся попыткой откашляться.

— Во-вторых, — не обращая внимания на ее оправдания, продолжил Крэйл, — с какого перепугу ты торчишь в углу, как будто несчастная овечка?

Он жестко ухватил ее за подбородок, заставил посмотреть ему в глаза.

Какие же они у него все-таки невероятные: расплавленная сверкающая ртуть, не иначе.

Марори сглотнула, только сейчас, в эту саму секунду, четко осознавая, как же сильно успела по нему соскучиться. Как будто они расстались не пару месяцев — а целую вечность назад.

— От тебя глаз не оторвать, Марори Шаэдис, — смягчился он, опустил ладонь на шею, по пути нарочито медленно погладив ее губы подушечкой большого пальца. — И мне будет приятно, если все, а не только очень-очень недовольный твоим поведением я, будут видеть, какая ты невероятная. Хотя, — он все же нахмурился, — я надеялся, что Кул преувеличил, рассказывая о твоей худобе.

Она попыталась ответить, но слова застряли в горле. Пришлось пожать плечами, виновато улыбнуться и, пересилив страх нарваться на отказ, положить руку ему на запястье. Крэйл подвинулся так близко, что теперь она чувствовала тепло его тела.

— И в-третьих, — последнее он сказал шепотом, куда-то ей в макушку, — надеюсь, ты собрала свои вещи, потому что я намерен забрать тебя из этого клоповника сегодня же. Даже если будешь сопротивляться, но лучше бы мы решили это, не привлекая лишнего внимания.

— Сложила, и… В общем, со мной будет еще один человек, и я…

— Кулгард все мне рассказал, — не дал закончить он, — и я как раз планировал рассказать, как я зол из-за твоей неосторожности, но передумал. Хотя, учти, — чтобы посмотреть ей в глаза, Крэйлу пришлось наклониться, — я все равно очень недоволен.

— Я старалась, чтобы градус моих необдуманных поступков был максимально низким.

— Ой ли?

— Я старалась, — упрямо повторила она.

Кажется, на этот раз Крэйл остался доволен ее реакцией. Иначе откуда этот озорной блеск в глазах, эта плохо скрываемая в уголках рта улыбка?

— Мне загибать пальцы дальше? — осмелевшая тем, что разговор перестал быть серьезным, рискнула спросить Марори.

— Боюсь, Марори Шаэдис, у тебя не хватит пальцев, чтобы «загнуть» все свои ошибки, — делано посокрушался он, одновременно продолжая поглаживать ее шею и

подбородок. Обычный жест, но настолько чувственный, что Марори сразу стало ясно — Эльхайм еще долго будет смаковать подробности пикантной сцены встречи «брата и сестры».

Он явно собирался сказать еще что-то, но их уединение разрушило нарочито громкое недовольное покашливание.

— Эй, цыпочка, а со мной не хочешь поздороваться? — Инкуб скрестил руки на голой груди, хмурый и недовольный, словно за эту пару минут успел переругаться с каждым эльхом в зале. Впрочем, с его ужимками, Марори не удивилась бы и этому.

— Привет, Эашу, — улыбнулась она и потянулась для поцелуя в щеку, но Крэйлу хватило одного движения, чтобы отодвинуть ее обратно.

Инкуб сначала надулся, а потом вскинулся и втиснулся между ними. Ему даже удалось схватить Марори за плечо, и он почти реализовал поцелуй, но на этот раз терпение изменило Кэйлу.

— Займись кем-нибудь другим, — предложил он товарищу, — пока я не забыл, что мы вроде как друзья.

— Эй, я всего лишь хотел почувствовать вот это, — змеиные зрачки инкуба стали совсем тонкими, словно ниточки, — сладкий знакомый аромат ее невинности. Моя цыпочка просто великолепна. Черт, я просто…

— Ты просто поворачиваешься на сто восемьдесят градусов и идешь потрошить местных студенток, — закончил за него Крэйл. И закончил так, что Марори не рискнула бы перечить его словам. — Мы это обсудили. Или у меня с памятью что-то?

Эашу не пытался скрыть недовольство и, кажется, даже послал Крэйла куда подальше. Но с горизонта все-таки исчез.

— Что вы обсудили? — поинтересовалась Марори, лихорадочно соображая, куда деть стыд от странного волнующего тепла в груди, когда ноздрей коснулся знакомый аромат: гремучая смесь силы, уверенности и безопасности. Именно так пах Крэйл: всем тем, что делало сильнее и смелее ее саму.

— А вот это, Марори Шаэдис, совершенно точно не твое дело, — отсек дальнейшие попытки развить тему Крэйл. А потом, недвусмысленно разглядывая ее губы, понизив голос до соблазнительного шепота, прибавил: — Я соскучился, Кусака. Это платье — просто какая-то беспощадная провокация, ты знаешь?

— Я знаю, что это платье спасло меня от нагоняя от братца Крэйла, — шепотом ответила она. — Уже за одно это я, пожалуй, отведу ему почетное место в гардеробе.

Она не сразу сообразила, что пальцы второй ладони он сплел с пальцами ее изувеченной руки, попыталась вырваться, но его хватка была железной.

— Это уродство, можешь ничего не говорить, — сказала она, чувствуя, как искра момента тухнет и отнюдь не мягко швыряет ее о грешную землю. — Ума не приложу, что у меня отрастет в следующий раз, но очень надеюсь, что не еще одна голова или рука.

— Ты же понимаешь, что несешь сейчас чушь и снова испытываешь мое терпение? — уточнил он. — Потому что если нет, то мы оба сильно поспешили расписаться под твоим помилованием.

Она отлично помнила эту интонацию. Он только делала вид, что спрашивает, на самом деле ожидая услышать единственный возможный ответ, который его устроит.

Марори благоразумно предпочла смолчать, но изо всех сил сплела его пальцы со своими.

— Ты знаешь, что на нас все смотрят? — сказала совсем тихо, лишь бы чем-нибудь разбавить эту ужасную неловкость между ними.

— Мне все равно, — безразлично ответил он, уверенно обнял за талию, потянул на себя. — Я старался держать себя в руках, Кусака, но ты просто какой-то бесконечный соблазн. Заноза в моей голове.

Не скрывая своих намерений, он притянул ее для поцелуя.

— Они же думают, что мы брат и сестра… — Последние слова она не сказала — просто выдохнула, подавленная чувствительностью момента. — Мы и так, наверное…

— Кусака…

— Что?

— Просто. — Он переместил ладонь с талии ей под подмышку, бессовестно скользнул по линии груди. — Больше. — Ладонь легла на лопатки, прижала Марори так тесно, что она невольно со стоном выдохнула. — Ни слова.

Поцелуй разорвал ее реальность на «до» и «после», окончательно разрушил ее попытки выглядеть спокойной и уверенной, держать в руках рвущиеся наружу эмоции.

Их третий поцелуй.

Самый жадный.

Самый голодный.

Как будто они и в самом деле были одним целым, как две половинки магнита, которые, оказавшись рядом, просто не хотят существовать отдельно друг от друга. Не могут противиться естественному притяжению.

— Проклятье… — почти простонал он, неосторожно царапнул клыками нежную кожу ее нижней губы. Алчно слизал проступившую крохотную капельку крови — и его взгляд полыхнул алым. — Ты меня с ума сводишь.

Она хотела обнять его, прижаться так сильно, чтобы самой себе раз и навсегда доказать — им нельзя существовать далеко друг от друга. Запрещено Вселенной. Но упоительная слабость внезапной чувственной ласки поставила крест на ее попытках.

— Я соскучилась, — прошептала Марори в ответ. — Я сделала столько глупостей.

Он не дал ей закончить: настойчиво разомкнул ее губы своими губами, чтобы через секунду окончательно и бесповоротно свести с ума. Шарик «штанги» в его языке стал чем-то вроде трофея, который он то предлагал, поддразнивая ее, то забирал, вынуждая Марори едва ли не хныкать.

Из них двоих у Крэйла определенно было куда больше выдержки. Потому что именно он нашел силы прервать поцелуй и совсем по-мальчишески, озорно, показать ей язык.

— Ты просто мысли мои читаешь, — выдохнула она, радуясь, что его объятия не дают ей упасть. — Красная «штанга»? Эта третья по счету.

— Я знал, что ты оценишь, — плотоядно усмехнулся он. — Предвкушаю твою реакцию на другие вещи, которые я могу ею с тобой сделать.

Об «этих вещах» Марори пару раз довелось слышать.

И она совершенно точно собиралась сгореть от стыда, если бы не окативший льдом взгляд Марроу. Эрэлим стоял за спиной Крэйла и явно собирался «поздороваться».

К груди подступила паника. Марори малодушно подумала, что, пожалуй, очень переоценила свои силы, решив обо всем без утайки рассказать Крэйлу.

Она продолжала верить, что эрэлим передумает вступать в разговор, даже когда он подошел к Крэйлу, помедлил — и протянул руку для рукопожатия. Шанатар пожал ладонь,

кивнул в ответ на его «Привет, проклятокровный».

И не посвященный в подробности запутанных отношений их треугольника сразу бы понял красноречиво затянувшуюся паузу. Просто потому, что ее нельзя было истолковать иначе.

— Хорошо выглядишь, нильфешни, — сказал Марроу — и его взгляд стал необычно грустным, как будто он вдруг понял что-то очевидное, что давно понимали и видели все вокруг. — Надеюсь, у тебя нет очереди на год вперед, чтобы записаться на танец.

— Список почти чист, — улыбнулась она в ответ, взглядом благодаря его… за все.

— Еще увидимся. — Марроу отсалютовал им и почти мгновенно затерялся в толпе.

Зал, наконец, вышел из оцепенения: откуда-то из-под потолка полилась энергичная танцевальная музыка, между гостями появились вышколенные официанты, предлагая разве что не разлитую по бокалам амброзию. Дра'морцы и эльхи перемешались между собой, словно просо и гречка из старой сказки, и на первый взгляд все казалось таким… настоящим.

Марори прижалась плечом к Крэйлу, наслаждаясь ощущением полной безопасности. Она честно старалась быть сильной все это время, держалась так, чтобы не быть стыдно перед самой собой. Но рядом с Крэйлом хотелось снова стать простой семнадцатилетней девчонкой, которая на седьмом небе от счастья. Что такое все эти увечья, синяки и царапины, когда он вот так крепко держит ее за руку? Всего лишь шишки, которые она набила по пути к этой встрече.

— Потанцуешь со мной? — Ниваль галантно откланялся, чем тут же привлек внимание стоящих неподалеку небеснорожденных. Парочка тут же принялась яростно шушукаться.

Марори согласилась, тем более, что потанцевать в самом деле хотелось, а Крэйл явно не был к этому расположен. Отпустив ее, он перехватил в толпе Кулгарда и о чем-то с ним заговорил. Интуиция подсказывала, что эти разговоры так или иначе касаются запланированного на сегодня побега.

— Шикарно выглядишь, — похвалил ее Ниваль, ведя в танце с легкостью настоящего мастера.

Он заметно уступал остальным в росте и физической силе, но был невероятно ловок, в чем она воочию успела убедиться. Ловок не только во владении оружием, но и в танцах. Марори охотно положилась на его умение вести и позволила музыке наполнить ее с ног до головы. Хотя бы сейчас, но она заслужила минуты полного расслабления. И выпить их нужно до дна, потому что побег из Эльхайма совершенно точно не будет безболезненным. О том, что будет потом, Марори старалась вообще не думать.

— Даган передавал привет и сказал, что ждет не дождется, когда вернется его любимый напарник по «Башне террора».

— Боюсь, что растеряла все свои навыки за бесконечной беготней в последнее время.

— Да ну, брось, — он сделал изящный поворот, чтобы уберечь их от танцующей парочки, которая была слишком увлечена спором, чтобы смотреть по сторонам. — Мне вообще кажется, что сейчас ты стала именно тем, кем должна быть: настоящая проклятокровная, но еще и с талантами Светлых. Это вообще какой-то лютый манчкинизм, ты в курсе?

Марори от души рассмеялась и поцелуем в щеку поблагодарила его за удачную попытку выставить ее мутации в выгодном свете.

— А ну брысь отсюда, — Эашу призмеился, словно из-под земли, перехватил руку

Марори и, не дожидаясь согласия гаста, увел ее в танце. — Темные, я не верю, что это роскошная красотка — моя скромная цыпочка!

Марори покачала головой, со смущенной улыбкой приняла комплимент.

— Не обращай внимания на Крэйла, он просто бесится, что я был у тебя первым, — прошептал он ей на ухо, нисколько не смущаясь того, что его рука совсем не по-дружески поглаживает спину партнерши. — Я имею в виду Голод. Потому что все остальное у нас еще впереди.

— Эашу… — Она хотела сказать что-то красноречивое, доходчивое, но передумала, нарвавшись на недвусмысленный взгляд инкуба. Ему не нужен был ответ, и не было нужно понимание. Они оба и так все знали. Но этот обмен фразами был сродни игре в поддавки. Игре, где не будет победителей и проигравших.

— А что у тебя под этим расчудесным платьем, красавица моя? — Эашу попытался опустить руку ниже, но одного взгляда Марори хватило, чтобы он оставил свои попытки. Правда, инкуб сделал все, чтобы она увидела всю глубину его разочарования. — Надеюсь, что-то воздушное, с кружевами и соблазнительно-белоснежное?

— Ты просто невозможен, — беззлобно пожурила она.

— Я в своей стихии, цыпочка, и не собираюсь проигрывать какому-то там шанатару. Я, знаешь ли, тоже парень с перспективами.

— Твои перспективы сейчас сжигают меня взглядами. Уверен, что успел подобрать все «хвосты», прежде чем подкатывать к девушке своего друга?

— Сестре своего друга, — отмахнулся он. — А все эти взгляды — просто попкорн, который я жую в ожидании настоящего десерта.

— Боюсь спросить, как именно ты их жуешь, — подхватив его игривое настроение, поддела она. — А то мне кажется, что та суккуба чем-то очень недовольна, рассматривая нас. Ты уделяешь ей мало внимания?

— То есть на меня снизошла благодать Темных, и моя сладко-невинная вампирочка сама попросила посвятить ее в курс моих сексуальных пристрастий?

— Вот уж уволь!

— Ты даже не даешь мне шанса, — разочарованно фыркнул он.

Марори позволила ему закончить танец, надеясь, наконец, присесть и дать отдых уставшим ногам, но инкуб передал ее в руки Ти’алю, который, как она узнала чуть позже, оказался рядом совсем не по воле случая. Несмотря на свое стальное тело, серафим был единственным небеснорожденным в зале, которому так невообразимо шла белоснежная рубашка, стильный галстук и костюм. Он как будто был создан чтобы носить все это.

— Я знаю, что ты устала, Марори, но нам необходимо поговорить, — сказал он, извиняясь.

К счастью, музыка так быстро сменяла друг друга, что танцующие почти не обращали внимания на ритми танцевали, что и как кому вздумается. Они с Ти’алем были не единственной парой, танцующей медленно под совершенно убийственный транс.

— Что-то случилось? — насторожилась Марори. Хорошее настроение мигом застыло и упало на дно желудка неприятным предчувствием. Неужели хотя бы сегодня, хотя бы этот час все не может быть спокойно и хорошо?

— Ничего, кроме того, что я должен ввести тебя в курс плана побега.

— Плана побега?

Она очень надеялась, что выглядит не как окончательная наивная дурочка, которая не

увидела того, что творилось под самым носом. Или это просто попытка вывести ее на откровенный разговор? Но ведь Ти'аль… Он был последним эльхом на всем белом свете, которого Марори заподозрила бы в подлости. Впрочем, однажды она уже обожглась и, похоже, слишком быстро забыла этот жизненный урок.

Ти'алю пришлось взять инициативу в свои руки. Он дал ей минуту, чтобы прийти в себя, переварить услышанное, — и продолжил.

— У тебя на все про все будет ровно двадцать минут. И очень желательно не выходить из графика.

— И давно вы сговорились?

— Это не имеет значения, Марори. Куда важнее то, почему парочка дра'морцев и парочка эльхов наплевали на сотни лет вражды и без проволочек и взаимных обид состряпали вполне жизнеспособный план похищения одного ходячего стихийного бедствия. — Его несгибаемая уверенность была как всегда обезоруживающей в своей простоте. — Я не знаю, какое проклятие ты в себе носишь, но вижу как минимум одно, которое явно придется не по душе любителям натравить нас друг на друга: ты каким-то непостижимым для всех нас образом заставила забыть про обиды, злость и кровную месть — и работать в команде. Я не распишусь за остальных, но мне это сотрудничество показалось интересным и плодотворным. И надеюсь, у нас будет шанс повторить его в будущем.

Марори сглотнула, не в силах подобрать слова в ответ.

— Разве не ты говорила, что проклятокровные и небеснорожденные — совершенно одинаковые?

— Я не думала, что моя болтовня произведет такой эффект. — Она силилась сказать, как благодарна ему, благодарна всем им, но все равно не смогла. Просто глупо улыбалась в ответ на его обезоруживающую улыбку.

— Мне нравится твое красноречивое молчание.

— Я в самом деле не знаю, что сказать.

— Надеюсь, когда будешь в безопасности, у тебя найдется время, чтобы написать благодарственную оду за все наши жертвы. — Последнее было произнесено с нарочитым пафосом.

— Кто еще? Кто еще из эльхов знает и принимает участие?

Ти'аль вопросительно вскинул бровь — и этот жест все расставил по своим местам.

Ну конечно, как она сразу не догадалась.

— Марроу.

— Это его идея и его план. Честно говоря, я был уверен, что Крэйл Шаэдис даже разговаривать с ним не захочет, но, как видишь, они нашли общий язык. И даже знаю, на почве любви к кому.

— Лучше не начинай, — взмолилась она. — Я, кажется, оправилась от шока и готова вникнуть во все подробности.

Глава семнадцатая

План был прост до безобразия.

И это почему-то волновало Марори больше всего.

Несколько простых шагов: дождаться начала основной части мероприятия, которая включала в себя какие-то странные (по мнению Марори) конкурсы и начало голосования за Короля и Королеву Бала; а потом, воспользовавшись общим ажиотажем, улизнуть из зала. Вернуться в комнату, переодеться, взять Кенну и вместе с ней встретиться с Марроу в оговоренном месте. Эрэлим должен был подготовить несколько заряженных Кристаллов, сформировать портал и переправить ее за пределы Эльхайма, где их с Кенной подхватят Крэйл и Кулгард.

Главная сложность состояла в том, как обмануть охранные сигилы Эльхайма. После нескольких Разрывов в Плетении и в целях общей безопасности Флоранция распорядилась сплести максимально плотную защиту. В последнее время даже на занятиях по обращению с Плетением и Материей студенты частенько жаловались на то, что почти (не понял. Здесь пропущена частица НЕ? То есть: что почти не в состоянии?) в состоянии совершать простейшие манипуляции. Открывать порталы на территории учебного заведения и раньше было довольно рискованно: Магистресса строго наказывала за любые попытки нарушить целостность Плетения. Теперь же эта задача становилась почти невыполнимой.

Ти'аль сказал, что они все продумали и подготовили. Правда, он так и не ответил на ее вопрос: а что будет с ними, кода вскроется и побег, и его подробности.

Ускользнуть из зала оказалось проще простого. Они с Крэйлом обменялись понимающими взглядами и разошлись в разные концы зала. Вместе с шанатаром исчезла и часть уверенности в том, что побег пройдет без сучка без задоринки. Но она быстро справилась с собой: сегодня ей придется быть в ответе не только за себя, но и за Кенну, которая во всем этом плане была вторым неизвестным компонентом. В Кероне она смогла взять себя в руки, но что будет, если сегодня что-то пойдет не по плану и придется импровизировать?

Кроме группы эльхов, явно чужих на этом празднике жизни (краем уха Марори услышала, как они рьяно обсуждали какие-то космологические теории), в коридоре было пусто. Она скинула туфли, подобрала юбку и так быстро, как могла, добралась до лифта.

Двери открылись, Марори шагнула внутрь, потянулась к кнопке, но негромкий окрик заставил ее одернуть руку.

— Тоже решила сбежать? — Флоранция грациозно скользнула внутрь кабинки, с понимающей улыбкой кивнула на туфли в руке Марори. — Я мечтаю о том же весь вечер, но, увы мне, времена, когда я была юной и могла позволить себе подобные вольности без риска показаться вульгарной, прошли так давно, что и говорить неловко. Вниз?

Не дожидаясь ответа, она нажала кнопку.

Марори про себя досчитала до пяти, мысленно выдохнула и изо всех сил постаралась выглядеть беззаботной. Интересно, что думает Флоранция? Почему уходит в самый разгар веселья — именно тогда, когда должна подавлять своим авторитетом любую попытку устроить потасовку?

— Как тебе праздник?

— Очень хорошо организовано. — Марори представила себя со стороны, мысленно

простонала от разочарования в собственных актерских талантах и предприняла неловкую попытку исправиться. — Никогда бы не подумала, что такое грандиозное событие можно организовать настолько безупречно. И без участия специально обученных людей.

— Если бы тебя слышала Элна, то наверняка бы поспорила насчет ее статуса «необученного человека». — Магистресса позволила себе минутку несерьезности, изобразила страшную гримасу и похихикала в кулак. — Старосты проделали колоссальную работу, и все это целиком их заслуга. Хотя, подозреваю, они не гнушались шантажа, чтобы привлечь ленивых студентов к этому мероприятию.

— Вы недалеки от истины, — откликнулась Марори. Почему так? Почему она так нервничает, что едва способна поддерживать обычную беседу?

— Я несколько раз была близка к тому, чтобы отменить праздник, — погрустнела Флоранция, пристально изучая ряд поочередно мигающих кнопок. — То, что творится вокруг, вся эта вакханалия… Праздники кажутся просто кощунством, пляской на костях тех, кто стоит на страже наших жизней там, где ткань Мироздания особенно тонка. Но, глядя, как они стараются, я просто не нашла моральных сил сказать «нет». И, хвала Светлым, вижу, что приняла правильное решение.

— Нам всем нужна надежда даже в самые темные времена.

— Для некоторых это особенно актуально, ведь так? — Флоранция погладила ее по плечу с какой-то почти материнской теплотой. — Надеюсь, у тебя останутся и приятные воспоминания о тех временах, которые ты провела в Эльхайме, нильфешни. Мне бы не хотелось, чтобы у тебя не осталось совсем ничего.

Марори даже не поняла, почему услышала в невинной на первый взгляд фразе какое-то зловещее предупреждение. Она просто бросилась прочь, в узкую щель только-только начавших открываться дверей. Ноги путались в проклятом платье, но ей удалось выбраться наружу — и угодить прямиком в капкан крепких рук. Она и пикнуть не успела, как ее пленитель свел заклинание, от которого ее тело словно опустили в расплавленный лед: каждая мышца натянулась до предела, беззвучно затрещали кости, сердце в считаные мгновения замедлило свой бег.

— Будешь дергаться — я сломаю тебе ноги, — прямо в ухо Марори прошептал Ардей. — Поверь, мне ты сгодишься и безногой.

— Можно делать это не в моем присутствии? — раздраженно попросила Флоранция. Марори услышала стук каблуков по каменным плитам, потом из темноты выплыло лицо Магистрессы. Сейчас на нем не было ни сочувствия, ни понимания. Одно только странное любопытство, как будто она впервые видела свою самую странную студентку. — Надеюсь, ты достаточно благоразумна, чтобы не испытывать его терпение? Каждая ваша встреча стоила ему разбитого вдребезги самолюбия.

— Хватит болтать, — осадил ее Ардей. — Помоги мне.

Марори окончательно утратила способность видеть, но по-прежнему хорошо слышала и чувствовала происходящее. Ардей грубо взвалил ее на спину, из-за чего Марори сильно стукнулась носом. Судя по влажному липкому теплу, которое растеклось по лбу, удар был довольно крепкий, хоть боли она совсем не почувствовала.

Ее куда-то несли. Достаточно быстро и тайно: Марори слышала, как Флоранция прошептала слова заклинания, которое использовали для создания из Плетения невидимого кокона. Заклинание, которое самой Марори так и не удалось постичь.

Темные и Светлые, неужели это повторяется снова?!

Хотелось кричать, выть, колотить себя по голове до тех пор, пока там на всю жизнь не осядет ее личная аксиома: никому нельзя верить. Никогда. Ни за что.

Но… Флоранция? И Ардей? Этот тандем казался таким же невозможным, как и северное сияние на экваторе. Разве не она говорила, что Марори нужно спрятать от Лиги? Разве не Флоранция с самого начала была на ее стороне, поддерживала Магистра Дамиана, даже когда тот в одиночку сражался с членами Тайного совета за право нильфешни оставаться одной из его студенток?

Но чем дальше они удалялись, тем спокойнее и хладнокровнее становилась Марори. Странная и не до конца понятная ей самой реакция была, тем не менее, тем самым спасательным кругом, в котором так нуждалась ее истерзанная сомнениями душа. Она сможет спастись, обязательно сможет. Но лишь освободив свой разум от эмоций. Если бы только не проклятый паралич!

Они шли довольно долго. От висения вниз головой у Марори начало грохотать в висках, а в районе поясницы появилась тупая ноющая боль.

Потом был знакомый пряный аромат цветов, шуршание ковра под подошвами чужой обуви. И легкий, быстро узнаваемый шорох открытой двери.

Кабинет Магистрессы.

Не слишком церемонясь, Ардей бросил свою ношу на диван. Именно бросил, со всего размаху — затылком на подлокотник. Марори зажмурилась от боли, беззвучно завыла.

— Неужели нельзя поосторожнее? — зашипела на своего напарника Флоранция. — Хочешь, чтобы она мне тут все кровью залила?

— Теперь это уже не имеет значения, — ответил он. Размял затекшие плечи, что-то пробормотал сквозь зубы. — Надеюсь, ты все приготовила, как договаривались?

— Я давала повод сомневаться, что выполню возложенные на меня обязанности?

— Ты пустила сюда дра’морцев. — Судя по звенящим интонациям в голосе, Ардей был на пределе. — Ты разрешила проклятому Шаэдису приблизиться к ней!

— А что мне оставалось делать? Подать Дамиану в качестве причин отказа твою личную волю?

Дознаватель тяжело опустился в кресло, вытянул правую ногу и остервенело принялся массировать колено. Он так старался, что покраснел от натуги, засопел. Марори не без гадливости увидела влажные пятна слюны в уголках его рта. Именно в этот момент дознаватель увидел ее интерес. Его взгляд был неистовым, бешеным, лишенным всего, что могло бы вселить надежду на то, что в нем осталась еще хоть капля сострадания.

— Ты видела это? — Обращаясь в Флоранции, он указал пальцем на лицо пленницы. — Если бы она могла пошевелить хоть пальцем — то откусила бы руки тебе и мне. А потом принесла бы их Шаэдисам на блюде. Я с самого начала знал, что этой химере не место среди людей, ее создали не для того, чтобы она думала, будто имеет какое-то предназначение. Милс был слабаком, который выпустил джина из бутылки.

— И поплатился за это. — Флоранция снисходительно выдохнула, присела перед Марори на корточки. Так же, как и Ардей, она больше не излучала ничего живого. Один только холодный расчет и уверенность в том, что служит высшей цели. И суть этой цели понемногу начала раскрываться перед Марори, словно тайнопись. — Ну, и как оно, загрызть человека, который вдохнул в тебя жизнь и дал имя?

Марори зажмурилась так сильно, что веки обдало обжигающей колючей болью. Нужно срочно придумать способ освободиться, пока эти двое не начали сводить ее с ума своими

безумными выдумками.

— Она ничего не помнит, — сказал Ардей.

— Правда? — Флоранция прищелкнула языком. — А мне кажется, что нильфешни играет в прятки сама с собой. Некоторые вещи невозможно забыть: первую любовь, первый поцелуй, первое убийство.

«Замолчи! Закрой свой поганый рот!»

— Гляди-ка, — дознаватель присел рядом, схватил Марори за плечо и тряхнул, — химера начала злиться. Не уверен, что разумно злить ее сейчас.

— Ты — и вдруг боишься?

— Предосторожность никогда не будет лишней. — Ардей не поддался на провокацию, поднялся, охнул, припадая на одну ногу. Колено определенно было его личной червоточиной, и Марори приказала себе взять это на заметку. — Она слишком долго от нас бегала, чтобы я продолжал видеть в ней только сопливую девчонку. Теперь мы оба знаем, на что она способна. И именно потому, что бедняга Милс не отнесся серьезно к моим предостережениям, он сейчас в могиле, а я здесь — держу за рога наш личный пропуск в лучший мир.

— Тогда поспеши, пока ее отсутствие не обнаружили.

— Я стараюсь изо всех сил, но даже здесь защита слишком сильная.

— Я забочусь о безопасности моих студентов. И страхую себя от ошибок, которые раз за разом делают твои ищейки.

— Не ошибается тот, кто ничего не делает.

— Знаешь, вряд ли бы эти слова успокоили взбешенных родителей, чьих детей по твоей милости затащило в Хаос. Мы договаривались, что ты заберешь только ее, а я и три тысячи студентов едва не остались без крыши над головой.

— Хватит! — зло прикрикнул на собеседницу дознаватель. — Помоги мне. Он придет с минуты на минуту.

На какое-то время они оставили ее в покое. Марори не слышала голосов, только редкое перешептывание и бормотание, в котором, как ни старайся, не разобрать ни слова.

Марори сосредоточилась, попыталась пошевелить руками или ногами. Ничего. Плетение было слишком сильным, чтобы она могла ему противиться. Она пыталась снова и снова, пока, наконец, не почувствовала легкое покалывание в кончиках пальцев. Значит, надежда еще есть!

Одновременно с попытками найти брешь в тщательно сплетенном волшебстве, Марори переваривала все услышанное, старательно обходя фразу про отца. Чутье подсказывало, что сейчас лучше не заходить на опасную территорию забытого прошлого, потому что, скорее всего, она уже не сможет повернуть обратно.

Во-первых, Флоранция сказала, что ее отсутствие могут заметить. Крэйл и Кул уже должны находиться где-то на полпути к выходу из Эльхайма, Марроу ждать в мастерской. Но никто из них совершенно точно не стал бы искать ее в зале. Значит, ни Флоранция, ни Ардей не знают о плане побега. Марори пока не знала, как это можно использовать, но радовало хотя бы то, что ни дра’морцам, ни Марроу с Ти’алем ничего не угрожает.

Во-вторых, даже тех немногих крупиц было достаточно, чтобы понять, за какую оплошность Флоранция отчитывала своего напарника, словно мальчишку.

И в-третьих — надо тянуть время. Надо заставить их отвлечься. Возможно, ей хватит нескольких минут, чтобы разорвать волшебство и избавиться от уз паралича.

Марори поворочала языком, с радостью осознавая, что к ней возвращается способность говорить.

— Это были вы, Флоранция? — Собственный голос прозвучал скомканно, невнятно, но Марори не собиралась сдаваться. — Сказали дознавателю, где нас искать? Вы, а не Нотхильдис?

На мгновение в кабинете воцарилась полная тишина, за которой последовал мелодичный беззлобный смех Флоранции и целая цепочка проклятий на голову «химеры». Марори мысленно ликовала: что ж, она их подцепила, сделала половину дела. Теперь главное — удержать. Хотя, нет, главное — удержаться самой. Удержаться подальше от опасной грани, где ее выдуманное настоящее уступит реальному прошлому.

— Кто-то уверял меня, что химера не справится с его волшебством, — обратилась к своему напарнику Флоранция.

— С этой дрянью никогда нельзя быть уверенным наверняка. Я могу…

— Нет, уже не можешь, — осадила его Флоранция. — Не теперь, когда круг почти готов. Или хочешь отправиться из Эльхайма по частям? Не скажу, что это порадует меня, но и рыдать не стану.

— Ее надо обездвижить.

— Теперь это уже не имеет значения. Минута-другая ничего не решают.

Флоранция наклонилась над Марори, обдав ее ароматом сладкого парфюма, выудила из волос тонкую, как игла, шпильку, украшенную заточенным железным наконечником. Мгновение — и игла вонзилась ей в руку.

Никогда в жизни Марори не случалось проходить такое жесткое испытание мужества. Потому что на одной чаше весов была боль, которую она должна была пересилить, чтобы сохранить единственный шанс на освобождение, а с другой — слабость простой девчонки.

Она так и не поняла, как ей удалось сохранить каменное лицо. Просто как будто отключилась от реального мира, в котором шпилька глубоко вошла в ее плоть. На долю секунды в груди стало тесно от подавленного крика, но в остальном она ничем себя не выдала. И спокойное довольное лицо Флоранции было лучшим подтверждением тому, что этот экзамен на стойкость Марори сдала на «отлично».

— Она все еще парализована, Ардей, но я бы рекомендовала тебе пересмотреть свои схемы, потому что твое обращение с Плетением — настоящая халтура.

— Я, знаешь ли, самоучка, в отличие от твоих натасканных собачек.

— Мои натасканные собачки — твоя будущая армия. И если ты не хочешь лишиться ее и генерала, то лучше держи рот на замке. — Изящным движением Флоранция вернула шпильку в волосы, опустилась в кресло напротив — так, чтобы им с Марори было хорошо видно друг друга. — Да, Нотхильдис ничего никому не говорил, и то, что вы сразу подумали на этого бедного мальчика, было настоящим подарком судьбы, — без тени сожаления, с подчеркнутым триумфом созналась она. — Честно говоря, я была уверена, что ты догадаешься. Как-никак, тебя натаскивал сам Вандрик Шаэдис, а у этого прохвоста отменный нюх на западни.

— Ты еще ему комплимент сделай, — прошипел откуда-то со стороны дознаватель.

— Мне кажется, или тебе есть чем заняться, вместо того чтобы подслушивать болтающих по душам девочек? — Сказано это было с мягким укором, но так властно, что Марори сразу стало ясно, кто в этом тандеме исполняет главную партию.

— И вы не остановили Марроу, когда он избил своего друга?

— Да это был просто праздник! — Флоранция всплеснула руками. — Эта троица с самого начала стояла у меня поперек горла. Когда печешь свой торт, чужие люди тебе сунут в него соль и перец, а потом заставляют съесть полученную гадость с улыбкой на лице — это, знаешь ли, воспоминания на всю жизнь. Никто не спрашивал меня, хочу ли я видеть шпионов в Эльхайме. Никто вообще не спрашивал, хочу ли я жить в таком мире!

— И поэтому вы решили сделать все, чтобы в нем осталось место только тем, кто готов играть по вашим правилам. — На этот раз Марори не спрашивала, потому что ответ Флоранции был очевидным. — Проклятокровные должны ненавидеть небеснорожденных, небеснорожденные обязаны желать смерти проклятокровным. И третьего не дано.

Флоранция безразлично передернула плечами.

— Третьего никогда и не было.

— Было.

— Сказки, Марори Шаэдис, это всегда лишь сказки. Просто один Светлый подумал, что влюбился в Темную, а одна Темная сделала вид, что ответила ему взаимностью. В итоге оба едва не разрушили устои, которые куда древнее, чем все, что есть в этом мире. И поплатились за это.

— И как много людей знает, что эти сказки на самом деле никакие не сказки?

— Ты правда думаешь, что теперь это имеет значение?

— Я просто готовлю строчки для имен в списке людей, которым лично и с удовольствием перегрызу глотки.

Слова были произнесены с такой голодной яростью, что даже на лице Флоранции мелькнула тень беспокойства.

— Ты всего лишь девчонка, — сказала она, но прежней уверенности в голосе поубавилось. — Просто чудовище, которое один сумасшедший мечтатель случайно выпустил из клетки.

— Продолжай и дальше убеждать себя в этом, небеснорожденная, потому что очень скоро я затолкаю эти слова тебе в глотку вместе с твоим же поганым языком.

Марори знала, что на этот раз в ней говорит «Другая Я». Та темная половина, которая успела натворить дел, пока носилась по миру в поисках собственного места, где бы никто не хотел ее убить, посадить на цепь или сделать марионеткой в своих руках.

И сейчас, в эту секунду, Другая Тринадцатая широко и окончательно распахнула глаза и оскалилась в алчной злобе. Потому что изувеченная рука полыхнула первозданным огнем и беспощадно расколола жалкие потуги держать под контролем то, что рождено быть выше проклятокровных и небеснорожденных.

То, что должно было стать оружием против иноверцев.

То, что однажды сорвалось с цепи, чтобы раз и навсегда поменять правила этой бессмысленной войны.

Она села, спокойно расправила затекшие плечи. Пощупала языком кончики клыков, улыбнулась, довольная тем, что все снова на своих местах.

— Проклятье, Светлые! Флоранция…

— Заткнись, дознаватель, — сказала Тринадцатая и легко отмахнулась от его попытки снова ее обездвижить.

Нити Плетения треснули, рассыпались огненными искрами. Он попытался снова, но на этот раз Тринадцатая не оставила ему и полшанса. Жаль, в другое время она бы с удовольствием показала ему, что с ней сделали его тщеславие и гордыня, но сейчас… Она

уже слышала их шаги.

«Хватит уже прятаться там, Марори. Я — это ты. Не такая милая, конечно, но зато бешеная и очень опасная, чтобы играть на равных с этими тварями. И сейчас ты либо встанешь и возьмешь меня за руку, либо я навсегда вышвырну тебя из этого тела. Уверена, что оставлять меня без твоего человеколюбия, — хорошая идея?»

Марори выдохнула. Громко, как утопающий, которому повеление свыше дало последний шанс на спасение. Голова раскалывалась от сотен, тысяч забытых воспоминаний, лиц, слов и клятв. И чем больше она противилась их натиску — тем тоньше становилась та внутренняя преграда, за которой она держала всех самых диких и беспощадных монстров: Отчаяние, Месть и Безысходность.

— Я — Тринадцатая, — глядя в лицо скованной ужасом Флоранции, сказала Марори Шаэдис. Сказала твердо, чтобы та знала — с этой, новой Марори, договорить уже не получится. — И я, кажется, задолжала тебе одно обещание…

Тонкая, едва заметная пелена Плетения завибрировала, предупреждая о гостях. Разрыв рассек ее, словно скальпель — податливую плоть, пропуская в мир два существа: красноглазую рогатую девчонку, так похожую на саму Марори, и ее изувеченного каменными шипами спутника, на чьем лице до сих пор остался отпечаток стального кулака Кулгарда.

— Ну, наконец-то, — с преувеличенным облегчением произнесла Седьмая и бегло оценила обстановку. — Положа руку на сердце, я начала сомневаться, удастся ли моей любимой сестренке освободиться из-под гнета бестолковой овечки.

— Мы решили объединить наши усилия, — «обрадовала» ее Марори. И поняла, что рада такому союзу. В конце концов, даже в прошлом именно отголоски тогда еще дремлющей «светлой» стороны удерживали ее от совершения самых больших и непоправимых ошибок.

— То есть я рано обрадовалась, что все будет как прежде?

— Как прежде в любом случае уже не будет. — Марори оглянулась на Нотхильдиса. С обнаженным клинком в одной руке и пульсирующим белым Кристаллом в другой спектр выглядел так, словно собирался в одиночку сражаться с армией. — Хотела бы я сказать, что рада тебя видеть, но ты перестарался.

— Вы всегда друг друга недолюбливали. — Во взгляде, который Седьмая подарила своему спутнику, читалась неприкрытая симпатия. И, похоже, она была взаимна. — Но как видишь, я оказалась права, и из нас получился отличный дуэт.

— Прости, — Нотхильдис поморщился, будто был вынужден делать что-то противоестественное. — Времени почти не оставалось, а ты продолжала валять дурака. И потом, ведь это ты меня научила, что для достижения цели все средства хороши. Я хорошо усвоил урок.

Обрывки прошлого все еще смутно укладывались в ее голове, поэтому Марори сделала единственный правильный выбор: отложила самокопание на потом. Только что она воскресла, словно проклятый Феникс, и пока еще не до конца понимала, как соседство темной половины отразиться на Ней-Настоящей. Но в одном она была безоговорочно уверена: все изменится. Но в лучшую ли сторону?

— Вы все равно уже ничего не сможете сделать, — прохрипел скованный взглядом Марори Ардей. — Часики тикают: тик-так, тик-так…

Его лицо из озлобленного стало безумным, как будто дознаватель уже распрощался с жизнью и позволил отчаянию безраздельно властвовать над его душой и телом. Флоранция

так и сидела в кресле с неестественно ровной, как до предела натянутая на колке струна, спиной. Она могла говорить, но молчала, лишь часто моргала и водила пустым взглядом по кабинету, как будто силилась найти причину, почему все пошло наперекосяк, и чья в этом вина.

— У нас большие проблемы, Тринадцатая. — Седьмая указала когтистым пальцем на Ардея. — Вот он знает.

— И почему я не удивлена, — себе под нос сказала Марори. — Что случилось?

Ответ услышать оказалась не судьба.

Эльхайм ощутимо тряхнуло. Пол словно ожил под ногами, взбрыкнул. Марори едва успела ухватиться за край шкафа, чтобы сохранить равновесие, но уже через мгновение толчок повторился, на этот раз еще более необузданный и резкий. Где-то на заднем фоне далеким эхом пронесся чей-то сдавленный крик. А потом, на этот раз прямо под носом у Марори, что есть силы рассмеялся дознаватель. Наверное, в эту самую секунду рассудок окончательно покинул его, потому что он принялся остервенело раскачиваться из стороны в сторону и, захлебываясь, бормотать:

— Вы все умрете, вы все уже мертвы. Этому миру нужно больше жертв. Сотни трупов, тысячи костей. Плоть к плоти, кровь к крови.

— Марори, нужно уходить, — поторопила ее Седьмая. — С минуты на минуту сюда ворвутся его марионетки. Ты не представляешь, что творится.

— Боюсь, я достаточно хорошо знаю этого ублюдка, чтобы представить самую большую гнусность, помноженную на саму себя.

— Тогда предлагаю найти более подходящее место для разговора по душам, а не ждать, пока здесь начнется вакханалия.

Громкий измученный стон заставил Марори оглянуться. Флоранция обеими руками держалась за лоб, кровь обильно сочилась из-под ее пальцев, а около ног валялся разбитая вдребезги стеклянная рамка. На снимке была сама Магистресса, но еще юная и настолько воздушная в белоснежном платье с безупречными крыльями за спиной, что Марори невольно засомневалась — а не стала ли Флоранция еще одной жертвой обмана?

— Ты… — Рот женщины исказила злоба, обескровленные губы растянулись, обнажая белесые десна. — Ты сказал, что не тронешь Эльхайм.

Ардей продолжал раскачиваться на полу, будто и не слышал ее слов.

— Тринадцатая, у нас нет времени, — раздраженно напомнила Седьмая.

— Помолчи хотя бы пару секунд! — рявкнула на нее Марори.

Флоранция продолжала посыпать голову Ардея проклятиями, пока тот, наконец, не пришел в себя. Он посмотрел сперва на Марори, нахмурился, потом перевел взгляд на ее напарников — и с шумом выдохнул сквозь зубы. А когда пришел черед Флоранции, на лице дознавателя появилась такая гнилая садистская ухмылка, что Марори впервые неудержимо сильно захотелось разрезать ему рот от уха до уха.

— Небеснорожденная дура, — сказал дознаватель достаточно громко, чтобы слышали все. Здание продолжала изредка потряхивать, и с каждым новым толчком Ардей становился все более уверенным и холодным. — Думаешь, ты была мне нужна в качестве полноценного напарника? — Дознаватель сплюнул себе под ноги. — Флоранция, брось, даже твоя гордыня не может сделать тебя настолько глупой.

— Я тебя убью… — окрысилась она в ответ. — Разорву на куски и скормлю собакам.

— Думаешь, мелкая тварь нас пощадит?

— Мар… — Нотхильдис уверенно сжал плечо Марори, — я разберусь с ними. Хель покажет, куда идти.

— Хель? — Марори не могла не отреагировать.

Седьмая раздраженно закатила глаза.

— Только не говори, что ты не помнишь… — Она раздраженно фыркнула. — Поговорим об этом потому.

Да уж, чего-чего, а в этом «потом» у них будет множество тем для разговоров. Главное, найти способ дожить до того времени.

Эльхайм снова дернулся, на этот раз пол в кабинете не выдержал — и дал трещину. Вся мебель: шкафы, тумбы, полки — по очереди падали на пол, словно змейка из домино. Марори успела отпрянуть за секунду до того, как шкаф с грохотом свалился туда, где секунду назад стояла она. Люстра под потолком — громадное произведение искусства из сотен осколков чистого хрусталя, раскачивалась в такт толчкам. Пока Марори и Хель выбирались к двери, люстра расшаталась до такой степени, что с каждым новым колебанием роняла на пол приличную порцию своих хрустальных подвесок.

— Она упадет прямо на них, — сказала Марори в дверях.

— Хочешь спасти их или прирезать? — саркастически поинтересовалась Хель. — Лично я бы предпочла собственными руками распять обоих, но, увы, судьба жестока, и у меня как всегда нет времени на забавы.

Проснувшаяся Тринадцатая требовала перерезать обоим глотки, и искушение поддаться соблазну было таким всепоглощающим, что Марори пришлось до боли в костяшках сжать кулаки. И Флоранция, и Ардей заслуживают наказания, но разве она судья, чтобы выносить приговор? Разве она палач, чтобы приводить его в исполнение?

Стены Эльхайма содрогнулись от новой волны. Люстра качнулась в последний раз — и сорвалась.

Раздался сдавленный женский крик и булькающий мужской хрип, а через мгновение они утонули в нарастающем грохоте.

— Бежиииим!

Нотхильдис в последнюю секунду успел вытолкнуть Хель из-под крошащегося на куски потолка. На какое-то время все трое оказались буквально погребены под слоем пыли и мелкой каменной крошки. Марори закрыла рукой рот и нос, помогла Седьмой встать на ноги, быстро осмотрела — та как будто была цела. Потом оглянулась, чтобы убедиться, что угадала правильно: кабинет и вход в него теперь оказались завалены неподъемными глыбами. Даже если Флоранция и дознаватель каким-то чудом выжили под грохнувшейся люстрой, то этот обвал они бы не пережили.

— Собакам — собачья смерть, — вместо надгробной речи бросила Марори.

— Я бы сказала — роскошные безболезненные похороны. — Хель не скрывала, что рассчитывала заполучить оба экземпляра живыми и лично совершить правосудие. — Надеюсь, их все-таки раздавило не сразу и где-то там, под этими камнями, утыканные стекляшками, они до сих пор живы, и в полной мере «наслаждаются» медленной мучительной смертью.

Марори не стала навязывать ей свою точку зрения. В конце концов, не так давно ей самой до смерти хотелось выпотрошить обоих, чтобы проверить, есть ли в их груди сердца.

— Расскажи мне, что натворил Ардей, — глядя на Хель, потребовала она.

— Ну, видишь ли, этот мясник решил пополнить запасы первосортного мяса, крови и

костей. Не простокровок, а небеснорожденных и проклятокровных. И чем больше, и сразу, и в одном месте — тем лучше. — Хель развела руками, показывая не на царящий вокруг бардак, но на весь Эльхайм сразу. — По-моему, идеальнее повода и не придумать. Только вот крылатую бабенку он определенно не до конца посвятил в свои планы.

— Они говорили о какой-то армии, — вспомнила Марори.

— Армии — это всегда хорошо, — осклабилась рогатая. — Особенно когда стоишь на пороге войны. И ты, Тринадцатая, тоже припасла пару тузов в рукаве.

Марри кивнула, не до конца понимая, с чем именно соглашается. В последнее время пророчество о вот-вот надвигающейся войне лезло в ее жизнь с настойчивостью голодных крыс, атакующих бесхозный амбар.

Тем временем из заваленной рухнувшими стенами части коридора вернулся Нотхильдис. Белый Кристалл слабо пульсировал в его руке, а на лице спектра пролегла тень злости.

— Там не пройти, — сообщил он неутешительную новость. — Я попробовал раздвинуть Материю, но охранные сигилы до сих пор действуют. Боюсь, как бы я не обрушил на наши головы то, что осталось. Нужно искать другой путь.

— Обожаю твою серьезность, — мурлыкнула Хель, окончательно развеяв сомнения Марори в том, что между ними действительно существует крепкая, отнюдь не дружеская связь. — Я попыталась тронуть Плетение и найти выход в Хаос, но здесь слишком небезопасно. Думаю, если мы пойдем вот туда, то обязательно куда-нибудь выйдем. — Она указала на единственный оставшийся выход из западни — полузаваленный темный коридор, в котором все же виднелся узкий лаз. — И лучше поторопиться, потому что, если честно, я терпеть не могу замкнутые пространства.

— Как будто у нас целый десяток выходов. — Марори оглянулась на Нотхильдиса. — Мне нужен телефон, я должна предупредить Крэйла и Марроу.

Тот молча протянул ей свой.

Марроу взял трубку после второго гудка и, не давая ей сказать ни слова, затараторил:

— Нильфешни, где ты? Что происходит?!

— Забирай Кенну и уходите! — Пришлось почти кричать, чтобы перебить его попытки указывать ей, что делать, раз все, как обычно, пошло не по плану.

— Нет, — отказался он. Где-то на заднем фоне обеспокоенно бормотала Кенна.

— Да! — рявкнула Марори. Эти двое были в числе тех немногих людей, которыми она действительно дорожила и из-за которых смогла продержаться в Эльхайме так долго. Она не могла позволить себе потерять хотя бы одного. — Я в состоянии позаботиться о себе, Марроу. Теперь в состоянии, — с нажимом на первое слово, повторила она. — И все, о чем тебя прошу: не тратить время, которого и так немного, и сделать в точности, как я прошу. И прямо сейчас.

— С тобой правда все будет в порядке? — с отчаянием переспросил он.

— Правда. Мне больше не нужны няньки. Ты сможешь открыть портал?

— Да, думаю, смогу.

— Уходите. Позвонишь Крэйлу, когда будешь на месте.

— До встречи, нильфешни. И не вздумай… пропасть.

Она не стала отвечать, нажала «отбой» и набрала номер Крэйла. Все это время Нотхильдис и Хель изучали темную часть коридора, о чем-то переговаривались, то и дело торопили ее выразительными взглядами.

Крэйл тоже ответил сразу. Ее короткий пересказ выудил из шанатара рев злости.

— Почему с тобой всегда так: ничего не происходит, как задумано?

— Как только найдешь ответ на этот вопрос, Клыкастый, дай мне знать.

— Я возвращаюсь за тобой.

— Нет!

— Чихать я хотел на твое «нет», — огрызнулся он.

— Крэйл, Эльхайм вот-вот станет ареной для развлечений мясников из Лиги. Так задумано: убить всех, кого получится поймать. Потрошить будут всех, и дра'морцев тоже. Ты должен увести людей в безопасное место. Единственное, которое сможет выстоять.

«Я очень на это надеюсь», — мысленно добавила она.

— Дра'Мор, — не раздумывая, назвал Крэйл.

— Дра'Мор, — с улыбкой повторила она. — Спасайте всех, Крэйл, потому что, чтобы выжить в этой войне, темным и светлым придется стоять по одну сторону баррикад.

— Сначала ты.

— Я выберусь, — Марори оглянулась на красную от злости Хель. — У меня хорошая команда поддержки. Встретимся на площади перед Обителью ангелов.

— Я и с места без тебя не сдвинусь.

Конечно, не сдвинется, кто бы сомневался. Большего упрямца во всем мире не найти. Вот только Марори и сама не собиралась разменивать свою жизнь за здорово живешь. Не теперь, когда цель всего ее существования, наконец, начала выплывать из тумана беспамятства, где она все это время находилась в добровольном заточении. Не теперь, когда…

— Марори Шаэдис, я не шутил, когда говорил, что мы две половины одного целого, — хриплым голосом сказал Крэйл. — Не будет тебя — не будет и меня.

— Я знаю, что это всего лишь хитрый план, чтобы вернуться к разговору о коротких шортиках. — Она знала только один способ, чтобы хоть как-то бороться с подступившими к горлу слезами. — Береги себя, Клыкастый.

Они снова не попрощались, просто синхронно оборвали связь. Марори бросила телефон Нотхильдису, помассировала виски, собираясь с мыслями. Время слов прошло, наступила пора действий, и Марори собиралась показать, что воспоминания о грязном прошлом могут принести не только боль, но и вооружить ее парочкой смертельных трюков.

Но для начала…

«Сатис, ты мне нужен. Ты — и Энигма».

Теперь Марори не нужно было прислушиваться, чтобы различить его отчаянный вой за грохотом терзаемого Эльхайма. Она почти физически ощущала, как Порождение стремится к своей хозяйке, рвется сквозь заслон, который не может побороть в одиночку.

«Сатис, мне нужна Энигма. Ты должен ее принести. Ты можешь, потому что на тебе стоит моя печать и у нас с тобой одна сила на двоих. Если я стала сильнее, то и ты станешь».

— Ты не сможешь! — заорал Нотхильдис, когда Марори протянула руку и прижала растопыренную ладонь к натянутой до предела ткани Мироздания. — Ты нас всех угробишь!

Она проигнорировала его слова. В глубине души Тринадцатая разразилась нарочито театральными аплодисментами. Именно так все и было раньше: она, Марори, делала то, что хотела, насмехаясь над риском и выигрывая там, где проигрыш был очевиден. И, кажется, раньше это всегда срабатывало.

— Успокойся, Нот, — краем уха услышала Марори, — Тринадцатая даже проигрывает

красиво, так что если мы и сдохнем, то наверняка пафосно. Больше крови, Тринадцатая, больше агонии!

Марори нравилось заразительное сумасшествие Хель. В прошлом они не ладили: Марори не помнила почему, но точно знала, что и она, и Хель порядочно насыпали соли за воротник друг другу. Вероятно, произошло что-то выходящее за рамки дружбы и соперничества, раз Хель перестала показывать зубы и первой протянула руку помощи.

«Сатис, иди ко мне»

Сквозь ткань Мироздания Марори видела, как мечется верный шакал, как он, превозмогая нестерпимую боль, исполняет ее просьбу: рвет изнанку реальности, вываливается прямо перед Марроу и Кенной, которые собираются войти в портальный круг. Словно в кино, перед ней мелькали картинки: бледный, как проклятие, Марроу, с красными глазами и обожженными до мяса ладонями, в которых он из последних сил пытается удержать тамакату — не дать ей поработить себя. Марори увидела, как Кенна со слезами на глазах умоляет его не сдаваться. Увидела, как Сатис в резком прыжке избавил эрэлима от непосильной ноши. Марроу упал, из его носа обильно хлестала кровь, на губах пузырилась розовая слюна. Кенна бросилась к нему.

«Интересно, кто еще о ком будет заботиться», — подумала Марори и снова сосредоточилась на Порождении.

«Молодец, а теперь иди ко мне, потому что вдвоем мы одолеем кого угодно».

Она осторожно, но твердо надавила на ткань Мироздания. Там, где Марроу готовил портальный круг, он наверняка каким-то образом ослабил защитные сигилы, поэтому Сатису не составило труда проложить путь наружу. Но здесь сигилы продолжали работать в полную силу. Если бы только кабинет Флоранции… Марори отшвырнула бесполезные мысли: что толку теперь гадать?

Она надавила сильнее, когда увидела с обратной стороны знакомую шакалью морду. Сатис держал тамакату одной рукой, и на фоне его громадного эбонитового тела коса выглядела непривычно маленькой и хрупкой. И все же Марори чувствовала всю мощь заключенной в ней силы. И в эту самую секунду одушевленное оружие терзало несчастное Порождение всей силой накопленной за столетия злобой.

Она тянулась к Хаосу, раздвигала реальность, которая отвечала ей раскаленным дыханием: ткань Мироздания изо всех сил противилась вторжению, но Марори не собиралась сдаваться. Слишком многое сейчас поставлено на карту, чтобы отступать.

Сатис рвался к ней. Его вой был таким отчаянным, а боль настолько сильной, что на глаза Марори невольно навернулись слезы.

«Иди ко мне. Ну же!»

Она повторяла снова и снова, пока пальцы не разорвали упругое невидимое полотно. Сатис дернулся — и вложил тамакату в ее раскрытую ладонь. Марори крепко сжала пальцы на древке, чувствуя, как древняя сила наполняет проклятое оружие разрушительной мощью. Древняя сила Тринадцатой, древняя сила ее самой.

Марори решительно рванула оружие на себя, Сатис подался следом. С отчаянным треском лопнула ткань Мироздания, выпуская наружу того, кто не мог находиться вдали от своей хозяйки.

— Обожаю, когда она так делает, — мурлыкнула Хель. — Но, по-моему, на этот раз все иначе. Воссоединение определенно пошло на пользу им обоим.

— Очень надеюсь, что нильфешни нашла согласие сама с собой. — Нот не разделил

оптимизма своей рогатой напарницы. — Потому что я даже отсюда чувствую проклятых «болванок», которые уже идут за нами.

Марори взвесила Энигму в изувеченной руке, оценивая ее преображение. В том месте, где когтистые пальцы касались древка, по нему расползались глубокие кроваво-красные трещины, лезвие окутал пульсирующий красный туман, в котором она слышала сотни древних голосов, нашептывающих тысячи секретов. Кровавый глаз набух, закрылся — и распахнул веки, чтобы взглянуть на свою хозяйку огненным Оком ярости.

— Ты моя, Энигма, — прошептала Марори. — Всегда была моей.

Око ярости дернулось, затрепетало в стальном плену изголовья.

Когда-то Тринадцатая украла у тамакаты часть ее силы, чтобы в будущем она, слабая и ничего не помнящая Марори, могла найти силы подчинить грозное оружие. И теперь, когда обе части начали неизбежную трансформацию, она возвращала украденное, получая взамен часть собственной души.

Тамаката стала больше и тяжелее, но Марори не ощущала ее веса.

— Думаю, теперь я… — Марори оглянулась на верного Сатиса, по морде которого стекал одинокий ручеек черной крови. — Мы готовы идти. Впереди.

Хель отступила, всем видом давая понять, что именно на это и рассчитывала. Нот тоже посторонился, пропуская массивную тушу Порождения и его маленькую напарницу, окрыленную призрачным наследием крови малааха.

— Вот теперь мы развлечемся! — взвизгнула на радостях Хель и недобро оскалилась.

Глава восемнадцатая

Коридор оказался слишком узким для Сатиса. Порождение то и дело свирепо рычало, из-за чего Хель благоговейно трепетала, а Нотхильдис то и дело ругался себе под нос.

Марори шла первой. Шаг за шагом отмеряла совершенно бесконечный коридор, мечтая лишь о том, чтобы поскорее выбраться наружу. Выбраться туда, где их помощь нужна уже сейчас. В воздухе пахло гарью и кровью. Марори не могла объяснить, откуда взялось это чувство, но точно знала, что где-то под ними только что треснула ткань Мироздания, выпуская на свободу полчища натасканных убийц. От мысли о том, что у многих из них ее, пусть и недоделанное, лицо, становилось гадко от себя самой. Не ее вина, что Лига превратила ее в заготовку для своих экспериментов, но именно себя Марори чувствовала отчасти виноватой во всем происходящем.

Коридор повернул направо и потерялся в кромешной темноте. Марори остановилась, кивнула Нотхильдису, чтобы тот использовал Плетение. Шар света скользнул в темноту и выудил оттуда длинное недружелюбное шипение. Марори оскалилась, с каким-то садистским удовольствием чувствуя, как клыки царапнули нижнюю губу. На языке расцвел соленый вкус собственной крови. Тело дернулось, как от удара током.

Она не стала размышлять о стратегии, не думала об осторожности и последствиях импульсивного решения. Она просто хотела пойти туда, чтобы спустить пар. Выпустить на свободу сидящее внутри проклятие, которое непростительно долго держала на поводке.

Сатис прижал уши, издал низкий воинственный вой.

— Спина к спине, — одними губами сказала ему Марори и нырнула в шипящий полумрак.

Разрыв висел всего в нескольких метрах от поворота, прямо в стене. Его края были влажными от серой слизи, которая густыми каплями стекала на пол и расползалась в стороны, образуя что-то похожее на мицелий. Дальше Марори рассмотреть не успела, потому что на их с Сатисом головы со всех сторон посыпались долговязые серые твари.

Первый удар Марори нанесла наискось, одним махом рассекла узкое бескостное тело. Лезвие тамакаты с шипением прижгло края двух половинок, которые еще секунду назад были одним целым. Куски с влажным хлюпаньем свалились на пол, чтобы тут же растечься в бесформенную массу. Где-то в стороне Сатис сорвал упавшую на него «кляксу» и, не раздумывая, разорвал на части. Сзади восторженно пискнула Хель и ворвалась в их дуэт, поигрывая клубящимися в ладонях черными сгустками. Один она с нескрываемым наслаждением швырнула в лицо ползущей по стене «кляксы». Черный туман прилип к лишенной лица голове, потемнел — и раздавил, будто орех. Существо растеклось по стене уродливыми потеками.

Марори ответила на ее зловещую улыбку, подхватила задор. Когда-то давно их тандем уже заставлял трепетать. Марори не до конца помнила, что именно они делали и зачем, но была уверена — каждый тот шаг приближал их к какой-то цели. Куда более важной, чем обычная резня без причины.

Сатис рванулся вперед, словно волнорез принимая на себя удар целой волны уродливых тварей. Они ползли из Разрыва, словно тараканы из щели, Марори даже не стала пытаться сосчитать. Пока верное Порождение расшвыривало «кляксы» в стороны, они с Хель подключились к расправе. Словно в безумном угаре, наперегонки потрошили тварей, резали,

рвали, превращали в пепел. Марори не чувствовала страха. Появление Тринадцатой словно отрубило все тумблеры на предохранителях, чтобы она наконец поняла — почувствовала! — собственную силу.

Тамаката в руках тяжело вибрировала. С каждой новой жертвой лезвие словно вбирало в себя часть жизненной силы самого Хаоса, чтобы тут же вернуть ее на голову новой твари — и снова приумножить. Странная гонка, наполняющая саму Марори не до конца понятным азартом.

— Хель! — Нотхильдис вмешался именно в тот момент, когда Седьмая отвлеклась и позволила «кляксе» вцепиться ей в спину.

Спектру хватило одного точного удара, чтобы кончик его клинка вспорол скользкую тонкую шкуру твари из Хаоса. Плоть лопнула, выпуская наружу скользкие бесформенные внутренности. Нотхильдис сбросил ее на пол, яростно припечатал сапогом.

— Ты мой рыцарь, — плотоядно усмехнулась Хель и, нисколько не смущаясь того, что из Разлома продолжали лезть твари, бросилась на Нотхильдиса, впилась тому в губы. — Ты знаешь, как я люблю, когда ты прикрываешь мою задницу?

Он только хмыкнул, одной рукой придерживая подружку под бедра, а другой ловко орудуя мечом. Невероятно, но он ни разу не промахнулся, хотя поцелуй явно мешал ему сосредоточиться.

Марори мысленно и беззлобно покрутила пальцем у виска: вот уж поистине чумовая парочка. Кем бы эти двое ни были друг для друга, проклятием или спасением, они явно составляли одно целое.

Следующую волну «клякс» Сатис встретил обнаженными серпами, и Марори присоединилась к резне. Вдвоем они почти без труда превратили все, что исторг Разрыв, в скользкое месиво. Воняло оно изрядно.

— Нужно заштопать эту дрянь, пока оттуда не вылезло что-то посильнее, — предложил Нотхильдис, когда Хель, наконец, оторвалась от его губ. — Не то чтобы я беспокоился, но пока вы, девочки, развлекались, мы потеряли кучу времени.

Марори кивнула, соглашаясь. Никого не спросив, Хель взялась за края рваной ткани Мироздания, со знанием дела ощупала их, нисколько не смущаясь, что для этого пришлось сунуть руки в слизь. Она орудовала пальцами, от усердия прикусывая губы. Алые жилки на ее рогах с каждой секундой вспыхивали все ярче.

— Если вы меня прикроете, то я ее запечатаю, но мне нужна пара минут.

Марори уже собиралась сказать, что с этим вообще никаких проблем, но ее остановила внезапная настороженность Сатиса. Порождение развернулось мордой в темную и пока еще неизведанную часть коридора, потянуло носом воздух. Что-то заставило его ощериться, обнажить окровавленные клыки.

— Нот, позаботься о ней, — не поворачивая головы, сказала Марори, — а мы выиграем для вас время.

Они с Сатисом медленно, шаг в шаг, погружались в темноту. Марори ничего не видела и не слышала, но верила чутью верного Порождения. Шакал не стал бы волноваться понапрасну: с «кляксами» он разделывался без лишних предосторожностей, потому что их разделенная на двоих сила позволяла ему чувствовать пределы силы своей хозяйки. И он знал, как знала и сама Марори, что ей по плечу, а с чем придется повозиться. Что бы ни пряталось в темноте, с ним придется вспомнить не только наставления Кулгарда и уроки Ти’аля, но и все навыки Тринадцатой.

Сатис остановился, присел на полусогнутых и яростно чиркнул серпами друг о друга: на лезвиях вспыхнули огненные искры.

Оно вышло из тени: плотная фигура в черном балахоне с наглухо надвинутым на лицо капюшоном. Марори пришлось задрать голову, чтобы оценить рост твари и почувствовать кольнувший между лопатками азарт. Два длинных, узких, как жала, клинка покоились в черных, покрытых каменными наростами руках. Марори вспомнила, что уже видела точно такие же — на теле Нотхильдиса.

Чем бы ни была тварь теперь, когда-то давно она была человеком.

И вряд ли сейчас в этой громадной оболочке осталось хоть капля человечности.

«Жнец», — прогремело в ее голове предупреждение Сатиса.

Марори пожала плечами. Жнец — извращенный и сломленный Хаосом проклятокровный, которому не хватило сил сопротивляться изменениям порочного Плетения. Наверняка кто-то из тех, кто мог стать Неназванным, но сломался где-то на полпути.

Заточенное в оболочку бесконечное голодное зло, существующее лишь для того, чтобы находить утешение в смерти живых.

Марори шагнула вперед, когда ее внимание привлекла неясная тень за спиной Жнеца.

Их двое?

«Трое», — предупредил верный Сатис.

Марори взяла косу в одну руку, почти не чувствуя ее веса. Собрала в кулак пальцы когтистой лапы, не без удовольствия наблюдая, как огонь скользнул по венам, распаляя накопленную в сердце жажду боя. Нет, не боя — очищения, выкорчевывания из реальности мерзких ростков Хаоса.

Жнецы выстроились в линию, отчего-то не спеша нападать.

Марори держала кулак до тех пор, пока собранная мощь не заставила когти разомкнуться, подобно смертоносному цветку. Черное пламя висело над ладонью, послушное, словно приручeнный зверь. Она пошевелила пальцами, без труда превращая его в сферу размером с апельсин. Внутри нее трещала рвущаяся на свободу сила.

— Добро пожаловать в Эльхайм, зверье, — оскалилась она и бросила сферу себе под ноги.

Черный огонь сомкнулся за их с Сатисом спинами, рванулся вперед, встав непроходимой стеной позади Жнецов.

Арена была готова. И Марори собиралась собрать все причитающиеся трофеи.

Порождение приготовилось атаковать по первому приказу.

Жнецы что-то бормотали. Их бессвязная зловещая речь одновременно и пугала, и заставляла заглядывать глубоко в себя, чтобы отыскать там силу и умение противостоять чему-то гораздо более серьезному, чем маровая личинка и испорченная «болванка» Лиги.

О том, что им придется туго, Марори поняла уже через секунду, когда один из Жнецов демонстративно выставил руку и медленно, со смаком, полоснул по ней лезвием клинка. Сталь прошла сквозь бестелесную плоть, словно сквозь туман.

— Плевать, — губами Марори ответила Тринадцатая. — Вы всего лишь призраки. И я убью вас снова.

Они будто ждали этого унижения, чтобы броситься на нее. Броситься так стремительно, что Марори едва успела прикрыться тамакатой от первой серии сокрушительных ударов. Сатис наотмашь полоснул серпом по бестелесной оболочке, но та лишь на мгновение

замешкалась, чтобы тут же атаковать снова.

Марори пришлось принять несколько ударов сразу с двух сторон, благо уроки Ти'аля не прошли даром. Ее ноги двигались сами собой, танцуя заученный до уровня рефлексов танец: шаг вправо, шаг влево, ногу вперед, ногу назад, держать равновесие и не упускать из виду ни одного движения противника. Жнецы атаковали с обеих рук: яростно пронзали пустоту рядом с ней, постепенно нащупывая брешь в защите. Марори отступала, ненавидя себя за то, что длинная юбка сковывает движения, мешает двигаться в полную силу. Если бы только у нее было несколько секунд, чтобы оторвать этот бесполезный кусок ткани…

Сатис снова и снова рассекал туманных фантомов, рычал и выл, когда атаки не причиняли им вреда. Краем глаза Марори успела заметить, что Жнец был почти вровень с ее собственным Порождением, и сейчас они испытывали друг друга на прочность и мастерство.

Эта попытка оценить обстановку стоила ей пропущенного удара. Тонкое жало клинка вспахало ткань платья в нескольких сантиметрах от шеи, разорвало кожу. Марори оскалилась, мысленно проклиная жгучую боль. Определенно, клинки Жнецов были не просто потерянными в Хаосе кусками стали, в них крылась куда более опасная сила, и в эту самую секунду Марори остро ощущала каждую ее грань.

Подзадоренная собственной болью и обидой на невозможность ничего противопоставить взамен, Марори подалась вперед. Контратаковала, когда Жнец попытался провернуть тот же финт и на этот раз нанести смертельный удар. Лезвие тамакаты отсело голову твари — но и только. Откуда-то из недр капюшона раздался хриплый смешок. Марори захотелось заткнуть уши, лишь бы не слышать эту неприкрытую издевку.

— А ведь я уже убивала вас, — снова заговорила Тринадцатая. — Убивала легко и с удовольствием, чтобы не растерять навыки.

«Ну так покажи мне! — мысленно прикрикнула на нее Марори. — Дай мне то, что я заслужила, — или заткнись и не мешай».

Повинуясь внутренним импульсам, когтистая лапа переместилась на лезвие косы, сжала вокруг него пальцы: сильно, без страха, до тех пор, пока кромка не вспорола твердую кожу. Древко запульсировало с такой яростью, что Марори пришлось собрать все силы, чтобы удержать его в руке. Одним решительным движением она скользнула окровавленной ладонью по всему лезвию. Око ярости зажмурилось, словно получило давно желанное лакомство — а когда распахнулось, в голове Марори взорвалась целая волна образов.

Жнецы напали одновременно. Один собирался вспороть ей грудь, второй снова и снова целил в шею. Но на этот раз она легко обставила обоих. Просто крутанулась на месте, используя тамакту, будто смертоносную лопасть. Ее собственная кровь напоила рунические письмена на лезвии, закипела, чтобы превратиться в облако красного тумана, который поднялся к самому потолку и резко раздался в стороны, опадая гаснущими искрами. Марори не видела, но знала, что Сатис в этот самый момент с жадностью втянул искры носом — и его эбонитовая кожа трескается, наливается жаром.

Марори успела выиграть пару шагов, поменять позицию так, чтобы ее противники были вынуждены атаковать спереди. Может, Жнецы и были порождениями Хаоса, но даже им необходимо пространство для маневра.

Марори собрала когтистую руку в кулак, выудила из Плетения сразу несколько пламенных ниток, свила из них обжигающий символ — и, извернувшись, пропустив над головой удар проклятым клинком, впечатала символ в грудь первого Жнеца. Тут же отпрыгнула. Жнец покачнулся, с некоторым замешательством попытался стряхнуть его с

себя, но Плетение уже слишком глубоко проникло в призрачную плоть. Мгновение — и фигура в балахоне вспыхнула, словно бикфордов шнур. Жнец истошно закричал, продолжая размахивать уже почти истлевшими руками. Марори не стала дожидаться, пока он превратится в пепел, изготовилась, чтобы атаковать его обозленного напарника. Она шла, почти не заботясь об обороне, — только атака: финт, выпад, натиск, обманное движение влево, удар исподтишка и снова натиск. Она выгрызала каждый сантиметр окаймленной огнем арены, потому что за ее пределами осталась Хель, и если она не запечатает проклятый Разрыв…

Сатис так неожиданно затрясся, что пол под их ногами заходил ходуном. Марори в последний момент сгруппировалась, удержала равновесие. Следом за Порождением заходил ходуном и весь Эльхайм. Несколько массивных светильников упали совсем рядом, а вот один грохнулся ей на голову. В глазах потемнело, затылок превратился в растревоженный улей. Хотелось отступить, всего на шаг, чтобы дать себе секундную передышку, вернуть способность видеть ясно, а не пытаться высмотреть что-то в размазанных бесформенных силуэтах.

Она почти пропустила удар. Точнее, она его все-таки пропустила, но оба клинка Жнеца лязгнули о подставленную Сатисом руку. Порождение раздраженно отмахнулось от обидчика, а потом запросто, будто тряпичную куклу, сграбастало за глотку и рвануло вверх.

Марори потрясла головой.

Зрение медленно возвращалось к ней. И вот из кровавого тумана боли уже появились очертания знакомой и в то же время незнакомой фигуры Сатиса. Неужели он в самом деле стал больше, или последствия удара не прошли даром и воображение сыграло с ней злую шутку?

Шкура верного Порождения покрылась плотной каменной чешуей, настолько крепкой, что клинки Жнеца отскакивали от нее, не причинив ни капли вреда. С его серпов капала сама мгла, при взгляде на которую даже Марори хотелось попятиться от желания никогда не узнать, что же произойдет с плотью, когда этот концентрат ненависти проникнет под кожу.

Сатис сжал лапу вокруг шеи Жнеца, надавил так сильно, что пальцы превратили некогда бестелесную плоть в кусок сморщенного, давно сгнившего мяса. Последнее движение — Марори успела заметить, как алчно облизнулся шакал — и голова Жнеца отвалилась от тела и обратилась прахом еще до того, как коснулась пола.

«Разделенная сила — две силы», — прогрохотал в голове Марори его триумфальный голос.

Этого было достаточно, чтобы разорвать последние сдерживающие путы.

Она просто сорвалась с цепи, готовая расправиться с последней преградой на пути. Должно быть, Жнец почуял это, потому что и сам стал злее. Вот только против сумасшедшей нильфешни и ее верного напарника ему нечего было противопоставить.

— Я сделала, сделала! — донесся из-за спины ликующий крик Хель.

Марори присела, сунула пальцы в горстку пепла, зачерпнула то немногое, что осталось от грозных противников. Триумф накатывал волнами сладкой неги, выбивая из головы последние сомнения, возвращая все на круги своя.

Тринадцатая. Нильфешни. В конце концов, они слились, трансформировались в нечто новое и такое же древнее, как сказанные столетия назад слова проклятия.

— Нам нужно идти. — Марори забрала один из клинков — все, что осталось от их прежних владельцев. В воображении живо всплыл образ ликующей Кенны, когда она

получит его в подарок. — Вниз.

— Мне нравится, как он преобразился, — с жадным блеском в глазах сказала Хель. Пока они шли — точнее, почти бежали бегом — по коридору, она не упускала случая похвалить «обновку» сестры. — Я была уверена, что твой план не сработает, но ты, как обычно, всех обвела вокруг пальца.

— Я не могла существовать без светлой стороны, — отозвалась Марори, когда они свернули на лестницу, а оттуда — в новый лабиринт коридоров и арок. — А светлая сторона не могла существовать без меня. Вандрик так тешился тем, что создал катализатор для Проклятия, что не заметил главного. Не увидел того, что всегда лежало перед самым его носом.

— Но он очень старался, — вступилась за создателя Хель. — И старается до сих пор.

За очередной аркой начинался настоящий ужас. В воздухе нестерпимо воняло смертью. Смертью, помноженной на боль, кровь и отданные зазря жизни. Небеснорожденные валялись повсюду — изувеченные, разорванные на части студенты, которые оказались не готовы дать отпор вторжению Хаоса. Многие были еще живы, но одного взгляда на их страдания хватало, чтобы понять — здесь будет бессильна даже прославленная медицина светлых.

Никто из троих не проронил ни слова, не попытался вмешаться в неизбежное, хоть Марори почти физически ощущала боль Нотхильдиса.

— Темные меня подери… — выдохнула Хель, когда они, наконец, оказались на пороге зала.

Разрывы.

Много.

Бесконечное множество сочащихся гнилью ран на теле Мироздания.

Они висели друг на друге, будто гроздья порченого винограда, с каждой секундой исторгая полчища разнообразных тварей. Те, словно пауки, расползались по коридорам, вылезали в разбитые окна, крушили и ломали все, что попадалось на пути.

— Твою мать! — тихо выругался Нотхильдис. — Сколько же их тут?

Риторический вопрос. Здравый смысл подсказывал, что лучше и не пытаться сосчитать.

— Я не уверена, что смогу… — начала Хель и осеклась

— Ты не сможешь, — закончила за нее Марори. — Никто не сможет. Кроме меня.

Словно в унисон ее мыслям, когтистая рука заныла с новой силой, наливаясь огнем, который уже растекался под кожей, предвещая смертоносное извержение.

— Бегите! — Марори оглянулась на сестру, которая уставилась на нее с почти обжигающим отчаянием. Пришлось схватить за руку Нотхильдиса и втолковывать ему: — Забирай ее и убирайтесь вон так быстро, как только сможете. Я выиграю для вас немного времени, так что уж постарайся использовать с умом каждую секунду.

К счастью, спектру не потребовались объяснения. Он лишь мимолетно сильнее сжал ее пальцы — и рванул Хель на себя. Та и опомниться не успела, как оказалась у него на плече. Кажется, она вопила сильнее, чем недавно кричал охваченный пламенем Жнец.

— Вам ведь это нужно? — выкрикнула Марори, чтобы забрать на себя внимание порождений Хаоса.

Не все из них откажутся от желания полакомиться свежей плотью убегающей дичи, но Марори знала, что Нотхильдис не даст им причинить боль той, которую любит. Даже если это будет стоить ему собственной жизни.

Она высоко подняла тамакату — и шагнула вперед.

Шаг, еще шаг. Ясное осознание своего предназначения окрыляло и лишало страха.

«Уходи, спасайся».

«Я останусь с тобой до конца!» — прорычал Сатис в ее голове.

«Ты же знаешь, что я не смогу…»

Пламя уже трепетало на кончиках пальцев, сползало на пол раскаленными лентами, образуя зловещий шипастый орнамент. Тот самый, который некогда сдерживал ее разрушительную природу, а теперь стекал с кожи, будто чернила с мокрого пергамента.

Это все и есть ее судьба?

Хотелось смеяться и плакать одновременно.

Хотелось вытолкать себя из этого мира, вытолкать в какую-то другую реальность, где ей не придется убивать, потрошить и калечить, лишь бы выгрызть у судьбы право прожить еще один день.

Хотелось жить.

Твари разом ожили, кинулись на нее всем скопом, хаотично пробираясь к вожделенной добыче по головам друг друга.

«Крэйл, я надеюсь, ты успел вывести… многих».

Марори закрыла глаза, выдохнула.

И сорвала последнюю печать.

Яркое зарево раскололо стены Эльхайма, словно яичную скорлупу.

Глава девятнадцатая: Крэйл

Крэйл уставился на гаснущий экран телефона, несколько секунд всматривался в него, будто ожидал нового звонка. Телефон молчал.

Вот почему с ней всегда так: все планы коту под хвост? Даже те, которые продуманы по шагам и минутам. Хотелось громко выругаться, отвесить себе крепкий пинок под зад. Он должен был учесть эту ее «особенность» и не полагаться на других. Должен был сам контролировать…

Крэйл взъерошил волосы, с шумом выдохнул через ноздри.

— Что-то случилось? — нахмурившись, спросил Кулгард.

— Кажется, планы снова меняются. Кул, ты давно дрался?

— Надо начистить рожу какому-то светлокровному дрищу? Да не вопрос.

— Не совсем. Помочь… Им всем… — Казалось просто невероятным, что это говорит он — проклятый шанатар, которого на этом показушном празднике «мира во всем мире» наверняка мечтала убить каждая небеснорожденная сволочь. Но почему-то именно сейчас он понимал, что Марори права — нужно спасать всех, без оглядки на старые обиды.

Крэйл повернул ключ в замке зажигания, двигатель взревел. Резкий удар по педали газа рванул их прочь.

— Объяснить можешь?

— В Эльхайме отрылся Разрыв. И не один. Прямо сейчас там происходит что-то грандиозное. Портала не будет.

— Забираем Мар сами?

— Да… Проклятье!

Крэйл снова схватил телефон, почти не глядя, нашел номер Эашу.

— Что у вас…

Фразу он закончить не успел.

— Тут полная задница, Крэйл! — Инкуб кричал в полный голос, пытаясь перекрыть какой-то донельзя противный скрежет. — Все рушится. Вечеринка стала совсем не такой скучной, как я думал.

— Где остальные Потрошители?

— Кто где. Тут, знаешь ли… — его слова потонули в страшном грохоте, — … короче, полная задница.

— Повторяешься.

— Извини, господин! — огрызнулся инкуб. — Исправлюсь.

— Заткнись. Мы возвращаемся. Будем через пять минут. Соберитесь и выводите всех, кого сможете.

— Всех? И?..

— Да! Всех. Ты не ослышался. Вы где?

Очередной грохот слился с ругательствами Эашу.

— Принято… — все же послышалось из трубки. — В главном… конец связи.

— У тебя есть оружие? — спросил Кулгард.

Крэйл ощерился в кровожадном оскале.

На полном ходу они вылетели к воротам Эльхайма. Шанатар ударил по тормозам, машина пошла юзом. Обоих пассажиров бросило вперед, чуть не припечатав головами о

лобовое стекло. Здесь, в нескольких сотнях метров от основного учебного комплекса, отчетливо слышался приглушенный грохот.

— Горим… — проговорил Кулгард, выбравшись из машины и указывая в сторону черного столба дыма, поднимающегося над одной из белоснежных башен.

— Лови… — Крэйл порылся в багажнике, выудил из него внушительного вида топор, вся рукоять которого была испещрена руническими символами, а лезвие отливалось зеленоватым свечением.

Кулгард с легкостью поймал оружие, несколько раз прикинул его в руке.

— И откуда этот арсенал?

— Часть плана «Б». Сгодится?

— Сойдет. Почти мой любимый размерчик.

— Я знал, — ухмыльнулся шанатар, вооружаясь парой красных мечей — тех самых, которыми сражался с Неназванным в собственном доме.

Более не задерживаясь, Потрошители бросились к Эльхайму. Из учебных корпусов уже тянулись перепуганные студенты. В основном совсем молодые: первый-второй курс. Старшекурсники попадались крайне редко — эти вытаскивали на плечах раненых, быстро передавали их на попечение молодым и снова разворачивались, направлялись обратно. Собственно, никакой паники, стенаний и криков о помощи. Все довольно организованно. Можно сказать, в рабочем режиме.

Крэйл невольно усмехнулся: склонность к порядку и дисциплине никогда нельзя было назвать сильной чертой дра’морцев. Особенно молодых, полных самомнения и глупых амбиций. А тут погляди — каждый при деле и не выеживается. Прямо перед ними проклятокровный гаст из Адептов темного плетения практически на плечах вынес еле живую небеснорожденную девчонку. Та охнула, когда он передал ее на поруки в стихийно организованный лагерь лекарей. Охнула и пробормотала слова искренней благодарности. Парень хмыкнул, подмигнул и пообещал обязательно найти ее, когда «закончится вечеринка». И, несмотря на сотни лет разногласий, взаимной ненависти и попыток подавить противоположную сторону, этот поступок казался таким… естественным. Нормальным.

Проклятие Темных! Мир катится в тартарары и, похоже, обнажает какие-то новые правила игры.

Земля под ногами вздрогнула.

Белоснежная башня, из которой, точно из заводской трубы, валили клубы дыма, накренилась и медленно начала заваливаться. Вот теперь среди эльхов послышались испуганные выкрики. Еще мгновение казалось, что башня все же устоит, замерев в последнем напряженном надрыве, но нет — падение продолжилось. Раскатистый грохот разнесся по всему Эльхайму. На месте башни поднялось черно-серое облако.

Крэйл и Кулгард опрометью проскочили мимо огромных, раскрытых настежь, ворот главного корпуса. Насколько знал шанатар, здесь располагались не столько учебные аудитории, сколько административные кабинеты, какие-то мелкие лаборатории, библиотека и несколько просторных залов. Судя по всему, именно тут и следовало искать остальных Потрошителей…

Но их тут не было.

Зато в самом центре огромного холла, сверкающего золотом и серебром, из пола торчало нечто мерзкое и чужеродное. Внешне «нечто» напоминало побег какого-то искореженного жестокой болезнью растения: черный, лоснящийся ствол, на котором то и

дело вспухали алые и желтоватые сосуды. В основании ствола буквально на глазах расползалась черная же лужа… нет, скорее, плотная частая паутина с тонкими жгутами-щупальцами, настырно исследующими окружающее пространство. От ствола во все стороны тянулись ветви, истекающие какой-то вязкой дрянью. Ветви исчезали в стенах и потолке, прогибались под собственной тяжестью, будто обожравшиеся до отвала змеи.

— Что за хрень? — спросил Кулгард, поудобнее перехватив топор, будто намеревался срубить странное «дерево».

— Лучше не трогай, — остановил его Крэйл. — Слышишь?

Откуда-то справа явно приближалась волна шума, в которой отчетливо слышались яростные крики, глухие вопли и звон металла. Зал, почти пустующий минуту назад, быстро наполнялся вооруженными эльхами. Крэйл было ухватил пробегающего мимо эрэлима за плечо, намереваясь выспросить о происходящем, когда в правой части зала над мраморной лестницей распахнулись двери, и оттуда вырвался целый поток бьющихся насмерть светлокровных и исчадий Хаоса. Причем последние перли, не заботясь о сохранении собственной жизни. Клыкастые, рогатые, крылатые — они надвигались густым валом, попросту поглощая собой обороняющихся.

Крэйл с Кулгардом переглянулись и бросились в схватку. Наконец-то шанатар мог выместить на ком-то всю свою злость. Его клинки взлетели и почти исчезли из виду, зато в воздухе появился тонкий кровавый росчерк от рассеченного надвое монстра. Но твари продолжали наступать, будто со спины их нагоняло нечто еще более страшное, чем опасность смерти. На какое-то время Крэйл и Кулгард остались вдвоем — приливная волна тварей отбросила эльхов. Стоя спиной к спине, Потрошители продолжали делать то, что умели лучше всего, — убивать. Они не отступили, когда среди созданий Хаоса появился тлеющий и на удивление крупный абалис. Распространяя вокруг себя почти нестерпимый жар, тварь шла медленно и уверенно. Ее сторонились, на нее рычали и скалились, но не рисковали подойти близко, огибали, точно живой каменный остров, который вот-вот извергнет из себя поток смертоносной магмы.

Абалис атаковал без подготовки. Прыгнул с места, разбрызгивая вокруг капли жидкого пламени. Потрошители рванулись в противоположные стороны — через головы противников, по спинам и мертвым телам. За спиной ухнуло, зашипело. Крэйл насквозь пронзил подвернувшегося под руку не-мертвого, заслонился им, будто щитом. Там, куда приземлился абалис, поднялся раскаленный фонтан. Вой боли и ярости был ему ответом. Порождения Хаоса готовы были затоптать собратьев, лишь бы оказаться подальше от ходячего вулкана. И именно это желание послужило причиной тому, что вокруг абалиса в несколько мгновений образовалась своеобразная зона отчуждения, отчасти заваленная трупами порождений, отчасти залитая алеющей магмой — достаточно места для маневра.

Отбросив не-мертвого, Крэйл побежал по дуге, уводя за собой внимание абалиса. Кулгард же, пинком ноги запустив далеко в зал только что отсеченную голову настырного порождения, что-то глухо прорычал. И тут же рядом с ним сгустился воздух, заклубился чернильным зловонным дымом, из которого шагнула бронированная нога, отдаленно напоминающая крабью клешню.

«Наконец-то…»

Абалис атаковал снова. Яростно, продолжительно, пытаясь добраться до противника лапами и клыками. Крэйл просто выжидал, маневрируя и уворачиваясь, а когда тварь непозволительно надолго припала на передние лапы, прыгнул. Оба красных клинка сверху

вниз вошли в область затылка, в ту самую единственную уязвимую точку, которая позволяла разделаться с абалисом одним махом. Тварь взревела, дернулась на дыбы, но шанатар уже слетел с его спины, перекатился и снова оказался на ногах. Порождение Хаоса протяжно взвыло, а потом его голова треснула и раскололась.

Схватка с порождениями Хаоса вспыхнула с новой силой, но на этот раз маятник качнулся в противоположную сторону. Эльхи, получив подкрепление в лице старшекурсников, смяли сопротивление тварей в считанные минуты. Не последнюю роль в контратаке сыграл и фэлфаэр Кулгарда: создание с почти человеческим торсом, сидящим на трех крабьих ногах.

— Почему так долго? — спросил Крэйл, кивнув в сторону фэлфаэра.

Эльхи трехметрового монстра сторонились, да и тот отвечал им полным ненависти взглядом.

— Эльхайм был запечатан. Не дозваться.

— Был?

Кулгард пожал плечами.

— Похоже, часть печатей сдохла. Оставшиеся его жгут, но не убивают.

Крэйл достал телефон, набрал номер Марори.

«На данный момент абонент не может…» — спустя какой-то время послышалось в динамике.

— Она может за себя постоять, — поддержал его Кулгард, хлопнул по плечу стальной рукой. — Она крепкая девочка.

— Я знаю.

«Хочу в это верить».

— Благодарю за помощь… — к ним подошел рослый небеснорожденный со сверкающим нимбом над головой. Его идеальное лицо с четко обрисованными скулами портил свежий, все еще кровоточащий порез через всю щеку. В руке он держал пламенеющий меч. — Полагаю, Потрошители?

— Да, — кивнул Крэйл.

— Ваши попали в засаду этажом выше. Мы пытались прорваться к ним, но безрезультатно. А потом нас и вовсе оттеснили. Я соберу людей — и повторим попытку. Вы с нами?

— Конечно!

Минут через пять небольшой отряд из десятка небеснорожденных четвертого и пятого Кругов, двоих проклятокровных и фэлфаэра направлялись на второй этаж главного корпуса.

— Что это? — спросил Крэйл, указывая на торчащую из стены лоснящуюся «ветвь», под которой уже образовалась приличная склизкая лужа.

— Не знаю, — мотнул головой небеснорожденный. — Оно начало расти, кажется, сразу везде. И быстро. Как в сказке про волшебные бобы, — он невесело усмехнулся. — Расползлось по всему Эльхайму, опутало, как будто сетью. Огня не боится, рубить его бесполезно — моментально регенерирует. А если тронешь — получишь химический ожог. Все равно что в кислоту руку сунуть.

— И? Вы что-то планируете с ним делать?

Небеснорожденный смерил шанатара тяжелым взглядом.

— Мы планируем спасти всех, кого сможем…

Он хотел сказать еще что-то, но смолчал.

— Вы же не оставите Эльхайм? — будто прочитав мысли Крэйла, вступил в разговор Кулгард.

— Тебя так заботит его сохранность? — Небеснорожденный не скрыл удивления.

— Я бы предпочел собственноручно начистить вам рожи. Слишком нечестно оставлять это удовольствие тварям из Хаоса.

— И на том спасибо… Кстати, меня зовут Ираэль.

Второй этаж походил на искривленную, искаженную реальность — какую-то оборотную сторону Эльхайма. Всюду виднелись следы недавней схватки: трупы порождений Хаоса, изломанная мебель, выбитые двери, грязь и мусор… а еще здесь было много крови. Очень много. Создавалось ощущение, будто стены и пол поливали ею намеренно. Не было одного — трупов небеснорожденных. Зато то тут, то там по полу пролегли широкие полосы, будто здесь кого-то тащили.

В воздухе пахло чем-то горьким и едким. Вздохнешь поглубже — и в горле застревает кашель.

Шли медленно, заглядывая в каждый кабинет, в каждую аудиторию. Ни звука, ни движения. Странно, что за всеми перипетиями лампы под потолком все еще светили — тусклым болезненным светом, но светили.

Несколько раз Крэйлу казалось, что в затененном углу очередного кабинета что-то двигается. Но стоило моргнуть, всмотреться — и движение исчезало.

— Где трупы? — спросил Кулгард.

— Мы не успели забрать тела… — ответил Ираэль.

Выжидающую тишину нарушил далекий крик.

Послышалось или нет? За всей этой чертовщиной уже и не поймешь.

Бойцы напряглись, вслушиваясь, но не остановились.

Крик повторился. Долгий и протяжный, отчаянный, будто звучал из самого Хаоса.

Ираэль первым перешел на бег. Они больше не проверяли кабинеты, устремившись туда, откуда доносился… уже не крик — вопль.

— Это в демонстрационном зале! — почти выплюнул небеснорожденный.

Как ни странно, но двери в зал оказались не заперты. Ираэль, видимо, ожидавший сопротивления, ворвался в них, точно таран. Двери распахнулись, с силой ударились о стены.

Источник крика располагался у самой сцены, в кругу из разбросанных кресел. Там, извиваясь и корчась в судорожных конвульсиях, росло очередное «дерево», вот только ветви его, превратившись в тонкие жгуты, не уходили в стену и потолок, а спускались густой махрой почти до самого пола, где плотно опутывали человека. Тот, окровавленный, с опущенной головой, стоял на коленях и уже не кричал, а лишь еле слышно стонал. Рядом с ним медленно и даже вальяжно прохаживалась… почти точная копия Марори — абсолютно голая, разве что измазана в какой-то полупрозрачной слизи, лысая и с огромными язвами, покрывающими большую часть тела.

Крэйл сглотнул, ощерился.

Он знал ее… вернее, знал о такой, как она, со слов Мар. Они встретились там, у сошедшего с путей поезда, — с тварью, которая стремилась завладеть тамакатой. И вот она снова вывалилась из Хаоса. Только не похоже, что в поисках чего-либо.

— Отойди от него! — взревел Ираэль.

Создание Хаоса обернулось, по ее лицу скользнул страх, глаза стрельнули из стороны в

сторону, будто тварь искала путь к отступлению. Но Крэйл успел заметить, как быстро страх сменился самодовольной ухмылкой. Осознание этого кольнуло ощущением нависшей опасности как раз тогда, когда двери за спиной с гулким грохотом захлопнулись, а по их поверхности зазмеились тонкие отростки, покрывая ее сплошной частой сетью.

Человек под «деревом» дернулся, удерживающие его жгуты натянулись и подняли его над полом. Они не просто оплетали его, они проникли в него, пробились под кожу, где теперь судорожно сжимались. Изо рта, носа и ушей несчастного брызнула кровь. Он попытался закричать, но с губ сорвался лишь глухой всхлип.

Крэйл успел перехватить взгляд Ираэля — полный боли и ненависти. А потом небеснорожденные бросились на помощь собрату. Широким полукругом, перепрыгивая через поломанную мебель, они неслись к проклятой твари, что стояла, опустив руки и наблюдая за их приближением.

— Подожди… — остановил Кулгарда Крэйл.

Кто-то бы назвал их ожидание трусостью, но шанатару было плевать на то, кто и что о нем подумает. Слишком безропотно тварь отдавалась противнику, слишком сильно все происходящее походило на новую западню.

Небеснорожденные почти добрались до создания из Хаоса, когда жгуты, удерживающие человека в воздухе, метнулись в разные стороны. С хрустом и треском рвущейся плоти несчастный обратился в ничто, в набор отдельных фрагментов, которые, отброшенные прочь, разлетелись по всему залу. Потоком брызнула кровь.

Кто-то из небеснорожденных выпустил в тварь россыпь золотистых бликов. Еще кто-то вызвал у нее под ногами вспышку слепящего белого пламени.

И только теперь та, что была похожа на Марори, бросилась в сторону. Но прежде успела вскинуть перед собой руку, резко сжать пальцы в кулак. Небеснорожденные полетели на пол, точно подкошенные, будто враз лишились всех костей. А она, объятая огнем, визжала и каталась рядом.

— Пора! — бросил Крэйл.

Он понятия не имел, что сделало порождение Хаоса — то ли остановило для нападающих время, то ли просто парализовало их. Разбираться в тонкостях ее способностей не было ни малейшего желания. Шанатар шел убить и не дать раскрыться в полной мере.

— Один раз я уже сделал это, — прошипел он вполголоса.

Его прыжок был резким и высоким. С разбегу взвившись почти под самый потолок, он камнем рухнул на псевдо-Марори. Но та успела отпрянуть. Обожженная и дымящаяся, она, тем не менее, не выглядела сломленной.

Выброшенная рука перед собой.

Крэйл почувствовал, как внутри все сжимается и застывает, как воздух леденеет в легких, а мир стремительно погружается в темноту. Но рефлексы сделали все за него. Шаг, взмах мечом. Будто в полудреме, он видел, как медленно, непозволительно медленно сталь рассекает воздух, продирается сквозь него, будто сквозь вязкую клейкую субстанцию. Видел, как дергается в попытке увернуться порождение Хаоса. Видел тот момент, когда клинок отыскал цель. Кисть с искривленными пальцами взмыла в воздух, за ней протянулась россыпь капель крови.

Крэйл упал на одно колено.

Порождение Хаоса отступило на шаг, обхватило здоровой рукой культю. А потом ее просто снесло. Огромный топор врезался ей в спину и отбросил под «дерево», под самые

свисающие жгуты.

— Совсем старый стал, — послышался голос Кулгарда. — С девчонкой справиться не можешь. Давай я тебя на пилатес запишу, в группу, кому за сотню перевалило. А то поранишься еще в качалке.

Он протянул шанатару руку. Тот поднялся. Силы возвращались, но перед глазами все еще плыло.

— И не говори — годы берут свое.

— Я не понял… — Кулгард нахмурился, посмотрел куда-то вверх. Крэйл поднял взгляд. Тонкие жгуты-щупальца, которые на части разодрали небеснорожденного, опутали тело псевдо-Марори и подняли ее высоко над залом. Но что самое поганое — страшная рана, нанесенная ей топором Кулгарда, затягивалась буквально на глазах.

— Кажется, сейчас нам снова вставят, — прохрипел Крэйл.

— Согласен, надо приводить их в сознание и валить, — на ходу бросил Кулгард, направляясь ко все еще неподвижным небеснорожденным.

Он едва успел склониться к ближайшему, когда Крэйл ошарашил его громким окриком:

— Назад!

Кулгард отпрянул, почти отскочил — и вовремя: его едва задел, но не успел ухватить очередной жгут. Такие же тянулись к обездвиженным телам, оплетали их, подтягивали вверх.

— Руби их! — заорал шанатар и бросил напарнику один меч. Глупо сейчас лезть за топором в самую шевелящуюся гущу.

Какое там руби…

Жгутов-щупалец было так много, а действовали они столь слаженно и четко, что даже малейшая оплошность со стороны двух проклятокровных, пытающихся хоть немного проредить их число, тут же приводила к неминуемому тугому плену, из которого лишь с огромным трудом удавалось вырваться. Куда удачнее действовал фэлфаэр Кулгарда. Бронированная помесь человека и краба орудовала одними лишь руками, увенчанными длинными зазубренными когтями, но делала куда больше, чем оба проклятокровных.

— Я разорву вас на куски… — послышалось сверху громкое шипение. И тут же за сценой раздался треск чего-то ломающегося, рев. Кто-то очень рвался в зал. И этот кто-то явно спешил на зов недобитого порождения Хаоса.

Крэйл отодрал от себя щупальце, уже было обхватившее его за горло, отступил, выискивая взглядом нового противника. В стороне сверху что-то грохнулось, прямо под ноги фэлфаэра. Тот небрежно отбросил неподвижное тело за себя, в центр зала — небеснорожденный, уже пришедший в себя, но еще слабый.

А ведь эта дрянь его боится… жгуты-щупальца не только не пытались добраться до фэлфаэра, но, напротив, подергиваясь, точно в агонии, отступали. И монстр этим отлично пользовался, кромсая и терзая их, все ближе подбираясь к плененным людям.

Второй небеснорожденный полетел на пол. Но рассмотреть его у Крэйла уже не было времени. Те, кто торопился на зов псевдо-Марори, вынырнули из-за сцены. Точнее, вырвались из-за нее, разнося в щепы все вокруг — с десяток тварей, свитых из студенистых белых нитей, разъяренных и жаждущих крови. С такими встретилась Мар, с такими теперь приходилось сражаться Крэйлу и Кулгарду. Но не просто сражаться, а пытаться не допустить их к небеснорожденным на полу.

Продержаться, хотя бы немного. Потом будет проще.

А пока приходилось быть одновременно в нескольких местах. Метаться из стороны в сторону, уворачиваться, колоть, рубить, отводить и принимать на себя удары. И все равно они не успевали. Их теснили яростным напором и жизнестойкостью. И сразу набрасывались на тех небеснорожденных, до кого могли дотянуться, разрывали их и тут же заглатывали еще трепещущую кровоточащую плоть.

В полумраке зала что-то сверкнуло. Яркий росчерк вонзился аккуратно в затылок студенистой твари. Та взвыла, поднялась на дыбы, обернулась, но лишь затем, чтобы второй росчерк угодил ей в глаз. Крэйл поднырнул под создание Хаоса, глубоко вонзил в брюхо меч, рванул его сверху вниз. Вонючие, дымящиеся внутренности едва не накрыли его с головой.

А из-за сцены, следуя проторенной тропой, проделанной созданиями Хаоса, бежали остальные Потрошители и несколько небеснорожденных. Плетение вспыхнуло в руках мастеров, окутало зал мерцающей дымкой, в которой яркими вспышками родились призрачные клинки. Крэйл, даже отбивающийся сразу от двоих монстров, не сумел сдержать улыбки: и кто кого спасать пришел?

Дальнейшая схватка превратилась в кровожадную бойню. Порождения Хаоса не желали, да и не умели отступать. Они бились тем яростнее, чем меньше их становилось, но противостоять слаженным действиям двух академий оказались не в состоянии. Вот только последнее слово осталось все равно за псевдо-Марори. Зависнув высоко над полом, она завизжала так, что разом полопались все люстры, осыпавшись мельчайшими осколками. Некоторые закрывали ладонями уши и падали на колени, не в силах терпеть острую боль, некоторые отступали, пятились, будто несколько шагов могли что-то изменить, но их ноги тоже подгибались.

А потом жгуты-щупальца, что все это время оставались гибкими и подвижными, распрямились и вытянулись, выстрелили в стороны, превратившись в длинные тонкие копья. Эффект был страшным. Студенты Эльхайма и Дра'Мора в одно мгновение оказались в подобии густой паутины, вот только ее нити не обволакивали и не вились где-то рядом, а пронзали насквозь, нанизывали жертв на себя, точно бабочек.

Все то время, что тянулся вопль псевдо-Марори, Крэйл медленно, но настырно шел к «дереву». По шагу, по сантиметру, пробиваясь сквозь боль и бессилие, охватившее тело. Порождение Хаоса, даже не касаясь, вытягивало из него силы, при этом оставалось висеть в далекой бесконечности. Но он все равно шел. Даже когда вопль стих — и резким щелчком разлетелись вмиг одеревеневшие жгуты. Шел, когда левое бедро и правое плечо пронзило острое жжение, моментально начавшее расползаться по телу. Шел, нанизывая себя все сильнее — сталь меча оказалась бессильной против проклятых щупалец.

Кто-то из небеснорожденных попытался применить Плетение, но любые его проявления попросту разбивались о невидимый барьер, окруживший псевдо-Марори. А та широко раскинула руки, будто собиралась с силами для нового удара. И шанатар знал, что не выдержит нового вопля. Он и так отдал почти все силы, чтобы устоять в первый раз. И именно потому не сдавался.

В тусклом полумраке, едва разбавляемом остатками умирающего Плетения небеснорожденных, что-то вспыхнуло. Эашу — он стоял на коленях, почти висел на жгутах-щупальцах, пробитый в нескольких местах, и готовился стрелять. В его руках золотым пламенем пылал почти прозрачный лук, точно стеклянный. Инкуб замер, спустил тетиву, лук вывалился из ослабевших пальцев, упал на пол, где почти тут же погас. Но золотистый росчерк ударил точно в грудь псевдо-Марори. Та вскрикнула, дернулась. Натяжение щупалец

ослабло. Крэйл в очередной раз рубанул по ним — рассек. Бросился к «дереву», туда, где до сих пор валялся топор Кулгарда. Подхватив тяжелое оружие, размахнулся и, что было сил, метнул его вверх. Он почти не целился, но отчего-то знал, что не промахнется.

Топор ударил порождение Хаоса под ребра и разворотил тщедушное тело почти надвое. Жгуты-щупальца тут же обвисли. Пара огненных языков протянулась к дергающемуся в агонии порождению, обняла его, вгрызлась в тело. Больше не было никакой защиты, никакого шанса спастись. Псевдо-Марори вскрикнула в последний раз и затихла, чтобы облететь на пол черным пеплом.

Зал покидали медленно, унося с собой раненых и мертвых. Им никто не мешал, никто не встал на пути. Спасательная вылазка обернулась большой кровью. Ираэль, чье залитое кровью лицо больше походило на маску мертвеца, плелся последним, и Крэйл всерьез опасался, как бы небеснорожденный идиот не выкинул какую-нибудь глупость. Он был последним, кого фэлфаэр Кулгарда успел вырвать из пут «дерева» перед тем, как псевдо-Марори нанесла последний удар. Остальных плененных небеснорожденных попросту раздавило, разрезало на части стремительно развернувшимися жгутами-щупальцами.

— Откуда вы взялись? — спросил Крэйл Эашу.

Инкуб выглядел крайне паршиво и шел лишь благодаря помощи Кулгарда.

— Постеснялись нарушить ваше веселье, — усмехнулся тот. — Знаешь, если Мар когда-нибудь обретет силы своих копий, я бы на твоем месте трижды подумал, прежде чем хотя бы взглядом ее обидеть. Сотрет в порошок. Эта зараза появилась из ниоткуда и первым делом обездвижила всех нас. Одним взмахом руки — раз, и мы, Потрошители, валяемся кусками гов… без сил. Ну, и светлые тоже. А потом она содрала с себя… болячки или нарывы, что это было? Те ожили и расползлись по трупам. Честно, я чуть штаны не обмочил, думал и живых поимеют. Но нет, почему-то только мертвяков пользовали. Залезет такая дрянь на мертвяка, корни в него запустит — и пошел процесс. А в итоге тварь получается… ну, ты видел. Нас за сцену оттащили и уже по одному сюда волокли. Даже знать не хочу, что она с ними делала, но крик стоял такой, будто их заживо жрут. Ну а потом вроде драка какая-то — и оцепенение исчезло.

— А лук откуда?

Эашу усмехнулся.

— Подарок местных цыпочек.

Пол под ногами вздрогнул, а потом где-то в глубине комплекса послышался раскатистый треск. Шум ширился, расходился волнами, пульсировал. И каждая новая волна становилась еще сильнее, еще громче, а толчки под ногами отчетливее. Настолько, что вскоре устоять на ногах стало почти невозможно. По стенам и потолку побежали трещины. Особенно глубокими они были возле таинственных «ветвей», которые сжимались и раздувались, дергались, напрягались и опадали. За то время, пока дра'морцы и эльхи сражались с псевдо-Марори, внутренние помещения учебного комплекса превратились в настоящие заросли — и они, истекающие черной гадостью, в буквальном смысле разрывали Эльхайм на части.

Они бежали, помогая и поддерживая друг друга. Но события развивались слишком быстро. Судя по грохоту, верхние этажи начали складываться подобно карточному домику. Невероятно — Эльхайм, цитадель и оплот света, поддавалась напору Хаоса.

Что-то грохнулось этажом выше. Пол перед беглецами рассекла глубокая трещина, стены по ту ее сторону вспучились и взорвались каменной шрапнелью.

— Мертвых надо оставить! — прокричал Крэйл.

— Нет! — опалил его гневным взглядом Ираэль. — Может, и раненых тоже?

— Раненых мы вытащим. Но мертвецы слишком задерживают. Нам не успеть.

— Я успею. Я и так…

Шанатар схватил небеснорожденного за грудки, встряхнул, припечатал спиной к стене.

— Мы все попали в ту ловушку, только идиот будет винить одного себя. Их, — он кивнул на бездыханное тело какого-то эльха, — уже не спасти. Остальных — можно. Или сдохнем все.

Потолок резко просел, на головы посыпалась мелкая пыль.

— Вина лежит на мне. Я был ослеплен ненавистью.

— Останешься здесь — поквитаться уже не сможешь. И живых подведешь.

— Хорошо… — наконец, проговорил Ираэль — медленно, будто слова причиняют ему невыносимую боль.

Уходить пришлось через первый этаж, прыгать прямо в щель в полу. Все вокруг ходило ходуном, рушилось. Кто-то падал, его рывком поднимали на ноги. Кто-то замедлял шаг, теряя силы, его подхватывали, тянули дальше.

Из плотной пыльной завесы они выскочили на улицу, к безумию и к смерти. Сражение шло и тут. Ожесточенное, яростное, до последнего вздоха. Порождения Хаоса атаковали отступающих студентов, а те отвечали всем, на что были способны. Звон стали, крики, рев, стон раздираемой Материи и грохот взрывов накрыл все пространство перед Эльхаймом. От аккуратного сада, взращенного многими поколениями студентов, осталось лишь выжженное воспоминание, усеянное трупами созданий Хаоса и эльхов.

В нескольких местах, за линией столкновения, Крэйл заметил группы студентов, явно пытающихся открыть порталы. Два перехода вроде бы удалось наладить, еще один то возникал, то снова исчезал.

— Они уходят?! — не поверил шанатар.

— Думаю, эвакуируют раненых, — ответил Ираэль. — Хотя… Эльхайм был опечатан. Очень много печатей. Большая их часть наверняка сорвана, но некоторые еще работают, блокируя проявления Плетения, а порталы требуют тонкой настройки.

Крэйл достал чудом не разбившийся телефон, набрал номер Марори. Та снова не отвечала.

За спиной грохотало так, точно с невидимой горы неслась каменная лавина.

— Будем пробиваться! — Крэйл крутанул в руках мечи. Топор он вернул Кулгарду.

Они встали кругом, в центр которого поместили раненых товарищей.

Рядом с шанатаром встал Ираэль. Его меч пылал так, что обжигал жаром.

И они прошли, как нож сквозь масло. Не без потерь, не без собственной пролитой крови. Но прошли. А потом еще держались в строю обороняющихся, сдерживая натиск тварей Хаоса.

Крэйл старался всецело отдаться убийственному процессу и не смотреть на стены и башни Эльхайма, которые исчезали друг за другом в клубах пыли. Тут и там на развалинах появился огонь. Пламя, увенчанное черным дымом, быстро расползлось, нисколько не брезгуя каменным угощением.

Успела ли спастись Марори?

Вопрос гулким эхом отдавался в висках, не давая покоя.

А если не успела? И он теряет время здесь, когда нужен совсем в другом месте?

И Крэйл рубил, вкладывая в удары всю ярость, которая бушевала в груди.

Несколько раз Потрошители в сопровождении эльхов делали короткие стремительные вылазки обратно к стенам корпусов. То тут, то там все еще выскакивали группы студентов — им требовалась поддержка, которую им старались оказать, как можно скорее.

Но натиск ослаб.

Потрошители смогли отойти вглубь обороны, отдохнуть. Но использовали передышку с одной целью — узнать, не видел ли кто Марори.

Возле одного из порталов Крэйл наткнулся на здоровенного киборга. Тот обернулся. Их взгляды пересеклись — мгновение немого осознания, кто перед тобой.

— Сожалею, я не видел ее, — покачала головой Ти'аль.

Шанатар выдохнул сквозь стиснутые зубы, уже было хотел уйти, но задержался.

— Куда вы их отправляете?

Возле портала, удерживаемого почти десятком эльхов, постепенно собиралась группа из тяжелораненых.

— Подальше отсюда. Им нужна медицинская помощь. У нас есть несколько баз…

— Дра'Мор.

— Что?

— Отправляйте их в Дра'Мор. Поверь, у нас тоже есть лекари. Пусть их методы отличаются от ваших, но главное ведь результат. Так?

Ти'аль явно сомневался.

— Кроме того, я не думаю, что эта атака будет последней. Началась война. Это сражение осталось за Хаосом. Ни мы, ни вы не были к нему готовы. В следующий раз все будет иначе. Я не знаю, что думают по этому поводу ответственные задницы, но мне кажется… пришло время объединиться. Уверен, у нас будет много проблем. Но решать их придется в любом случае. И лучше начать это делать раньше.

— Ты удивляешь меня, шанатар.

— Забочусь о Дра'Море. Думаю, вы поможете нам его отстоять, а потом мы вас выгоним.

— Я так и знал, — усмехнулся Ти'аль. — Хорошо. Твои слова кажутся мне разумными и…

Он не успел закончить.

Полыхнуло так ярко, что на миг Крэйлу показалось — он ослеп.

А вслед за заревом разнесся рев. Бесконечно долгий рев рвущегося на куски Эльхайма. Казалось, в него затолкали само солнце, которое теперь отчаянно искало выход наружу.

Секунда, другая, третья… Эльхайм разваливался, разлетался на куски и дым, словно состоял не из вековых глыб, а был мягче и тоньше папиросной бумаги. Столб света и огня полыхнул в самое небо, умножая испуганный многоголосый крик тех немногих эльхов и дра'морцев, которым удалось спастись.

— Кусака… — Крэйл не услышал собственных слов, знал лишь, что голос предал его.

Прошло несколько секунд, прежде чем в глазах Крэйла перестали множиться алые пятна.

Две тени дернулись прочь от горящего Эльхайма. Вот одна из них споткнулась, задержалась. Вторая подхватила ее, подняла на ноги, толкнула вперед себя, вынуждая быстрее шевелить ногами. Крэйл яростно рванулся навстречу.

Крик радости заледенел на губах, когда они — эльх и его спутница — поравнялись с

ним.

Что, еще одна Марори, которая не Марори? Это сходство именно сейчас казалось таким отвратительным, что пальцы едва ли не до боли сжались на рукоятях клинков.

— Спокойно, шанатар, — грубо остановил его небеснорожденный спутник девушки. — Мы тебе не враги.

— Тринадцатая осталась там! — Его рогатая спутница выскочила вперед, ухватила Крэйла за рукав, как будто ей и дела не было до грозного оружия, которое он мог запросто пустить в ход. — Это она… Иначе мы бы не смогли…

Голос предал ее. Словно сквозь туман, Крэйл видел, как небеснорожденный обхватил отнюдь не «светлую» копию Марори, твердой рукой заставил девчонку уткнуться ему в плечо. Крэйл шарахнулся от них, словно от чумы. Не смотреть, не видеть, не слышать. Проклятье, они что, нарочно?!

— Цыпочка не с вами? — Эашу был тут как тут. Приковылял, перебинтованный, подобно мумии. После короткого пересказа о том, как все трое прорывались наружу и как Марори осталась, чтобы дать им время сбежать, инкуб грязно выругался. — Но она же ушла?! Вы же не сбежали без нее?!

— Заткнись, — пробасил подоспевший Кулгард. — Просто заткнись.

— Я их убью!

Крэйл отодвинулся, медленно, словно сомнамбула, побрел прямо туда, где бушевало пламя. Ноги стали слишком тяжелыми, но он продолжал идти. Шаг, еще шаг.

— Марори, выходи оттуда, — приказал он, хоть и знал, что она не может его слышать. — Ради всех Темных, Кусака, выходи.

Он сглотнул, зажмурился.

Это просто какой-то дурацкий сон. Это не может быть реальностью. Невозможно, чтобы все случилось вот так. Не с ним и не с ней. Не с ними. Он обещал ей испепелить мир, если потребуется, а вместо этого она испепелила всех тех, от кого он поклялся ее защищать.

Жар от огня выдохнул в лицо, обжигая. Крэйл почти не почувствовал боли, просто поморщился. Зачем-то оглянулся, когда Кулгард и Ниваль закричали вдогонку предупреждения не делать глупостей. Да какие, к Темным, глупости? Самую большую он уже сделал, и не одну. Нужно было взять ее за руку, приковать к себе наручниками и не отпускать ни на шаг. Не строить сомнительные планы, ни на секунду не забывать, что с ней вечно что-то случается. Не валять дурака, думая, будто в этот раз все должно пойти по задуманному.

— Марори Шаэдис! — громко, самым сердцем прорычал он. — Немедленно выходи оттуда, иначе я иду за тобой.

Словно в издевку, из недр Эльхайма донесся новый рев, жестокий поток стекла и камня окатил шанатара с ног до головы. Он не стал прикрываться, лишь поморщился от зудящей боли в плече. Отбросил мечи, нащупал вонзившийся в самую плоть стеклянный клин. Боль отрезвляла. Крэйл выдернул «занозу» без сожаления, посмотрел на окровавленный осколок: в красных разводах его собственное окровавленное перекошенное лицо не вызывало ничего, кроме отвращения.

Он пойдет за своей Кусакой. Найдет ее или сгорит к такой-то матери. И так уже задержался.

В голове, наконец, прояснилось. Слабость улетучилась, ноги сами понесли вперед. С шага на бег. Не останавливаться, не медлить. Он понятия не имел, как будет искать ее, но

знал, что найдет.

А потом он увидел… и сам не понял, что. Полутень, какой-то призрачный намек на то, что оттуда, из вакханалии огня, она, его Кусака, идет ему навстречу. Вот уже обозначился знакомый силуэт, позади которого мерно, будто ничего не случилось, вышагивает здоровенная туша Сатиса.

Марори шла — нет, скользила по стелющемуся под ногами пламени. Босая, полыхающая, словно зажженная от самого Хаоса искра. То немногое, что осталось от ее платья, продолжало тлеть прямо на теле, но ее это совсем не беспокоило. Она, как Феникс, вышла из огненной купели, то ли переродившись, то ли очистившись. И она шла прямо на него, что-то беззвучно говоря одними только губами.

Он рванулся к ней, обхватил так сильно, как только мог, наплевав на то, что ее огонь яростно лизнул его плечи, вцепился в плоть. Все равно, сгореть — так уж рядом с ней, зная, что она в порядке. Хотя, ну уж нет — не теперь. Он не выпустит ее и никому не отдаст.

— Я — Хаос, — глухим отрешенным голосом сказал она.

Крэйл на мгновение отстранился, заглянул Марори в лицо.

Ее глаза полыхали неистовым огнем.

— Я — Хаос, — повторила уже почти неслышно. — Я — Месть.

И мягко, словно сломленный цветок, упала ему на руки.

Глава двадцатая

Пробуждение было как никогда сладким.

Марори не сразу почувствовала, как тонкая грань между реальностью и миром грез источилась, впуская в сознание действительность.

Она моргнула, потерла глаза, разгоняя дремоту.

Осмотрелась.

Кровать, на (это в постели оказываются, а с кроватью только на) которой она оказалась, была просто огромной. Не постель, а целый частный аэродром. Мягкий и достаточно упругий, чтобы ей не хотелось выбираться из его уютного плена.

Марори приподнялась на локтях, охнула, когда одеяло поползло вниз, обнажая ничем не прикрытое тело. Она инстинктивно ухватилась за края покрывала, рванула его вверх, прикрываясь. Потом, убедившись, что в комнате больше никого нет, заглянула под одеяло и от души раскраснелась. Так и есть, голая, как новорожденный младенец. Белья — и того нет.

Одновременно с этим открытием в голове всколыхнулись воспоминания. Разрывы, бесконечное множество тварей из Хаоса, ее собственные обезличенные «болванки», Тринадцатая.

И взрыв. Перед мысленным взором одна за другой прокатывались волны огня, в котором она искупалась, словно младенец. Где-то на задворках сознания появилась мысль о том, она и есть тот огонь.

Марори села, помассировала виски. Внезапная слабость окатила ее с ног до головы, просочилась в мышцы и кости, мягкой поволокой затуманила взгляд. Пришлось дать себе время, чтобы привыкнуть к новым ощущениям и отыскать в теле силы подняться.

Громко шлепая босыми ногами по мраморному полу, Марори добралась до занавешенного окна. Одной рукой придерживая полы одеяла — ее единственной «одежды» — другой потянула за край тяжелой портьеры. В прорезь хлынул яркий солнечный свет. Она зажмурилась, давая глаза привыкнуть к новому дню, а потом с удовольствием осмотрела открывшийся взору пейзаж.

Она уже видела это: огненная пропасть, пышущая жаром вулканов и на все голоса рокочущая бесконечными провалами. И над всем этим — безмятежный снег и яркое, умытое надеждой солнце.

Марори простояла так несколько минут, пока не поняла, что пятки начинают леденеть. Переминаясь с ноги на ногу, она повернулась, осмотрела комнату. Разбросанные тут и там мужские вещи, на тумбочке около кровати — телефон, наушники, цепочка с парой массивных фенечек а-ля страшная и ужасная безобразная рожа. На единственном столе в углу — ноутбук, колонки и «творческий» беспорядок из каких-то бумаг. Марори подошла ближе, с любопытством заглянула в огромные колонки цифр и каких-то расчетов. Почти на каждом — приписка неопрятным размашистым почерком. Она улыбнулась, разглядывая корявый завиток заглавной буквы «Ш» в подписи.

На спинке стула висела небрежно брошенная черная футболка. Марори потянула за рукав, развернула ее «лицом» и потихоньку засмеялась откровенному: «Я горячий парень, детка». Представила, с каким выражением лица Крэйл ее носит — и ясно поняла, что это либо чей-то глуповатый подарок, либо что-то из разряда фриковой вещи, которая должна быть у каждого уважающего себя проклятокровного. Повинуясь внутреннему порыву, она

подхватила футболку, потянула ее к носу, с наслаждением вдыхая запах: ни одеколона, ни дорогого парфюма. Вещь пахла Крэйлом: его силой, его надежностью, приправленный едва уловимой ноткой свежего геля для душа. В воображении Марори живо представила, как он принимает душ, растирает кожу до красноты, дает натруженным после тренировки мышцам расслабиться под упругими горячими струями, как потом натягивает ее на голое тело, ерошит мокрые белобрысые волосы…

Не дав себе одуматься, Марори быстро отбросила одеяло, облачилась в трофейную футболку и, прищурившись, осмотрела себя в зеркале. Ну и вид: бледная, угловатая, какая-то лохматая и замученная. Футболка Крэйла была ей очень велика, хоть сам шанатар явно носил ее словно вторую кожу, учитывая весь тот безумный рельеф и массу, которые он успел нарастить за время их вынужденной разлуки. И все же футболка была до неприличия короткой: лишь на ладонь ниже ягодиц. Марори покраснела, воображая, что будет, если он прямо сейчас заявится в свою же комнату.

«Ну, наверное, он уже и так все видел, раз раздел меня».

Эта мысль заставила ее личные предохранители зашипеть под натиском стыда. Пришлось с шумом вдохнуть и выдохнуть, собрать в кулак волю, чтобы сообразить, что охранная сигила, полученная в Эльхайме, напрочь исчезла с ее тела. Словно кто-то стер ластиком все колючие орнаменты и вынул осколки кристаллов. Вот только когтистая рука никуда не делась, равно как и подаренный Крэйлом браслет поверх черной загрубевшей кожи.

И крылья. Призрачные крылья малааха, некогда белые, с редким серым опереньем, теперь словно наполнились огнем. Они медленно и алчно тлели, образуя невообразимый и в то же время ужасающий узор. Марори повертелась, любуясь новой метаморфозой. И эта «обновка» определенно ей нравилась. С некоторой опаской она пощупала клыки кончиком языка, выдохнула, когда поняла, что они никуда не делись — хорошо. Вот же, а ведь всего каких-то несколько месяцев назад она была бы рада избавиться от этой мутации и каждый день просыпалась с надеждой, что непрошеное проявление темной крови исчезнет, словно кошмарный сон.

Она еще немного потопталась перед зеркалом, а потом шагнула к шкафу, намереваясь найти там что-то подходящее. Внутри здоровенного модернового гардероба царил все тот же холостяцкий хаос: часть вещей лежала на полках, часть была развешена на вешалках, но основная масса валялась как придется. Пришлось повозиться, прежде чем удалось отыскать единственную подходящая вещь: спортивные штаны. Марори едва не тонула в них, но все же это лучше, чем расхаживать по дому с голой задницей.

Дверь в смежную ванную комнату была приоткрыта и, судя по всему, исправной из всей сантехники была только раковина. Кран с горячей водой печально «чихнул». Пришлось умываться холодной, а зубы чистить выдавленной прямо на палец зубной пастой. Немного поразмыслив, Марори пересилила себя и все же вымыла волосы и приняла холодный душ, благо, все гигиенические принадлежности Крэйла были здесь же. Было что-то невообразимо приятное в том, чтобы пользоваться теми же вещами, что и он, и смотреться в то же зеркало.

Кое-как высушив волосы полотенцем, придерживая штаны одной рукой, Марори, наконец, вышла наружу. В темном коридоре стоял какой-то гул. Прислушавшись, Марори узнала басы и гитарные аккорды любимой рок-группы. Подбодренная этим открытием, уже увереннее пошла дальше. Двери, еще двери, целые полчища дверей, за большей частью которых слышались голоса и смех. Марори насторожилась, пытаясь угадать, в честь какого

события Крэйл расщедрился позвать столько гостей. Шанатар точно не был из тех, кто любит шумные компании и затяжные всенощные гулянки, плавно перетекающие в утреннее продолжение. И все же народу в его доме было предостаточно.

Понятия не имея, куда идти, Марори шагнула вниз по широкой каменной лестнице. Судя по ее виду и отделке, лестница была установлена совсем недавно. Видимо, эту часть дома Крэйл с горем пополам успел отстроить. И все те расчеты и сметы…

Она не успела закончить мысль, потому что на нее, словно ураган, налетел… Эашу собственной персоной. Марори сдавленно пискнула, когда инкуб схватил ее в объятия, нисколько не смущаясь того, что из всей одежды на нем было всего лишь короткое полотенце, небрежно обернутое вокруг бедер.

— Цыпочка… — Марори скорее поняла, чем почувствовала, что он плотоядно улыбается куда-то ей в макушку. — Проснулась, спящая красотка. Я уже весь извелся, изо всех сил гремел, надеялся, что ты проснешься пораньше.

Марори все-таки удалось выскользнуть из его хватки и даже спуститься по лестнице, чтобы уже не бояться ненароком свалиться головой вниз. Эашу нагнал ее и там, снова обнял, прижимая к своему еще не совсем высохшему телу. Вот уж кого совершенно не беспокоил зверский холод.

— Эашу, что ты тут делаешь? — Поняв, что вывернуться из хватки этого змея не удастся, она смирилась и позволила инкубу по-свойски погладить ее по голове. — Разве это не дом… Крэйла?

— Ну да, и чего? — Эашу фыркнул, на мгновение отодвинулся и заглянул ей в глаза. Его желтые зрачки превратились в две плотоядно полыхающие ниточки. — Цыпочка, ты совсем отощала, кожа и кости. Не то, чтобы я не любил худышек, но тебя срочно нужно откормить до появления более приятных округлостей.

Он недвусмысленно скользнул рукой ей под подмышкой, опустил пальцы ниже, как бы невзначай задел линию груди.

— А ну убери от нее лапы, — прорычал за его спиной до боли знакомый раздраженный голос.

Эашу зашипел, словно кот, на которого опрокинули ушат воды. Марори потихоньку выглянула из-за его плеча — и уставилась на Марроу. Точно так же, как и инкуб, эрэлим был в одном только полотенце. Его влажные черные волосы беспорядочно торчали в стороны, на груди краснела пара свежих царапин.

Марори мысленно пожелала себе терпения. Нет, целую тонну терпения, прямо сейчас, прямым попаданием в голову.

— Слушай, засранец небеснорожденный, — с пол-оборота завелся Эашу, — ты второй раз лезешь со своими угрозами и обламываешь мне все удовольствие. Я не угробил тебя только потому, что Крэйл разрешил вам, эльхам поганым, пользоваться его гостеприимством. Понятия не имею, что на него нашло, но думаю, если я вышвырну одного эрэлима вон, он не станет переживать.

Так вот в чем дело!

Пользуясь тем, что инкуб отвлекся на перепалку, Марори отодвинулась на несколько шагов, с остервенением вцепилась в края штанов. Мысленно представила, как выглядит со стороны и потихоньку рассмеялась. Ее беззаботное хихиканье остудило спорщиков. Они на время забыли, что только что собирались начистить друг другу физиономии и уставились на нее в две пары глаз. То еще зрелище: два красивых, крепких, полуголых парня, от которых

так и растекались волны недвусмысленных импульсов. Марори сглотнула, снова попятилась в сторону единственного выхода из небольшой гостиной, в которую привела ее лестница.

— Как ты себя чувствуешь, нильфешни? — спросил Марроу.

В его голосе было столько беспокойства, что Марори даже стало неловко из-за того, что сейчас она чувствовала себя как никогда хорошо и спокойно.

— Я в порядке, спасибо. Только есть хочется, — в унисон ворчливому урчанию живота призналась она.

Инкуб и эрэлим шагнули к ней, встали по обе стороны, недвусмысленно предлагая помощь. Близость двух полуголых парней заставила ее пискнуть и рвануться на свободу. Тщетно, ни один не собирался уступать сопернику свое право «покормить» попавшую в беду «принцессу».

— Сестричка просто нарасхват, — мурлыкнул откуда-то сверху знакомый девичий голос. — Сейчас эти щеночки будут рвать друг друга на клочки.

По лестнице, в компании верного Нотхильдиса, спускалась Хель. И, в отличие от всклокоченной Марори в одежде с чужого плеча, та выглядела просто сногсшибательно в простом коротком халатике канареечного цвета. Одежка была еще более короткой, чем футболка Крэйла, но ни Седьмую, ни ее парня это нисколько не смущало. Напротив, девчонка явно гордилась своим видом и наслаждалась произведенным эффектом. Остановившись рядом с Марори, она с любопытством осмотрела лица Марроу и Эашу, прищелкнула языком. Нотхильдис встал чуть в стороне и, не стесняясь, от души зевал.

— Они, конечно, где-то даже ничего, но тот белобрысый красавец просто неотразим, — с нарочитым придыханием сообщила свое мнение Хель. Она закатила глаза, громко, как кошка, заурчала. — Такой весь рельефный, и большой… И, кажется, он в ладу со своими демонами, раз пустил под крышу своего домика вот этих двух. — Седьмая без стеснения ткнула пальцем сперва в инкуба, потом в эрэлима.

— Ты-то просто милая девочка, — проворчал Эашу. — От ваших стонов я полночи уснуть не мог.

— Завидуй молча, бедный недоласканный змеюшка, — легко и непринужденно парировала она. — Тебе-то ничего нигде не обломится. И знаешь еще что? На твоем месте, — она кивнула на Марроу, — и на твоем тоже я бы не рисковала так открыто совать свои шаловливые ручонки вот к ней, потому что один клыкастый сексуальный принц может оторвать их вам прямо с головами.

И хоть Марори считала, что Хель сильно перегнула палку со своими угрозами, на которые, мягко говоря, не имела никакого права, она едва сдерживалась, чтобы не похихикать над тем, как в унисон нахмурились эти оба.

— Пойдем, Нотхильдис, потрешь мне спинку в душе. — Она сверкнула глазами в сторону своего молчаливого и все еще зевающего спутника. — Кажется, я уже снова полна сил…

Эашу проводил парочку недовольным взглядом и с видимым облегчением выдохнул, когда та потерялась в недрах плохо освещенных закоулков огромного дома.

— Не хочешь исчезнуть, голодранец из фрэндзоны? — Он смерил Марроу брезгливым взглядом.

Эрэлим оставил его слова без внимания и уже даже рот открыл, чтобы что-то сказать Марори, но его перебило появление Кулгарда и Ти’аля. Вот уж кого вообще не беспокоили кровные разногласия. Они о чем-то так оживленно беседовали, что не сразу заметила

странную троицу. А заметив, переглянулись и, не сговариваясь, сграбастали настырных ухажеров. И Эашу, и Марроу благоразумно не стали противиться.

— Крэйл на кухне, — сказал Кулгард. Потом оценил ее вид, сокрушенно покачал головой. — И не взглянешь на тебя без страха.

— Вот и я говорю, что цыпочку нужно срочно откормить, — попытался вырваться Эашу, но Кулгард едва ли не волоком потащил его прочь.

Пользуясь тем, что путь свободен, Марори юркнула в коридор, а уже оттуда без труда пошла на запах. Не доходя до кухни каких-нибудь пару метров, она прислушалась, замедлила шаги и остаток пути прошла уже на цыпочках. Заглянула в дверной проем, боясь нарушить момент.

Крэйл стоял около плиты: в домашних потертых рваных джинсах, которые до безобразия низко сидели на его крепкой заднице.

«Они что, сговорились все что ли, ходить топлесс?» — разглядывая его широкую рельефную спину, подумала она. На лопатках Крэйла остались следы нескольких глубоких шрамов, правое плечо было перебинтовано, и, орудуя кухонными принадлежностями, шанатар пару раз чертыхнулся, когда по неосторожности сделал несколько резких движений.

Его светлые волосы были собраны в петлю на затылке, но все равно торчали во все стороны непослушными жесткими прядями. На шее болтались массивные наушники, из которых грохотало что-то агрессивное и тяжелое, в унисон чему шанатар охотно подпевал и даже изредка постукивал пятками в такт грохочущему ритму.

Марори так и осталась стоять в дверях. Повинуясь внезапной слабости, навалилась всем телом на дверной косяк. Казалось, она может простоять вот так бесконечно долго, любуясь тем, как этот белоснежный гигант занимается простыми домашними делами: обжигает пальцы о края безразмерной сковороды, помешивает ее содержимое деревянной лопаткой, от души поет, потому что решил улыбаться сегодняшнему дню во что бы то ни стало.

— Ну и долго еще ты будешь там стоять, Кусака? — Он отложил в сторону полотенце для рук, повернулся и вопросительно посмотрел на нее.

Марори не удивилась, что ее попытки прокрасться незамеченный провалились. Это же Крэйл, Мастер резни, он был бы не он, если б не слышал каждый посторонний шорох. Хотя она наивно надеялась, что хотя бы дома он дает себе передышку.

— Хотела на тебя насмотреться, — запросто ответила она, виновато улыбнулась. — Всегда пыталась представить, какой ты, когда… вот такой.

— Имеешь в виду без оружия и футболки?

— Да, примерно так.

— И как впечатления? — Он уперся руками в столешницу, нарочно став так, чтобы она могла получше его рассмотреть, каждый кусочек гладкой, покрытой множеством зарубцевавшихся и свежих шрамов кожи. — Я вот вижу, что эта дурацкая, подаренная Эашу футболка тебе явно не идет.

— Ну, не могла же я разгуливать по дому в том виде, в котором проснулась в твоей постели. — Лишь сказав это, она поняла, как недвусмысленно прозвучала фраза. И тут же пожелала просочиться куда-нибудь в темное одинокое место, чтобы там успокоиться и как-то совладать с чувствами. Наверное, и ста лет будет недостаточно, чтобы научиться спокойнее реагировать на ископаемого шанатара.

— Строго говоря, я бы с удовольствием выудил тебя из этого безобразия и вернул в свою постель, чтобы ознакомиться с пределами твоей стеснительности.

— Не издевайся, Клыкастый, я этого не вынесу, — взмолилась она.

— Ничего не могу с собой сделать: ты так сексуально краснеешь, что я готов подначивать тебя двадцать четыре часа в сутки всю оставшуюся жизнь.

Она просто шагнула к нему — и сама не поняла, как набросилась, обхватила руками за шею, обхватила ногами за талию. Прижалась изо всех тех немногих сил, которые каким-то чудом сохранились в ослабевших конечностях. Одной рукой Крэйл подхватил ее под бедра, другой взял за затылок. Сейчас она была вся в его власти — не пошевелиться, не выскользнуть.

Марори не узнала свой умоляющий стон, который сорвался с губ, когда шанатар скользнул губами по ее щеке, скуле, а оттуда на шею.

— Начинаю жалеть, что дал себе обещание сперва тебя накормить, — прорычал ей в шею.

Она была уверена, что найдет в ответ пару озорных слов, но не смогла сказать ни одного. Просто обвилась вокруг него, наслаждаясь тем, что здесь и сейчас все хорошо. Просто все хорошо, ничего не рушится и не полыхает. И никто не хочет их убить.

Много ли у них будет таких моментов?

Наверное, шанатар подумал о том же, потому что мягко, едва касаясь ее лица, заложил ей за ухо прядь мокрых волос, широко, обезоруживающе улыбнулся и чмокнул в кончик носа.

— Я ведь сейчас буду реветь, ископаемый шанатар, — запоздало предупредила она. — Нельзя быть таким идеальным.

— Принц я, в конце концов, или как? — Он показал ей язык.

— Новая штанга?

— Все, чтобы моя Кусака сходила от меня с ума, — не стал отпираться он.

Их идиллию перебили нарочитые ленивые аплодисменты. Крэйл поставил Марори на ноги, спрятал себе за спину, но она успела заметить незваного гостя. Она знала его. Знала его голос — и в настоящем, и в прошлом, где Тринадцатой пришлось выучить каждую того, кого она называла Создателем.

— Не припоминаю, чтобы звал тебя в гости, Вандрик, — спокойно, но не без злости сказал Крэйл.

— Считаешь, мне стоит спрашивать твоего разрешения, чтобы прийти в *свой* дом? — Вандрик неторопливо поднял вездесущие «авиатары» на макушку, уселся на высокий барный стул, плотоядно рассматривая сыр и бекон. Выбрав по ломтю того и другого, откусил, пожевал, а остатки бросил на край тарелки. — Ну, так и будешь стоять столбом или, может, все-таки обнимешь папочку?

— Какого… ты тут делаешь?

— Пришел напомнить, на случай, если вы, детишки, забыли, что, вообще-то, мир вот-вот превратиться в тлен.

— Предупредил? А теперь сделай одолжение — убирайся туда, где прятался все это время.

Вандрик поморщился, как будто получил незаслуженную оплеуху.

— То, что я не возился в ваших играх в «кошки-мышки», вовсе не означает, что я прятался. Просто мои интересы и противники куда более масштабны и беспощадны, чем ваши. Вот она знает. — Вандрик указал на Марори кончиком двузубой вилки, которой только что выудил что-то оранжевое из пиалы с нарезанными овощами. — Знала давно и очень предусмотрительно разыграла эту партию. Даже меня облапошила.

Марори инстинктивно скрестила пальцы с пальцами Крэйла.

— Слушай, Марори Шаэдис, что бы ни придумал этот псих, ты не станешь для меня хуже, — не оборачиваясь, сказал Крэйл.

В ответ на это Вандрик хмыкнул. Его взгляд нашел взгляд Марори, припечатал необходимостью вернуться в реальность и разрубить, наконец, этот гордиев узел.

— Крэйл, я… Эта армия в Хаосе. — До чего же тяжело проталкивать в горло каждое слово и еще тяжелее не поддаться искушению снова, как несколько месяцев назад, спрятать голову в песок и все забыть. Но она должна, иначе прошлое так и будет бегать за ней, словно свора голодных псов. — Кажется, эта армия — моя…

Больше книг на сайте - Knigolub.net